

HISTORIA
ROSSICA

HISTORIA ROSSICA

Лазарь Флейшман
В тисках
провокации
Операция
«Трест» и русская
зарубежная печать

ОПЕРАЦИЯ «ТРЕСТ» И РУССКАЯ
ЗАРУБЕЖНАЯ ПЕЧАТЬ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

HISTORIA
ROSSICA

Лазарь Флейшман

ИЗ ИСТОРИИ
ЖУРНАЛИСТИКИ
РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ

ТОМ I

Лазарь Флейшман

В ТИСКАХ
ПРОВОКАЦИИ

ОПЕРАЦИЯ «ТРЕСТ»
И РУССКАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПЕЧАТЬ

МОСКВА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2003

ББК 63.3(2)613-36 + 76.02
УДК 94(47+57)"192" + 070(091)"192"
Ф 71

Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA

Е. Анисимов, Р. Вортман, В. Живов,
А. Зорин, А. Каменский, Ю. Слезкин

Research for this book was supported in part by a grant from the International Research & Exchanges Board (IREX) with funds provided by the National Endowment for the Humanities, the United States Department of State, which administers the Title VIII Program, and the IREX Scholar Support Fund. The author also acknowledges the generous support of Alexander von Humboldt Stiftung (Germany). None of these organizations are responsible for the views expressed.

Флейшман Лазарь

Ф 71 **В ТИСКАХ ПРОВОКАЦИИ. Операция «Трест» и русская зарубежная печать.** — М.: Новое литературное обозрение, 2003. — 328 с.

Книга известного литературоведа, профессора Стэнфордского университета Лазаря Флейшмана освещает историю «Треста» — одной из самых прославленных контрразведывательных операций ГПУ (1922—1927) — с новой стороны, в контексте идейных и политических столкновений, происходивших в русском Зарубежье, на страницах русских эмигрантских газет или за кулисами эмигрантской печати. Впервые документально раскрывается степень инфильтрации чекистов во внутреннюю жизнь прессы русской диаспоры. Это позволяет автору выдвинуть новое истолкование ряда эпизодов, вызвавших в свое время сенсацию, — таких, например, как тайная поездка В. В. Шульгина в советскую Россию зимой 1925—1926 г. или разоблачение советской провокации секретным сотрудником ГПУ Опперпутом в 1927 г. Наряду с широким использованием и детальным объяснением газетных выступлений середины 1920-х годов в книге впервые приведены архивные материалы, относящиеся к работе редакций русских зарубежных газет и к деятельности великого князя Николая Николаевича и генералов П. Н. Врангеля и А. П. Кутепова.

ББК 63.3(2)613-36 + 76.02
УДК 94(47+57)"192" + 070(091)"192"

© Л. Флейшман, 2003

© «Новое литературное обозрение», 2003

ISBN 5-86793-247-8

Посвящается А. Д. и М. В. Снявским

Вступление

Вот что такое провокация. Она заводит самих провокаторов гораздо дальше, чем они сами этого хотят.

Я сделал этот вывод для себя.

В. В. Шульгин¹.

Данная работа представляет собой первый том предпринятой серии разысканий по истории журналистики русского Зарубежья межвоенного периода. В отличие от готовящихся следующих монографий, он посвящен не какому-нибудь отдельному региону или органу русской прессы, а одному эпизоду политической жизни 1920-х годов и его преломлению на газетных страницах. Речь идет о том, как деятельность «Треста» — тайной организации, якобы функционировавшей в Советском Союзе, — и, в особенности, прекращение этой деятельности в 1927 году отразились в газетной журналистике русской диаспоры.

Соединение двух таких разнородных явлений — «Трест» и эмигрантская печать — может вызвать законное недоумение. Что общего между тем, что по самой природе своей не должно было бы подлежать разглашению, — подпольное функционирование группы монархистов-заговорщиков или тайная контрразведывательная операция секретных органов Советского государства, — и жизнью ежедневной прессы русского Зарубежья в период ее наиболее интенсивного существования?

Между тем этот изученный материал свидетельствует о глубокой вовлеченности основных органов русской зарубежной печати в явную и тайную политику эмигрантского общества, а также о том, что практически все основные печатные органы Зарубежья, какова бы ни была их политическая окраска, находились под тщательным и повседневным наблюдением советских тайных служб. Было бы ошибкой на этом основании полагать, что каждый из них служил слепым орудием лубянских кукловодов и никакого самостоятельного значения поэтому иметь не может. Напротив, пестрота и разнообразие идеологического самовыражения русского Зарубежья,

¹ Дмитрий Жуков, «Ключи к “Трем столицам”», в кн.: В. В. Шульгин. *Три столицы* (Москва: Современник, 1991), с. 455.

образующие столь разительный контраст к монотонности советской партийной газетной журналистики той поры, оказывались в сложном, причудливом взаимодействии с закулисными маневрами советской агентуры. Как отметил С. Л. Войцеховский, чекисты-шпионы, не будучи, как правило, в силах плодотворно участвовать в выработке тех или иных политических и идеологических платформ, «поддакивали» с равной степенью энтузиазма каждой из них.

Наша книга не претендует на начертание истории «Треста» как таковой; главным фокусом в ней было отражение происходившего в прессе. Естественно, что по ходу рассмотрения материала отдельные факты — и попутные наблюдения, ими вызванные, — не могли не войти в наше повествование. Несмотря на появление в последнее время ряда исторических, научно-популярных и беллетристических работ, основанных на архивных документах бывшего КГБ и рисующих более разностороннюю и объективную, чем прежде, картину, в ней остается так много лакун, что до полной, всеобъемлющей публикации досье о многом приходится только гадать.

Организация «Трест» — виртуозная мистификация, объект и плод подлога и воображения, вовлекающие в драматические столкновения непримиримых врагов и оборачивающиеся страшной, кровавой реальностью. Главная тема книги — момент ликвидации «Треста», прекращения операции. Но момент этот оказался затяжным и перешел в серию попыток диверсий и террористических актов. Финальный период существования «Треста» сопровождался поистине «шекспировскими» коллизиями и ситуациями, в которых выявлялись множественные, несовместимые, «обратные» — то есть противоположные самим себе — смыслы едва ли не всех определений и утверждений.

На той, финальной, стадии существования «Треста» на первый план выступила самая, пожалуй, загадочная фигура описываемого эпизода — Эдуард (Александр) Опперпут, секретный сотрудник Контрразведывательного отдела ОГПУ. Авторы ранее опубликованных работ разошлись в ответе на вопрос, более ли она загадочна, чем одиозна, или, наоборот, является более отталкивающей, чем загадочной. Можно надеяться, что привлекаемый материал поможет сформулировать более взвешенную оценку мотивов и поступков этого персонажа. В центре нашего повествования Опперпут оказался, в первую очередь, потому, что он является одним из тех двоих авторов, кто выступил в печати о «Тресте» в период его функционирования. Другим был В. В. Шульгин, который в своей книге, представившей отчет о тайном путешествии в советскую Россию,

дал апологетическую характеристику подпольной организации и ее политической программы. Книга Шульгина *Три столицы* вызвала огромный резонанс в эмигрантских кругах. Многое в ней, поведав о назревании новой силы внутри советской России, готовой смести большевистских вождей, побуждало эмигрантскую общественность к выработке новых планов и форм политической деятельности. Сенсационное утверждение Опперпута, что «Трест», только что воспетый в книге Шульгина, представляет собой от начала до конца чекистскую «легенду», фикцию, мистификацию, направленную на разложение эмиграции и нейтрализацию ее антисоветской деятельности, было сделано в самый разгар обсуждения в эмигрантских кругах шульгинской проповеди.

Можно сказать, что Опперпуту решительно не повезло: его разоблачения, не будучи оспорены по существу, проникали в печать, однако, с большим трудом, урывками и были встречены за рубежом в штыки. В его бегстве на Запад и в его публичных выступлениях там эмигрантская пресса усмотрела хитроумную комбинацию ОГПУ, а известие о его внезапном возвращении в составе террористической тройки в советскую Россию и о его смерти в бою дало пищу еще более фантастическим предположениям и слухам. В советской же России имя его, равно как, и вся история, оставались полностью табуированными вплоть до публикации в 1960-х годах документального романа Льва Никулина *Мертвая зыбь*; однако и после снятия этого табу его действия и цели изображались исключительно в негативном плане. Когда с истории «Треста» была приподнята завеса секретности, Опперпут, в отличие от других главных персонажей ее — Артузова, Якушева и др., — не вошел в сильно разросшийся после XX съезда КПСС сонм благородных чекистов-героев. Если для западных интерпретаторов Опперпут является воплощением коварной провокации и едва ли не кровожадным палачом, то для советских и даже постсоветских историков — циничным ренегатом-отщепенцем и беспринципным, меркантильным дележкой. Ни в том, ни в другом случае не было сделано попытки проследить какую бы то ни было динамику и внутреннюю логику его решений и акций.

Одно из многих проявлений особых трудностей, с которыми мы сталкивались в работе, — произвол и путаница с ономастикой, не обязательно вытекающие из обстоятельств конспиративного характера. Наш герой имел двойное имя — Александр-Эдуард, и в русском обиходе узаконивалась то первая, то вторая его часть. В семье было и две фамилии: Опперпут и Упелинц, причем до революции

он носил вторую, а после революции перешел на первую. Младший брат его Рудольф, живший в Риге, сохранив первую фамилию — Urelinc², «исправил» ее вскоре на Urelincis, по-видимому, для того, чтобы придать ей более латышское звучание, хотя употреблялись и другие формы «латышизации» ее (например, Упениньш). Сестра Анна придерживалась двойной фамилии, но также решила придать одной части латышское морфологическое обличье (Anna Oppergut-Ureline). Вдобавок в писаниях современников об Опперпуте фамилия его орфографически не унифицирована: подчас в одной и той же статье она предстает то как Опперпут, то как Оперпут, то как Оперпута, не говоря уже о явных искажениях в устах современников (Опертут, Оверпут). Не намного лучше ситуация и с другими персонажами. Одно и то же лицо фигурирует в разных источниках как Болмасов, и как Больмасов, и как Балмасов; взаимозаменяемыми оказываются Радкович и Радкевич, Шарин и Шорин, Каринский и Коринский и т.д. Унификация казалась нам оправданной только в нашем собственном повествовании. Приводя же цитаты из документов и печатных источников, мы не решались вносить какие бы то ни было изменения.

В ходе работы мне оказали безмерную, неоценимую помощь коллеги по кафедре славяноведения Стэнфордского университета и сотрудники Архива Гуверовского института; члены моей семьи: Екатерина, Рафаэль и Элла Флейшман; друзья в разных странах, одарившие меня заботой в самые трудные минуты: Феликс и Нина Готтлиб, Алексей и Евгения Мильруд, Борис Равдин и Эмма Секундо, Карл Шлегель, Вольф и Ирина Шмид, Вольф и Элла Штемпель; а также дорогие мне люди, которым я посвящаю эту книгу, — Андрей Донатович и Марья Васильевна Синявские.

² С такой фамилией он фигурирует в рижской адресной книге 1925 г.

Глава 1

**ОППЕРПУТ-СЕЛЯНИНОВ
В САВИНКОВСКОМ
СТАНЕ**

Для того чтобы нащупать объяснение некоторым загадочным аспектам в событиях 1927 года, обозначившим конец «Треста», необходимо обратиться к более раннему эпизоду в биографии Опперпута, связанному с последней попыткой Савинкова организовать мощное антисоветское выступление в 1921 году. После разгрома и эвакуации армии Врангеля из Крыма в ноябре 1920 и провала выступления с польской территории отрядов Савинкова и Булак-Балаховича надежды антисоветских сил были обращены на широкое крестьянское повстанческое движение в советской России. Эдуард Опперпут, выходец из латышской крестьянской семьи, дослужившийся на фронте в Первую мировую войну до чина поручика и мобилизованный, как и многие другие офицеры, в Красную армию после революции, был в конце 1920 года привлечен своими старыми армейскими друзьями к антисоветскому подполью и в январе 1921 года в районе Гомеля, где он состоял на службе, перешел еще не подвергшуюся демаркации польскую границу. Опперпут искал финансовой поддержки и агитационной литературы для созданной им, стремительно растущей подпольной военной организации. Оказавшись на польской территории, он сразу обнаружил, что первоначальное его намерение установить контакт с варшавским отделом Союза Возрождения не имеет смысла, так как никакой сколь-нибудь существенной роли эта организация в Польше — в отличие от советского подполья — не играла¹. Взамен надлежало обратиться к Савинкову, тогда располагавшему серьезной поддерж-

¹ Ср.: А. Бем, «От Комитета “Союза Возрождения России” в Варшаве», газ. *Свобода* (Варшава), 1920, 15 декабря, с. 3; «Задачи Комитета Союза Возрождения России в Варшаве», *Свобода*, 1921, 24 февраля, с. 3—4; Ср.: *Красная книга ВЧК*. Под ред. М. И. Лациса. Том II-й (Москва, 1922); издание второе, уточненное (Москва: Издательство политической литературы, 1989); Марк Янсен. *Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров* (Москва: Возвращение, 1993), с. 120—121.

кой официальных польских кругов и поглощенному воссозданием Народного Союза Защиты Родины и Свободы (НСЗРС), призванного сплотить все антибольшевистские повстанческие силы на советской территории, независимо от их партийной программы². Члены варшавского комитета Союза Возрождения стали сотрудниками савинковской организации и редакции газеты *Свобода*. В ходе нескольких своих кратких визитов в Варшаву в январе-мае 1921 года Опперпут не только сразу сумел увидеться с Виктором Савинковым, ведавшим разведкой, и с самим руководителем организации Борисом Савинковым, но и возбудил интерес к имевшейся у него информации у представителей польской и французской разведок. Включив созданную им подпольную организацию, поставившую своей задачей подготовку крупномасштабного вооруженного выступления против советских властей, в Народный Союз Защиты Родины и Свободы (в качестве его Западного областного комитета), Опперпут оказался благодаря этому главным уполномоченным савинковской организации на советской территории³. Кроме того, судя по публикациям материалов Союза, с середины марта 1921 года появившимся в газете *Свобода*, возглавляемый Опперпутом гомельский («Западный») комитет Союза выглядел наиболее внушительным боеспособным отделом заново создаваемой организации, ее боевым авангардом⁴. К началу мая он явно приобрел значение и мозгового центра Союза, своими инициативами едва ли не оттеснившего в сторону варшавское окружение Савинкова. Так, именно Опперпут, по-видимому, сыграл решающую роль в разработке тактических основоположений организации, сформулированных в документе, названном «Тактика Народного Союза Защиты Родины и Свободы» и помещенном в газете *Свобода* 7 мая 1921 (с. 3). Там, в частности, заявлялось:

² П. Селянинов-Опперпут, бывший член Всероссийского Комитета Н.С.З.Р. и С. *Народный Союз Защиты Родины и Свободы* (Берлин, 1922), с. 10.

³ Ср.: Борис Беленкин, «Опперпутелинц (Э. О. Опперпут-Стауниц и М. В. Захарченко-Шульц)», в его кн.: *Авантюристы великой смуты. Россия XX век: революция, гражданская война, 20-е годы* (Москва: Олма-Пресс, 2001), с. 120.

⁴ Первым извещением в печати о Союзе была заметка, появившаяся в разгар кронштадтского восстания: «Народный Союз защиты Родины и Свободы», *Свобода*, 1921, 15 марта, с. 3. См. также его агитационные документы в номерах газеты за 19 марта, с. 3, 22 марта, с. 1, 1 апреля, с. 1. Можно предположить, что заметки в номерах от 7 апреля (с. 1) и от 6 мая (с. 1) составлены были Гомельской организацией и доставлены в варшавскую газету Опперпутом.

Все существовавшие по сие время на территории советской России антисоветские организации не пытались и не могли выйти из узких рамок заговора. Поэтому вовлечь в антисоветскую работу широкие массы народа они не могли. Наша тактика совершенно иная. Мы не строим из Союза тайну, в которую посвящены только избранники. Мы, наоборот, всегда и повсюду, где только представляется возможным, заявляем во всеулышание о существовании Союза и заявляем, что борьба с советской властью началась и будет вестись до освобождения России от гнета комиссаров и учреждения в ней свободной, правовой и спокойной жизни. Мы не скрываем даже конструкции Союза. Этим мы даем возможность всем живым силам страны принять непосредственное активное участие даже в организационной работе Союза по созданию новых ячеек, отрядов и комитетов Союза. При такой постановке вопроса каждый энергичный, способный гражданин смело может приступить к работе по созданию новых ячеек и организаций Союза, будучи уверен, что при должной энергии и предприимчивости он скоро столкнется с организацией Союза, уже имеющей связь с высшим его органом.

Допуская широкую частную инициативу, не требуя немедленного установления тесной связи с центральными органами Союза, мы достигаем привлечения максимума организаторских сил и делаем удары чрезвычайных комиссий менее для нас чувствительными, ибо существование в одном уезде или губернии двух-трех организаций, не знающих одна про существование другой, становится общим явлением и раскрытие одной из них не влечет образования на данной территории пустого места.

Его же перу, очевидно, принадлежал и другой важный документ организации, в деталях намечавший организационную структуру Союза⁵. Как вспоминает Опперпут, он выдвинул и идею созыва съезда Союза для разработки военной кампании, предполагавшейся в летние месяцы 1921 года. Предложение о съезде было отвергнуто помощниками Савинкова, но одобрено им самим⁶. С начала мая Опперпут был кооптирован во Всероссийский Комитет — руководящий орган НСЗРС, состоявший из ближайших соратников Савинкова, и должен был принять участие, в качестве члена Комитета и делегата от Гомеля, в намеченном первоначально на 5 июня в Варшаве съезде НСЗРС. Явиться на него он, однако, не смог, так как был 26 мая задержан по дороге на съезд, в ходе полного разгро-

⁵ «Народный Союз Защиты Родины и Свободы», *Свобода*, 1921, 19 мая, с. 2—3.

⁶ П. Селянинов-Опперпут, *цит. соч.*, с. 28, 37.

ма, которому подверглась его организация⁷. Съезд, перенесенный на 13 — 16 июня, прошел без него.

О своей деятельности по организации Союза сам Опперпут рассказал в брошюре, написанной в тюрьме осенью 1921 года⁸. Но еще до ее выхода показания его были использованы советскими инстанциями в дипломатической и пропагандистской кампании, поднятой с целью изгнания савинковцев из Польши. Нота польскому правительству Народного комиссариата иностранных дел от 4 июля 1921 года в существенной своей части опиралась на сообщенные Опперпуттом сведения⁹, однако его имя в ней ни разу не было упомянуто. В ноте утверждалось, что в нарушение статьи 5-й Рижского мирного договора от 18 марта 1921 года, запрещавшей создание и поддержку «организаций, имеющих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, либо покушающихся на ее территориальную целостность, либо подготовляющих ниспровержение ее государственного или общественного строя путем насилия, равно как и организаций, приписывающих себе роль правительства другой страны или части ее территории, возглавляемый Савинковым Русский Политический Комитет готовил грандиозный заговор против Советской республики, планировал диверсии и террористические акты на ее территории, вербовал российских граждан для подготовки восстаний и с этими целями создал «Народный Союз Защиты Родины и Свободы», который и был организацией, непосредственно работавшей над осуществлением обширного плана заговора, охватывавшего и столицы Советской России и ее провинциальные города, и железные дороги и сельское население. Агенты Народного Союза Защиты Родины и Свободы стояли во главе бандитских выступлений в Западной области. Во время ныне уже законченной ликвидации бандитизма в этом районе выяснилось, что все нити этого движения почти постоянно приводили к Народному Союзу Защиты Родины и Свободы, т. е. к организации, функционирующей в Варшаве при прямом содействии Польского Правительства. <...> Для содействия проведению этого плана заведующим

⁷ Обстоятельства его ареста изложены в кн.: Теодор Гладков. *Награда за верность — казнь* (Москва: Центрполиграф, 2000), с. 98—99.

⁸ П. Селянинов-Опперпут, *цит. соч.* Ср. мемуарный очерк И. Микулича «Савинков и Опперпут» (*Новый Журнал*, кн. 75 (1964), с. 185—194), где содержатся неточности и, в частности, подпольная кличка Опперпута дана в неверном виде (Смолянинов — вместо Селянинов).

⁹ Борис Беленкин, «Опперпутелинц (Э. О. Опперпут-Стауниц и М. В. Захарченко-Шульц)», с. 121.

интернированной армией был назначен личный адъютант Военного министра Польской Республики Генерального Штаба полковник граф Соллогуб-де-Войно». Снабженная ссылками на письма Савинкова и Балаховича и другие документы, попавшие в распоряжение советских властей, но без упоминания показаний, к тому времени уже полученных от Опперпута, советская нота обвиняла польский Генеральный штаб в прямом участии в подрывной антисоветской работе:

Почти все агенты Русского Политического Комитета состоят в то же время агентами Польского Генерального Штаба. Чины подведомственных Польскому Генеральному Штабу учреждений проводили через границу направленных в Россию агентов Русского Политического Комитета. На квартирах этих чинов подведомственных Польскому Генеральному Штабу учреждений устраивались склады антисоветской литературы. Мало того, Польский Генеральный Штаб содействовал посылке в Россию яда с целью массовой отравы красноармейских частей в момент восстания. Так, например, вторым отделом Польского Генерального Штаба за подписью майора Генерального Штаба Бека был выдан документ агентам Савинкова на провоз в Советскую Россию, якобы для разведывательных целей, по 2 килограмма яда, целью которого в действительности было массовое отравление красноармейцев. Все эти действия высших учреждений Польского правительства были возможны только благодаря тому, что Русский Политический Комитет до сих пор пользуется покровительством самых высших инстанций Польской республики. Вследствие этого Польское Правительство истратило из средств польской казны 350 миллионов марок на поддержку Русского Политического Комитета и его заговорщической деятельности.

В ноте было выдвинуто требование об изгнании из Польши членов Русского политического комитета — обоих братьев Савинковых, Философова, Мягкова, Одинца, Дикгофа-Деренталья, Булак-Балаховича, Перемыкина, Эльвенгрена и других членов «Народного союза для защиты родины и свободы», полковника Гнилорыбова, а также лидеров украинских и белорусских контрреволюционных организаций¹⁰.

В ответе министра иностранных дел Польши Скимунта от 11 июля советские заявления были названы лишенными надежного основания.

¹⁰ «Перевод радиотелеграммы Народного Комиссара по Иностраннным делам <Чичерина> г.Скимунту, польскому Министру Иностраннных дел. 4 июля 1921 г.», *Советская Россия и Польша* (Москва: Издание Народного Комиссариата по Иностраннным делам, Сентябрь 1921 год), с. 26—30.

Он утверждал, что никакой ответственности за то, что происходит на российской территории, польская сторона нести не может¹¹.

В рамках усилившейся к осени пропагандистско-дипломатической кампании Наркоминдел выпустил в сентябре 1921 года на русском, польском и французском языках книгу, в которой обнародовал выдержки из показаний арестованных на советской территории членов савинковской организации, подтверждавшие выдвинутые против НСЗРС и польского Генерального штаба обвинения. Среди этих документов выделялась «Выписка из протокола опроса уполномоченного Всероссийского Комитета Союза Защиты Родины и Свободы Западной Области Опперпута-Упелинца Александра Эдуарда Отовича»¹². Судя по содержанию, протокол был сделан вскоре после задержания Опперпута, в июне 1921 года, и именно его детальные показания легли в основу содержавшихся в ноте Чичерина от 4 июля разоблачений. Опперпут рассказал, как поток ходоков из советской России вызвал у Савинкова иллюзию о зарождении в России мощного и тяготевшего именно к нему, вне зависимости от той или иной политической окраски участников, массового антисоветского движения. Это побудило Савинкова к основанию в январе 1921 года новой антисоветской организации для работы внутри советской территории — Союза Защиты Родины и Свободы. В новой организации и в особенности в разведывательных возможностях, предоставляемых ее деятельностью, сразу выразили заинтересованность как польский Генеральный Штаб, так и французская военная миссия в Польше. Как свидетельствовал Опперпут, первый миллион польских марок поступил в распоряжение Союза именно из французской военной миссии. Опперпут давал в высшей степени детальный отчет обо всех перипетиях начального существования организации и финансовых проблемах, встававших перед нею по мере ее бурного роста и присоединения к ней все новых и новых

¹¹ «Ответная нота Чичерину от Польского правительства», *Свобода*, 1921, 16 июля, с. 3.

¹² *Советская Россия и Польша*, с. 79—82. Ср. разбор этой брошюры в статье: «О красной книге», *Свобода*, 1921, 13 октября, с. 2—3. В ней, в частности, говорилось:

«Протокол чрезвычайки опорочен уже тем самым, что составлен в чрезвычайке. Иначе думать значило бы признать за чрезвычайками значение правовых судебных учреждений.

Основываясь на вышеизложенном, мы не можем признать силы юридического доказательства ни за одной из приведенных советскими дипломатами выписок из протоколов: допросов Опперпута-Упелинца и других лиц».

повстанческих сил, включая украинские и белорусские партизанские отряды и демократическое крыло Кубанского казачества.

Следует подчеркнуть, что выдержки из показаний Опперпута, обладая бесспорной фактической обоснованностью и убедительностью, в то же время обнаруживали аналитическую глубину и меткость и были совершенно свободны от каких бы то ни было дешёвых клише или поверхностной демагогии. Так, он сообщал: после ратификации Рижского мирного договора стало ясно, что касса второго отдела Военного министерства Польши закрывается для деятельности савинковских организаций и что наметилось охлаждение между Савинковым и руководящими кругами Польши, явившееся причиной его поездки в Париж для организации поддержки там. Это замечание об охлаждении отношений, вряд ли выглядевшее уместным в плане чисто пропагандистской кампании, свидетельствовало о взвешенно-объективном характере опперпутовского отчёта о недавних событиях. Столь же беспристрастно-сдержанный, чисто аналитический характер имели и все другие положения опубликованного протокола его допроса. Его показания сильно отличались от помещённых в этой книге протоколов допросов других арестованных углубленным анализом, сопровождавшим точную констатацию фактов.

Как мы упомянули, первоначально предполагавшееся участие Опперпута в варшавском съезде НСЗРС было предотвращено в ходе массовых арестов участников возглавляемого им Западного областного комитета. Поэтому информация о самом съезде, прошедшем 11—13 июня, в данной брошюре представлена показаниями А. В. Ремезникова (Самарина), арестованного после его возвращения из Варшавы¹³. В своей общей части они подтверждают факты, оглашенные Опперпутом. В частности, Ремезников показал: «Ближайшие задачи Союза Защиты Родины и Свободы следующие: немедленная организация террористических актов по всей России против выдающихся коммунистов и советских работников, и в частности против чрезвычайных комиссий. Савинковым рекомен-

¹³ В печати сообщение о Съезде и его решениях появилось впервые во второй половине июня. См.: «Положение в Сов. России. Революционное движение», *Свобода*, 1921, 18 июня, с. 1. См. также: «Положение в Сов. России. В Нар. Союзе Защиты Родины и Свободы», *Свобода*, 1921, 22 июня, с. 1; Борис Савинков, «Об одной программе», *Свобода*, 1921, 28 июня, с. 1; «Положение в Сов. России. Революционное движение», *Свобода*, 1921, 3 июля, с. 2; «Обзор русской печати. Загадочный случай с газетой "Руль"», *Свобода*, 1921, 5 июля, с. 2.

довалось умерщвлять советских работников отравлением кокаином, морфием, опиумом и т.п.; взрывать железнодорожные мосты, склады с боевыми припасами, портить дороги, поджигать здания коммунистических партий, усиливать пропаганду и агитацию главным образом среди красной армии и железнодорожников, расхищать продовольственные склады и раздавать продовольствие населению, составлять секретные запасы для снабжения частей военного восстания, назначенного в конце сентября с. г. Момент восстания во всероссийском масштабе будет указан Центральным Комитетом Союза из Варшавы. Конец сентября назначен потому, что находят удобным использовать момент выполнения продналога»¹⁴. На допросе 25 июня Опперпут засвидетельствовал получение им от Всероссийского Комитета Защиты Родины и Свободы двух килограммов ядов на предмет отравления перед намеченным восстанием пиши «надежных войсковых частей Красной Армии, баталионов ЧЕКА, частей Особого Назначения и т.д. Документы на провоз были выданы Вторым Отделом Польского Военного Министерства»¹⁵.

Показания Опперпута — наиболее подробные из всех, включенных в это издание, — можно обвинить в излишней откровенности и полноте, но никак не в фальсифицированности или провокационном подлоге. Перед нами перекрасившийся, по-видимому, после ареста оппортунист, ренегат, переметнувшийся на сторону победителя, изменник-перебежчик, но не агент-provokator, с самого начала исполнявший возложенную на него предательскую роль. Это существенно потому, что версия, будто Опперпут с самого начала был заслан в Варшаву с провокаторскими заданиями как агент ЧК, приведенными фактами и документами никак не подтверждается. Версия эта, кто бы ни был ее сочинителем¹⁶, оказывалась на руку как савинковской организации, так и польским официальным кругам, поскольку позволяла начисто отрицать возведенные против них советской стороной обвинения, указывая на сомнительный или

¹⁴ «Выписка из протокола опроса представителя Саратовского, Самарского и Тамбовского Комитетов Народного Союза Защиты Родины и Свободы на Съезде в Варшаве 13 июля Ремезникова Анатолия Владимировича (кличка Самарин)», *Советская Россия и Польша*, с. 88.

¹⁵ «Выписка из протокола опроса Опперпута-Упелинца от 25 июня 1921 года», *Советская Россия и Польша*, с. 82—83. Следует отметить, что применение отравляющих веществ не было необычной практикой в ходе Гражданской войны. Ими, например, воспользовался Тухачевский при подавлении крестьянского движения.

¹⁶ В печати она впервые была высказана в мае 1927 г.

скомпрометированный источник их происхождения. Но если принять утверждение, что Опперпут с зимы 1921 года действовал по инструкциям ЧК, то встает вопрос, зачем надо было его арестовывать, сорвав его появление на съезде, прошедшем 13—16 июня и ознаменовавшем, по словам Д. С. Дюрранта, «кульминацию деятельности Савинкова в Польше»¹⁷, — коль скоро это событие составляло несомненный интерес для советской разведки. Съезд был проведен благодаря инициативе и настоянию Опперпута, который в Комитете — руководящем органе НСЗРС — был единственным представителем с советской территории. Будь он уже в тот момент ставленником органов ЧК, у последних не было бы решительно никаких причин не допускать его участия в таком важном сборище в Варшаве.

Убедительным опровержением версии о провокаторских функциях Опперпута в тот момент служит и новый материал, извлеченный Виталием Шенталинским из архивного дела КГБ, посвященного Западному областному комитету НСЗРС. Не подозревая, кажется, о позднейшей роли Опперпута в «Тресте», В. Шенталинский пишет:

Царский офицер, после революции он служил то белым, то красным, потом переметнулся к Савинкову, но, будучи арестован чекистами, как сказано в деле, «своими показаниями дал ключ к раскрытию и ликвидации всех савинковских организаций в пределах Западного фронта». Помещенный во внутреннюю тюрьму Лубянки, Опперпут 7 июля 1921 года шлет вопль о скорейшем разрешении своей участи — начальнику Особого отдела ВЧК Менжинскому.

Письмо это в то же время — великолепная автохарактеристика, и не только лично его, Опперпута, а целого типа порожденных тем временем авантюристов и профессиональных убийц, темных духов, выпущенных на поверхность революцией и Гражданской войной, людей савинковского образца.

«... Движимый отчаянием, осмеливаюсь обратиться к Вам.

Моя жизнь с 1915 по 1920 год включительно складывалась так, что я вынужден был вести образ жизни, полный самых опасных приключений и острых ощущений. Достаточно сказать, что целый год я провёл на турецком театре войны и весь 1919-й — в усмирении различных восстаний против Советской власти, причем не раз пришлось действовать против неприятеля в десять раз более многочисленного. Непрерывная цепь приключений и опасности в конце концов так расшатала

¹⁷ Джон Стюарт Дюррант, «По материалам архива Д. В. Философова», *Лица. Биографический альманах*. 5 (Москва—С. Петербург: Феникс, Atheneum, 1994), с. 458.

ли мои нервы, что вести спокойный образ жизни я уже не мог. Как закоренелый морфинист не может жить без приемов этого яда, так я не мог жить без острых ощущений или работы, которая истощала бы меня до обессиления. Моей энергии в этих случаях удивлялись все, кому пришлось со мной сталкиваться... Я не буду задерживать Вашего внимания на факте моего падения. Это было стечение массы благоприятных для этого обстоятельств. Но сейчас у меня одно желание: самоотверженной работой на пользу Советской власти загладить свой проступок и проступки тех, мной вовлеченных в заговор, которые не являются врагами Советской власти. Это представилось бы мне возможным сделать, если бы я был отпущен в Варшаву. В месячный срок я сумел бы дать Вам возможность полностью ликвидировать все савинковские организации, польскую разведку, частично французскую разведку и представить бы ряд документов в подлинниках, обрисовывающих истинную политику Польши. Для этого Вам придется рисковать только потерей одного, уже не опасного для Вас арестанта, ведь возвращение в лагерь врагов Соввласти после моих показаний... мне отрезано навсегда... Что же касается наказания по отношению лично ко мне, то я частично его понесу, ведь я перед отъездом должен буду нанести себе довольно серьезное огнестрельное ранение, чтобы не вызывать в Варшаве сомнений в действительности моего побега и иметь возможность оставаться необходимое для меня время работы там. Ни средств, ни документов я у Вас не прошу. Умоляю только дать мне возможность работать и клянусь Вам тем, что у меня есть дорогого и святого, что Вам, товарищ Менжинский, никогда в своем доверии разочароваться не придется... Если все же этих гарантий недостаточно, я готов взять на себя до моего отъезда выполнение самых опасных рискованных поручений, лишь бы доказать правдивость своих слов. Я уже не раз был на волосок от смерти за Советскую власть и готов пожертвовать собой... Мои нервы требуют сильной реакции. Я терплю невероятные муки и дохожу до отчаяния, когда я готов разбить голову об стену или перерезать горло стеклом. Я уже дошел до галлюцинаций. Каждый лишний час моего здесь пребывания равносильн самой невероятной пытке. Еще раз умоляю решить мою судьбу скорее.»

И судьба Опперпута была решена: «по обстоятельствам дела» его освободили из-под стражи и использовали — в каких именно целях, дело умалчивает. За границу Опперпута отпустить не рискнули, но идею его взяли на вооружение: к Савинкову будет послан свой, более хладнокровный и надежный человек¹⁸.

¹⁸ Виталий Шенталинский, «Свой среди своих. Савинков на Лубянке», *Новый Мир*, 1996, №7, с. 175—176; Виталий Шенталинский. *Донос на Сократа* (Москва: Формика-С, 2001), с. 105—106. Выдержки из письма приведены также в статье: Борис Беленкин, «Опперпупелинц (Э. О. Опперпут-Стауниц и М. В. Захарченко-Шульц)», с. 121.

Понятно, что, будь Опперпут провокатором, внедренным ВЧК в ряды савинковской организации, а не контрреволюционером, по доброй воле примкнувшим к ней, тон и содержание письма были бы совершенно иными. В любом случае автор письма не рискнул бы в качестве оправдательного момента сослаться на свой авантюризм, а напротив, всячески акцентировал бы идейные мотивы своих поступков. Но, даже говоря о своем участии в карательной деятельности Красной армии против партизан, Опперпут считает необходимым в письме к Менжинскому отметить личное бесстрашие, а не политическую лояльность. И это не случайно. Спустя несколько лет, возвращаясь в своих записках к тому же моменту своей биографии — участию в подавлении повстанческого движения, — Опперпут раскрыл такие стороны своего поведения, которые никак о большевистской принципиальности и классовой зрелости свидетельствовать не могли:

В течение 1919 г. Опперпуту в качестве красного офицера пришлось выступать против местных партизан.

Он, однако, установил тесную связь с повстанцами, вследствие чего походы красных оканчивались неудачей.

— При встречах с представителями партизан, — рассказывает Опперпут, — мы решали, по каким дорогам будут двигаться красные партизаны, по каким будут отступать повстанцы. «Припоминаю забавный случай, — передает он, — когда мне с двумя нашими офицерами самим пришлось обстрелять на могилевском шоссе автомобиль губвоенкома, чтобы сбить его от верного направления и дать возможность партизанам отойти в район пропойских лесов»¹⁹.

Однако факт остается фактом: Опперпут, согласно следственному делу, «дал ключ» к раскрытию савинковской организации. Можно предположить, что само по себе письмо к Менжинскому — с неожиданным обращением «товарищ» — было написано с одобрения Я. С. Агранова, который вел допросы Опперпута уже в Смоленске, Гомеле и Минске, а затем и в Москве. Опперпут так вспоминал о нем в своих гельсингфорских записках 1927 года:

Мягкий по внешности, с глубоким грудным баритоном, он ворковал перед своими подследственными, точно голубь, и только порой холодный блеск его темных прищуренных глаз выдавал сидящего в нем кровожадного зверя. Дьяволом звали его подследственные, и им он был в действительности. Во время следствия он точно измывался над сво-

¹⁹ «Опперпут о себе самом (Показания чекиста-провокатора Опперпута, данные им в Гельсингфорсе после бегства из СССР)», *Сегодня* (Рига), 1927, 30 октября, с. 3.

ей жертвой. Мечь, обещания золотых гор и полного прощения всех грехов не только подследственному, <но> и всем с ним связанным, и безусловно большие гипнотические способности были главными его орудиями следствия. Физических пыток он не признавал совершенно, но зато виртуоза выдумывать моральные пытки нет ему равного. Недаром Ленин, умевший верно оценивать людей, направил его из своих секретарей на работу в ВЧК. <...> Ко мне он почему-то благоволил. Возможно, что в данном случае имело значение то, что у нас по Гомелю оказалось много общих знакомых, которые безусловно сносились с ним по поводу меня. Его влияние в ВЧК было огромно, почему не удивительно, что он очень легко добился замены мне высшей меры наказания заключением в концентрационный лагерь с тем, чтобы я впоследствии был использован как секретный сотрудник²⁰.

Поездку в Варшаву с целью ликвидации Савинкова Опперпуту не позволили: доверия к энтузиасту-неофиту чекисты не питали. Но, с другой стороны, предложение ценного арестанта об использовании его услуг они приняли и подвергли его нескольким испытаниям.

Первым таким испытанием оказалось следствие по делу Петроградской боевой организации, завершившееся расстрелом 61 человека в августе 1921 года. Интерес к Опперпуту в этом контексте объяснялся тем, что следствие изо всех сил стремилось найти доказательства сотрудничества между петроградской и савинковской организациями. Как только его доставили в Москву во Внутреннюю тюрьму на Лубянке, от него стали добиваться соответствующего признания:

В первый же день меня вызвали к Артузову, «начальнику контрразведывательного отдела» ГПУ (т. н. «КРООГПУ»).

— Почему вы отрицаете свою связь с организацией Таганцева?— спросил он. — В этом сознался не только сам Таганцев, но и ваша невеста, через которую вы поддерживали связь.

Я ответил:

— Отрицаю эту связь потому, что ее нет и не было, а моя невеста не может быть такой связью потому, что она даже не знает, что я веду антисоветскую работу и участвую в Союзе защиты родины и свободы.

Вскоре мне устроили очную ставку с одним офицером. Его я встретил в Варшаве, в штабе Савинкова. Оказалось, что он... служит в ВЧК и снова возвращается в Варшаву, вместе с другими такими же «савинковцами»²¹.

²⁰ Hoover Institution Archives. Nicolaevsky Coll., Box 300, folder 1, «Записки Опперпута» (машинопись), с. 4.

²¹ Эдуард Опперпут, «Опперпут о себе самом. (Показания чекиста-провокаатора Опперпута, данные им в Гельсингфорсе после бегства в СССР). Как я стал чекистом», *Сегодня*, 1927, 2 ноября, с. 3.

Как известно, следствие по таганцевскому делу было возложено на того же Агранова. С его переводом в Петроград этапировали туда и Опперпута. В «Записках» Опперпута рассказывается:

Спустя еще несколько дней, на одном из допросов, Агранов сообщил, что ему поручено также и дело профессора Таганцева, но руководство следствием по делу НСЗРиС он все же сохраняет за собой, почему одновременно с его отъездом в Петроград и меня переводят туда же. Действительно, скоро меня перевезли в Петроград и поместили в т.н. «Особом коридоре» ДПЗ.

Когда арестованных по делу организации Таганцева оказалось слишком много, часть из них перевели из тюрьмы Губчека в ДПЗ.

В мою камеру поместили самого Таганцева.

Трагедия его организации развивалась и дошла до своего конца на моих глазах²².

По-видимому, в каком-то отношении к этой попытке Агранова вскрыть связь между НСЗРС и таганцевской организацией находилась и история брата Опперпута Фридриха, рассказанная в тех же гельсингфорских воспоминаниях:

В ДПЗ состоялась моя очная ставка с братом Фридрихом, специально для этого доставленным из Витебской губчека. Непричастность его к союзу была полностью установлена, и Агранов освободил брата с тем, чтобы он немедленно покинул Петроград и возвратился в Витебск. Брату все же удалось уведомить У., что я — в ДПЗ.

Только потом я узнал о тяжелой участи моего брата. Несмотря на полное оправдание, он, по прибытии в Витебск, был задержан снова и помещен в тюрьму губчека. Он упорно отрицал свою причастность к НСЗРиС. Это раздражало следователей. В конце концов, предпринятая обычная мера воздействия, уполномоченный ВЧК (из польских офицеров), за которым числилось дело брата, приказал бросить его в т.н. «каменный мешок»: низкая и узкая дыра, в которой нельзя было ни встать, ни лечь, в которой не была даже знаменитой тюремной «параши», почему отправлять свои естественные надобности приходилось здесь же, на полу.

В этом мешке до брата уже помещался кто-то. Понятно вполне, почему, после нескольких дней сидения в этой клоаке, брат Фридрих — к антисоветской работе действительно совершенно непричастный — при отводе на допрос к следователю выбросился в окно с целью покончить жизнь самоубийством.

Ввиду перелома грудной клетки его перевели в больницу, а оттуда — в Москву, в Бутырскую тюрьму²³.

²² Эдуард Опперпут, «Опперпут о себе самом». Там же.

²³ Там же.

Сопоставление доступных нам данных заставляет прийти к заключению, что перевод Опперпута в Петроград, конечно, не был чисто механическим перемещением. Его отправили туда не просто потому, что туда направляли Агранова, но потому, что следствие по делу Таганцева нуждалось в специфических показаниях Опперпута, которые помогли бы объединить оба дела — Савинкова и Таганцева. Потому и поместили двух высокопоставленных арестованных — руководителя Западной областной организации НСЗРС и главу Петроградской боевой организации — в одну камеру. Амальгама исконно была излюбленным методом чекистского руководства.

Первым публичным, документальным отражением этих усилий явился доклад ВЧК, опубликованный 24 июля, где предварительный отчет о разоблаченных петроградских группах дан был вместе с изложением материала, собранного о деятельности Савинкова²⁴. В докладе сообщалось о полном разгроме всей Западной областной организации НСЗРС с ее гомельским центром:

В последних числах мая с. г. Всероссийской Чрезвычайной Комиссией раскрыта и ликвидирована крупная боевая, террористическая организация Бориса Савинкова, раскинутая на территории всей западной и сев.-западной областей и имевшая ячейки и связи почти на всей территории Р.С.Ф.С.Р. Центр раскрытой организации — западный областной комитет так называемого «Народного союза защиты родины и свободы» во главе с представителем «всероссийского комитета» по западной области находился в г. Гомеле.

Арестованы все члены областного комитета и подведомственных ему губернских, уездных комитетов и волостных ячеек на территории Гомельской, Смоленской и Минской губ. Арестованы сотни членов организации и ряд савинковских курьеров и шпионов, захвачено много уличающих документов и десятки пудов контр-разведывательной литературы.

В докладе были отмечены прямые контакты организаторов савинковского заговора с французской военной миссией в Польше и польским Генеральным Штабом. Хотя весь этот раздел опирался на информацию, извлеченную из июньских допросов Опперпута, о

²⁴ «Раскрытые заговоры. Выдержки из доклада Всероссийской Чрезвычайной Комиссии о раскрытых и ликвидированных на территории Р.С.Ф.С.Р. заговорах против Советской власти в период мая и июня месяцев 1921 г.», *Известия* (Москва), 1921, 24 июля, с. 2. Ср.: «Доклад В.Ч.К. о “заговорах”», *Свобода*, 1921, 3 августа, с. 1 и Полковник Гнилорыбов, «Письмо в Редакцию», *Свобода*, 4 августа, с. 2.

судьбе его самого не говорилось ни слова, и лишь конспиративное его имя (Селянинов) было упомянуто в перечне руководителей савинковского заговора:

Раскрытая организация находилась в полном подчинении «всероссийскому комитету Н.С.З.Р. и С.», имевшему свое постоянное местопребывание в Варшаве, в гостинице «Брюль». Председателем «всероссийского комитета» являлся с. -р. Борис Викторович Савинков, организатор ярославского белогвардейского восстания в 1918 г., при участии английской и французской миссий; члены комитета: есаул Виктор Викторович Савинков, Дикгоф-Деренталь, литератор Философов, генерал Эльвенгрэн, казачий полковник Гнилорыбов и Селянинов.

Так в печати впервые проскользнуло имя Селянинова, причем фигурировало оно в отчете только один раз. Другие упоминания Опперпута оставались безымянными. В обнародованных ЧК материалах была подробно раскрыта структура савинковской организации, ее задачи и план военной кампании, указывалось на расплывчатость политической программы и подчеркивалось, что во главу своей тактики савинковская организация ставила широкое применение террора. «Члену Западн. областного комитета и члену Гомельского губернского комитета савинковской организации, ездившим к Савинкову по делам организации в Варшаву, II отделом польск. ген. штаба за подписью майора ген. штаба Бека был выдан документ на провоз в Советскую Россию “для целей разведывательных” по 2 килограмма яду».

При том, что все данные относительно савинковской организации в докладе точно соответствуют обвинениям, выдвинутым ранее в ноте Наркома иностранных дел от 4 июля, и, как и в ней, базируются преимущественно на показаниях Опперпута, нельзя сказать, что цели чекистов, обусловившие перевод Опперпута в Петроград, были достигнуты. Необходимость в использовании его услуг в Петрограде вытекала из трудностей, с которыми столкнулись следователи, пытавшиеся доказать контакты Таганцева с организацией Савинкова. Как сообщает Г. Е. Миронов, «ход дела принял такой оборот, что В. Н. Таганцев уже не может отрицать антисоветский характер своих воззрений, но еще пытается убедить палачей, что даже если приписываемую ему мифическую организацию можно определить как контрреволюционную, то никак нельзя — как “боевую”, готовившую вооруженный террор. Он всячески отрещивается от боевиков Савинкова и требует от руководства ВЧК дать опровержение в газете “Свобода” об отсутствии связей между “Петроградской бо-

еюй организацией” и Савинковской организацией...»²⁵ Ясно, что подселение Таганцева в камеру Опперпута вызвано было намерением возложить на последнего шпионские обязанности по выявлению «савинковских» связей петроградцев. Мы вряд ли когда-нибудь узнаем содержание бесед, прошедших в течение долгих дней, проведенных в камере. Но как бы то ни было, материал, собранный Опперпутом, не мог не разочаровать следователей: связи савинковцев с Петроградской боевой организацией удостоверены не были, объединить савинковское дело с таганцевским так и не удалось, хотя такие попытки предпринимались и спустя год²⁶, и много позже, при допросах полковника Эльвенгрена, пойманного в 1926 и расстрелянного в 1927 году²⁷.

Напротив, то, что Опперпут смог сообщить, скорее разрушало чекистскую гипотезу. Обращение к брошюре Опперпута, вышедшей спустя несколько месяцев, доказывает это. Не говоря в ней прямо ни о петроградском этапе своего тюремного заключения, ни о том, что его косвенно привлекли к следствию по делу Таганцева, Опперпут ввел два пассажи, которые, вкупе с его позднейшими мемуарами, дают вполне адекватную и стройную картину поведения его в августе 1921 года, на петроградском этапе его тюремного заключения. Один из них относится к продекларированной им позиции решительного отказа от террора как тактики, неприемлемой для народа. Говоря о том, что к маю 1921 года обнаружилось, что его гомельская организация, как и партизанское антисоветское движение в целом, утратила всякую поддержку масс, Опперпут пишет:

Для более яркой иллюстрации привожу следующий пример: уже во время моего пребывания в тюрьме туда же был доставлен избитый толпой б. офицер Лебедев, прибывший из Финляндии в Петроград, с целью установить связь с Петроградской Боевой организацией. При аресте, ког-

²⁵ Георгий Миронов. «Начальник террора» («Заговор Таганцева»). Документальная повесть (Москва: Грабарь, 1993), с. 35. Свое требование о публикации опровержения Таганцев выдвинул после помещения доклада ВЧК в советской печати (24 июля) и перепечатки его в варшавской *Свободе* 4 августа — в середине августа, то есть в самом конце следствия, за несколько дней до своего расстрела. См.: Георгий Миронов. *Цит. соч.*, с. 37.

²⁶ Георгий Миронов. *Цит. соч.*, с. 121—122.

²⁷ Об обстоятельствах получения показаний от В. Н. Таганцева на следствии, проводимом Аграновым, см.: С., «Таганцевский заговор» (публикация И. Вознесенского), *Звенья. Исторический альманах*. Вып. 1 (Москва: Прогресс-Феникс-Atheneum, 1991), с. 466—471.

да толпа узнала, что он причастен к Петроградской террористической организации, хотели покончить с ним самосудом, и он был избит до потери сознания. Подоспевшим сотрудникам Чeka пришлось обнажить оружие, чтобы вырвать его из рук разъяренной толпы²⁸.

Но еще существеннее, в плане рассмотрения поведения Опперпута в петроградской тюрьме, его пространная характеристика Г. Е. Эльвенгрена, поражающая непропорциональной детализированностью и неожиданной горячностью: ведь автору довелось встретиться с ним один-единственный раз — в Варшаве, на самой последней стадии своего сотрудничества с савинковской организацией, в конце апреля — начале мая 1921 года, когда Эльвенгрэн был включен в руководство НСЗРС. Даже если приписать особую страстность отзыва об Эльвенгрэне возмущенной реакции автора по поводу введения в руководство савинковской организацией отъявленного монархиста, все же место, отведенное этому в брошюре, кажется неоправданно большим. Зато оно легко объясняется специальным интересом допрашивавших Опперпута чекистов к этой фигуре и к ее внезапному альянсу с Савинковым. Можно вообще предположить, что перевод Опперпута в Петроград и попытка привлечения его к «делу Таганцева» вызваны были тем фактом, что он лично встретился с Эльвенгрэном — и испытал столь отрицательное к нему отношение — как раз незадолго до арестов по делу «Петроградской боевой организации». Другими словами, он нужен был для следствия в первую очередь в качестве «эксперта по Эльвенгрэну»²⁹.

При этом приводимый ниже кусок из брошюры Опперпута констатирует, по всей видимости, то, что он услышал в Варшаве, с тем, что стало ему известно в петроградской тюрьме:

В данный момент Эльвенгрэн шпион целого ряда разведок иностранных держав против Сов. России. В апреле он прибыл в Варшаву,

²⁸ П. Селянинов-Опперпут. *Цит. соч.*, с. 60. Арестованный руководитель врангелевской военной организации в Петрограде лейтенант Лебедев упомянут в сообщении ВЧК от 29 августа «От Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Сообщение о раскрытии в Петрограде заговора против Советской власти», *Известия*, 1921, 31 августа, с. 2.

²⁹ «Именно Эльвенгрэну, по свидетельству допрошенного петроградскими следователями А. О. Опперпута, удалось объединить все разношерстные петроградские и кронштадтские организации за месяц до восстания и создать «единый тактический центр», т.е. добиться своего назначения главнокомандующим всеми вооруженными силами этих организаций на случай восстания,» — пишет Г. Е. Миронов по поводу Кронштадтского восстания в марте 1921 г. См.: Георгий Миронов. *Цит. соч.*, с. 104.

что мне совершенно случайно стало известно, для выполнения некоторых поручений начальника польской разведки в Финляндии, г. Пожарского, но тут, узнав о существовании Н.С.З.Р. и Св., решил во что бы то ни стало войти в состав его. Для этого, конечно, пришлось прибегнуть к самой гнусной лжи. Он взял на себя роль главы петроградских антисоветских организаций, в то время, как последние открещивались от него руками и ногами.

«Мы никогда ему никаких полномочий не давали говорить от нашего имени; самое большее, он мог сказать, что опорожнил одну-две бутылки вина с кем-нибудь из наших курьеров». Вот дословные слова одного из известных руководителей петроградской организации, сказанные одному из членов Западной организации Н.С.З.Р. и Св. Но этого мало, во время обеда в ресторане «Рим», в котором участвовал Гнилырыбов и Коржев, а потом и на заседании Всероссийского Комитета в Брюле, он имел нахальство уверять, что во время Кронштадтского восстания был в Кронштадте. Правда, туда прилетели все разведки и очень удивились, встретив друг друга здесь, но Эльвенгрена там не было. Его нахальство перешло уже всякие пределы, когда он заявил, что каждую неделю бывает в Петрограде и что во время кронштадтского восстания ему было предложено петроградскими организациями взять на себя командование, как уже восставшими кронштадтцами, так и долженствующими восстать в Петрограде. Это абсолютная ложь. Он за весь 1921 г. ни разу не был в Петрограде, а в период кронштадтского восстания спокойно сидел в Финляндии. Правда, некоторыми лицами, причастными к петроградским организациям, была послана ему записка, что они считают своевременным, чтобы он попробовал при содействии ингерманландцев отвлечь внимание Советской России от Кронштадта, для чего ему предлагалось набрать 200—300 ингерманландцев и двинуться к Петрограду со стороны острова (с. 50—51).

Не приходится сомневаться, что «одним из известных руководителей петроградской организации» в этой цитате был В. Н. Таганцев, тогда как «один из членов Западной организации Н.С.З.Р. и Св.» — это сам Опперпут. И примечательно, что Опперпут развенчивает в своей брошюре — на основании бесед с неназванным соседом по камере — как раз то, чем не прочь был похвастаться в Варшаве сам Эльвенгрэн и за что ухватились следователи-чекисты в стремлении увязать «таганцевское» дело с «савинковским». Нам неизвестны детали следствия по таганцевскому делу, и приходится только догадываться о роли Опперпута в нем. Однако «петроградско-таганцевские» пассажи его брошюры свидетельствуют об отказе автора поддержать следствие в *этом*, столь для ЧК существенном пункте и не позволяют поэтому согласиться с заявлени-

ем В. Ю. Черняева о зловещей роли Опперпута в деле Боевой организации³⁰.

Брошюра Опперпута, писавшаяся в октябре — ноябре и вышедшая в декабре 1921 года, когда он все еще находился в тюрьме, в значительной мере представляла собой расширенный и, так сказать, более живой вариант ранее данных на следствии и опубликованных в сентябре 1921 года в сборнике *Советская Россия и Польша* показаний. Насколько необходимым, однако, было обнародование личных впечатлений и свидетельств в дополнение к ранее выдвинутым официальным обвинениям по адресу Савинкова и польских властей? Ведь оно явно теряло значение, коль скоро цели, которые ставила перед собой нота Чичерина от 4 июля 1921 года, были, в сущности, достигнуты и деятельности савинковской организации в Речи Посполитой в ноябре 1921 года был положен конец. Одним из объяснений предпринятому изданию может быть возникшая в те дни угроза того, что чехословацкое правительство не только приютит в Праге выселенных лидеров савинковской организации (В. В. Савинков, Мягков, Ульянички, Гнилорыбов, Рудин), но и обеспечит условия для перенесения деятельности НСЗРС на свою территорию. В этом свете предостережение о готовности Савинкова встать на путь индивидуального террора выглядело в брошюре вполне своевременным. Как известно, спустя несколько месяцев, в апреле 1922 года, была предотвращена попытка Савинкова и Эльвенгрена совершить в Берлине покушение на Чичерина и Бухарина.

Беспрецедентное на тот момент в хронике послереволюционной эмиграции событие — высылка большой группы политических деятелей под давлением Советского правительства — происходило под

³⁰ В. Ю. Черняев, «Финляндский след в «деле Таганцева»», *Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики* (С.-Петербург: Европейский Дом, Vaduz-Liechtenstein: Topos Verlag, 1997), с. 192. Рискнем высказать предположение, что особая настойчивость чекистов в установлении савинковско-эльвенгреновских связей с кронштадтцами была спровоцирована концовкой заметки «Почему пал Кронштадт», содержавшей изложение беседы с «полковником Эльвенгренем, представителем Эвакуационного Комитета на Севере России» и напечатанной в газете *Свобода* 20 апреля 1921 г. (с. 2): «Следует отметить еще слух, упорно державшийся в Петрограде, о том, что Б. В. Савинков прибыл из Москвы в Петроград, чтобы лично руководить движением». В *Свободе* была напечатана и другая заметка на близкую тему, несомненно обратившая внимание следователей-чекистов. В ней говорилось о том, что погибший Ю. П. Герман выступал связным между петроградским подпольем и Народным Союзом Защиты Родины и Свободы. См.: «Борьба с революционным движением (От нашего Гельсингфорского корреспондента)», *Свобода*, 1921, 22 июня, с. 1.

аккомпанемент резкого усиления антисавинковской кампании в зарубежной русской прессе. Так, в середине сентября — конце октября 1921 года в находившейся тогда под контролем П. Н. Милюкова берлинской газете *Голос России* была помещена серия статей³¹, в которой давался обзор политической деятельности русских в Польше с конца 1920 по июль 1921 года, то есть до момента прибытия советских дипломатов. В ней анализировалась расстановка сил внутри Русского политического комитета, было охарактеризовано положение в частях интернированных русских солдат и описывалось создание и деятельность «Информационного бюро», занимавшегося разведкой на территории советской России и агитацией там среди населения. Именно на «Бюро» была возложена предварительная работа по организации «Союза Защиты Родины и Свободы» и формирование боевых отрядов для засылки на советскую территорию. В статье упоминалось проведение конспиративного съезда НСЗРС, но автор ее располагал только самыми общими, туманными сведениями об этом мероприятии. Тогда же в Берлине вышла брошюра одного из руководителей «зеленого» партизанского движения атамана Искры³², присоединившегося было осенью 1920 года к отряду Булак-Балаховича, но вскоре порвавшего и с ним, и с Савинковым³³. В составлении ее принимал непосредственное участие журналист А. П. Вольский (Гройним)³⁴, бывший, как и Искра, сотрудником газеты *Варшавский Голос*, выходившей с мая по сентябрь 1921 года и занявшей открыто просоветскую позицию³⁵. Брошюра Опперпуа выделялась на фоне этих антисавинковских публикаций тем, что останавливалась на самом последнем моменте деятельности Савинкова — создании Народного Союза Защиты Родины и Свободы с его грандиозными, амбициозными планами поднятия народного сопротивления на огромной части советской территории, и тем, что была написана одним из руководителей организации и авторов плана масштабного военного выступления.

³¹ Н. А., «Русские политические организации в Польше», *Голос России* (Берлин), 1921, 16 сентября, с. 2; 1 октября, с. 2; 6 октября, с. 2; 25 октября, с. 2; 26 октября, с. 2; 28 октября, с. 2.

³² Атаман Искра (И. А. Лохвицкий). *То, что было...* (Берлин, 1922).

³³ См.: «Атаман Искра», *Последние Новости* (Париж), 1921, 28 сентября, с. 3; «Заявление ат. Искры», *Последние Новости*, 1921, 19 октября, с. 1.

³⁴ См.: «Сводка разных сведений №4, составленная военным агентом в Данин Поточким», Hoover Institution Archives, Alexis A. von Lampe Papers, Box 2.

³⁵ См.: *Документы и материалы по истории советско-польских отношений*. Том IV. Апрель 1921 г. — май 1926 г. (Москва: Наука, 1966), с. 30–32.

Основную часть брошюры составляли личные воспоминания о НСЗРС — именуемом «вторым» для различения его с прежней организацией Савинкова (1918 г.) — и, в частности, о Западной областной организации, созданной самим автором. Существенным моментом является презрение Селянинова-Опперпута к «эмигрантщине» из-за неспособности «эмигрантов» руководить борьбой внутри России и их готовности принести русские интересы в жертву иностранным разведкам. В предисловии содержалось объяснение целей, подвигнувших автора на написание книжки:

Сейчас, когда Второй Народный Союз Защиты Родины и Свободы умер, и будем надеяться, что умер окончательно, я, как единственное постороннее лицо, присутствовавшее при воскрешении его, и как член Всероссийского Комитета Союза, считаю возможным, даже считаю своим долгом перед оставшимися в живых членами союза, поднять ту завесу, которая так плотно закрывала от их взоров процесс воскрешения, считаю своим долгом сорвать маски с могильщиков Второго Н.С.З.Р. и Св., представить их в истинном свете и поставить перед общественным судом бывших членов союза и вообще русских людей (с. 4).

Здесь обращают на себя внимание, с одной стороны, слова о долге автора перед «оставшимися в живых членами союза». Как явствует из цитированной выше статьи В. Шенталинского, огромное число рядовых членов Западной организации НСЗРС подверглось расстрелу сразу при разгроме организации в мае 1921 года, в то время как ее основатель, Селянинов-Опперпут, уцелел. В 1927 году Опперпут писал о лживости допрашивавших его чекистов, обещавших спасти от ареста и казни его товарищей по подпольной организации в случае, если он согласится сотрудничать со следствием.

Как, с другой стороны, понять замечание автора о себе как о «единственном постороннем лице» в составе «Всероссийского комитета»? Позднее соратники Савинкова придали фразе одиозный смысл, усмотрев в ней доказательство факта чекистской провокации. На самом же деле слова эти в брошюре подразумевали то, что, в отличие от всех остальных участников Комитета, Селянинов-Опперпут никогда в прошлом связей с Савинковым не имел, к первому НСЗРС не принадлежал и никаких особых симпатий к савинковской политической программе не питал. К тому же Опперпут был уполномоченным, прибывшим из советской России (с. 41), тогда как все остальные члены комитета были «эмигрантами». Из дальнейшего текста брошюры становится видно, сколь случайным был тактический альянс, возникший между Опперпутом и Савинковым в первые месяцы 1921 года. Опперпут оказался в НСЗРС неожидан-

но для себя самого, так как направлялся он в Польшу, чтобы установить контакт с Союзом Возрождения, а вовсе не с Савинковым. Только после пересечения границы, обнаружив, что варшавский Союз Возрождения никакой помощи подпольному движению внутри России оказать не в состоянии, Опперпут связался с Савинковым. Примечательно, что Савинков и его окружение в брошюре именуется «могильщиками» «второго» НСЗРС, как если бы, не будь их, организация могла благополучно процветать и осуществить поставленные перед собой цели.

Брошюра содержит довольно подробный и по-своему правдивый, даже бесхитростный рассказ, преследующий, можно сказать, двойную задачу. С одной стороны, рассказ Опперпута наделяет более живыми и интимными штрихами основную канву событий, как она была освещена в официальных документах ВЧК и Наркоминдела. С другой, он выдвигает объяснение причин быстрого внутреннего перерождения автора и осуждения попыток ниспровержения большевистской власти.

Книжку Селянинова-Опперпута нельзя считать «состряпанной в ЧК»³⁶, послушным исполнением пропагандистского задания: слишком много инициативы автор берет на себя и слишком сильно проявляются в ней личные его обиды и субъективные оценки. Так, Савинкову ставится в вину высокомерно-пренебрежительное отношение к людям с мест при чрезмерной поглощенности вопросами «высокой политики». После опроса во втором, Информационном отделе польского Генерального Штаба и посещения французской миссии Опперпут в течение двух дней не мог добиться аудиенции у Савинкова. Да и в ходе двух дальнейших, столь же кратких, визитов в Варшаву, уже получив от Савинкова ответственные задания и будучи облеченным большими полномочиями, Опперпут все же ни разу не удаивался более долгой, чем 15 минут, аудиенции у руководителя НСЗРС (с. 14—17). Вдобавок эти единичные встречи выявили, надо полагать, острые расхождения. При установке с зимы 1920—1921 года на стихийное повстанческое движение внутри Советской России Савинков, по словам Опперпута, никогда не придавал большого значения работе непосредственно на территории России, «оставаясь апологетом внешней интервенции, подготовке которой предался всей душой. Спровоцировать какими угодно средствами новую войну между Польшей и советской Россией, заручиться поддержкой Франции, подготовить к этому эмигрант-

³⁶ Борис Беленкин, *цит. соч.*, с. 122.

щину, общественное мнение стран Антанты и широких масс, вот была его главная цель. Он даже не интересовался положением вещей в России, а обо всем, что там происходило, у него было невероятно извращенное представление. Он все мерил своей мерой. Об каждом случае, каждом мероприятии советской власти у него было уже готовое заключение, как и о том, какое впечатление данное предприятие произведет на массы. Настоящее положение вещей его не интересовало, наше мнение, т. е. лиц, приходящих из России, он не выслушивал» (с. 44).

В разоблачении участия польского Генерального Штаба и французской миссии в подрывной деятельности против Советской России акцент — в отличие от обычных штампов советской пропаганды — ставится не столько на преступном характере связи этих органов с Савинковым, сколько на том, какому обману и «шантажу» они сами себя подвергают, вступив в этот контакт с ним. При этом ряд конкретных деталей в брошюре призван был показать, насколько малым было доверие иностранных разведок к савинковскому штабу. Как рассказывает Селянинов, второй его визит в Варшаву состоялся по вызову Виктора Савинкова в марте 1921 года, накануне Кронштадтского восстания; при этом обнаружилось, что причиной вызова была попытка, при помощи специально препарированной информации, создать у работников французской миссии впечатление о неминуемом скором вооруженном выступлении России в союзе с Германией и Латвией против Польши и Франции и тем самым добиться увеличения финансирования деятельности савинковской организации. В Информационном бюро французской миссии заинтересовались сведениями Опперпута о группе прогерманской ориентации в Гомеле и попросили собрать больше данных, но согласились отпустить дополнительные суммы и Западному областному комитету, и Всероссийскому комитету при условии, что информация Опперпута поступала бы прямо в миссию, а не через В. В. Савинкова (с. 27).

В какой-то степени освещение деятельности НСЗРС в брошюре Опперпута расходилось с картиной, данной в опубликованных официальных документах, начиная с ноты Наркоминдела от 4 июля. Если нота эта угрозу савинковских планов и замыслов рисовала с явными преувеличениями, то у читателя опперпутской брошюры возникало, наоборот, ощущение бутафорской несерьезности и полного непрофессионализма савинковского окружения, его непригодности к упорной и систематической политической или вооруженной борьбе.

Необходимо обратить внимание и на другой случай расхождения содержавшихся у Опперпута свидетельств с намерениями чекистского руководства. Как мы уже видели, неожиданно большое место, отведенное у Опперпута портрету Эльвенгрена, можно объяснить лишь особым значением этой фигуры для следствия. Однако содержание опперпутовских показаний, настояние на том, что Эльвенгрэн к петроградским боевым группам никакого отношения не имел и в Петрограде или Кронштадте вообще в 1921 году не бывал, вовсе не было на руку чекистам. Напротив, оно разрушало возводимую ими конструкцию, утверждавшую тесную связь между таганцевской и савинковской организациями! Ведь еще 16 августа 1921 года, незадолго до завершения следствия и расстрела членов таганцевской организации, следствие пыталось добиться от В. Н. Таганцева признания связи его группы с савинковцами³⁷. Симптоматично, что и позже, в июне 1927 года, в официальном извещении за подписью В. Р. Менжинского о расстреле врагов советской власти, Эльвенгрэн был упрямо назван «участником контрреволюционной таганцевской организации в Ленинграде, ликвидированной в 1921 году, участником Кронштадтского мятежа»³⁸.

Книга Селянинова подводила к мысли, что вина за провал и аресты его гомельской организации ложится исключительно на Савинкова и его заместителей. Эти страницы оказывались своего рода объяснением молниеносной «смены вех», пережитой автором. Вот как, например, изображался в ней Информационный (то есть разведывательный) отдел:

Большинство сотрудников отдела, начиная с адъютанта-секретаря начальника Отдела поручика Рудина, была офицерская молодежь (20— 25 лет), не имевшая ни малейшего понятия о конспирации. Остальные сотрудники были барышни, про которых сам Виктор Викторович говорил, что они через неделю после прихода Советской миссии будут ходить в советских ажурных чулках. Опытного конспиратора ни одного. Самые секретные документы, не исключая и карты, на которой были занесены все организации, отряды, ячейки союза вдоль всей Западной границы Советской России, начиная от Петрограда и кончая Киевом, хранились в обыкновенном чемодане в комнате В. В.,

³⁷ См.: Георгий Миронов. *Цит. соч.*, с. 47—48.

³⁸ «От коллегии Объединенного Государственного Политического Управления», *Правда* (Москва), 1927, 10 июня, с. 2. Об Эльвенгрэне (Юрье Элфвенгрэне) см. в кн.: М. А. Таргайнен. *Ингерманландский излом. Борьба ингерманландских финнов в гражданской войне на Северо-Западе России (1918—1920 гг.)* (С.-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001).

которая вдобавок очень часто оставалась пустой и открытой. Неудивительно, что в один прекрасный день чемодан исчез вместе со всем содержимым, т.е. и пресловутой картой, документами, печатями и несколькимистами тысяч польских марок. Поднялся шум на всю Варшаву. Была поставлена на ноги вся сыскная полиция. Наконец через две недели вора обнаружили. Все нашли в целости, за исключением денег, и успокоились, как будто со всего содержимого за это время нельзя было снять сотни копий, а при помощи печатей сделать сотни документов. Карта даже после всей этой истории продолжала считаться секретной, и когда В. В. делал мне, Коржеву и Гнилорыбову по ней доклад, то показывал не всю. Однако мне и всем, даже и рядовым членам Западной организации потом пришлось ее как следует рассмотреть, а именно тогда, когда мы уже сидели в тюрьме. Оказалось, что эта самая карта служит настольным пособием всех органов всероссийской Чрезвычайной комиссии³⁹.

Порядок хранения документов, однако, не изменился. Для иллюстрации постановки конспирации еще приведу следующую картину, которую, безусловно, наблюдала вся Варшава. Перед выходом из Брюля (где и помещается этот злосчастный отдел) установил свой аппарат уличный фотограф, фабрикующий полдюжины снимков с любой физиономии в пять минут. Вы скажете, какое нам дело до этого фотографа. Установил свой аппарат, так пусть себе и стоит. Нет, дело не в этом. Нужно спросить его самого, почему он тут стал, и он ответит, что из гост. Брюль ежедневно выходит много молодых людей, отправляющихся в Россию, и что они все перед отъездом у него снимаются. Действительно, так и было. Для получения документов на выезд в Россию нужно было представить во Второй отдел Польского Генерального Штаба две фотографические карточки; конечно, всякий тут же сбегал вниз и снимался. Но зачем в это посвящать фотографа? Последний раз пор. Рудин, принимая от меня снимки с моей физиономией, сказал: «напрасно Вы снялись у нашего фотографа, он у нас на подозрении». Я ахнул. Почему не приняты меры к его удалению или предупреждению хотя кого-нибудь об этом.

Случай с чемоданом меня здорово напугал, и я решил впредь ему своих тайн не доверять. Но ожидалась отправка к нам организаторов и партизанских отрядов, и необходимо было составить списки ответственных членов организации, явочные адреса, пароль и отзывы для прибывающих. Из всех больше доверия к себе внушал поручик Рудин.

³⁹ В июле 1921 г. в *Голосе России* и *Последних Новостях* появилось сообщение о происшедшем у Савинкова хищении из несгораемого шкафа документов и ценностей на огромную сумму. 27 июля Савинков напечатал в *Свободе* «Открытое письмо Милокову», в котором опровергал это сообщение и назвал его «от начала до конца ложью» (ср.: «Печать», *Последние Новости* (Париж), 1921, 31 июля, с. 2.). Данный рассказ Отперпута призван был дезавуировать опровержение Савинкова.

Составив список всех ответственных членов организации, до членов уездных Комитетов включительно, с указанием адресов и явок, я передал ему, наказав ни в коем случае не передавать Виктору Викторовичу, а зашить во внутреннем кармане пиджака, вынимая только тогда, когда он действительно понадобится. Он обещал его хранить, как зеницу ока. Я несколько успокоился, хотя карта меня все же тревожила: ведь на ней были нанесены и ячейки Западной организации. В тот же день ко мне в номер зашел полковник П<авловский> (он жил в той же гостинице, где и я), отправляющийся на днях не то с партизанскими отрядами, не то с группой организаторов в 30 человек на территорию Советской России⁴⁰. Он самым подлинным образом пролил на мой стол лужу слез, умоляя выручить его и отпустить для его группы 25 000 марок из средств Западной Организации. Только из-за недостатка этой суммы задерживается отправка его групп. Получив от Рудина подтверждение, что это действительно так, я выдал просимую сумму, тем более что он отправлялся в губернию, на территории которой все организации в ближайшем будущем должны были перейти в подчинение Западного Областного Комитета.

На следующий день после обеда, подходя к гостинице, я уже издал слышимые из нее звуки «Стеньки Разина», потом «Догорай, моя лучинушка», исполняемые пьяными голосами. Зайдя в гостиницу я справился у коридорного, в чем дело: тот открыто заявил, даже не зная, кто я такой, что полковник П. уезжает воевать с коммунистами и по этому поводу устраивают выпивку. Я понял, на что нужны были мои 25 000 марок. Я решил зайти к П., но то, что я увидел, когда зашел в его номер, меня окончательно убило. Номер полон народу. Некоторые уже вдрызг пьяные в лужах от различных напитков, а рядом с ними батареи опорожненных бутылок самых разнообразных форм. На одном диване в мертвецки пьяном бессознательном состоянии лежит пор. Рудин, на другом Виктор Строганов, как выразился П.: «гвардия верхом на диване, а пехота шлепает пешком в грязи», т.е. на полу в лужах от различных жидкостей. Среди пьяных шныряют и женщины тоже «в градусах». <...>

«Вдовушка», узнав, что я из России, как будто отрезвела и решила заняться мной, сразу забросав меня целым потоком весьма несурзных,

⁴⁰ Ср. показания С. Э. Павловского, данные им на Лубянке в 1923 г.:

«В конце Пасхи 1921 г. в Столбцы прибыл из России Селянинов (Оперпут-Упельниц) вместе с каким-то командиром полка. Они ехали в Варшаву к Викт<ору> С<авинкову>. Селянинов посвятил меня в свою работу, и когда я заявил ему, что в скором времени собираюсь идти в Россию, он дал мне соответствующие явки.

Селянинов произвел на меня самое приятное впечатление. Видно было, что он все близко принимает к сердцу и большие надежды он возлагал на помощь ЦК НСЗРиС в Варшаве. Вечером на следующий день по прибытии из России Селянинов уехал в Варшаву». — «Из показаний полковника С. Павловского», *Борис Савинков на Лубянке. Документы*. Научный редактор А. Л. Литвин (Москва: Росспэн, 2001), с. 288—289.

по моему убеждению, вопросов, откуда я, кто я, какую должность занимаю в Советской России и т.п. Я старался уклониться от ответов, но за меня начал уже отвечать П., что я начальник штаба советской армии и т. д. К моему счастью, он сам точно не знал, что я из себя представляю в Советской России. «Вдовушка» все же приставала, чтобы я пожертвовал ей бутылку вина, которая имеется в моем номере. «Откуда вы знаете?» — спросил я, удивленный ее осведомленностью. «Поручик Рудин сказал». Оооо, — подумал я, до такой уже детали договорились. Бутылка, как она объясняла, нужна для того, чтобы «докончить» Строганова, который никак не дает обещания устроить ее на службу в Информационном отделе. Я решил пожертвовать бутылку, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Когда я возвратился с вином, то нашел ее занявшейся с Рудиным, виноват... его бумажником, и о ужас! тем самым, в котором он вчера спрятал список ответственных членов Западной организации. Она несколько смутилась, но сейчас же оправилась и с невинным видом мне объяснила, что ищет гребенку, чтобы причесать косу. У меня по спине пробежали мурашки, и я поскорее ушел. Передо мной стоял кошмар. Судьба целой областной организации в руках проститутки. Проститутка слушала все разговоры, куда, когда и в чье распоряжение направляется целая группа организаторов. Она торгует собой. Разве не легче и не прибыльнее торговать другими.

Если конспирацию, основу всей подпольной работы, заменяла проституция, то что же говорить об остальном. Постановку работы на информационно-агитационных пунктах вы имели уже возможность наблюдать, следя за моими переходами через границу. Получаемая ими агитационная литература или лежала без движения, или, в лучшем случае, использовалась, как Луинецким информационно-агитационным пунктом, на завертывание селедок в пограничных кооперативах... Переходы через границу не были организованы; не были даже обследованы незаметные линии для проникновения к самой границе. Между тем, как показал мой опыт, так легко было организовать безопасные линии для перехода границы и передаточные пункты, если не на сотни, то, во всяком случае, на десятки верст в глубину Советской территории. Повсюду если не продажность и полное распутство, то, во всяком случае, преступное ничегонеделание и разгильдяйство. Становилось жутко. Все виденное и слышанное за мое последнее пребывание в Варшаве давило меня зловещим кошмаром. Провал в ближайшем будущем неизбежен. Мне он был настолько ясен, настолько очевиден, настолько я его считал неизбежным, что в день своего отъезда из Варшавы я написал своей семье, проживающей в Риге, что я возвращаюсь в Советскую Россию, откуда, по всей вероятности, уже не вернусь и где погибну, а поэтому оставляю у Рудина для пересылки через одну из Прибалтийских миссий сувениры для брата и сестры, а также свои последние фотографические снимки.

Благоразумие подсказывало одно — бежать из грязи самому в Россию, уже не возвращаться и крикнуть Западной организации — «Спа-

саясь кто может». Так и следовало сделать. Но я этого сделать не мог. Бросить на произвол судьбы организацию, которую я сам создал, в которую многие вошли только потому, что я стоял во главе ее, я был не в силах. Я решил вернуться обратно в Россию и возможно скорее или ликвидировать организацию безболезненно, или хотя оторваться от этой грязи, шантажа и шпионажа, пока еще гром не грянул. Я возвращался, но уже как жертва. Удар был уже занесен. В день отъезда Рудину было сообщено, что я вошел в состав Всероссийского Комитета, и предложено было заготовить мне соответствующее удостоверение. Вместе со мной выехал и сотрудник французской миссии, который должен был впредь постоянно находиться в Столбцах и там принимать мою корреспонденцию, чтобы таковая не попадала в руки г.г. Савинковых» (с. 53 — 57).

Обвинения, выдвинутые Опперпутом в брошюре против вопиющей халатности в вопросах конспирации и безопасности савинковской организации, исходили и от других наблюдателей. Вот что, например, писал Б. А. Бахметеву за несколько месяцев до книжки Опперпута В. А. Маклаков, в целом сочувственно в тот момент относившийся к Савинкову:

Однако, чтобы не вводить Вас в заблуждение, я все-таки хочу Вам сказать и некоторые минусы этой организации; главное, что в ней меня смущает, это то, что она поистине играет с огнем; атмосфера там ужасающая. Савинков живет надеждами на красноармейцев, на переход их к нему; они к нему, действительно, в массах и переходят, но наряду с порядочными людьми переходит и масса шпионов.

Дико вспомнить тот шум, который когда-то поднимали из-за одного Азефа, видя в нем шекспировский тип, необыкновенную силу умения играть двойную игру; Азефы теперь считаются десятками. Деятельность их приводит к систематическим провалам и крушениям в среде самой России; это не упрек и не критика; может быть, Савинков здесь ни в чем и не повинен, повинно только его положение, но в настоящее время Савинков своей деятельностью только кормит Чека.

Не примите этого, как довод за то, что от него нужно отречься. Я просто не хотел скрывать перед Вами этой стороны дела, которая режет глаз; об остальных, конечно, Вы догадываетесь сами⁴¹.

Второй раздел брошюры Опперпута составили характеристики всех руководителей НСЗРС — членов его Всероссийского комите-

⁴¹ Письмо Маклакова к Бахметеву, Париж, 9 сентября 1921 г. См.: «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919—1951. В 3 томах. Том 1. Август 1919 — сентябрь 1921. Общая редакция, вступительная статья, комментарии д-ра исторических наук О. В. Будницкого. Предисловие профессора Т. Эммонса (Москва—Стэнфорд: РОССПЭН, Издательство Гуверовского института, 2001), с. 486—487.

та, оформившегося к началу мая. В Борисе Савинкове Опперпут усмотрел двуличие во всем: в отношении к Врангелю он столь же неискренен сейчас, как был в прошлом по отношению к Керенскому. Так же двуличен он в принципиальных вопросах: в публичных заявлениях он демократ, противник еврейских погромов, в реальности же его армия «оставляет за собой пылающие еврейские местечки», а в своем кабинете в Брюле он советует «жидов» в союз не принимать (с. 43). Признавая в договорах независимость Украины и Белоруссии и даже Кубани, он у себя в Брюле смеется над самостийной Украиной (с. 44). Говоря о Викторе Савинкове, Опперпут обвинил его и сотрудников его информационного отдела в том, что, не имея никаких конспиративных способностей и навыков, они занимались прямой фальсификацией сведений, добытых из России, приспособливая их к собственным нуждам (с. 45—46)⁴². Автохарактеристика, завершавшая этот ряд портретов членов «Всероссийского комитета», частично вторила формулировкам опперпутского письма Менжинскому от 7 июля, обнажая «защитные», «покаянные» функции книжки. Компрометировавшие его в глазах советских инстанций обстоятельства были затушеваны, тогда как весь контрреволюционный эпизод предстал мимолетной и едва ли не случайной aberrацией, проявлением легкомысленного авантюризма, никак не вытекавшим из политических взглядов (близость к левому крылу эсеров), а просто подхватившим «общее оппозиционное настроение» того специфического момента (конец 1920 — начало 1921 года). Особенно знаменательно, на фоне тезиса об обращении Савинкова в последнее время к тактике террора, подчеркивание Опперпуттом своего принципиального ее неприятия:

Наконец, шестой и последний член Всероссийского Комитета я сам — Павел Иванович Селянинов. Т. к. я вполне согласен, что каждый человек хуже всего знает самого себя, то на себе долго останавливаться не буду. Происхожу из крестьянской семьи. Детство и юность провел в суровых условиях. Офицер военного времени в чине поручика. В подпольных организациях принял участие в начале октября 1920 года. До начала 1921 г. занимал ряд ответственных должностей в военных учреждениях и Штабах Красной Армии, Советской России. Моя жизнь — с начала 1921 г. изложена уже раньше. В легкой степени страдаю общим недостатком русского офицерства, истрепавшего свои нервы в

⁴² Об источниках и качестве разведывательной информации, поставлявшейся Савинковым польскому Генштабу и французской разведке, ср. данные, основанные на архивных документах и подтверждающие свидетельство Опперпута: Геннадий Матвеев, «Жертва польского русофобства», *Родина*, 1994, №12, с. 115.

течение шести лет в опасностях и лишениях, склонностью к авантюризму. По своим политическим убеждениям всегда примыкал к левому крылу эсеров. До 1921 года жил исключительно в России. Постоянное мое пребывание на территории Советской России давало мне, как в отношении знания психологии масс Советской России, так и условий и наиболее пригодных приемов и методов борьбы против Советской власти, значительное преимущество перед остальными членами Всероссийского Комитета.

Западная организация, которую в Всероссийском Комитете считали самой организованной (но не самой сильной), создана мною. В действительное состояние и в работу остальных организаций я не посвящался, и относительно их сами бр. Савинковы ограничивались только общими фразами. Мое отношение к террору до вступления в Н.С.З.Р. и Св. определилось в «основной инструкции для Западной организации», составленной мной лично в конце 20 г.⁴³. Отдельные экземпляры этой инструкции, по всей вероятности, сохранились у членов Западной организации: Громова, Смелова, Зорина, Басова, Коржева, Судоходова и др., но старые члены Западной организации наверно и так помнят ее. Этот абзац, поскольку я могу восстановить его, говорит следующее: «всякое вооруженное выступление без разрешения на то Областного Комитета, как общее правило, воспрещается и допускается только как мера самозащиты, для отбития арестованных членов, для расправы над провокаторами и шпионами и, в исключительных случаях, для захвата оружия. Сильные организации могут применять террор как меру возмездия за расстрелы ее членов, но каждый раз с особого на то разрешения Областного Комитета. Во всех вышеперечисленных случаях предлагается самим членам организации и ячейкам, по мере возможности, не выступать, а пользоваться действующими в данном районе повстанческими отрядами, для чего и надлежит в подобных случаях устанавливать с ними контакт, избегая, однако, постоянной прочной с ними связи» (с. 51—52).

Особый драматизм книге придавал подробный рассказ Опперпута о последних днях, проведенных на свободе, то есть после возвращения его из последней поездки в Варшаву, перед арестом всех членов его областной организации и задержанием его самого 26 мая. Согласно этому рассказу, организация, вступив в глубокий кризис, стала уже сама разваливаться, сочувствие крестьянских масс — таять, партизанское движение — сокращаться, в Западном областном комитете — расти недовольство тем, что никто из эмигрантских вождей не удосужился приехать. Но самое главное — появилось ощущение, что из-за отсутствия поддержки народных масс необхо-

⁴³ Т. е. до первой поездки в Варшаву.

димо отказаться от подпольной работы и выйти наружу, изменив всю программу и методы борьбы. Опперпут сразу написал об этом Савинкову, настаивая на вынесении этого предложения на рассмотрение съезда НСЗРС и угрожая в противном случае разрывом с варшавским центром. Одновременно он известил и Информационное бюро французской миссии в Варшаве о прекращении с 1 июня сотрудничества с ним (с. 57—61). Если такие письма были действительно отправлены, то адресатов они, по всей вероятности, все же не достигли. Узнав о том, что глава Западной организации задержан и не явился на съезд, некоторые в Варшаве предлагали совершить рейд на Минскую тюрьму с целью освобождения его из тюрьмы⁴⁴. Позднее, летом, в Польшу дошел слух о расстреле Опперпута в советской России⁴⁵.

В значительной своей части книга Селянинова-Опперпута — правдивый и обстоятельный отчет о том, с чем столкнулся автор, пытавшийся с конца 1920 года поднять антисоветское вооруженное выступление в Западной области, о разочаровании, постигшем его в результате нескольких посещений савинковского штаба в Варшаве, и о спаде народного движения к лету 1921 года. Но к точному и добросовестному рассказу о том, что Опперпут действительно увидел и узнал в Варшаве, в книгу добавлены несколько пассажей, своей чисто публицистической направленностью резко отличающиеся от основного текста. Эти публицистические вставки направлены трем различным адресатам. Во-первых, это обращенное к Савинкову и Эльвенгрону требование прекратить свою преступную деятельность. Благодаря этому брошюра в целом выступает своего рода субститутотом того плана, который Опперпут предложил в летнем письме к Менжинскому, когда вызвался отправиться с Лубянки в Польшу для окончательного разоблачения савинковской организации и для компрометации польской и французской разведок. В концовке книги можно усмотреть легкое (и несколько язвительное) сожаление, если не прямой упрек, по поводу того, что автору не дана была возможность полностью осуществить свое намерение:

По независящим от меня причинам я не могу принять в разоблачении гг. Савинковых того участия, которое я хотел бы принять. С боль-

⁴⁴ Борис Беленкин, *цит. соч.*, с. 121.

⁴⁵ «Из показаний полковника Орлова. Подробное описание моего пребывания в Польше с 1920 года по 1921 год». 7 апреля 1922 г. В кн.: *Борис Савинков на Лубянке. Документы*, с. 272.

шими затруднениями, при содействии некоторых моих друзей, мне удастся выпустить настоящую брошюрку; но я надеюсь, что все русские люди, которые против того, чтобы гг. Савинковы продолжали и впредь купаться в русской крови и в страданиях русских людей, что все русские эмигранты, которые пожелают отмежеваться от этих шантажистов, примут участие в их разоблачении.

Со своей стороны, я и мои друзья всегда будем готовы дать необходимые дополнительные справки (с. 66).

Вторым адресатом были те, с кем автор встретился или в Польше, или уже в заключении, в ходе следствия, и кого он призвал подтвердить (или опровергнуть) перечисляемые им конкретные факты:

Если же господами Савинковыми и г. Эльвенгренем мои требования исполнены не будут, я обращаюсь и прошу невольных жертв этих политических шантажистов, если они не желают прикрывать собой грязные проделки грязных людей, подтвердить в печати следующее:

а) Г. Шефа Английской Военной Миссии в Варшаве, с его адъютантом кн. Радзивиллом, что я, Павел Иванович Селянинов, Виктор Викторович Савинков и полковник польской службы граф Девойно Соллогуб, в первых числах мая с. г. были приняты в помещении Английской Военной Миссии и сделали доклад, содержание которого в общих чертах передано в настоящей брошюре.

б) Господ офицеров Французской Военной Миссии в Варшаве — майора Марино и капитана Дераш, что все переданное мною в настоящей брошюре, касающееся Французской Миссии, освещено правдиво. (За достоверность слов Орлова, что им было получены из Миссии обувь и деньги за сданные в Миссию, захваченные в Койданове документы, ответственности на себя не беру.)

в) Шефа Информационного Бюро Второго Отдела Польского Генерального Штаба г-на майора Бека — что мои письма, адресованные во Французскую Военную Миссию, за исключением одного, на имя майора Марино, которое было передано по назначению, у г-жи Орловой отобраны не были, а также осветить вопрос: было ли дано В. В. Савинковым разрешение на использование Вторым Отделом материалов, отобранных у г-жи Орловой? (с. 66)

Этот ряд призывов, обращенных к индивидуальным лицам, предназначался для того, чтобы придать повествованию больший вес. Но специальная задача разоблачения Эльвенгрена привела к включению в этот список и третьей группы адресатов — людей, к варшавским кругам никакого отношения не имевших:

з) Русских эмигрантов в Финляндии: что во время Кронштадтского восстания Эльвенгрен был в Финляндии и вообще в 1921 году в Петроград не выезжал.

и) Бывших членов Петроградской Боевой Организации, что Эльвентгрену никто не давал полномочий говорить от ее имени и что в период Кронштадтского восстания он в командующие не выдвигался (с. 66).

Как бы то ни было, ни члены Боевой петроградской организации после состоявшихся в конце августа расстрелов, ни варшавяне, ни эмигранты в Финляндии на пламенные призывы Опперпута не откликнулись, и эффект этой риторической фигуры оказался в конечном счете нулевым. Между тем, войдя в публицистическую экзальтацию, автор перешел к политическим нравоучениям более широкого плана, стремясь убедить читателей в том, что с лета 1921 года (то есть с момента его ареста) никакой почвы для антисоветской работы больше не существует:

Довольно какой бы то ни было подпольной борьбы против Советской власти. Если у нее есть ошибки и недостатки, не будем шептать из-за угла, а скажем ей это в глаза. Если она нас не слушает — будем апеллировать к народным массам, постараемся доказать им неправильность действий власти, а к голосу масс она прислушивается весьма чутко. Прислушиваясь к их голосу, она заменила продрозверстку продналогом, разрешила торговлю излишками и изменила в корне свою финансовую и экономическую политику. Таким образом безболезненно стираются наши разногласия и обозначается путь совместной работы, путь облегчения страданий народа, путь, ведущий к светлому будущему (с. 5).

Перечислив победы, одержанные советским режимом в последние месяцы, узник обращался к старому русскому офицерству с предостережением против превращения его в марионеток разных «политических проституток» вроде НСЗРС. В связи с созданием (а затем и разгоном) Помгола Опперпут убеждал голодающих в бессмысленности восстаний, указывая на разгром всех антисоветских заговоров в последние месяцы (с. 63—65).

Благородный пропагандистский пафос автора тюремной брошюры поразительным образом предвосхищает поведение Савинкова спустя три года, осенью 1924 года, во Внутренней тюрьме на Лубянке. Неясно, появились ли эти пламенные пассажи у Селянинова-Опперпута по прямому указанию властей или он прибег к ним по собственной инициативе в стремлении завоевать доверие своих тюремщиков. Но даже эти пассажи не устраняли некоторого ощущения двойственности и не создавали четкого впечатления решительного, бесповоротного перехода заключенного на идеологические позиции большевиков.

Вышла брошюра Опперпута в Берлине в самом конце ноября 1921 года. Насколько нам известно, это первый случай, когда арестованному и находившемуся в заключении, в камере смертников, по обвинению в государственном преступлении автору дана была возможность принять участие в агитационно-разоблачительной кампании за кордоном. По стопам Опперпута пошел эсер Г. Семенов (Васильев), издавший спустя несколько недель — несомненно, на средства советских инстанций — в том же Берлине и свою брошюру⁴⁶. Хотя обе книжки — аналогичные по направленности и даже, до известной степени, по стилистике «покаянные» документы, между ними есть существенные различия. Во-первых, Семенов не был узником тюрьмы, когда издавал свою книгу: он находился в Берлине и изъявил готовность вернуться в советскую Россию по первому требованию революционного трибунала, чтобы предстать перед законом⁴⁷. Во-вторых, труд Опперпута имел, так сказать, ретроактивную направленность: он освещал заключительный этап деятельности Савинкова в Польше, предшествовавший недавно состоявшемуся выдворению его соратников из Польши. Брошюра же Семенова расчищала путь к намеченному на лето 1922 года в Москве открытому процессу над руководителями партии социалистов-революционеров. Знаменательно в этом плане, что наряду с берлинским было выпущено и московское ее издание⁴⁸, тогда как книга Опперпута вышла только в Берлине и осталась практически неотмеченной как в Европе, так и в Советской России.

Совершенно ничтожный агитационный эффект сочинения Селянинова-Опперпута заставляет думать, что достоинства текста сами по себе не были решающим фактором его обнародования — оно, по-видимому, было обусловлено какими-то привходящими соображениями.

⁴⁶ Г. Семенов (Васильев). *Военная и боевая работа Партии Социалистов-Революционеров за 1917—18 г.г.* (Берлин: Типография Г. Германн, 1922). Текст в брошюре датирован 2 декабря 1921 года, а предисловие к ней — февралем 1922.

⁴⁷ См.: Марк Янсен. *Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров*, с. 44—45.

⁴⁸ Г. Семенов (Васильев). *Военная и боевая работа Партии Социалистов-Революционеров за 1917—18 г.г.* (<Москва:> Гос. издательство, 1922).

Глава 2

ОПЕРПУТ СТАНОВИТСЯ СТАУНИЦЕМ

В положении Опперпута в это время произошли существенные перемены. Те самые «друзья», которые взяли на себя устройство издания его труда в Берлине, поместили с ним в камеру еще одного смертника. Это был А. А. Якушев, которому предстояло стать центральной фигурой будущей чекистской «легенды» под названием «Трест». Подселение произошло, видимо, уже после того, как была написана брошюра Селянинова-Опперпута, но судьба автора решена еще не была и освобождения, о котором он умолял Менжинского летом, все еще не произошло. До 1917 года действительный статский советник, чиновник Министерства путей сообщения, перешедший после революции на службу советской власти, А. А. Якушев был арестован в ноябре 1921 в результате перехвата письма жившего в Ревеле эмигранта, представителя Высшего Монархического Совета Юрия Артамонова, служившего переводчиком в британской миссии. Письмо, адресованное его другу в Берлине Кириллу Ширинскому-Шихматову, содержало рассказ посетившего Ревель Якушева о подпольной монархической группе, созданной им в Москве¹. Перехваченным письмо оказалось из-за того, что Артамонов отправил его в Берлин через эстонского дипломата, находившегося под контролем советских чекистов².

Сейчас трудно судить, был ли Якушев арестован вследствие своих действительных (или мнимых) деяний³ или же из-за видов, ко-

¹ Письмо приведено в статье: Дмитрий Жуков, «Ключи к “Трем столицам”», в кн.: В. В. Шульгин. *Три столицы* (Москва: Современник, 1991), с. 424. См. также: *Политическая история русской эмиграции. 1920 — 1940 гг. Документы и материалы*. Под ред. профессора А. Ф. Киселева (Москва: Владос, 1999), с. 771; Natalie Grant, «Deception on a Grand Scale», *International Journal of Intelligence and Counterintelligence*, vol. 1, №4 (1986), pp. 54—56.

² Ср.: Теодор Гладков. *Награда за верность — казнь* (Москва: Центрполиграф, 2000), с. 113.

³ Т. Гладков по этому поводу туманно замечает: «Просто за монархические взгляды (не высказываемые, разумеется, в форме пропаганды), контрразведка

торые имели на него органы ЧК. Во всяком случае, он подвергся сильному давлению, целью которого было побудить его согласиться на участие в разрабатываемой чекистами монархической «легенде». Речь шла о крупной операции, позднее получившей кодовое название «Трест», в которой факт существования внутри России подпольной организации был бы использован в целях разложения зарубежных правых группировок и руководства белых армий и дезинформации иностранных разведок. С тех пор как в 1960-х годах появился роман Льва Никулина *Мертвая зыбь*, выдвижение этого плана приписывалось, как правило, А. Х. Артузову, с 1920 года начальнику Особого отдела ВЧК, в мае 1922 года назначенному главой новообразованного Контрразведывательного отдела (КРО) ОГПУ. Но в последние годы были названы и другие авторы идеи — польский контрразведчик, в 1920 году перешедший на сторону Советской России, Виктор Кияковский-Стецкевич⁴ и бывший шеф Отдельного корпуса жандармов В. Джунковский, после революции вставший на сторону большевиков и служивший в органах ЧК⁵. В ряде работ о «Тресте» создание его отнесено к ноябрю 1921 года⁶ (А. А. Якушев был арестован 22 ноября). Опперпут же датировал его январем 1922 года⁶. Такое несовпадение заставляет предположить, что названная им дата указывает на момент, когда в дело — пусть еще условно, в виде эксперимента — был вовлечен он сам, все еще находившийся в тюрьме. Но тогда можно догадаться и о роли, возложенной на него в зарождавшейся «легенде». Дело в том, что че-

во времена Артузова никого не арестовывала. А вот легкомыслие, сродни хлестаковскому, и тогда, и в последующие годы, в том числе и нынешние, не одного человека, и не обязательно плохого, заводило и в Бутырку, и в Кресты, и в Лефортово». — См.: Теодор Гладков. *Цит. соч.*, с. 103. По сведениям Д. Жукова, следствие по делу Якушева вел, как и следствие по делу Опперпута, Агранов. См.: Дмитрий Жуков, *цит. соч.*, с. 426.

⁴ См.: А. А. Папчинский, М. А. Тумшинс. *Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК* (Москва: Современник, 2001), с. 250.

⁵ См.: Теодор Гладков. *Цит. соч.*, с. 104—109; Владимир Антонов, Владимир Карпов. *Тайные информаторы Кремля* (Москва: Гея итэрум, 2001), с. 27—28. Ср. о послереволюционном периоде его биографии в статье: И. Пушкарева, З. Перегудова, «В. Ф. Джунковский и его воспоминания», в кн.: В. Ф. Джунковский. *Воспоминания*. В двух томах. Под общей ред. А. Л. Паниной. Том 1 (Москва: Издательство имени Сабашниковых, 1997), с. 22—23.

⁶ См., в частности: *Лубянка 2. Из истории отечественной контрразведки* (Москва, 1999), с. 189.

⁷ *Сегодня, 1927*, 17 мая, с. 2; Борис Беленкин, «Опперпутелинц (Э. О. Опперпут-Стаунитц и М. В. Захарченко-Шульц)», с. 118.

кистам не сразу удалось склонить Якушева к сотрудничеству в провокации⁸.

Встает вопрос, не способствовало ли «патриотическому» озарению и перерождению Якушева ежедневное общение с Опперпутом, обладавшим намного более богатым тюремным опытом и стажем и только что в своей брошюре призвавшим бывшее офицерство к полному сотрудничеству с советской властью. Польский историк «Треста» Ричард Врага выразил убеждение, что Опперпут поведал Якушеву в камере всю свою савинковскую эпопею и посвятил его в содержание своей брошюры⁹. Мы полагаем, однако, что Опперпут, хоть и был в самом деле приобщен к процессу «обработки» Якушева, выполнял это не в качестве Селянинова-Опперпута, а скорее всего в новом амплуа, в котором ему суждено было действовать после освобождения из тюрьмы, в «Тресте», — под именем Стауница. О том, что в реальности Стауниц — это Опперпут, и о роли Опперпута в разоблачении савинковцев Якушев узнал, кажется, много позже. Пикантность ситуации состояла в том, что за все годы существования «Треста», вплоть до его краха в апреле 1927 года, ни Стауниц, назначенный в «Трест» с заданием контролировать его, не догадывался о том, что Якушев и другие члены руководства организации являются агентами ГПУ, ни Якушев, присоединившийся к «легенде» после Стауница¹⁰, не был поставлен в известность о том, что его соратник по «Тресту» и бывший сокамерник выполняет в

⁸ Как признают современные исследователи, «в более ранних публикациях были слишком переоценены патриотические чувства Якушева, с одной стороны, а с другой — силы «обаяния» Дзержинского, Менжинского, Артузова, сумевших уговорить работать Якушева на советскую контрразведку. К нему, хоть и обезвреженному, но опасному врагу Советской власти, предпринимались и другие, более жесткие методы воздействия. Сам факт того, что в агентурную сеть КРО он попал из камеры смертников, ибо Якушеву за его преступления грозила смертная казнь, говорит о многом». — А. А. Папчинский, М. А. Тумшиц. *Цит. соч.*, с. 250—251. Следует добавить, что ряд членов МОЦР сразу был расстрелян, в то время как Якушев продолжал подвергаться обработке со стороны чекистов. См.: Дмитрий Жуков, *цит. соч.*, с. 425. Эта ситуация напоминает разгром Западной организации НСЗРС и судьбу ее руководителя Опперпута, также избежавшего расстрела, в отличие от многих рядовых членов. С другой стороны, по утверждению Б. Беленкина, «из чекистских источников следует, что провинность Якушева, за которую того арестовали в 1921 году, была совершенно незначительна». — Борис Беленкин, *цит. соч.*, с. 126.

⁹ Р. Врага, «Трест», *Возрождение*, тетрадь 7 (январь — февраль 1950), с. 121—122.

¹⁰ «Записки Опперпута». — Hoover Institution Archives. Nicolaevsky Coll., Box 300, folder 1.

этой организации задания чекистов. Как свидетельствует Л. Никулин, Опперпута-Стауница только весной 1927 года, накануне краха легенды, осенило, что все действия Якушева с самого начала совершались по сценарию, разрабатываемому чекистами, и что вся организация, в которую он был внедрен по заданию ГПУ, была сплошной мистификацией, «легендой»¹¹. «Игра втемную», таким образом, заняла исключительно большое место в общем плане, охватывая не только присланных из-за рубежа эмиссаров (Захарченко-Шульц и Радковича), но и основных «местных» действующих лиц. Каждый из них образовывал, так сказать, «подстраховочный» слой для ГПУ в «Тресте».

В этом свете заслуживает уточнения и функция издания «друзьями» Селянинова-Опперпута его брошюры. В контексте намечавшейся с ноября 1921 года операции «Трест» берлинская публикация была, с одной стороны, знаком доверия ЧК, оказываемого автору, а с другой, привязывала его к чекистскому окружению в той специфической «зоне повышенного риска», которая предполагалась в планируемой «легенде»¹².

Возникает вопрос, почему именно бывшего смертника надо было вовлекать в сложную, многофигурную игру, какой стала операция «Трест», в особенности если сочинение его, выпущенное в Берлине, сомнений относительно глубины его идеологического перерождения полностью не устраняло¹³. Ответом на этот вопрос может быть самый факт прохождения Опперпутом нескольких стадий проверки, каждая из которых повышала ценность его в глазах чекистов. Общий процесс испытания его лояльности включил в себя показания на следствии, легшие в основу дипломатических демаршей, направленных на выкорчевывание савинковцев из Польши; выполнение заданий по отслеживанию «савинковских» связей таганцевской организации; сочинение брошюры и, наконец, регули-

¹¹ Лев Никулин. «Мертвая зыбь. Роман», в кн.: Лев Никулин. *Избранные произведения*, том 2 (Москва, Художественная Литература, 1979), с. 337.

¹² Т. Гладков и Н. Зайцев замечают, что воспоминания Опперпута были изданы в Берлине «с ведома ГПУ, чтобы изобличить савинковцев и отрезать от них Опперпута». — Теодор Гладков, Николай Зайцев. *И я ему не могу не верить...* Изд. 2-с, доп. (Москва: Издательство политической литературы, 1986), с. 75.

¹³ «Кажется странной идея взять на службу, пользоваться услугами, доверять свои тайны человеку, который готовился отравить цианистым калием личный состав частей Красной Армии, человека, склонного «к резкой смене настроения»!» — Борис Беленкин, *цит. соч.*, с. 126.

руемое чекистами воздействие на Якушева со стороны новоявленного «Стауница». Результаты каждой из этих фаз проверки, по-видимому, перевешивали в глазах начальства возможный риск. Но самым главным являлось то, что рекрутирование в секретные сотрудники производилось органами ЧК вовсе не на началах стопроцентной лояльности и добровольности; значительную роль здесь играли разные способы и степени давления.

В гельсингфорских записках Опперпута, опубликованных в рижской *Сегодня* в 1927 году, содержится следующий рассказ о его возвращении в столицу после завершения таганцевского дела:

Вскоре я был снова отвезен в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму ВЧК.

Здесь меня познакомили с новыми средствами воздействия на психику и волю заключенных. Так, например, меня «по ошибке» отправили на расстрел, и «ошибка» была обнаружена только тогда, когда все остальные были на моих глазах убиты. Применялись в ВЧК и другие, не менее сильные меры: для побуждения арестованного служить секретным сотрудником ГПУ его бросали в подвал — на разлагающиеся трупы расстрелянных (это, между прочим, было проделано с финским подданным, генералом Эльвенгрен, который сейчас находится в сумасшедшем доме).

К этому времени моя воля была уже сломлена. Все меры воздействия были уже излишни.

Я решил стать секретным сотрудником ГПУ.

Что мне оставалось делать? Организация моя была разгромлена. Пыток выносить я больше не мог, как не вынес бы их каждый из тех, кто с такой неосторожной жестокостью забрасывает меня теперь камнями.

Покончить с собой? Но помимо того, что перейти в иной мир в большевицк. тюрьмах почти невозможно (в камерах более-менее видных контр-революционеров день и ночь дежурит чекист, записывая бред арестованного и проч.), — моя смерть только избавила бы ЧК от лишнего хлопот. Я полагал поступить в секретные сотрудники, войти в доверие к главарям ВЧК, изучить ее тайную работу и потом уже расшифровать всю деятельность ВЧК, принеся этим крупную пользу русскому делу. Это мне и удалось выполнить в значительной степени, хотя и поздно¹⁴.

По поводу вербовки Опперпута-Стауница в «Трест» авторы советской монографии об А. Х. Артузове пишут:

¹⁴ Эдуард Опперпут, «Опперпут о себе самом. (Показания чекиста-провокаатора Опперпута, данные им в Гельсингфорсе после бегства в СССР). Как я стал чекистом», *Сегодня*, 1927, 2 ноября, с. 3.

Обоснованность выбора, сделанного Артузовым, впоследствии не раз ставилась под сомнение, притом вполне резонно. И все же Артур Христианович об этом никогда не сожалел серьезно, даже тогда, когда Опперпут выкинул свой финальный неожиданный фортель. Было обидно и жалко этого запутавшегося человека, но объективность требовала признать, что дело он сделал — помог чекистам ввести в заблуждение зарубежных монархистов.

Чем руководствовался Артузов, когда обвел в достаточно длинном списке кружочком фамилию Опперпута? Немаловажными аргументами. Во-первых, Опперпут не имел никаких серьезных оснований по-настоящему глубоко ненавидеть Советскую власть. По происхождению он был крестьянин, и хотелось надеяться, что проснется же в нем когда-нибудь чувство солидарности с революционным народом. Во-вторых, Опперпут хотя и допустил уже довольно серьезные нарушения законов, но кровавыми цепями к заговорщикам прикован еще не был, всерьез контрреволюционных политических воззрений савинковцев не разделял.

Аргументы «за» позволили Артузову если не отказаться от последних сомнений, то, во всяком случае, пойти на риск с достаточно обоснованной верой в успех. Опперпут обладал достаточным умом, ловкостью, настойчивостью, личной храбростью. Быстро ориентировался в сложной обстановке. Наконец, своими показаниями (как тогда казалось, продиктованными искренним раскаянием и желанием искупить вину) он существенно помог следствию и отрубил тем самым все чалки, связывавшие его с савинковцами, с прошлым.

Артузов предложил Опперпуту включиться в борьбу с монархическими антисоветскими организациями, и тот охотно принял это предложение. Опперпута поселили в Москве под видом скромного советского служащего Эдуарда Оттовича Стауница, демобилизованного из Красной Армии, и он стал выполнять задания Артузова.

Бывший союзник Савинкова оказался не из простачков. Он всегда к месту заявлял о своей лояльности и делал это в меру искренно. При каждой встрече с Артузовым или его главным помощником по «Тресту» Владимиром Андреевичем Стырне Опперпут проявлял готовность преданно служить порученному делу. Единственное, чего он просил, — не отказывать в доверии, ибо он все равно уже не волен распоряжаться своей судьбой. <...> Но это доверие, как показали дальнейшие события, не было достаточно подкреплено действенным контролем. Артузов не учел полностью авантюристических склонностей и неустойчивого характера этой личности. Понял он это много позже, а пока что высказался об Опперпуте так:

— Опавший лист не возвращается на ветку...¹⁵

¹⁵ Теодор Гладков, Николай Зайцев. *Цит. соч.*, с. 81—82; ср.: Теодор Гладков. *Цит. соч.*, с. 96—98, 109—110.

В. Р. Менжинский одобранную Артузовым кандидатуру Стауница одобрил¹⁶.

Вот как вспоминал возникновение «Треста» сам Опперпут:

В середине Февраля <1922 года> мне было сообщено, что меня используют для контр-разведывательных целей, около 25 Февраля оформили мое зачисление в секретные сотрудники КРО и первого Марта освободили вовсе из тюрьмы¹⁷. Так как еще во время моего пребывания в тюрьме была выпущена книга «2-ой Народный Союз Защиты Родины и Свободы», в которой я не только отказывался от дальнейшей борьбы с советской властью, но и призывал последовать моему примеру других, то работать в контр-разведке под фамилией Опперпут я не мог. Мне была дана фамилия Стауниц, а имя и отчество сохранены настоящие. Прямо из тюрьмы меня направили на квартиру к Сосновскому Игнатию Игнатьевичу (Домбжинскому), у которого я прожил около трех недель. Никакой работы мне не давали. Сюда под предлогом поиграть в карты весьма часто заходил Кияковский, Роллер, Леппо, Пузицкий и даже Артузов, причем весьма часто вступал со мной в продолжительные беседы. Мне было очевидно, что целью их посещения являюсь я, что все они приходят изучать меня и оценивают, на какую работу применить. Точно сейчас не помню, кажется, в последних числах Марта, мне устроили комнату и службу в Московской таможне, и Кияковский сообщил, что я перехожу в его распоряжение для развития монархической легенды и дезинформации одного иностранного штаба. Кияковский несколько вечеров подряд знакомил меня с состоянием работы монархических зарубежных центров, давая весьма обстоятельные характеристики каждого из них, их взаимоотношениям, руководящим составом, значением и весом отдельных руководителей, планами их работы и т.д. Имевшиеся в распоряжении Кияковского сведения поражали меня своей полнотой, и я высказал восхищение осведомленностью ГПУ и мощью этого органа. Кияковский ответил, что он и высшее начальство далеко не считают достигнутые результаты удовлетворительными, поскольку ГПУ еще не в состоянии руководить деятельностью зарубежных национальных центров, и развернул передо мной смелый план организации крупной легенды, которая, подкупив штабы лимитрофных государств качеством и количеством сведе-

¹⁶ Теодор Гладков, Николай Зайцев. *Цит. соч.*, с. 81; ср.: Теодор Гладков. *Цит. соч.*, с. 100—102. Ср.: «Заместителем Якушева по финансовым делам было решено сделать агента ВЧК — бывшего царского офицера Опперпута, под фамилией Стауниц. Это назначение оказалось серьезным просчетом Артузова, не принявшего во внимание авантюризм и неустойчивость характера Опперпута. — «Операция “Трест”», *Очерки истории российской внешней разведки*. Том 2. 1917—1933 годы (Москва: Международные отношения, 1996), с. 115 (автор главы — С. М. Голубев).

¹⁷ Соответствующее постановление ВЧК датировано 28 февраля 1922. См.: Борис Беленкин, *цит. соч.*, с. 126.

ний о красной армии, в последующем своем развитии при помощи штабов должна будет подмять под себя все зарубежные монархические центры и навяжет им тактику, разработанную ГПУ, которая гарантирует им разложение от бездействия на корню»¹⁸.

Замечательно, сколь сильным в кругу чекистских «инструкторов» Опперпута было присутствие таких же, как и он, оборотней-перебежчиков и сколь влиятельным оказывалось их положение в секретных органах советской власти. Под именем Сосновского, взявшего Опперпута под свою специальную опеку¹⁹, в ЧК работал бывший крупный польский разведчик, офицер Второго отдела польского Генерального Штаба, начальник информационно-разведывательного бюро по Советской России Игнатий Добржиньский, арестованный в июне 1920 года в Москве и выдавший советским органам всю разведывательную сеть Польской Организации Войсковой (ПОВ) в России. Историки сообщают:

В допросах Сосновского-Добржиньского принимали участие как Артузов, так и Менжинский с Дзержинским и Мархлевским, последние убедили арестованного «прекратить борьбу с Советской властью». Сосновский «по договоренности с ними» доставил в Особый отдел ВЧК скрывавшихся от ареста Марию Пиотух (резидент в Орше), Виктора Мартыновского и Виктора Стецкевича (Кияковского) (резидента в Петрограде). Часть бывших сотрудников бюро Сосновского (в первую очередь Кияковского-Стецкевича, Гурского-Табартковского и др.) привлекли к работе в «комиссии Артузова»: они вместе с чекистами выезжали брать так называемые «начальные комендатуры» ПОВ, служившие опорными пунктами польской военной разведки. Практически всегда в этих операциях участвовал лично как Артузов, так и Сосновский²⁰.

Хотя на фоне разгрома польской резидентуры в Советской России и перехода Добржиньского на сторону ЧК Опперпут выглядел более мелкой сошкой, решение о его привлечении к чекистским акциям было продиктовано, по-видимому, сходными соображениями.

¹⁸ «Записки Опперпута». — Hoover Institution Archives. Nicolaevsky Coll., Box 300, folder 1, с. 4—6.

¹⁹ По утверждению А. Здановича, именно Сосновский склонил Опперпута к сотрудничеству с чекистами. См.: Александр Зданович, «Свой или чужой? — Свой!», в кн.: *Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век* (Москва: Гелеос, 2000), с. 209.

²⁰ А. А. Папчинский, М. А. Тумшис. *Цит. соч.*, с. 243—244. Ср.: Александр Зданович. *Свои и чужие — интриги разведки* (Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2002), с. 223—240; Теодор Гладков. *Цит. соч.*, с. 89; 522—523.

Такое окружение должно было служить вдохновляющим фактором для бывшего смертника. Арест по политическим или экономическим обвинениям и тюремное заключение не было препятствием для получения и выполнения самых деликатных заданий и для самых ослепительных карьер на новой стезе.

Чекисты не гнушались услугами явно беспринципных проходимцев. Приведем пример головокружительного сальто-мортале одной из наиболее ярких фигур в органах ЧК этого времени. Двадцативосьмилетний Я. И. Серебрянский был мобилизован в центральный аппарат ВЧК в мае 1920 года, а по демобилизации поступил на работу в московскую газету *Известия*. Спустя полгода, 2 декабря 1921 г. он как правый эсер был арестован засадой ЧК и находился в заключении под следствием. Напомним, что в это время началась подготовка к процессу над партией социалистов-революционеров, назначенному на лето 1922 года. Далее биографическая справка, составленная Колпакиди и Прохоровым, сообщает:

29.03.22 Президиум ГПУ, рассмотрев вопрос о принадлежности Серебрянского к эсерам, вынес решение: его из-под стражи освободить, взять на учет, однако *«лишить... права работать в политических, розыскных и судебных органах, а также в НКВД»*.

В 1922—1923 сотрудник, зав. канцелярией Нефтетранспортного отдела треста «Москвотоп». Был арестован по подозрению во взяточничестве. Находился под следствием по делу треста. Был взят на поруки и освобожден.

Взятый на поруки Серебрянский был принят в октябре 1923 года кандидатом в члены ВКП(б), в следующем месяце был назначен на закордонную работу ОГПУ и уже в декабре выехал, в качестве помощника Я. Блюмкина, на нелегальную должность в Палестину. После того как летом 1929 года было принято решение о похищении генерала Кутепова, Серебрянский вместе с заместителем начальника КРО ОГПУ С. В. Пузицким выехал в Париж для руководства этой операцией и был по ее завершении награжден орденом Красного Знамени²¹.

²¹ А. И. Колпакиди, Д. П. Прохоров. *Внешняя разведка России* (С.-Петербург: Нева — Москва: Олма-Пресс, 2001), с. 348—349. См. также: Александр Колпакиди, Дмитрий Прохоров. *КГБ: Спецоперации советской разведки* (Москва: АСТ, 2000), с. 541—548; Теодор Гладков. *Цит. соч.*, с. 422—425; Алексей Полянский. *Ежов. История «железного» сталинского наркома* (Москва: «Вече», «АРИА-АиФ», 2001), с. 143—144; Павел Судоплатов. *Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля* (Москва: Гя, 1996), с. 68.

Назначая «Стауница» в «Трест», руководство ГПУ, по всей видимости, особенной озабоченности в отношении недостаточной чистоты его кандидатуры не испытывало, полагая, что переброска бывшего смертника с «савинковского» фронта на «монархический» служит достаточной гарантией его добросовестности. С другой стороны, не очень стесняла их и сама по себе «запятнанность», скомпрометированность того или другого сотрудника. Так, скажем, Б. Ф. Лаго был по меньшей мере дважды — в 1923 и в 1930 годах — разоблачен в эмигрантской прессе и в эмигрантских кругах как агент ГПУ и даже отсидел в румынской тюрьме несколько лет по обвинению в советском шпионаже²², но все это время его не переставали использовать за границей в шпионской и провокаторской работе советских органов²³.

Внедрение Опперпута в «Монархическую организацию центральной России» состоялось весной 1922 года, до того, как ее возглавил Якушев. После Рейхенгальского монархического съезда 1921 года советская разведка с особыми опасениями следила за деятельностью этого сектора эмигрантской политической жизни. Тревога резко усилилась в связи с победой фашистов в Италии осенью 1922 года и реакцией на нее в правом лагере русской эмиграции. Советский политический комментатор писал по этому поводу:

Поскольку три основные политические группы эмиграции — монархисты, демократы и социалисты — фатально объединяются общей борьбой против советской власти, постольку в результате торжества фашизма, все выгоды положения: единство настроений, четкость политических задач и т. д., оказываются и окажутся в будущем на стороне монархистов.

Благодаря победе итальянского фашизма, гегемоном борьбы против Советской России становится черный стан эмиграции — монархисты²⁴.

После того как Якушев согласился на сотрудничество с ГПУ, МОЦР одержал целый ряд внушительных успехов по расширению

²² См.: В., ««Ценное» приобретение третьей эмиграции», *Возрождение*, 1930, 9 августа, с. 3; «Из воспоминаний Б. Ф. Лаго» (1930), *Политическая история русской эмиграции. 1920—1940 гг. Документы и материалы*. Под ред. профессора А. Ф. Киселева (Москва: Владос, 1999), с. 635—637.

²³ Ср.: Владимир Антонов, Владимир Карпов. *Тайные информаторы Кремля*, с. 31—32; 40—41.

²⁴ А. Романский, «Фашизм и белая эмиграция», *Международная Жизнь. Издание Народного Комиссариата Иностранных Дел* (Москва), 1922, №17 (135), 31 декабря, с. 28.

контактов с эмиграцией. 14 ноября 1922 года Якушев был командирован в Берлин. По дороге он встретился в Риге с Ю. А. Артамоновым и П. С. Араповым (племянником Врангеля) и в их сопровождении продолжил поездку, чтобы встретиться в Германии с руководителями ВМС²⁵. На лидеров Высшего Монархического Совета рассказ Якушева о своей организации и ее программе произвел большое впечатление; идеи Якушева просочились даже на страницы официального издания монархистов *Еженедельник Высшего Монархического Совета*. МОЦР установила связь вначале с эстонской, затем с польской разведкой — самой сильной в странах-лимитрофах, и в марте 1923 года Артамонов из Ревеля перебрался в Варшаву в качестве резидента «Треста»²⁶. В Таллинне на его месте остался негласный председатель РОВС в Эстонии Щелгачев (Второв). В столице Польши возник центр, ставший главной базой «Треста» вне советской России. Ричард Врага вспоминал:

Связь с М.О.<Ц.>Р. казалась настолько плодотворной и, одновременно, настолько дешевой, как в смысле человеческих сил, так и в смысле материальных расходов, что она полностью поглотила работу разведок. К чему было строить собственные линии, к чему прибегать к рискованной агентурной работе, к чему выбрасывать большие деньги, когда почти еженедельно из Москвы в дипломатических вализах доставлялись красиво запечатанные конверты, содержащие ответы почти на все вопросы и дававшие большую надежду на углубление и расширение разведки во всех направлениях²⁷.

В распоряжении МОЦР находились услуги польской дипломатической почты²⁸. Через польские круги Якушев установил связи и с другими западными разведками, включая английскую. В Эстонию сфабрикованные ГПУ бумаги передавались через Романа Бирка, вначале пресс-атташе эстонской миссии, а затем дипкурьера МИДа, ставшего советским агентом. Созданный 6—8 мая 1922 года контрразведывательный отдел (КРО) ОГПУ образовал специальное дезинформационное бюро, финансировавшееся целиком из средств,

²⁵ «Операция “Трест”», *Очерки истории российской внешней разведки*. Том 2. 1917—1933 годы, с. 115.

²⁶ С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы* (Канада: Заря, 1974), с. 8; Natalie Grant, «Deception on a Grand Scale», p. 58.

²⁷ Р. Врага, «“Трест”», *Возрождение*, тетрадь 7, с. 126. Ср.: Б. Николаевский, «Уроки “Треста”», *Народная Правда* (Париж), № 7—8 (май 1950), с. 21—26.

²⁸ ХХХ <С. Войцеховский>, «Легенды и действительность. Материалы о “Тресте”», *Возрождение*, тетрадь 15 (май—июнь 1951), с. 128.

поступавших от иностранных разведок в оплату за предоставление секретных материалов²⁹. По словам Папчинского и Тумшиса,

начало работы МОЦРа сразу дало положительные результаты — агенты ОГПУ уже в 1922 году завязали контакты с разведорганами Эстонии, Польши, а чуть позднее с разведками Финляндии, Латвии. <...>

Столь плодотворная деятельность агентуры КРО ОГПУ давала Артузову возможность отмечать в своих отчетах ЦК партии, что «за 1923—1924 гг. удалось поставить борьбу со шпионажем на такую ступень, при которой главные европейские штабы были снабжены на 95 процентов материалом, составленным по указанию Наркомвоена и НКИДа, и имеют, таким образом, такое представление о нашей военной мощи, как этого желаем мы. Мы имеем из этих штабов документальные доказательства справедливости такого нашего мнения»³⁰.

Установление параллельных сношений с лидерами русских эмигрантских кругов и с западными разведками создавало благоприятные условия для маневров. Два этих канала, то скрещиваясь, то функционируя раздельно, взаимно «корректировали» друг друга в соответствии с планами Москвы. Широкое использование услуг «Треста» западными разведками повышало его статус в глазах эмигрантских деятелей, ослабляя или устраняя возникавшие подозрения по его адресу.

В правом лагере русской эмиграции происходила тогда резкая перегруппировка сил. Врангель отказался от политической деятельности, заявив 20 сентября 1922 года о готовности повести армию за великим князем Николаем Николаевичем³¹. Уполномоченный Врангелем Кутепов, встретившись в марте 1923 года с великим князем, сумел убедить его принять на себя «водительство» армией и народом. Для более тесных контактов великий князь переехал из Антиб в предместье Парижа Шуаньи. Весть о существовании монархического подполья в советской России вызвала большие надежды как среди лидеров находившегося в процессе оформления монархического движения в эмиграции, так и в военных ее кругах. По

²⁹ Теодор Гладков, Николай Зайцев. *Цит. соч.*, с. 87.

³⁰ А. А. Папчинский, М. А. Тумшис. *Цит. соч.*, с. 251—252; Владимир Мерзляков, «КРО ОГПУ: Люди и судьбы двадцатых (Попытка осмысления спустя десятилетия)», в кн.: *Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век* (Москва: Гелеос, 2000), с. 230; ср.: *Лубянка 2. Из истории отечественной контрразведки*, с. 181.

³¹ Владимир Козлитин. *Русская и украинская эмиграция в Югославии 1919—1945* (Харьков: РА, 1996), с. 242.

поступавшей через разные каналы информации монархическая организация в советской России обеспечила себе влияние в высших военных кругах и хозяйственных организациях буржуазных специалистов. Представители «Треста» привозили из России обнадеживающие сведения о том, что страна устала от коммунизма и находится в брожении; поэтому свержение власти — вопрос недолгого времени. Легкость, с какой агенты «Треста» пересекали границу в обоих направлениях, служила доказательством того, что их люди находятся на всех уровнях советского руководства, включая ГПУ и пограничников³².

Программа МОЦР состояла в отказе от интервенции и террора, постепенном проникновении в советский аппарат, накапливании кадров для будущего государственного переворота³³. В своих сношениях с эмиграцией агенты «Треста» первоначально искали лишь финансовой поддержки для своей деятельности. Но когда им удалось установить тесные контакты с различными флангами правого движения, эмиссары из Москвы получили в свои руки рычаги воздействия на игру политических сил эмиграции. В военной сфере их в первую очередь интересовал Врангель, а также набиравший все большее влияние Кутепов.

7 августа 1923 года Федоров (А. А. Якушев) встретился в Берлине с группой близких к Врангелю лиц. Это обозначило собой поворотный пункт в интригах, которые вел «Трест»: если ранее его контакты сводились к Высшему Монархическому Совету, то теперь голос «трестовиков» мог быть услышан более умеренными, чем Марков 2-й, представителями правых кругов. На встрече присутствовали А. А. фон Лампе, Н. Н. Чебышев, глава врангелевской контрразведки Е. К. Климович и В. В. Шульгин. Согласно дневнику Лампе, Якушев представил им доклад, тезисы которого состояли в следующем. В России происходит распад большевизма, «ищут замену Ленину». Ставка делается на Георгия Пятакова как на человека русского и, главное, «ярого антибольшевика». Режим опирается на армию, ядро которой составляют «части особого назначения», дислоцированные в Москве и Петрограде — «у Зиновьева».

³² Richard Pipes. *Struve: Liberal on the Right, 1905—1944* (Cambridge, Mass. and London, England: Harvard University Press, 1980), pp. 367—371; Ричард Пайпс. *Струве: правый либерал. 1905—1944* (Москва: Московская школа политических исследований, 2001), с. 258—262.

³³ Теодор Гладков, Николай Зайцев. *Цит. соч.*, с. 82—83; Дмитрий Жуков, *цит.соч.*, с. 426.

В самом Кремле — «2 тысячи янычар-курсантов». Ориентироваться надо на антибольшевистские силы Красной Армии. Не следует преувеличивать роль эмиграции в борьбе с Советами. Нужны новые люди³⁴. После ухода Якушева присутствующие поделились впечатлениями, и мнения разошлись. Чебышев был единственным, кто категорически расценил «Трест» как мистификацию ГПУ; другие склонны были Якушеву поверить. Руководство Высшего Монархического Совета, узнавшее о встрече, было уязвлено и встревожено установившимся контактом МОЦР с «врангелистами», но Якушеву, отправлявшемуся в Париж, удалось разрядить возникшее напряжение, и Марков дал ему рекомендательные письма к лицам из ближайшего окружения великого князя. Встретившись в Париже с представителями Врангеля генералами Миллером и Хольмсенем, Якушев показал им эти письма, доказывавшие интриги В.М.С. против Врангеля. Таким образом, «Трест» оказывался в центре борьбы за влияние разных флангов монархического лагеря на великого князя. Чекистские щупальца проникли к самому нерву эмигрантской политической активности. Миллер и Хольмсен согласились устроить аудиенцию Якушева у Николая Николаевича, во время которой руководитель «Треста» заверил великого князя, что МОЦР передаст себя в его распоряжение³⁵. Высший Монархический Совет оказался с 1924 года в стороне от деятельности «Треста»³⁶, и это привело к ослаблению его влияния на великого князя.

Помимо игры на разногласиях между политической руководством правого крыла эмиграции и руководством ее военных кругов, «Трест» искусно пользовался возникшими с 1923 года расхождениями между генералами Врангелем и Кутеповым. Предполагалось, что конфликт в Советской России между Троцким и Сталиным приведет к скорому падению коммунистического режима, и военные ресурсы эмиграции должны быть готовы к моментальной реакции на события в стране с тем, чтобы оказать решающее воздействие на исход борьбы. В отличие от Врангеля, выступавшего за сохранение армии в боевой форме для решающих битв в неопределенном будущем, Кутепов настаивал на активном продолжении вооруженной борьбы, пусть и средствами индивидуального террора и диверсий,

³⁴ Генрих Иоффе, «“Трест” каким он был», *Московские Новости*, 1997, 27 июля — 3 августа, с. 23.

³⁵ «Операция “Трест”», *Очерки истории российской внешней разведки*. Том 2. 1917—1933 годы, с. 116.

³⁶ ХХХ <С. Л. Войцеховский>, *цит. соч.*, с. 120.

подобными тем, к которым прибегали революционеры в борьбе с царским режимом. Он приступил к мобилизации добровольцев и подготовке засылки их через границу. В целях углубления контактов «Треста» с военными кругами эмиграции формальным руководителем МОЦР был провозглашен генерал-полковник царской армии, а в советское время профессор Военной академии и секретный сотрудник органов ГПУ А. М. Зайончковский, и в руководство вошел генерал-лейтенант царской армии Н. М. Потапов, занимавший высокую должность в верховном командовании Красной армии. При МОЦР был создан военный штаб. 19 октября 1923 года Якушев и Потапов перешли вместе границу — впервые через установленное в Польше «окно». По полученному с помощью польского генштаба паспорту Потапов отправился в Сремские Карловцы к Врангелю, который, однако, согласившись с Чебышевым в подозрениях относительно МОЦР, воздержался от предложений «Треста» о каких бы то ни было совместных действиях³⁷. Тем не менее в своем выступлении 15 декабря 1923 года перед офицерским собранием Врангель не преминул сослаться на установление прямых контактов с Москвой: «За истекший год нам удалось связаться и с внутренними русскими силами. Работа их идет медленно...»³⁸

Кутепов проявил бóльшую, чем Врангель, решительность в установлении тесных связей с «внутренней Россией». В октябре 1923 года, как раз когда руководители МОЦР Якушев и Потапов находились в отъезде, в Москву прибыли — впервые по линии «Треста» — эмиссары Кутепова супруги Шульц — М. В. Захарченко и Г. Н. Радкович. Их прибытие «значительно осложнило ведение игры “Трест”»³⁹. Для создания у М. В. Шульц впечатления о существенной роли ее в «Тресте» организация возложила на нее функции передаточного звена шифрованных сообщений, направляемых в польскую и эстонскую разведки. Сравнительно частые переходы М. В. Захарченко-Шульц

³⁷ С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы* (Канада: Заря, 1974), с. 8.

³⁸ Владимир Козлитин. *Русская и украинская эмиграция в Югославии 1919–1945*, с. 242.

³⁹ «Операция “Трест”», *Очерки истории российской внешней разведки*. Том 2. 1917–1933 годы, с. 117. Ср. рассказ Радковича и Захарченко, приведенный в статье: Н. Виноградов, «Правда о свидании большевистского агента Якушева-Федорова с великим князем Николаем Николаевичем», *Возрождение*, тетрадь 48 (декабрь 1955), с. 114–117. См. также: Paul W. Blackstock. *The Secret Road to World War Two. Soviet Versus Western Intelligence 1921–1939* (Chicago: Quadrangle Books, 1969), p. 50–56.

через «окна» и посылавшиеся ею из Москвы секретные отчеты Кутепову должны были стать для последнего гарантией подлинности и активности деятельности МОЦР. Теперь уже не просто свидетельства приехавших из Москвы руководителей «Треста» и поставка документов разведывательного характера служили индикаторами влияния и мощи «Треста», но и осуществлявшееся супругами Шульц повседневное наблюдение над жизнью подпольной организации. Стауниц стал курировать от лица руководства «Треста» новоприбывших эмиссаров. Произошло это во многом вопреки намерениям чекистов, не вполне доверявших ему. Однако необходимость соблюсти полную правдоподобность «легенды» и ничем не спугнуть кутеповских «контролеров» заставила руководство ГПУ смириться с фактом сближения Стауница и гостей из Парижа⁴⁰. К его функциям в организации прибавилась новая и, может быть, наиболее важная и опасная.

За два года до того Опперпут в своей брошюре о НСЗРС писал: «В самую основу новой организации была положена ими ложь, интриги и фальшь: они превратили ее в аппарат шпионажа против Советской России, для обслуживания разведывательных Бюро Иностранных держав. Они думали сделать ее устойчивой при помощи гнусного шантажа...»⁴¹ Теперь он был вынужден служить в организации, образовывавшей собой гротескную инверсию той ситуации, которую он с таким жаром осуждал, находясь в тюрьме.

Появление супругов Шульц подводило Стауница к существенному перелому в умонастроении и пересмотру прежних политических оценок и предпочтений. Самый характер и содержание «легенды» предстали перед ним в новом свете под впечатлением от встречи с кутеповскими эмиссарами. Свои функции он переставал воспринимать как целиком «патриотические» (дезинформация западных генштабов) или «антимонархические» (наблюдение за МОЦР). «Трест» становился для него объектом гадания в сложной комбинации сил политической игры, куда вовлечены такие крупные фигуры, как Кутепов, Врангель или великий князь Николай Николаевич. Всепоглощающая готовность «галлиполийцев» — супругов Шульц — к самопожертвованию в борьбе с властью большевиков заставили Стауница взглянуть без прежнего презрения и на «белое дело», и на «эмиграцию». Они ничем не напоминали «краснобая» и

⁴⁰ Лев Никулин. *Цит. соч.*, с. 157—158.

⁴¹ П. Селянинов-Опперпут, бывший член Всероссийского Комитета Н.С.З.Р. и С. *Народный Союз Защиты Родины и Свободы* (Берлин, 1922), с. 4.

«шантажиста» Савинкова и его окружение. Супруги Шульц создавали прямой канал связи с Западом, с Кутеповым. С их появлением центральное место Стауница в «Тресте» закрепилось не столько по распоряжению «сверху», сколько в соответствии с непредвиденной логикой происшедшего. Общение с М. В. Захарченко-Шульц придавало вес «парижскому» ответвлению организации, а Кутепов воспринимался почти как непосредственный партнер. Роль, принятая на себя Опперпутом, становилась для него осязаемой реальностью.

С другой стороны, «неприкасаемый» статус, предоставленный супругам Шульц чекистами, вытекал из особого интереса ГПУ к генералу Кутепову. ГПУ решило усилить позиции Кутепова в растущем соперничестве с Врангелем (охватывающем, в частности, и конкуренцию по линии связей с «внутренней Россией») и обеспечить благоприятные условия для тесных контактов генерала с руководителями «Треста»⁴². Не только «провал» Захарченко-Шульц, но даже и любое серьезное подозрение гостии относительно аутентичности «Треста» могло поставить под удар все достижения Якушева и Потапова и лишить ГПУ контроля над центрами политической и общественной активности эмиграции. Наличие кутеповских курьеров в Москве и их повседневный контакт с МОЦР способствовали принятию вел. кн. Николаем Николаевичем в марте 1924 года решения о переводе генерала Кутепова под свое начало и сосредоточении в его руках всей внутрирусской (боевой) работы. 6 июня 1924 года в Данциге состоялась первая встреча Якушева с Кутеповым, после которой оба направились в Шуаньи для аудиенции с Николаем Николаевичем⁴³. Конечно, такая аудиенция не могла бы состояться, если бы содержание отчетов кутеповских посланцев в России не оправдывало ее проведения. Для контраста интересен следующий факт. Как пишет Л. М. Голубев, «генерал Врангель, в свою очередь, и без согласования с МОЦР послал в СССР своего представителя Бурхановского. Чтобы показать Врангелю, что всякие действия без предварительной договоренности с МОЦР могут

⁴² По словам чекиста-ветерана В. Мерзлякова, Кутепов, «поверив в реальность “Треста”, был “утвержден” его полномочным представителем в Париже и подробно информировал Москву о развитии ситуации в Европе». См.: Владимир Мерзляков, «КРО ОГПУ: люди и судьбы двадцатых (Попытка осмысления спустя десятилетия)», в кн.: *Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век*, с. 232.

⁴³ «Операция “Трест”», *Очерки истории российской внешней разведки*, с. 119.

привести к провалу, Бурхановский был арестован»⁴⁴. С возвышением Кутепова интерес МОЦР к Врангелю заметно ослабевал.

Таким образом, обособить и разъединить «провокационный» (провоцирующий) и «нейтрализующий» (контролирующий) факторы в деятельности «Треста» невозможно. Она в такой же степени стимулировала радикальные установки и силы в эмигрантской верхушке, в какой стесняла, сдерживала их.

Тот же исследователь отмечает дальнейшее расширение связей «Треста» с Западом:

К этому времени расширяется и география деятельности «Треста»: через Р. Бирка устанавливаются отношения с финской разведкой и с резидентом британской разведки в Гельсингфорсе, представителем вел. кн. Ник. Ник. там Н. Н. Бунаковым. С приходом к власти консервативного правительства в Англии британская служба безопасности начинает проявлять интерес к «Монархической организации центральной России». Было открыто «окно» на советско-финской границе, оставшееся открытым вплоть до инсценировки убийства Сиднея Рейли в сентябре 1925 г. Ответственным за это «окно» был поставлен чекист Тойво Вяха (И. Петров)⁴⁵.

Какие сложные расчеты стояли за «трестовской» игрой и в каком направлении она велась, видно из докладной записки В. А. Стырне, резюмирующей деятельность «Треста» в 1924 году:

В отношении группы Николая Николаевича была проделана работа в направлении того, как Трест переживает сейчас критический момент из-за недостатка средств и из-за провалов, которые произошли в результате усиления деятельности ГПУ. Кроме того, николаевской группе был послан ряд писем, где Трест высказывал свои опасения в связи с возможностью интервенционистских настроений в среде эмиграции, причем было указано, что эти разговоры заставляют ГПУ громить всевозможные организации, где часто попадают и наши люди. В ответ на это соображение мы получили от некоторых групп вполне сочувствующие ответы. Прделанная в предыдущие месяцы работа по части разложения николаевской группы дала свои результаты. Дело в том, что мы усиленно настаивали на свидании Ник. Ник. с Врангелем, в надежде на то, что их формальное примирение внесет полный рас-

⁴⁴ «Операция “Трест”», *Очерки истории российской внешней разведки*, с. 117; ср.: С. Л. Войцеховский. *Цит. соч.*, с. 51.

⁴⁵ См.: «Операция “Трест”», *Очерки истории российской внешней разведки*, с. 119; И. Петров <Тойво Вяха>, «Особое задание», *Особое задание* (Москва: Московский Рабочий, 1977), с. 284—299. Для ясности следует подчеркнуть, что формально Тойво Вяха состоял на финской, а не на советской пограничной службе.

кол, сами же мы сумеем остаться не только в стороне, но и сохранить хорошие отношения с расколовшейся группой и отдельными ее частями. После наших побудительных писем свидание это состоялось, примирение произошло, в результате Ник. Ник. подчиняет все офицерские союзы, Союз галлиполийцев и т. д. Врангель, Кутепов отходит от Ник. Ник. на второй план, это вызывает недовольство среди офицерских союзов. Врангель остается на своей прежней позиции и продолжает интриговать против Ник. Ник. Офицерские союзы в данное время, по сведениям, почерпнутым из разных источников, находятся в состоянии распада. Трест же продолжает переписываться и сохраняет прежние хорошие отношения и с Кутеповым, и с Ник. Ник., и с Врангелем. <...>

Чувствуя шаткость своего положения, Кутепов вызвал племянницу <Захарченко-Шульц> в Париж для своей поддержки, которая, конечно, внесет еще большую путаницу в создавшуюся обстановку, сумеет одновременно должным образом рекламировать Трест, и тем самым мы в Кутепове будем иметь еще более преданного нам человека, а в лице племянницы мы будем иметь такого человека, который будет всегда идти против интервенции, с другой стороны рекламировать Трест, и, кроме того, будет такой сотрудницей, которая выполнит любое наше поручение с полной готовностью и с абсолютной точностью...⁴⁶

Стырне с излишней самоуверенностью полагал, что Кутепов, благодаря проводимой интриге, находится под полным контролем московских инстанций. По свидетельству С. Л. Войцеховского, еще осенью 1924 года Кутепов выражал ему подозрения относительно чекистской провокации в «Тресте»:

В качестве аргумента, на котором основывалось это недоверие к московской организации, он сослался на самый факт ее беспрепятственного существования в течение нескольких лет, причем существования, отмеченного активными связями с заграницей, что, по его словам, приняв во внимание внутри-русскую обстановку, не могло объясняться иначе, как явным попустительством коммунистической власти⁴⁷.

Мемуарист продолжает:

Полагаю, что, если при наличии высказанных им взглядов, ген. Кутепов решался поддерживать связь с «Трестом», то делал это, имея ос-

⁴⁶ «Из докладной записки помощника начальника КРО ОГПУ В. А. Стырне начальнику КРО ОГПУ А. Х. Артузову о контрразведывательных операциях «Ярославец» и «Трест». 5 февраля 1925», *Политическая история русской эмиграции. 1920—1940 гг. Документы и материалы*, с. 33—34.

⁴⁷ ХХХ <С. Л. Войцеховский>, *цит. соч.*, с. 127.

нования верить в возможность извлечь из этой связи какую-то пользу для борьбы, в жертву которой он принес свою жизнь⁴⁸.

Параллельно с «географическим» расширением «Треста» в 1924 году происходила и экспансия его в новую для него идеологическую область — евразийское движение. Внутри МОЦР инсценировано было создание молодой оппозиции во главе с Денисовым (чекистом А. А. Ланговым, исполнявшим в «Тресте» роль помощника начальника штаба), стоящей на основе евразийской доктрины⁴⁹. Может вызвать недоумение — почему для уловления евразийцев в свои сети ГПУ решило воспользоваться «Трестом» вместо того, чтобы задействовать другой, независимый канал. Объяснение этому приходится искать в сфере не идеологической, а, так сказать, практической. Евразийские настроения, вступавшие в причудливую смесь с монархическими пристрастиями, охватили к середине 1920-х годов довольно широкие круги «галлиполийцев». Именно этот «военный» аспект — задача сдерживания антисоветской деятельности молодого офицерства — вынудил ГПУ, не вникая слишком глубоко в теоретические построения движения, поспешить с установлением своего контроля над ним. Но, по-видимому, был и еще более конкретный, персональный повод к этому. Дело в том, что в числе наиболее пламенных поклонников «Треста» в эмиграции был племянник Врангеля поручик П. С. Арапов, увлекшийся евразийским учением и тайно приехавший в 1924 году, в сопровождении Якушева, в Москву для участия в «евразийском совещании». Именно его энтузиазм, по-видимому, и приводил к тому, что «евразийская» линия ГПУ на ранней стадии не была обособлена от «Треста». На протяжении ряда лет Арапов исполнял функции «*ambassadeur itinérant*» в сношениях «Треста» с заграницей⁵⁰. Первая поездка в Москву и встречи с «трестовцами» там вызвали у него восторг⁵¹.

⁴⁸ Там же, с. 127. Сходным образом — как в высшей степени настороженное — характеризует Н. И. Виноградов (оппонент Войцеховского) и отношение к «Тресту» М. В. Захарченко. См.: Н. Виноградов, «Правда о свидании большевисткого агента Якушева-Федорова с великим князем Николаем Николаевичем», с. 109—118.

⁴⁹ Теодор Гладков. *Цит. соч.*, с. 126—127; И. Савкин, В. Козловский, «Евразийское будущее России», *Ступени. Философский журнал* (С.-Петербург), 1992, №2(5), с. 102—105.

⁵⁰ ХХХ <С. Л. Войцеховский>, *цит. соч.*, с. 129. Войцеховский в этой статье, говоря об Арапове, пользуется его конспиративным именем Шмидт; этот псевдоним раскрыт им в его книге *Трест*, с. 56.

⁵¹ «Операция “Трест”», *Очерки истории российской внешней разведки*, с. 118—119; Лев Никулин. *Цит. соч.*, с. 290. Никулин добавляет, что Арапов, пережив-

В 1929 году он примкнул к «кламарской» группе евразийского течения и снова совершил поездку в Москву⁵². После похищения Кутепова был публично обвинен в сношениях с большевиками; упоминалось, что в общей сложности он совершил 18 секретных поездок в СССР⁵³. Арапов репатриировался в Советский Союз и, по справке С. Ю. Рыбаса, погиб в Соловецких лагерях⁵⁴.

«Трестовская» агитация Арапова не сумела произвести должного впечатления на Врангеля. 31 октября 1924 года он писал генералу Е. К. Миллеру:

Касательно Арапова: я подозреваю, что А. П. <Кутепов> жертва провокации, что Федоров — Азеф. Путем личной беседы с Араповым я хотел проверить мои подозрения. Если он сможет представить тебе исчерпывающие данные в подтверждение того, что дело Федорова чисто, желательность его поездки сюда <в Сербию> отпадает; в противном случае пришли его сюда, снабдив деньгами согласно упоминаемого тобою в письме расчета⁵⁵.

Вскоре ему пришлось обратиться к вел.кн. Николаю Николаевичу с предупреждением об угрозе, исходящей от контактов с «Трестом». Произошло это при следующих обстоятельствах.

Во исполнение сформулированных в цитированной выше записке Стырне целей Якушев, выступая под своим обычным конспиративным именем А. Федоров, написал 11 февраля 1925 года письмо к Врангелю. В нем, выразив сожаление о том, что они до сих пор ни разу не встретились, и надежду, что смогут лично познакомиться при следующем его визите за границу, он подверг резкой критике «Юнкерса» (вел. кн. Николая Николаевича) за его последние заявления (в интервью американскому журналисту). Пора объяснить Юнкерсу, заявлял Якушев, что возврата к прежнему в России быть не может, что урок, полученный в революции 8 лет назад, не должен быть забыт, если он хочет опираться на поддерж-

ший идейный перелом, высоко оценил успехи советской страны и осуждал белую эмиграцию (с. 187).

⁵² Ирина Шевеленко, «К истории евразийского раскола 1929 года», *Themes and Variations. In Honor of Lazar Fleishman. Темы и вариации. Сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана*. Ed. by Konstantin Polivanov, Irina Shevelenko, Andrey Ustinov (*Stanford Slavic Studies*. Vol. 8), Stanford, 1994, с. 382—383.

⁵³ В. Л. Бурцев, «Не Азефы, а сверхазефы. Большевицкие провокаторы в России и за границей», *Иллюстрированная Россия*, 1931, № 47, 14 ноября, с. 2; В. Л. Бурцев. *Боритесь с ГПУ!* (Париж, Издание Общего Дела, 1932), с. 12—17.

⁵⁴ Святослав Рыбас. *Генерал Кутепов* (Москва: Олма-Пресс, 2000), с. 189. Ср.: С. Л. Войцеховский. *Цит. соч.*, с. 57.

⁵⁵ Hoover Institution Archives. Vrangell Coll. Box 144, file № 27, p. 1794.

ку масс⁵⁶. По поводу этого письма Якушева Н. Н. Чебышев 11 марта 1925 года сообщил Врангелю свое твердое заключение, что «Трест» — явная провокация, ставящая целью восстановить Врангеля против великого князя⁵⁷. 12 марта 1925 года Врангель переправил это письмо Якушева вместе с письмом Волкова (Потапова) от 20 января 1925 года М. Н. Скалону для осведомления вел. кн. Николая Николаевича, как документы, подтверждающие подозрения о том, что «Трест» является советской провокацией⁵⁸. Однако, несмотря на то, что Кутепов и сам (по свидетельству Войцеховского) испытывал серьезные сомнения и подозрения, исходившие от Врангеля предупреждения не привели к разрыву Кутепова с «Трестом», хотя бы и потому, что и врангелевские агенты внутри России продолжали контакты с МОЦР. Если В. А. Стырне был убежден, что в руках ГПУ находятся все нити, обеспечивающие полный контроль за деятельностью Кутепова и манипулирование им и его представителями, то Кутепов, со своей стороны, рассчитывал на то, что «Трест», сколь ни велика была угроза проникновения провокаторов в его ряды, остается удобным инструментом для развертывания боевой работы. Поддержку такому взгляду он находил не только в отчетах из России своих эмиссаров и в факте продолжавшегося сотрудничества генштабов стран-лимитрофов с москвичами, но и в пробудившемся в это время интересе к данному каналу со стороны британской разведки. Интерес этот выявился в переписке с Сиднеем Рейли, в которую с начала 1925 года, по инициативе Якушева, вступили М. В. Захарченко-Шульц и Г. Н. Радкович. После провала и измены Савинкова Рейли искал альтернативной силы в советской России, которая смогла бы вести успешную борьбу против коммунистического режима. «Трест» и казался ему как раз такой силой. При этом наиболее эффективной тактикой борьбы Рейли находил индивидуальный террор, ссылаясь на опыт «Народной Воли» при царском режиме. Программу «террора, направляемого из центра, но осуществляемого маленькими независимыми группами или личностями против отдельных выдающихся представителей власти», он сформулировал в письме от 25 марта 1925 года к резиденту вел. кн. Николая Николаевича в Гельсингфорсе Н. Н. Бунакову⁵⁹, с кото-

⁵⁶ Письмо А. Федорова к Врангелю от 11 февраля 1925 г. Hoover Institution Archives. Vrangeli Coll., Box 151, file № 44, л. 351—355.

⁵⁷ Там же, л. 356.

⁵⁸ Там же, л. 347—350.

⁵⁹ Н. Кичкасов. *Белогвардейский террор против СССР. По материалам процесса пяти монархистов-террористов* (Москва: Издание Народного Комиссариата по Иностранным Дела, 1928), с. 29—30.

рым и «Трест» к тому времени установил тесную связь. 4 апреля Рейли получил из Гельсингфорса копию письма, в котором руководители МОЦР приглашали его посетить Россию, с тем чтобы на месте выяснить перспективы проведения его идей в жизнь⁶⁰. 24 сентября 1925 года в Гельсингфорсе состоялась встреча прибывшего туда Рейли с А. А. Якушевым и М. В. Захарченко-Шульц, в ходе которой посланники «Треста» сумели уговорить колебавшегося гостя совершить — через созданное на финско-советской границе «окно» — краткую поездку в Москву, чтобы встретиться с членами Политсовета МОЦР и обсудить с ними свою программу. Якушев предложил Рейли гарантии полной безопасности перехода. 25 сентября Рейли пересек границу; М. Захарченко и Г. Радкович оставались в Финляндии и должны были встретить его по возвращении 29 сентября.

26 сентября Рейли и Якушев выехали из Ленинграда в Москву. 27 сентября на даче в Малаховке состоялось заседание Политсовета МОЦР. Согласно мемуарам Отперпута, именно там он узнал от Стырне о предстоявшем аресте Рейли. После этого заседания Рейли был арестован во время поездки в автомобиле (в котором находился и Отперпут) и заключен во Внутреннюю тюрьму на Лубянке, где подвергся допросам и был расстрелян 5 ноября 1925 года⁶¹. А ночью 28 сентября на границе, у деревни Ала-кюль, где Радкович ожидал возвращения гостя, были инсценированы перестрелка, арест Вяха и убийство трех человек⁶². Предпринятая Политсоветом МОЦР проверка эту версию подтвердила.

М. В. Захарченко тяжело переживала случившееся. Она писала Якушеву: «У меня в сознании образовался какой-то провал... у меня неотступное чувство, что Рейли предала и убила лично я... Я была ответственна за “окно”...»⁶³ Между тем произведенное Захарченко-Шульц и Радковичем расследование на границе вынудило их принять вывод о случайной гибели Рейли в этом пограничном инциденте и, следовательно, непричастности «Треста» к ней⁶⁴. С этим выводом согласился и Второй отдел польского Генштаба.

⁶⁰ Теодор Гладков, Николай Зайцев. *Цит. соч.*, с. 169—170; Теодор Гладков. *Цит. соч.*, с. 231.

⁶¹ Hoover Institution Archives, Nicolaevsky Coll., Box 300, folder 1.

⁶² «Операция “Трест”», *Очерки истории российской внешней разведки*, с. 122—123.

⁶³ Лев Никулин, *Цит. соч.*, с. 269.

⁶⁴ Теодор Гладков, Николай Зайцев. *Цит. соч.*, с. 178; Теодор Гладков. *Цит. соч.*, с. 247.

В печати эта версия была зафиксирована в траурном извещении, которое поместила 15 декабря в лондонской газете «Таймс» вдова Рейли Пепита Бобадилья после того, как в ноябре она съездила в Финляндию и получила от М. В. Захарченко и Г. Н. Радковича дополнительные сведения о деле⁶⁵. Только с того момента факт смерти Рейли стал достоянием западной прессы⁶⁶, но никакой информации о действительно имевших место событиях — аресте Рейли и расстреле его ГПУ — до побега Опперпута в Финляндию весной 1927 года не появлялось.

Интересное объяснение вынесенному решению о ликвидации Рейли выдвинул в 1930-е годы Артузов. Оказывается, принятие его было вызвано не просто соображениями необходимости совершения правосудия и осуществления вынесенного во время Гражданской войны Рейли смертного приговора. Превращение МОЦР в глазах иностранных государств в своего рода подпольное правительство стало представлять, по словам Артузова, известную опасность: настоящее руководство страны стало выглядеть ослабленным и несущественным. Особенную озабоченность эта тенденция стала вызывать, когда к «Тресту» стали проявлять интерес англичане. Исчезновение Рейли заставило их не делать более ставки на «Трест». С другой стороны, добавлял Артузов, ГПУ не желало и полного провала «Треста» и поэтому распустило слух о гибели Рейли на границе⁶⁷. Несколько пластов камуфлирования, сопровождавших поимку Рейли: инсценировка «перестрелки», «проверка» этой версии по обе стороны границы, призванная устранить в глазах М. В. Захарченко и Г. Н. Радковича какие бы то ни было сомнения в версии гибели Рейли в результате пограничного инцидента, полное молчание советских органов о судьбе английского шпиона до июня 1927 года — должны были не только окружить туманом контрразведывательную операцию как таковую, но и оградить «Трест» от подозрений. До истории Рейли деятельность организации выглядела сравнительно безобидной и невинной — разведывательная информация, «окна» на границе, интриги в политических верхах эмиграции. С исчезновением Рейли дело запахло кровью и порохом.

⁶⁵ Лев Никулин. *Цит. соч.*, с. 270.

⁶⁶ Ср.: «Тайна капитана Райли», *Возрождение* (Париж), 1925, 18 декабря, с. 1; Бор. Суворин, «Sidney George Reilly», *Возрождение*, 1925, 22 декабря, с. 2.

⁶⁷ Теодор Гладков, Николай Зайцев. *Цит. соч.*, с. 181—182, 171; Теодор Гладков. *Цит. соч.*, с. 251—252.

Глава 3

ШУЛЬГИН О «ТРЕСТЕ»

Своеобразным противовесом «провалу» с Рейли стала поездка Шульгина в Советскую Россию в декабре 1925 — феврале 1926 года. В отличие от эмисаров, переходивших границу по линии «Треста», он был заметной политической фигурой. Издатель газеты *Киевлянин*, депутат Государственной думы до революции, активный участник Белого движения, связанный теплыми личными отношениями с Врангелем, Шульгин был едва ли не самым видным журналистом правого, монархического толка; он сотрудничал в белградском *Новом Времени*, в софийской *Руси*, в парижской *Русской Газете*, а с мая 1925 года стал и ведущим автором в *Возрождении* П. Б. Струве. Поводом для поездки Шульгина были розыски его младшего сына, исчезнувшего в 1920 году, во время Гражданской войны, и, по слухам, находившегося в одной из психиатрических больниц на Украине, в Виннице¹. Но одновременно его манила и другая цель — своими глазами увидеть изменения, произошедшие на родине после окончания Гражданской войны, проверить обоснованность утверждений о гибели России под властью Интернационала.

Два прецедента нелегального перехода границы могли стоять в памяти Шульгина, когда он обдумывал планы своего путешествия. Одним из них был случай с Савинковым, при не выясненных тогда обстоятельствах пойманного в августе 1924 года на советской территории: он выступил с призывом к отказу от борьбы с советской властью и после молниеносного суда получил сравнительно мягкий приговор. Другим, дразнящим примером была история с князем Павлом Долгоруковым, который летом 1924 года также предпринял нелегальную поездку в СССР. Пробраться внутрь советской территории ему не удалось, но и репрессиям он не подвергся. После нескольких дней содержания под стражей его выдворили назад, в Польшу.

¹ Дмитрий Жуков, «Ключи к “Трем столицам”», в кн.: В. В. Шульгин. *Три столицы* (Москва: Современник, 1991), с. 456.

С. А. Якушевым Шульгин впервые увиделся в Берлине 7 августа 1923 года, когда в числе нескольких близких Врангелю лиц присутствовал на совещании, состоявшемся у А. А. фон Лампе с руководителем МОЦР из Москвы. Спустя несколько недель после этого Чебышев — единственный участник этого совещания, высказавший сомнение в реальности «Треста», — переехал в Белград, где занял пост главы гражданской канцелярии при Главнокомандующем русской армии генерале П. Н. Врангеле. По его воспоминаниям, к весне 1925 года в среде русских беженцев в Сербии распространился слух о предстоящей поездке Шульгина в Россию. Убеденный в том, что эта безумная затея означает неминуемую гибель Шульгина, Чебышев предпринял попытку его отговорить. Он, в частности, ссылаясь на историю с Савинковым, после поимки на советской территории вынужденным отречься от своего антисоветского прошлого и только что, 7 мая, покончившим с собой (согласно официальной версии) во Внутренней тюрьме на Лубянке. Вот как происходил, согласно Чебышеву, их с Шульгиным разговор в Сремских Карловцах:

Мы поднялись на гору.

Я вооружился смелостью и бесцеремонностью. Поставил ему вопрос: правда ли, что он едет в Россию?

Шульгин не отрицал. Он с самого начала был, по-видимому, доволен, что я заговорил об этом. Я ему указал, что все «знают». И не только «знают», но и все «говорят». Обратил его внимание на то, что хотя он имеет полное право располагать своей жизнью, но он не может не считаться с тем положением, при котором ему, оказавшемуся в руках большевиков, будут приписываться различного рода «политические отречения», как это случилось с Савинковым. Шульгин холодно мне ответил, что им будут приняты меры².

После неудачи и другой своей попытки разубедить Шульгина, Чебышев «решил пустить в ход Врангеля»:

Переговорил с Врангелем и указал ему, что жертвовать Шульгиным бессмысленно, потому что, собственно говоря, мы даже не знаем, для чего такая жертва приносится.

— Вы согласны со мной, что Федоров-Якушев — провокатор, и в то же время на ваших глазах Федоров-Якушев увозит в чеку от вас такого человека, как Шульгин. Надо всячески помешать. Помешать можете только вы.

Врангель с Шульгиным говорил, но не имел большего успеха, чем я³.

² Н. Чебышев, «Трест. История одной “легенды”», *Возрождение*, 1935, 5 августа, с. 2.

³ Там же.

Рассказывая в своей книге *Три столицы* о подготовке к путешествию и об обстоятельствах, заставивших его обратиться к помощи «контрабандистов» (т.е. «трестовцев»), Шульгин упомянул о беседе с Врангелем по поводу своей поездки:

Живучи, так сказать, под боком у генерала Врангеля, да и вообще имея привычку делиться с ним политическими возможностями (а мое путешествие могло развернуться и в такую), я, разумеется, рассказал ему о своих намерениях.

Генерал Врангель отнесся в высшей степени сердечно ко мне лично, но вместе с тем дал мне понять совершенно решительно, что «политики не будет».

Генерал Врангель, как известно, снял с себя всякую ответственность «за политику» в тот день, когда, подчинив себя Великому Князю Николаю Николаевичу, он посвятил свои силы «исключительно заботам об армии». Из наших разговоров с генералом Врангелем выяснилось, что по этой причине никаких политических заданий он мне не дает. Главком приходилось быть особенно осторожным в этом случае, ввиду того что некоторые элементы вели против него непрекращающиеся интриги. Эти люди не упустили бы случая истолковать мое путешествие так, что Врангель послал Шульгина со специальными задачами в Россию. И таким образом ведет свою самостоятельную, отдельную «бонапартистскую» политику. Что может быть такая интрига, это, конечно, очень грустно, но это так...

По этой причине ко времени моего отъезда генерал Врангель был даже не особенно в курсе моих истинных намерений: он полагал, что я в конце концов пошлю на розыски сына другое лицо вместо себя.

В полном курсе дела был уже ныне покойный генерал Леонид Александрович Артифексов. Я оставил ему письмо, которое просил его опубликовать при наступлении известных обстоятельств. Дело было в том, что я порядочно побаивался, как бы в случае неудачи, то есть в случае, если я попадусь, большевики не разыграли со мной того же самого, что они проделали с Борисом Савинковым, т.е. чтобы они не опозорили меня прежде, чем тем или иным способом прикончить. Поэтому в письме на имя генерала Артифексова я заявлял, что хотя еду в Россию по личным мотивам и политики делать не собираюсь, но я остаюсь непримиримым врагом большевиков, почему каким бы то ни было их заявлениям о моем «раскаянии» или с ними «примирении» прошу не придавать никакой веры⁴.

В этом отчете присутствует элемент неточности или лукавства. Проявленную Врангелем отчужденность и сдержанность Шульгин приписывает взятому им на себя самоотстранению от политики в

⁴ В. В. Шульгин. *Три столицы. Путешествие в красную Россию* (<Берлин:> К-во «Медный Всадник», <1927>), с. 7—8.

связи с передачей всех функций главнокомандующего великому князю — тогда как для нас, в свете свидетельства Чебышева, ясно, что неодобрение Врангеля вытекало в равной, если не большей степени из его подозрений в отношении «Треста» и сомнений в том, что Шульгин — подходящая фигура для того, чтобы их развеять.

Советские и российские исследователи не раз подчеркивали, что разрешение на подпольную поездку Шульгина было дано ГПУ с тем, чтобы нейтрализовать негативный эффект и упрочить репутацию «Треста» после провала Рейли в конце сентября 1925 года. Но есть основания полагать, что «Трест» получил разрешение на устройство поездки Шульгина еще до истории с Рейли и независимо от нее, а связь с нею выразилась в другом — в установлении маршрута, определении характера путешествия и предоставлении возможности беспрепятственно покинуть СССР. Попыткам нейтрализации негативных аспектов истории с Рейли служила и исходившая от высшего руководства ГПУ идея придать поездке как можно более широкий резонанс, уговорив Шульгина написать о ней книгу⁵.

Шульгин пересек польско-советскую границу 23 декабря 1925 года и находился в советской России до 6 февраля 1926 года. Результаты его поездки превзошли самые радужные ожидания. Вопреки всем зловещим предсказаниям и предчувствиям, он не только вернулся цел и невредим, но и испытывал восторг от встречи с родной и увиденного в стране. Его поразили контраст между условиями жизни в 1920 — 1921 годах и тем, что он смог увидеть в трех городах — Киеве, Москве и Ленинграде — сейчас. Еще существеннее было то, что в «контрабандистах», организовавших его поездку или сопровождавших его в пути, он обнаружил кровных единомышленников, а в скрытой от внешнего взора жизни подпольной России — большую энергию, чем в эмиграции, раздираемой политическими спорами и распрями.

Отдохнув в своем имении несколько недель после возвращения из России, Шульгин 13 марта выехал из Польши в Чехословакию,

⁵ «В отчете <чекистов> о впечатлениях Шульгина сообщалось, что он “глубоко потрясен всем тем, что ему пришлось увидеть на первых порах, и той громадной разницей, которая произошла в культурном отношении”. На оперативном совещании В. Р. Менжинский высказал мысль предложить видному монархисту написать книгу об обновленной России, какую он увидел своими глазами». — *Лубянка 2. Из истории отечественной контрразведки* (Москва, 1999), с. 194. Ср. статью В. Шульгина о советской России «Хуже быть не может» — последнюю статью его перед поездкой, появившуюся в *Возрождении* 18 сентября 1925 г.

оттуда (спустя два дня) в Белград, а затем продолжил путь во Францию. Прибыл он в Париж 1 апреля — накануне одного из важнейших событий тогдашней эмигрантской жизни — Зарубежного съезда. Во главе сложной работы по подготовке съезда в течение почти года стоял редактор *Возрождения* П. Б. Струве. Шульгин на съезде не присутствовал, но сразу поспешил о своих главных выводах, сделанных в результате тайной поездки в советскую Россию, известить его организаторов. Уже 13 марта он написал П. Б. Струве из Варшавы:

Попросите Влад. Ал. Лазаревского⁶ рассказать Вам о моем недавнем путешествии, и тогда Вам станет ясным дальнейшее.

4 Апреля, насколько я знаю, соберется съезд. На съезде выступать я не могу и не хочу по тысяче и одной причине. Но сделать доклад Вам и *ближайшим* Вашим друзьям считал бы очень нужным. Для меня центр тяжести переместился после того, что я видел *ipsissimus oculis*. Я боюсь, что съезд возьмет неверную ноту, трактуя беспомощным и бесплодным то, что полно сока жизни. Во мне возродилась добрая вера Алексея Конст. Толстого

«...а если над нею беда и страхлась,

Потомки беду перемогут».

И потомки ли? Что-то мне сдается, что дело будет скорее. Во всяком случае трактовать, как *quantité négligeable* нашу метрополию совершенно невозможно. Кроме того, что еще важнее: каждый день работает на усиление, а не ослабление «невознагражденных ценностей». Чем лучше, тем хуже... для них!!! Этот вывод неизменной *утешительности*, ибо позволяет и даже делает обязательным *радоваться* успехам страны, как таковой. И, наконец, третий вывод: при этих условиях нет расчета продаваться за всякую цену, ибо положение (объективно) вовсе не так плохо, как в Сахаре, где по законам политическо-экономии стакан воды покупается «за все, что имеем»...

Вот. В общем я предупредил Вас. Конкретизирую: полегче с резолюциями. Неправильно будет, если презрительным тоном (каюсь, и я был в нем сугубо повинен) мы оскорбим «живые души», а я в этом случае был стыдливее Чичикова. Наоборот, будем памятовать старину: «что город решит, на том пригороды станут». Почтение к Родине: она мощное тело, на котором вместо отрубленных растут новые головы. Мы должны в резолюции отметить, т. е. не отметить, а так сказать, помахать ей рукой: «верую, верую, верую...» во внутреннюю силу «одной страны»⁷.

⁶ В. А. Лазаревский в это время был выпускающим редактором в газете *Возрождение*, и письмо к П. Б. Струве Шульгин переслал через него.

⁷ Hoover Institution Archives, Gleb Struve Papers, Box 136, folder 15. Опубл.: Глеб Струве, «Дела давно минувших дней. О "Тресте" и В. В. Шульгине», *Русская Мысль*, 1960, 17 декабря, с. 2.

Позднее выяснилось, что приведенные в письме главные выходы из путешествия, легшие в основу книги *Три столицы*, являлись, в сущности, тезисами «контрабандистов», с которыми пылко солидаризировался автор. Отчет Шульгина и его оптимистические прогнозы не показались, однако, вполне убедительными для П. Б. Струве. Подобно Кутепову, с которым он сблизился в период редактирования *Возрождения*, Струве, сторонник решительных, активных выступлений против большевиков, был причастен к организации конспиративной деятельности по подготовке боевиков для засылки в советскую Россию. В эту подпольную работу были вовлечены и такие близкие ему люди в Праге, как Н. А. Цуриков и И. Д. Grimm. Свидетельства только что нелегально посетившего Россию Шульгина интересовали их не столько с точки зрения уточнения или уяснения политической платформы МОЦР, сколько в плане практическом — обеспечения нелегальных линий пересечения границы.

В дебатах Зарубежного съезда рекомендации и предсказания Шульгина, как и вообще факт существования монархического подполья в советской России, заметного места не получили. Объясняется это тем, что к тому времени путешествие Шульгина для большинства делегатов оставалось еще полным секретом. В июне 1926 года, воспользовавшись своим приездом в Варшаву на Международный съезд интеллектуального сотрудничества⁸, П. Б. Струве, по инициативе В. В. Шульгина, вступил в переговоры с «Трестом», встретившись 22—24 июня с представителем организации в Польше С. Л. Войцеховским. Варшава в тот момент являлась главным центром деятельности «Треста» за пределами России. В Польше Шульгин намеревался создать типографию МОЦР и основать ряд опорных пунктов для направляющихся в СССР боевиков. Одним из таких пунктов было бы его собственное имение Курганы на Волыни, куда он решил перебраться специально для этой цели⁹. В надежде на помощь Струве в мобилизации средств для «трестовских» проектов писатель предложил ему встретиться с Войцеховским. Струве, не разделявший полного доверия Шульгина к «Тресту», сообщил в разговоре с Войцеховским 23 июня, что готов содействовать в по-

⁸ См.: «Чествование П. Б. Струве в Варшаве», *Возрождение*, 1926, 27 июня, с. 1; Горский <С. Л. Войцеховский (?)>, «Письма из Варшавы. П. Б. Струве в "Русском Доме"», *Возрождение*, 1926, 30 июня, с. 2. См. также: «В Русской Колонии. Доклад проф. П. Б. Струве», *За Свободу!*, 1926, 26 июня, с. 3.

⁹ С. Войцеховский, «П. Б. Струве в Варшаве. Из истории "Треста"», *Возрождение*, тетрадь 9 (май—июнь 1950), с. 140—141; С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы* (Канада: Заря, 1974), с. 50, 57.

лучении необходимых ресурсов, если «Трест» представит дополнительные доказательства своего существования. На вопрос собеседника, каковы должны быть эти доказательства, Струве ответил, что методы борьбы с большевиками могут быть различными. «Можно принять тактику непрерывного нанесения удара. Можно стремиться к подготовке одного конечного удара. Реальная осуществимость второй тактики кажется Струве мало вероятной, и он склонен считать провозглашение ее уклонением от борьбы. Во всяком случае, по его словам, получение денег должно быть предварительно определенными доказательствами». Согласившись, что поездка Шульгина служит реальным доказательством существования «Треста», он вместе с тем предложил устроить другие поездки такого рода, а также организовать более длительное пребывание кого-нибудь из руководителей «Треста» за рубежом. При этом, говоря о Шульгине, он упрекнул его в недостаточной конспиративности, но сказал, что опубликование его будущей книги может облегчить получение денег для организации.

В разговоре с Войцеховским Струве выразил также озабоченность по поводу слухов, возникших в связи с поездкой Шульгина. Некоторыми она была истолкована как сигнал того, что отношение «Треста» к Кутепову и вел.кн. Николаю Николаевичу стало более прохладным и что москвичи взяли курс на сближение с Врангелем. Войцеховский, будучи одновременно и связным «Треста», и представителем Кутепова в Польше, почувствовал, что важность прояснения этого вопроса для Струве и стала одной из причин его поездки в Варшаву. Он успокоил своего собеседника, заверив его, что отношение «Треста» к вел. кн. Николаю Николаевичу и Кутепову вполне искреннее, никакого охлаждения не происходит и ни о какой интриге по передаче дел из рук Кутепова Врангелю говорить не приходится.

В ответ на посланный Войцеховским отчет о встрече со Струве Якушев сразу же, 26 июня, отправил письмо, в котором категорически отклонял тактику подготовки и совершения диверсионно-террористических действий¹⁰. Между тем одним из результатов визита Струве в Польшу стала работа Войцеховского в качестве кор-

¹⁰ С. Войцеховский, «П. Б. Струве в Варшаве», с. 139—149; С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы*, с. 86—94; Richard Pipes. *Struve: Liberal on the Right, 1905—1944* (Cambridge, Mass. and London, England: Harvard University Press, 1980), pp. 386—387; Ричард Пайпс. *Струве: правый либерал. 1905—1944* (Москва: Московская школа политических исследований, 2001), с. 481.

респондента *Возрождения*. Первым значительным его выступлением в этой парижской газете была статья «Две задачи русского Зарубежья», сопровождавшаяся передовой самого редактора. Статья эта соединяет типично «трестовские» положения (во «Внутренней России» происходят необратимые перемены и Зарубежье должно быть готово к развалу правящей в СССР коммунистической партии; падение советской власти произойдет силами самого русского народа) с платформой «активизма» (первая задача Зарубежья — претворение нашего теоретического антибольшевизма в активное действие, перенесение «борьбы» со страниц печати в советское подполье; вторая задача — необходимость руководить этой борьбой из-за рубежа; для этого нужно создать печатное слово, приспособленное к интересам и нуждам русского народа внутри страны)¹¹.

Тем временем слухи о зимнем вояже Шульгина получили распространение в эмигрантском обществе, причем имя путешественника из конспиративных соображений не разглашалось. В письме от 5 июня 1926 года А. А. фон Лампе поделился ими с Н. Н. Чебышевым:

В одном обществе мне разъяснили, *кто* то лицо, близкое к командованию, которое побывало в Москве. Вот неисправимый авантюрист. Смело, что говорить. Не знаете ли, почему он молчит об этом? Собирается еще раз? А мне кажется, что опубликование этого факта пробьет брешь в аксиоме о том, что-де, мол, у большевиков так поставлен сыск, что ничего не сделаешь... *его* и то не узнали!! Молодец!¹²

Для автора этого, как и для авторов других первых откликов, поражающим воображение фактом была сама по себе нелегальная поездка в советскую Россию, а не рассказ о внушительной подпольной организации, обеспечившей путешественнику беспрепятственный переход границы и ознакомление с жизнью в трех городах. Вскоре к нему присоединилась и другая сенсация — содержание вынесенных путешественником впечатлений о сегодняшней России, его восторженная оценка положения там и оптимистический прогноз о неизбежном скором перевороте и падении большевистского режима. В органе враждебного Шульгину политического ла-

¹¹ С. Войцеховский, «Две задачи русского Зарубежья», *Возрождение*, 1926, 31 августа, с. 2; ср.: П. Струве, «Дневник политика. 74. По поводу статьи С. Войцеховского», *там же*, с. 1. Осенью корреспондентские заметки из Польши, по всей видимости, принадлежащие Войцеховскому, появлялись в *Возрождении* без подписи. С 10 апреля 1927 г. он выступал там за подписью W.

¹² ГАРФ, ф. 5955 (Н. Чебышев), оп.1, №19 (Письма Чебышеву), л. 39.

геря — в эсеровской газете *Дни*, редактируемой А. Керенским в Париже, — это известие было расценено как свидетельство глубокой метаморфозы, вызванной непосредственным ознакомлением с сегодняшней реальностью, как подтверждение правоты левой идеологии и ее превосходства над монархистскими догмами. Именно эта газета, все еще соблюдая запрет на обнародование имени, поместила 18 июля первое печатное сообщение о факте поездки и изложение доклада, прочитанного путешественником в узком кругу единомышленников. Приводим целиком это изложение, напечатанное на первой полосе под заглавием «Прозрел!»:

Быть может, самое характерное это то, что эпоха, предшествующая НЭПу, т.е. эпоха военного коммунизма, оставила после себя такую страшную память, что ее, как смертельной тени, боятся сами ее создатели.

На мой взгляд, возвращение к этим ужасным оплотам чисто коммунистического строительства прямо психологически невозможно.

Но гораздо большая неожиданность ожидала меня, когда, установив несомненное воскрешение экономической жизни в России, я, так сказать, прикоснулся к состоянию умов русского населения. Казалось бы, то обстоятельство, что люди уже не знают коммунистического голода, холода и всех бедствий коммунистического рая, должно было бы повлиять на смягчение их отношения к советской власти. Но наоборот.

Мы ошибались, когда думали, что революцию против советской власти сделают доведенные до полного отчаяния люди.

Нет, отчаяние убивает духовное сопротивление и рождает тупую покорность. Действенное недовольство может чувствовать только народ, наливающийся соками жизни.

Для положения в России сейчас характерна формула: Чем лучше, тем хуже... для сов. власти.

Да, это так! Ненависть к советской власти нарастала в прямом отношении с воскрешением страны.

Я вернулся из моего путешествия в Россию человеком обновленным. Я вновь горжусь своим отечеством. Я горжусь необычайной жизненной силой русского народа, который в несколько лет преодолел бедствия, неслыханные в истории. И я убежден, что эта жизненная сила, которая дает на поверхности страны экономическое возрождение, втайне кует политическую силу, которая довершит все то, о чем мы мечтаем.

Зерно развивается в тиши и мраке. И только когда настанет час, росток выйдет из земли и станет заметным глазу.

Текст предваряла редакционная врезка:

Нам доставлена исключительного интереса выпись из протокола заседания одной правой группы, заслушавшей доклад лица весьма

близкого к белому движению, а также к бар. Врангелю. Лицо это только что вернулось из России.

Вот основной итог его российских впечатлений.

Исключительное значение публикуемого материала было подчеркнуто редакционным комментарием в передовой, помещенной рядом в том же номере газеты. Вспомнив о затяжной пропагандистской войне, которую правые монархические крути вели против эсеровской партии, автор передовой статьи продолжал:

Конечно, для нас, являющихся главной мишенью монархической травли, вся эта злостная демагогия совершенно безразлична. Но далеко не безразлично для действительного возрождения России скорейшее наступление той минуты, когда «левые» мысли о путях спасения России станут достоянием обладателей хотя бы и «правых», но не способных на политическое шулерство рук.

Вот почему мы придаем чрезвычайное значение тому *прозрению*, которое проявил один из крупнейших и авторитетнейших правых вождей, недавно съездивший в Россию и сумевший посмотреть там правде в глаза. Не все, конечно, он увидел, кое в чем, вероятно, не разобрался, но *основное ухватил верно*.

Далее в статье приведена цитата из выступления оратора: «Мы ошибались, когда думали, что революцию против советской власти сделают доведенные до полного отчаяния люди.

Нет, отчаяние убивает духовное сопротивление и родит тупую покорность. Действенное недовольство может чувствовать только народ, наливающийся соками жизни», — вслед за которой говорилось:

В полном согласии с русской демократией, ненавидящей большевизм, крымский соратник Врангеля присоединяется ныне к настроениям *внутренних русских*, делает своей *их* формулу, которую и мы всегда утверждали: «чем лучше, тем хуже... для советской власти».

Именно с восстановлением хозяйства растет ненависть населения к разрушителям России! «Экономическое возрождение, — исповедует ныне после поездки к родным местам белый вождь, — *тайне кует политическую силу*, которая довершит все то, о чем мы мечтаем».

А мечты этого отважного путешественника сегодня уже не совсем крымские и, во всяком случае, весьма далекие от мечтаний великокняжеского военного и штатного окружения.

По метким мыслям правого *недавно* монархиста —
— возрождение России придет изнутри, из самых глубинных тайников народного духа. <...>¹³

¹³ «Левые мысли правого монархиста», *Дни* (Париж), 1926, 18 июля, с. 1. Изложив в рижской газете *Сегодня* заметку *Дней* о докладе «смелого путешествен-

Таким образом, сведения о переломе в идеологических взглядах Шульгина в результате путешествия в Россию просочились из враждебного ему левого лагеря еще до того, как его собственное имя было предано огласке в этой связи и он получил возможность обнародовать свои впечатления. К этому времени машинопись первых законченных десяти глав его новой книги была отправлена в Варшаву к С. Л. Войцеховскому для пересылки дальше в Москву, на цензуру «Треста». Необходимо это было из-за опасений, как бы изложенные в книге детали перехода Шульгиным границы и прибытия в Киев не подвели «контрабандистов» и не навели бы на их след чекистов. Автор писал В. А. Лазаревскому, с нетерпением ждвшему от него развернутого изложения своей новой позиции:

Что касается вопроса об основных проблемах, то если под этим подразумеваешь некоторую идеологию, то я последнюю чрезмерно развил в предполагаемой к изданию книжке. Десять глав оной написаны и посланы на просмотр куда следует. Я думаю, что когда я кончу эту книжку, то мне легко будет сделать экстракт чисто идеологического свойства, а из него некую действенную программу на ближайшее время¹⁴.

Борьба за право публикации выдержек из будущей книги началась уже летом, и первыми запросили разрешения на нее ведущие органы «кадетской» ориентации: *Последние Новости* и берлинский *Руль*. Об этом автор сообщал в том же письме к Лазаревскому:

Кроме того (это между нами) ко мне обратились Гессен, через Гучкова, и Милюков, через Вакара, с предложением печататься в «Руле» и в «Последних Новостях», т. е. печатать избранные главы из предполагаемой книги. Я отказался. Я хочу, чтобы меня выпустил Лампэ, который, как ты знаешь, будет издавать сборник под названием «Белое Дело». Я хочу, чтобы он посвятил мне целиком номер второй своего сборника, и таким образом мои мемуары выйдут отдельной книжкой. Но если Лампэ не сможет этого сделать (манк д'аржан), то надо искать издателя. И в этом случае я буду думать, что ты мне поможешь. Впрочем, это еще пока немножко рано¹⁵.

Запросил разрешения на публикацию книги и редактор *Возрождения* П. Б. Струве, и в письме к нему Шульгин объяснял, почему он не считает возможным передать всю рукопись в газету:

ника», А. А. Яблоновский первым сообщил о том, что этот неназванный путешественник пишет сейчас целую книгу о своих приключениях. См.: Александр Яблоновский, «Бодрое слово», *Сегодня*, 1926, 25 июля, с. 2.

¹⁴ Письмо В. В. Шульгина к В. А. Лазаревскому, 29 июля 1926. С. Эгюльф — в Прагу. Hoover Institution Archives, Petr Struve Papers, Box 11, folder 20.

¹⁵ Письмо В. В. Шульгина к В. А. Лазаревскому, 29 июля 1926. Там же.

Дело с моей вещью обстоит так. Она частично обещана Лампе для первого номера «Летописи», которая будет носить заглавие «Белое Дело» и должна выйти в скором времени. Я согласился на предложение Лампе по многим причинам и отчасти потому, что меня об этом просил Петр Николаевич <Врангель>, который этому сборнику покровительствует. В первом же номере будут напечатаны и его, Петра Николаевича, мемуары о Крыме.

Но это не единственная причина. Остановился я на журнале потому, что моя эта рукопись весьма мало газетного свойства. Во-первых, в ней достаточно философствований, а во-вторых, философствования эти такого свойства, что если выхватывать отдельные куски (а это всегда делается, когда печатается фельетонами), то эти куски могут быть идеологически опасны без соответственных антитез. Вы лучше меня знаете почтенную манеру некоторых наших собратьев по перу цитировать только то, что им хочется. С журналом это все-таки труднее сделать, хотя Вы, конечно, помните, как мы с Вами печатали «1920 год» и как наши друзья слева воспользовались *только тем*, что я должен был сказать о падении Деникинщины, и не обмолвились ни единым словом о Врангелевском ренессансе. То же самое — и о моем предсказании будущей судьбы галлиполийцев, предсказании, сделанном в первой книжке «Русская Мысль», вышедшей, если не ошибаюсь, в марте 1921 года, в статье «Белые Мысли», т.е. раньше, чем я хотя бы слово сказал о «Деникинцах».

Этот урок вынуждает меня к осторожности. Я не собираюсь, конечно, менять ни одной йоты своих писаний из-за недобросовестности политических противников, но я хочу дать им как можно меньше возможности эту свою недобросовестность проявлять.

Вот почему я все время мечтал об «цельной книжке» и только, так сказать, с натугой согласился на Ламповский сборник, и то только потому, что вслед за сборником мне обещана отдельная книжка, которую выпустит «Медный всадник».

Правильно ли я сделал или нет, но это сделано и назад я идти не могу, почему сегодня же отсылаю (только что закончил) Лампе «первую часть» в размере двенадцати глав, которые составляют на мой счет девять печатных листов.

Однако «летопись» Ламповская может вместить только около шести листов по условиям распределения материала. Поэтому три с половиной листа я принужден выбросить. Другими словами, я выбрасываю пять или шесть глав. Примите во внимание, что я говорю только о *первой части*.

Поэтому разрешите предложить Вам такую комбинацию. Так как из этих шести глав (все они войдут потом в отдельную книжку) можно выкроить довольно интересный и *газето-удобный материал*, то вот эти выбранные главы можно было бы напечатать в «Возрождении». Конечно, все это крайне неясно, не имея перед глазами всей рукописи. Я пришлю Вам ее (второй экземпляр) через В. А. Лазаревского и Вы сами тогда увидите, что эта комбинация подходит.

Затем остается вся *вторая часть*, которая войдет в отдельную книжку и на которую «Летопись», по-видимому, не претендует. Из этой второй части можно также печатать в Возрождении избранные главы. <...>

Что же касается материальной стороны, то я с Лампе не торговался, зная, что у него средства минимальные. Тем менее я могу торговаться с Вами. Вопрос для меня состоит в том, кого я в данном случае граблю, Гукасова или Вас. Если Гукасова, то его мне не жалко разорить на несколько лишних сот франков. Если Вы можете меня провести *отдельно* ввиду сенсационности материала, то тогда я запрошу франк за строчку, ибо, объективно говоря, материал с точки зрения газетной такой, что за ним гонятся вне зависимости от его достоинств¹⁶.

7 октября началось шествие шульгинской истории по страницам газет: в этот день *Возрождение* приступило к печатанию отрывков из первой части книги. В преамбуле к публикации говорилось:

Прошлой зимой В. В. Шульгин проник в Советскую Россию, в поисках за своим безвестно пропавшим сыном. Переживания этой поездки и впечатления, ею вызванные, — поскольку они вообще поддаются оглашению в печати, — составили предмет книги, представляющей и политическую значительность и огромный литературный интерес. Мы счастливы, что можем дать нашим читателям ряд живых и ярких очерков из той части труда В. В., которая описывает его отъезд в Советскую Россию, путь в Киев и пребывание в нем. Из этой же части главы будут опубликованы в первой книге «Белого Дела» (Летопись белой Борьбы) под редакцией А. А. фон Лампе (Изд. «Медный Всадник»), которая выйдет в ближайшее время. *Ред.*¹⁷

Один кусок из этой публикации сразу заимствовало *Сегодня*, рижская газета, по своему политическому облику стоявшая тогда гораздо ближе к *Последним Новостям* и *Рулю*, чем к *Возрождению*¹⁸. Автор сразу откликнулся направленным в Ригу возмущенным письмом:

15 октября. Париж

Милостивый Государь Господин Редактор.

В редактируемой Вами газете «Сегодня» появились мои очерки «Как я побывал в советском Киеве», перепечатанные Вами из газеты

¹⁶ Письмо В. В. Шульгина к П. Струве, 11 сентября 1926. *Там же*.

¹⁷ В. Шульгин, «Как я побывал в советском Киеве», *Возрождение*, 1926, 7 октября, с. 2.

¹⁸ «Как В. В. Шульгин побывал в Советской России. 2. Конечная станция», *Сегодня*, 1926, 12 октября, с. 3. Эта заметка сопровождалась редакционным примечанием: «Приводим из парижского «Возрождения» дальнейшие отрывки из статьи В. В. Шульгина», — выглядевшим странно, так как до этого никаких фрагментов новой книги в этой рижской газете не появлялось.

«Возрождение». Появление этих перепечаток без каких бы то ни было предварительных сношений с «Возрождением» или со мной я объясняю тем, что Вы, должно быть, не заметили указания «перепечатка воспрещается», каковое указание, хотя имеется в каждом номере, но изображено очень малым шрифтом.

Настоящим письмом я прошу Вас прекратить перепечатку моих очерков, ввиду того, что разрешения на перепечатку я не только не давал, но и не мог дать, ибо имею некоторые обязательства перед «Возрождением», равно как и перед издательством, которое в ближайшем будущем намерено выпустить очерки отдельной книжкой.

Прошу принять уверения в совершенном моем уважении.

В. Шульгин¹⁹.

Несмотря на этот протест, *Сегодня* спустя неделю поместило и еще одну порцию²⁰, сопроводив ее примечанием: «Опуская подробное описание перехода советской границы нелегальным путем, приводим из известных очерков В. В. Шульгина первые впечатления его в СССР». У редакции газеты была веская причина ослушаться авторского запрещения: 17 октября к публикации фрагментов из его книги приступил злейший конкурент *Сегодня* — рижская газета *Слово*, придерживавшаяся правых националистических позиций. Помещенные в *Слове* куски²¹ были в основном взяты из публикации в первом томе альманаха *Белое Дело*²², вышедшем в начале ноября²³. Этой привилегией редакция рижской газеты была обязана тому, что выпуск первого тома *Белого Дела* субсидировал ее издатель Н. А. Белоцветов. Сходным образом поступило и *Возрождение*, поместив с 30 октября по 19 ноября куски из вошедшего в *Белое Дело* текста, но подчеркнув при этом, что пользуется рукописью, предоставленной автором в распоряжение редакции.

¹⁹ Письмо Шульгина в редакцию газ. «Сегодня», 15 октября 1926. Копия. Hoover Institution Archives, Gleb Struve Papers, Box 136, folder 15.

²⁰ «Первые впечатления В. В. Шульгина в СССР», *Сегодня*, 1926, 20 октября, с. 3.

²¹ В. Шульгин, «День на Подоле в Киеве. Нелегальная поездка В. Шульгина в Сов. Россию», *Слово*, 1926, 17 октября, с. 2; В. Шульгин, «День в Киеве», 18—20 октября, с. 2; В. Шульгин, «Слежка за В. Шульгиным в Киеве. Тревожные впечатления В. В. Шульгина», 21—26, 28 октября.

²² В. В. Шульгин, «Контрабандисты (Отрывки из впечатлений)», *Белое Дело*. I. *Летопись белой борьбы. Материалы, собранные и разработанные бароном П. Н. Врангелем, герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и светл. князем А. П. Ливеном*. Под редакцией А. А. фон-Лампе (<Берлин>: «Медный всадник», 1926), с. 159—202.

²³ См. объявление о его появлении: *Слово*, 1926, 10 ноября, с. 8.

По-видимому, эти прецеденты развязали руки и *Сегодня*, которое поспешило напечатать наиболее содержательную в идеологическом отношении главу первой части — «Антон Антоныч». В ней автор отвергнул прежний призыв эмиграции по отношению к «подъяремной России» — «чем хуже, тем лучше» — и вложил в уста своего собеседника апологию перемен, совершенных в советской России «просветлением Ленина» за годы нэпа²⁴. Перепечатывая ее из рижского *Сегодня*, парижские *Дни* с ехидством отметили, что эту главу *Возрождение* опубликовать не решилось²⁵, намекнув, что причиной этого была неприемлемость новой шульгинской позиции для Струве. В письме в редакцию *Дней* издатель *Белого Дела* А. А. фон Лампе сообщил, что единственным препятствием для помещения главы в парижской газете были его собственные возражения, а не позиция Струве; что же касается рижской публикации, то неизвестно, как текст попал в руки редакции *Сегодня*, поскольку ни Лампе, ни Шульгин разрешения ей не давали²⁶. Как бы то ни было, предчувствия автора, что высказывания в его книге будут растащены по разным углам и подвергнутся ложным толкованиям в газетных поединках, сбывались.

Наряду с работой над книгой Шульгин стал взвешивать и другие планы содействия «контрабандистам», рожденные в результате поездки в советскую Россию. Один из возможных проектов он обсудил со Струве, зафиксировав содержание их беседы в специальном меморандуме:

1926 года 19 октября. Париж.

Дорогой Петр Бернгардович.

Чтобы удержать в памяти и уточнить разговор, который у нас с Вами был, я пишу Вам настоящее письмо.

Как Вы помните, наши мысли совершенно сошлись на признании, что так называемые «внутренние силы России», как, впрочем, и следовало ожидать, существуют, развиваются и при известных условиях могут сделаться решающими; что та организация, содействием коей я пользовался для моего путешествия в Россию, во всяком случае пред-

²⁴ «В. В. Шульгин в Сов. России», *Сегодня*, 1926, 10 ноября, с. 5; 11 ноября, с. 4.

²⁵ «О чем пишут», *Дни*, 1926, 19 ноября, с. 2. В заметке было подчеркнуто, что аналогичные места из доклада Шульгина газета *Дни* обнародовала первой — еще в июле.

²⁶ В. Шульгин, «Письмо в редакцию»; А. фон Лампе, «Письмо в редакцию», *Дни*, 1926, 28 ноября, с. 3.

ставляет начинание в высшей степени интересное; что, не преувеличивая чрезмерно ее силы, кои по условию самого предмета не могут быть учтены с достаточной точностью, следует, однако, установить, что как идеология людей, с которыми мне пришлось войти в соприкосновение, так и личный состав и методы их производят самое лучшее впечатление и внушают веру в успех; что при этих условиях было бы в высшей степени желательно, точнее сказать необходимо, поддерживать непрерывную и живую связь с названной организацией и через нее со всей подпольной Россией, часть которой она составляет; что в особенности это, казалось бы, обязательно для газеты, носящей имя и преследующей идею «Возрождения», так как содействовать возрождению России невозможно без внимательного, вдумчивого и непрерывного изучения действительных процессов, происходящих в России, каковое изучение может вестись только на почве правильной и регулярной информации.

Переходя к вопросу, как осуществить намеченную связь с Россией в интересах более общих и тесных, то есть для нужд «Возрождения», прежде всего следует установить, что таковая связь не может быть осуществлена в Париже и вообще во Франции. Связь может нести некий форпост, передовой пункт, выдвинутый туда, то есть в тот город, точнее страну, куда доступ из советской России более доступен. Говоря проще, Возрождению нужно послать на постоянное местожительство «собственного корреспондента» *в один из лимитрофов*, вменив ему корреспонденту в обязанность, поддерживая живую связь с Россией, освещать в ряде статей как текущие вопросы, так и идеологические проблемы, подготавливая взаимное понимание подъяремной и зарубежной Руси.

Если при изыскании такого «собственного корреспондента» выбор «Возрождения» остановился бы на мне, то я настоящим письмом подтверждаю высказанное Вам мною устно согласие принять на себя исполнение этой работы, очень трудной, но увлекательной и, на мой взгляд, крайне важной.

Искренно Ваш В. Шульгин²⁷.

Другими словами, ближайшее конкретное предложение по обеспечению сотрудничества *Возрождения* с Якушевым и его соратниками состояло в назначении Шульгина в качестве корреспондента в пограничный с Россией район. Речь явно идет о его собственном имении в Польше, в котором он в те дни собирался организовать мыловаренный завод для финансирования и хозяйственного прикрытия создававшегося им «опорного пункта» «Треста». О неудавшейся попытке провести в жизнь этот утопический план, который был снят с

²⁷ Hoover Institution Archives, Petr Struve Papers, Box 11, folder 20.

повестки дня, когда весной 1927 года Опперпут бежал на Запад, подробно поведал С. Л. Войцеховский в своих воспоминаниях²⁸.

Сколь ни сенсационным был факт тайного путешествия и благополучного возвращения Шульгина, читательская реакция на его очерки оказалась прохладной. Владелец варшавского книжного магазина «Добро» С. М. Кельнич, незадолго перед тем заключивший соглашение с П. Б. Струве о распространении в Польше газеты *Возрождение*, писал ему 19 октября:

Считаем своим долгом поставить Вас в известность, что очерки В. В. Шульгина разочаровали местных читателей. На первые номера публика буквально набросилась, но затем стали раздаваться упреки. Читатели отмечают, что очерки даются слишком маленькими фельетонами, что они растягиваются, что в них так мало пока фактов, которых именно ждала публика.

Наконец, отсутствие в воскресном номере очерков определенно возмутило некоторых читателей, которые только ради них стали покупать газету. Наш представитель из Бреста прямо пишет: «Публика печатаемые очерки Шульгина не находит особенно интересными».

Посему просим сократить количество экз<емпляров> «Возр.» до 55²⁹.

Несмотря на все восторженные оценки и прогнозы, которые Шульгин вынес из путешествия, нельзя сказать, что новые его впечатления убедили скептиков. В первую очередь это относится к Н. Н. Чебышеву, который осенью 1926 года переехал из Сербии в Париж и вошел в редакцию газеты *Возрождение*. В своих позднейших воспоминаниях Чебышев рассказывал о встречах с Шульгиным в те дни:

Увидел я впервые Шульгина после его путешествия в Россию в октябре 1926 года в Париже. Он приехал, кажется, с Ривьеры.

Дальше ради вящей документальности буду приводить иногда записи из дневника.

²⁸ С. Войцеховский, «П. Б. Струве в Варшаве», с. 139—149; С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы*, с. 86—94. Одним из тех, кому была доверена эта работа, стал «поручик Ч.» (или «поручик Х.»), как его называет мемуарист. Это был В. С. Чихачев, в Гражданскую войну участник шульгинской «Азбуки» (см.: «К истории осведомительной организации «Азбука» (Из коллекции П. Н. Врангеля Архива Гуверовского института)». Вводная статья, подготовка текста и комментарии В. Г. Бортневского, *Русское прошлое. Историко-документальный альманах*. Кн. 4 (СПб.: Logos, 1993), с. 185), впоследствии поэт, занявший довольно заметное место в литературной жизни русской межвоенной Варшавы.

²⁹ Письмо варшавского книгоиздательства «Добро» в Администрацию газеты «Возрождение», Варшава, 20 октября 1926. Hoover Institution Archives, Petr Struve Papers, Box 27, folder 7.

Под 9 октября значится:

«Сегодня приехал Шульгин. Виделся с ним в редакции. Едет в Польшу. Я вспомнил, как во Флоренции показывали Данте на базаре и говорили:

— Это тот, который был там... (в аду)...

14 октября происходил редакционный завтрак с Шульгиным. У меня записано: Шульгин утверждает, что Россия наливается соками жизни и что в этом-то именно и ее спасение».

В тот же вечер я с Шульгиным обедал в ресторане. С нами обедали его жена М. Д. и В. А. Лазаревский.

«Я поставил Шульгину вопрос прямо: уверен ли он в том, что организация, помогая ему поехать в Россию и покровительствовавшая ему там, не связана с большевиками и не способствовала его поездке с их ведома и даже с их санкции? Он отрицал, но мне показалось, что у него какое-то в глубине души сомнение, в котором он сам не хочет себе признаться.

Я его спросил, не следили ли за ним? Он ответил, что было это, но он быстро пресек. — Откуда слежка, раз власть не знала? — По его словам, следили вообще, как за незнакомым, новым человеком. — Он ни с кем не виделся, кроме Федорова <Якушева> и двух-трех лиц, к нему примыкающих. Считает их подлинными контр-революционерами из буржуев, приспособившихся к советскому режиму и обладающих качествами, необходимыми для жизни в этих условиях. Замечательно кстати, что он, как и Арапов³⁰, ни с кем не виделся».

После этого вечернего разговора с Шульгиным я пришел к окончательному убеждению, что его возило в Россию ГПУ. Через несколько дней мы с Шульгиным обедали у А. И. Гучкова. Последний его расспрашивал, и я расспрашивал, повторяя опять те же вопросы.

У меня в дневнике записано так:

«Для меня ясно, что он был там, где его хотели. Киев, Москва, Петербург. Он без них никуда не ездил. Всюду его опекали. Например, он хотел ехать искать сына в Винницу. Его туда не пустили. Якобы ездил на поиски их агент... У меня, чем больше я слушаю Шульгина, слагается убеждение, что он ездил с ведома советской власти. Организация, им воспеваемая, просто ее агенты. Они между прочим убеждали его, что для них (для «треста», для контр-революционеров) самое вредное теперь это террористические акты. Нарушают, мол, весь план».

Под 18 октября записано:

Шульгин до того уверовал в своих московских друзей, что нахален в переписке с ними и готов сообщать сведения отсюда. Хотел спрашивать, что они сообщили Кутепову такое, противоречащее тому, что говорили тогда в Москве ему, Шульгину, и что попало в информацию Врангеля, из-за чего было требование представлять на просмотр Кондзеровскому всякую информацию... Я самым категорическим образом

³⁰ Речь идет о поездке племянника Врангеля евразийце П. С. Арапове в Москву в 1924 г.

просил его ничего туда не сообщать, касающееся этого инцидента, составлявшего секретную переписку. Это был формальный мотив. В действительности же совершенно ясно, что Кутепов, а теперь Шульгин разыгрываются организацией, работающей на советскую власть, — контр-разведкой ГПУ.

Взгляд, высказываемый Шульгиным, что не надо спешить со свержением власти, пока переворот не созрел, — несомненный результат внушений, исходящих от его новых московских друзей³¹.

Появление шульгинских очерков в парижском *Возрождении* повлекло за собой отклики и советской прессы. Журналист московской газеты *Известия* с удовлетворением отметил, что впечатление, вынесенные Шульгиным из СССР, заставляют даже такого закоренелого кадетского зубра, как редактор *Руля* И. В. Гессен, «сменить вехи» и — спустя девять лет — признать достижения революции³². А в *Правде* был помещен фельетон М. Кольцова, целиком посвященный Шульгину. Из него советские читатели узнали и о самой поездке, и о резонансе, который она получила за рубежом:

Монархическая русская печать за границей преподносит своим читателям невероятную сенсацию. Она печатает целый ряд статей и очерков В. В. Шульгина о его недавнем нелегальном пребывании в СССР.

Насколько можно верить, а верить по некоторым признакам — можно, известный белогвардеец, виднейший монархист, думский депутат, редактор «Киевлянина» и прочая, и прочая — действительно несколько месяцев тому назад тайком пробрался на Украину, побывал в Киеве и других советских городах.

Фельетон был опубликован еще до того, как в печати появились главы книги, описывающие посещение Шульгиным Москвы и Ленинграда, и он относится лишь к тем фрагментам, которые трактуют его пребывание в Киеве. Кольцов сопоставляет их с ранее вышедшими мемуарными свидетельствами писателя-эмигранта о Гражданской войне, высоко оцененными Лениным (и переизданными в советской России):

На воспоминания Шульгина обращал наше внимание Ленин. Книги «Дни» и «1920 год» Владимир Ильич, как передают, прочел с неослабным вниманием.

В самом деле, захватывающие книги! Лицом к лицу, без всяких посредников и занавесов, видишь настоящего, яркого, «породистого»

³¹ Н. Чебышев, «Трест. История одной “легенды”», *Возрождение*, 1935, 8 августа, с. 2.

³² М. Ольшевец, «Десятый белоэмигрантский...», *Известия*, 1926, 27 ноября, с. 3.

классового врага. И сам он, тоже без вуалей и занавесов, без уверток и иносказаний, правдиво и искренно передает свои чувства и ощущения. Насколько книги Шульгина больше дают, чем вихлястые, манерные, лицемерные мемуары всяческих меньшевистских обывателей и пассажиров от революции! Насколько они более ценны для истории и психологии классовой борьбы, эти страницы жизни и переживаний победленного в бою, изгнанного помещика!

Очерки о советском Киеве могут служить эпилогом к предыдущим двум книгам Шульгина. В «Днях» автор дал преломленную через свою собственную жизнь историю борьбы царизма с революцией, начиная с 1905 до 1917 года. <...> В «1920 году» Шульгин дает полную драматизма картину разгара гражданской войны, кровавого поражения перед красной армией белого движения. И, наконец, «советский Киев» — печальное, трагическое послесловие к правдивой повести о угасании дворянства.

По Кольцову, все впечатления Шульгина окрашены ностальгическими образами уходящего дворянского мира:

Кроме самого факта безнаказанной поездки в Киев и обратно, Шульгин ничего сногшибательного в своих описаниях предложить не может. Из всего того, что удалось ему видеть, слышать и вкушать, — все на месте, все в порядке. Автор всюду старается честно это отмечать, хотя и с оговоркой. <...>

Он бродит по Киеву и разглядывает, и экзаменует сытость, удобство, спокойствие жизни с точки зрения своего, дворянского золотого века. И, оказывается, по этой части благополучно. «Все как было, только чуть похуже».

Ну что ж, не так это плохо, если общий, городской, обывательский уровень жизни сейчас чуть похуже довоенного даже в глазах такого требовательного, заклято-вражеского, придирчивого зрителя, как Шульгин!

Черт действительно нового — завоеваний коммунистического строя, решительно преобразивших прежнюю Россию, — Шульгин разглядеть не сумел. И все же этот, пусть и узкий, но правдивый отчет не может, по утверждению партийного публициста, не принести пользу советской стране:

А новые фабрики и заводы?

А рабочий класс у власти? А поднимающаяся и растущая деревня? А Красная армия? А кооперация? А молодежь? А все то, чего не мог увидеть Шульгин и что видят другие, почетные делегаты из-за границы, представители западного пролетариата?

Не увидел. Ладно... В конце концов, даже сия отнюдь не рабочая, «шульгинская делегация» в СССР, вместе с ее правдивым отчетом,

принесла больше пользы, чем вреда доброму имени новой советской страны³³.

Пожалуйста, пусть себе загробный привет с киевского кладбища благополучно дошел в Париж. Черт с ним, с загробным приветом³⁴.

Оповестив читателей *Возрождения* об откликах, появившихся на его очерки в советской прессе, Шульгин выделил статью Кольцова:

Трудно этому поверить, но эти статьи нельзя назвать иначе, как ликованием. Выходит так, будто бы по Советской России проехался «строгий ревизор», перед заключением которого большевики дрожали: «Ах, что-то он скажет?! Ах, как-то он нас сейчас найдет?! И какое даст заключение?!»

И вот заключение дано. Грозный ревизор высказался.

— Все как было, но хуже...

Когда ревизуемые узнали об этом приговоре, их лица просияли тихим восторгом. Ну, слава Богу...

Некий Михаил Кольцов так и пишет: «Это совсем не так плохо, если все как было, только немножко хуже»³⁵.

И в советской, и в зарубежной русской прессе преимущественное внимание было обращено на неожиданно благожелательную оценку Шульгиным перемен, происшедших в советской России. Более общие задачи, которые поставил перед собой автор, прояснились лишь с выходом *Трех столиц* отдельной книгой в конце января 1927 года³⁶. Центральное место в ней заняли не сенсационные, захватывающие, «полудетективные» обстоятельства пересечения границы или сообщенные факты и события, а пространные политические размышления и идеологические пассажи, в значительной мере представленные в виде диалогов между автором и «контрабандистами». Оказалось, «впечатления» занимают в книге сравнительно скромное место уже из-за того только, что автору не так много удалось увидеть, и даже в родном Киеве пришлось урезать пребывание из-за слезки и укрыть-

³³ 17 октября в софийской газете *Русь* появилась заметка, сообщавшая, что в связи с появлением в *Возрождении* шульгинских статей «Как я побывал в советском Киеве» ОГПУ назначило расследование поездки Шульгина и заслушало доклад М. А. Трилиссера по этому вопросу. См.: «Дело В. В. Шульгина», *Русь*, 1926, 27 октября, с. 2.

³⁴ Михаил Кольцов, «Дворянин на родине», *Правда* (Москва), 1926, 13 ноября, с. 2. Статья Кольцова была изложена в заметке: «В советской печати», *Русь*, 1926, 25 ноября, с. 2.

³⁵ В. Шульгин, «Все как было, только хуже», *Возрождение*, 1926, 28 ноября, с. 2.

³⁶ См. объявление в рижской газете «Слово» 31 января 1927, с. 8.

ся в гостинице. Большую часть путешествия Шульгин провел в четырех стенах, «забившись в снежное подполье»³⁷.

И все же то, что он или увидел, или узнал в поездке, его действительно поразило и окрылило. Помимо самого факта встречи с родиной и открытия, что она не умерла, а воскресает и возрождается, это было также обнаружение в России своих политических единомышленников — общественной группы, которую автор обозначил словом «контрабандисты» и которая для немногих посвященных отождествлялась с «Трестом». В сущности, *Три столицы* были первым и единственным публичным изложением политической философии «Треста». Руководителям правого лагеря эмигрантской политики — и вел. кн. Николаю Николаевичу, и генералу Кутепову, и Врангелю, и представителям Торгово-Промышленного союза, и редактору *Возрождения* П. Б. Струве, не раз выслушивавших доводы МОЦР, — теперь приходилось учитывать «шульгинский фактор» в оценке московских партнеров.

Более того, в книге ощутим поразительный «симбиоз» шульгинского и трестовского начал. В воспроизведенных в ней диалогах позиции автора и его трестовских собеседников не противостоят друг другу, а наоборот, сближены и даже сливаются воедино. Легче всего это продемонстрировать на двух примерах, извлеченных из 5-й главы («Антон Антоныч»).

Во-первых, рассуждения о взаимных претензиях «эмиграции» и «метрополии». Шульгин, выступая от имени эмиграции, заявляет, что она ругает «русский народ» за то, что, ненавидя большевиков, он не делает ничего для их свержения; это — «нация рабов». В свою очередь его оппонент обвиняет эмиграцию за то, что она погрязла в склоках и не может достичь единства в борьбе против общего врага. Уже в этой исходной оппозиции трудно разделить голоса говорящих: «Антон Антонович» не оспаривает определения «нация рабов», но и Шульгин никак не защищает «эмиграцию». В конечном счете автор соглашается с «Антоном Антоновичем» в утверждении приоритета России «внутренней» над Россией эмигрантской.

Во-вторых, это вопрос о фашизме. Мы, утверждает Шульгин в том же разговоре, проиграли в вооруженной борьбе; но в борьбе идей мы — не проиграли; напротив, «мы свою идею вынесли из боя, сохранили, и я думаю, что она постепенно завоевывает мир. По

³⁷ В. В. Шульгин. *Три столицы. Путешествие в красную Россию* (<Берлин:> К-во «Медный Всадник», <1927>), с. 304.

крайней мере, фашизм, который сейчас является противником коммунизма в мировом масштабе, несомненно, в некоторой своей части есть наша эманация»³⁸.

Так возникает тема, к которой автор возвращается в книге не раз. Она и вообще была больной для Шульгина и для правого крыла эмиграции в целом в тот момент. Он впервые обратился к ней в той серии политических статей, с которых началось его сотрудничество в *Возрождении*. Там он отстаивал мысль о том, что единственным средством против коммунизма является фашизм, тогда как демократии бессильны в этой борьбе, и что «киль» движения будущей России должен состоять из сильной политической группы, скованной железной дисциплиной, имеющей иммунитет к политическим и социальным эпидемиям³⁹.

В самом *Возрождении* единства по этому вопросу не было. Главный редактор газеты П. Б. Струве занимал двойственную позицию, признавая всемирно-историческое значение возникновения фашизма и видя в нем реакцию «государственности» на разлагающую силу и работу демократического социализма, но испытывая, однако, опасения, что фашизм может «отравиться» социализмом и синдикализмом⁴⁰; К. И. Зайцев же объявил о полном своем неприятии фашизма⁴¹. Вмешаться в эту дискуссию Шульгин, находившийся в декабре 1925 года на Волыни и делавший последние приготовления к путешествию, не мог, но в своей книге решил снова вернуться к ней. Толчком послужило открытие, что идея фашизма взята на вооружение и подпольной группой внутри России, организовавшей его путешествие.

Разговор о фашизме переходит в обсуждение ближайших целей «внутреннего процесса». По мнению собеседника автора, то обстоятельство, что белые войну проиграли, вынуждает искать других путей борьбы. Заставив Шульгина согласиться, что восстановление

³⁸ В. В. Шульгин. *Там же*, с. 70—71.

³⁹ См.: В. Шульгин, «Сущность фашизма», *Возрождение*, 1925, 14 августа, с. 2; В. Шульгин, «Киль», *там же*, 1 сентября, с. 2. См. также: В. Шульгин, «Дисциплина», *там же*, 20 июня, с. 3; В. Шульгин, «Отвратное, но неотвратимое» (о теоретической идее народоправства), *там же*, 19 июля, с. 1.

⁴⁰ См.: Петр Струве, «Дневник политика. 35. Значение и значительность Муссолини и фашизма», *Возрождение*, 1925, 19 декабря, с. 1.

⁴¹ Ср.: К. Зайцев, «Некритическим поклонникам фашизма» и Вячеслав Новиков, «Фашизм и его государственное строительство», *Возрождение*, 1925, 1 декабря, с. 1 и 2. В декабре 1925 — июне 1926 цикл статей о Муссолини и фашизме опубликовал в газете И. А. Ильин (под псевдонимом Ивер).

страны, симптомы которого он не мог не заметить (по сравнению с 1920 годом, когда он покинул Россию), это «плюс» и что «ужасная формула» белых «чем хуже, тем лучше» во время голода в 1921 году (аналогичная лозунгу, который революционные партии в 1905 году выдвигали против царизма) большевистскую власть, вопреки всем ожиданиям, не «сковырнула», «Антон Антонович» предлагает автору (и читателю) ее инверсию: «чем лучше, тем хуже», то есть тем хуже для советской власти: «Теория, будто бы революцию делают голодные, — неправильна, ее нужно сдать в архив. Революцию делают сытые, если им два дня не дать есть... Таковая была февральская революция в Петрограде в 1917 году. Два дня не стало хлеба, и упала царская власть... Но если людям не давать два месяца есть, то они бунтовать не будут; они будут лежать при дорогах обессиленными скелетами и, протягивая руки, молить о хлебе. Или же есть друг друга будут» (с. 73). Чем лучше будет накормлен народ, тем меньше у большевиков шансов удержаться у власти. А потому не надо вмешиваться в этот «внутренний процесс» возрождения России и пытаться его остановить. Не эмигранты, а «оставшиеся» и «приспособившиеся» вывели страну из голода и разрухи. Власть большевиков все равно обречена, и падение ее неминуемо.

Проведя несколько недель в советской стране, Шульгин полностью признал и принял точку зрения «приспособившихся». В книге он «изнутри» описывает процесс перехода от «эмигрантского» взгляда к «внутренне-российскому», рассказывая о днях, проведенных в полуизоляции в домике под Москвой:

Сидение в этом домике, отрезанном от всего мира, давало мне возможность странно сосредоточиваться на том, что меня невидимо окружало. Я читал эти советские газеты, и сквозь богомерзкую орфографию, сквозь подло-дурацкую коммунистическую «словесность» ко мне прорывался пульс России. Да, под этой внешностью (ибо это все-таки внешность) живет и трепещет русский народ. И когда так живешь — там, с ними, проходит то отвращение к тамошней жизни, которое так характерно для эмигрантской психологии. Ортодоксальный эмигрант даже просто не верит, что в России есть жизнь и что эта жизнь может представлять свои интересы, огорчения, радости, поражения и победы. Издали кажется, что все это вымазано одним тоном, нестерпимо гадким. А это не так.

Советская власть — советской властью. А жизнь — жизнью. И, сидя там, я понял, что можно, например, и при советах работать над каким-нибудь изобретением или научным трудом. Или даже просто жить, увлекаться, страдать и радоваться, мало обращая внимания на советскую власть. Или даже очень обращая, но так, как тяжело больной человек, который уходит от своей болезни, сосредоточивая свой дух в других областях. Есть больные, которые ни о чем другом не могут го-

ворить, как только о своей болезни. Если они при этом интенсивно лечатся, то это хорошо. Но если они и не лечатся, а только хнычут, то это ни к чему. Пусть лучше забывают о болезни.

Так, не долго прожив в этой обстановке, я стал до известной степени понимать психику подъяремных советских людей. Я стал помимо своей воли заинтересовываться некоторыми явлениями жизни. <...>

Я это пишу потому, чтобы передать (хотя чувствую, что делаю это очень плохо) — как можно всеми силами души быть против советской власти и вместе с тем участвовать в жизни страны: радоваться всяческим достижениям и печалиться всяким неудачам, твердо понимая, что все это — актив и пассив русского народа, как такового. Ибо он был, есть и будет еще века, а советская власть есть не более, как печальное приключение, грустный эпизод тысячелетней русской истории.

Словом, я мысленно уже переходил в психологию «приспособившихся». Я вполне представлял себе уже, как под каким-нибудь псевдонимом я мог бы вести какое-нибудь дело, которое признавал бы полезным для России, пройдя школу лицемерия в отношении властей предрержащих, каковая для такой позиции необходима. То, что казалось мне совершенно невероятным в эмиграции, удивительно просто формировалось здесь. Ибо какой же выход? Злобно сидеть в подполье и ничего не делать? Или же делать все то, что позволяють обстоятельства? Первый выход — ни к чему. Второй есть что-то. Конечно, самый лучший выход — третий. Это одной рукой участвовать в жизни страны, делая все, что можно, а другой, понимая брэнность советской власти, готовить ей, в подполье, преемников. Идеал — «коварно-приспособившиеся». Впрочем, еще вопрос: коварство ли это? Или это просто знание того, что неизбежное неизбежно...⁴²

Аргументация, впервые оглашенная «Антоном Антоновичем», подхвачена и детально развернута в главе XXIII «Слипинг-кар» (с. 344—365), где автор суммирует свои разговоры с «главным контрабандистом» (Якушевым). Глава представляет собой рассказ о встрече в спальном вагоне пассажирского поезда, идущего из Москвы в Ленинград, и приурочена в книге к концу пребывания Шульгина в советской России. Содержание речи Якушева состоит в следующем. Не все в России оказалось так, как казалось вам до поездки; вы увидели пробуждающийся народ. Скажите эмиграции, заживо нас похоронившей, что мы живы. «Но скажите, разве мы похожи на умирающих? Разве сегодня, в начале 26 года, вы видите перед собой то, что вы испытали в 1920?» (с. 353)

Скорое падение большевизма неотвратимо: против него и крестьянство, и рабочие. В руководстве «пока» слишком много евреев.

⁴² В. В. Шульгин. *Три столицы. Путешествие в красную Россию*, с. 308—311 (гл. XVIII, «Домик»).

Поэтому антисемитизм, всегда распространенный на юге и на западе страны, сейчас распространился на всю шестую часть суши. «Значит, при этих двух ненавистях, социальной, т.е. ненависти низов к новым коммунистическим верхам, и национальной, т.е. ненависти русских к евреям, эта коммунистическая еврейская власть утвердиться не может. Она падет, и мы должны это предвидеть...» (с. 356). Что делать на другой день после падения большевиков? Поменьше ломки, не повторять ошибок революции 1917 года. Сохранить следует все, что можно сохранить. Уже в силу самой ненависти, которую вызывает советская власть, «пропорция новизны» будет велика. Поэтому надо не углублять революцию, а локализовать ломку. Даже советская конституция не так уж плоха; достаточно убрать из нее все глупости и модифицировать.

По вопросу о будущей власти председатель политсовета МОЦР доказывал, что республиканская форма правления дискредитирована большевиками и единственной возможностью является монархия: «Мне кажется, что здраво рассуждающий человек, хотя бы он был убежденнейшим республиканцем, при этих обстоятельствах будет трудиться над учреждением в России монархии». Но до ее восстановления будет переходное время, разрешение нынешнего династического кризиса произойдет только в результате волеизъявления народа. До этого момента потребуется переходное, «временное» правительство. Кто должен его возглавить? «Нет самой бедной хаты в России, где бы не знали имени Великого Князя Николая Николаевича. Это имя занесли солдаты пятнадцатимиллионной армии, которой он был водителем. Его знает и помнит вся Россия. Из этого, я думаю, вы сделаете сами вывод, на ком можно сконцентрировать народное внимание, любовь и пиетет в переходную эпоху...» (с. 363).

Время работает на нас, поэтому спешить с переворотом не надо. Чем более нормализуются условия жизни в России, тем меньше шансов большевикам удержаться у власти, потому что население никакой признательности к ним за эти улучшения не испытывает. Будущий строй «та деятельная группа, которую я имею честь представлять в этой нашей с вами беседе, мыслит как монархический, *но вобравший в себя необходимую самодеятельность населения*». Самодеятельность эту «надо не угашать, а развивать»; «однако, чтобы эта самодеятельность не выплеснулась за рамки, за которыми кончается созидание и начинается разрушение, требуется, чтобы на страже основных устоев человечества была сила, мощная духовно и достаточно численная количеством, *сила приблизительно в типе*

выступившего сейчас на мировую арену фашизма. Основными же устоями человечества эта группа признает то, что до коммунистических экспериментов лежало в основании человеческих единений всего мира: уважение к религии и моральному началу, здоровый национализм, не переходящий в шовинизм, сознание важности духовной культуры, наравне с материальной, не только не угашение, но пробуждение человеческого духа во всех областях, свобода трудиться, работать и мыслить, всяческая поддержка творчества, то, что выражал Столыпин лозунгом “ставка на сильных”, и вместе с тем смягчение этого сурового лозунга во имя христианского чувства, которое мы исповедуем, смягчение его милостью к слабым...” (с. 364).

Таким образом, размышления спутника по купе в «Слипинг-каре» в пункте о фашизме естественно перекликались со взглядами автора, как они проведены на страницах книги. Ценность фашизма для Шульгина в первую очередь в том, что это — панацея от коммунизма: избавиться от коммунизма можно лишь дисциплинировав себя, другими словами — став фашистами. При этом фашизм и коммунизм (ленинизм) — два родных брата. Различие их в том, что коммунизм хочет весь народ превратить в скотов, а самому править; для фашизма же власть не самоценна, он правит постольку лишь, поскольку люди — скоты. И все же им не закрыта дверь: задача фашизма — превращение скотов в людей (с. 224).

Однако апология фашизма у Шульгина не является безоговорочной и безусловной. Существует опасность того, что, достигнув власти, фашисты и сами могут превратиться в «сволочь»: будут издаваться над бесправным населением, станут хамами. Избежать этого можно, только если ими руководить будет человек «исключительного благородства и неодолимой властности» (с. 187—188).

Другой центральной в книге явилась еврейская тема. И в ней сквозит глубоко личное, пристрастное отношение автора. В своем волынском имении, накануне путешествия, Шульгин из конспиративных соображений отрастил бороду и стал, по собственному убеждению, неузнаваем — неотличим от старого еврея. Прогуливаясь по Крещатику, он с мрачным неудовольствием отмечает огромное скопление евреев, в четыре раза превышающее число русских лиц на улице; с Подола евреи переместились на Крещатик, из периферии в центр (с. 170). Но по зрелом размышлении он приходит к выводу, что евреям все же существующий коммунистический режим должен быть столь же враждебен, как и русским, поскольку он скывает коммерцию.

Перед отъездом из Киева в Москву (конец первой части), не сумев перекрасить бороду, автор полностью ее сбрасывает⁴³. Этот фабульный момент таит в себе, несомненно, символический подтекст: во второй части, насыщенной политическими дебатами и размышлениями, происходит как бы «сбрасывание масок» и у самого Шульгина, и у гостеприимных его хозяев. «Еврейский вопрос» при этом сохраняет все свое значение. Ему отведена целиком заключительная, 25 глава. Названа она «Возвращение» — на первый взгляд, потому, что описывает возвращение Шульгина в Москву из краткой поездки в Ленинград. Но название содержит и другой, более важный смысл, так как относится и к отъезду Шульгина из СССР. И вот в этот прощальный момент повествование превращается в воображаемый монолог автора, обращенный к воображаемому же («коллективно-среднему») еврею («хорошему человеку»), названному в книге Липеровичем. Для вящего эффекта автор в этой главе прибегает к комическому, издевательски-игривому передразниванию еврейской речевой манеры. Так сильна вера Шульгина, что падение коммунистического режима неизбежно и переворот разразится в ближайшие же месяцы или недели, что все рассуждения практически сведены к доброму совету евреям срочно оставить Россию, хотя бы временно эвакуироваться (пусть и в Палестину), чтобы спастись от неминуемого погрома (с. 404—411).

Обе центральные и независимые друг от друга тематические линии: фашизм и еврейский вопрос — внезапно скрещиваются в конце книги, в разделе, названном «Эпилог. Одиннадцать заповедей, или речь, которая не была сказана» (с. 414—461) и содержащем выступление Шульгина перед воображаемым судом в Киеве (состоящем почти сплошь из евреев). Эту речь, по словам автора, он твердил себе всю дорогу, начиная с Киева, и она резюмирует все основные политические идеи, поднятые в *Трех столицах*. В его «последнем слове» снова звучит апофеоз фашизму, взятому не как конкретный политический феномен, а как универсальный идеальный принцип, призванный устранить такую историческую aberrацию, как демократия. Здесь снова повторяется, что фашизм и коммунизм «в от-

⁴³ Аллюзию на этот эпизод Дм. Жуков находит в романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». См.: Дмитрий Жуков, «Ключи к “Трем столицам”», в кн.: В. В. Шульгин. *Три столицы* (Москва: Современник, 1991), с. 446. Задолго до него, об этом же и о том, что роман «Двенадцать стульев» — советская пародия на книгу Шульгина, писал Р. Врага С. Л. Войцеховскому 20 июля 1961 г. См.: Hoover Institution Archives, S. L. Voitsekhovskii Papers, Box 3. Ср.: Теодор Гладков. *Награда за верность — казнь* (Москва: Центрполиграф, 2000), с. 113.

ношении тактики» — два родных брата. О себе автор говорит: «Я — русский фашист», а основателем русского фашизма называет Столыпина, бывшего, по его убеждению, истинным предтечей Муссолини (с. 421—423). Столыпин, Ленин, Муссолини делали ставку на инициативное, хорошо организованное меньшинство; «это же дело продолжает барон Врангель, создавая из остатков своих белых армий ячейки, из которых в будущем вырастет русский фашизм» (с. 422). С самодержавием демократий покончено; управляло всегда меньшинство. При демократическом строе это держится в тайне, заслуга же Ленина и Муссолини в том, что они тайное сделали явным. Но это не значит, что большинство надо держать в состоянии «скотов бессловесных». Муссолини умен потому, что сохранил парламент. Вторя аргументам своего спутника в «Слипинг-каре», Шульгин далее заявляет перед коммунистическим Синодарионом: «Но я хотел сказать, что советская конституция по существу вовсе не является рот затыкающей населению. Я считаю идею советов довольно удачной, а идею профессионального представительства, наряду с территориальным, заслуживающей самого серьезного внимания. Если бы выборы производились свободно...» (с. 422—423).

По приведенным пассажам видно, как естественно и органически дополняют друг друга и сливаются друг с другом рассуждения «трестовцев» и идеи автора. Будучи политической исповедью Шульгина, *Три столицы* явились в то же время публичной декларацией «Треста», обоснованием той политической платформы, которую «Трест» с момента своего возникновения стремился внушить своим партнерам за рубежом в целях сдерживания подрывной деятельности против советского правительства. Но возникшая в это время внутри «Треста» «оппозиция», в лице М. В. Захарченко-Шульц, Г. Н. Радковича и Стауница, стала выступать с требованием проведения активной вооруженной борьбы и отказа от ставки на выжидательную линию. С. Л. Войцеховский вспоминает:

В Москве Мария Владиславовна пришла к выводу, что советская власть укрепляется и что только террор может ее поколебать. Кутепов это мнение разделил. Он придавал террору самодовлеющее значение и предполагал, что совершенные кутеповцами террористические акты вызовут в России — как он сказал — детонацию.

Когда Захарченко, с его согласия, сообщила Якушеву отношение Кутепова к террору, ответом был резкий отпор. Красной нитью в письмах Якушева к Кутепову, в его разговорах с Артамоновым и мною проходила обращенная к эмигрантам просьба: «Не мешайте нам вашим непрошеным вмешательством; мы накапливаем силы и свергнем советскую власть, когда будем, наконец, готовы».

В начале июля 1926 года настал день, когда мне пришлось сообщить Кутепову категорический отказ М.О.<Ц.>Р. от террора. Вопрос был поставлен ребром. Развязка стала неизбежной⁴⁴.

Конфликт двух флангов внутри «Треста» не укрылся от глаз Шульгина; сам он упомянул его позднее, в 1927 году, в «Послесловии к “Трем столицам”»⁴⁵. В ходе своего посещения России Шульгин имел возможность встретиться с М. В. Захарченко-Шульц и Г. Н. Радковичем и свои разговоры с ними описал в главе XIX («Частушки», с. 311—315), где они фигурируют под именами Прасковья Мироновна и Василий Степанович. И по этой главе, и по позднейшим отзывам Шульгина видно, какое огромное, неизгладимое впечатление произвела на него Мария Захарченко. И все же в своей книге он не счел нужным излагать ее взгляды на вопрос, становившийся главным в организации. В результате дилемма, перед которой поставлен «Трест» (террор — или постепенная, медленная эволюция), не обнажена и о столкновении двух разных подходов в книге не говорится ни слова. Вполне вероятно, что произошло это по соображениям соблюдения конспирации или из-за нежелания ослаблять авторитет «Треста» указанием на внутренние разногласия в нем.

Но позднее, в «Послесловии к “Трем столицам”», сам Шульгин признал, что в противостоянии двух групп внутри «Треста» стоял ближе к Якушеву: «Должен сказать, что я всецело был на стороне Федорова, ибо полагаю, что зуд бросать бомбы, как всякая страсть, хороша, если она подобна горячей лошади на строгом мундштуке. Без одного горячность есть начало вредное, разрушительное»⁴⁶.

Якушев встретился с Шульгиным еще раз 5 декабря 1926 года, в ходе своей последней командировки в Париж, когда в беседах с вел. кн. Николаем Николаевичем и Кутеповым он пытался предотвратить принятие ими тактики, проповедуемой оппозицией в «Тресте». Парижская встреча Якушева с Шульгиным, заканчивавшим в те дни *Три столицы*, отразилась как в содержании главы «Слипинг-кар», так и в общем направлении книги. Репутация писателя как убежденного, бескомпромиссного врага большевизма должна была

⁴⁴ С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы*, с. 10—11.

⁴⁵ «В. В. Шульгин о своей поездке в Советскую Россию. Послесловие к “Трем столицам”», *Россия*, № 8, 1927, 15 октября, с. 2.

⁴⁶ «В. В. Шульгин о своей поездке в СССР. Послесловие к “Трем столицам”», *Россия* (Париж), № 8, 1927, 15 октября, с. 2; *Сегодня* (Рига), 1927, 19 октября, с. 3. См. также: V. Shulgin, «How I Was Hoodwinked by the Bolsheviks», *The Slavic Review*, Vol. VI, No. 18 (March 1928), p. 505—519.

придать дополнительную силу приводимым им «трестовским» аргументам. И действительно, лучшей рекламы, чем книга Шульгина, «контрабандистам» обрести бы не удалось.

Но, наряду с политической «программой», выдвигаемой в *Трех столицах*, в книге Шульгина просвечивал и иной, специфический пласт. Речь идет о значительном месте, занимаемом «провокаторской», или «полицейски-судебной», темой, которая вторгается в повествование с первых страниц. «Антон Антонович» (5-я глава), встретивший автора на границе, вызывается сопровождать его в поезде в Киев. В дороге Шульгин ни о чем его не расспрашивает:

Разумеется, при скользкости моего предприятия, мне предоставилось вечно сомневаться: а не попал ли я в руки ловких агентов Г.П.У.? Подозревать всех и вся было мое право и даже в некотором роде обязанность. Но приставать с расспросами было бессмысленно со всех точек зрения. Если я имел дело с провокаторами, то вряд ли вопросами я их бы расшифровал. Пожалуй, здесь могло бы помочь только сосредоточенное внимание. Если же я имел дело с честными контрабандистами, то лезть в тайны людей, оказывавших мне величайшую услугу, я считал бы безобразным. Деликатность была единственная благодарность, которой я мог бы заплатить за то, что они для меня делали. До сих пор все было безоблачно. Дыхания предательства я не ощущал. Наоборот, от всех моих новых друзей шли хорошие токи (с. 63—64).

Конечно, только посвященные в существование «Треста» читатели смогли оценить весь «риск» литературной игры автора с темой провокаторства и слежки в *Трех столицах*. Можно полагать при этом, что таких «посвященных» среди читателей рукописи в ГПУ было едва ли не больше, чем среди соратников Шульгина в эмиграции.

Замечательно, что в этой главе «упреждающее» обыгрывание темы провокаторства вставлено и в реплику собеседника автора. Отвечая на упреки, адресованные эмиграцией к русскому народу, «Антон Антонович» говорит:

— Мы очень хорошо знаем, что вы нас за это ругаете. Я вам очень благодарен, что вы это сказали так прямо. Это не значит, что мы относимся к этому спокойно. Отношение к нам эмиграции в высшей степени для нас болезненно. Но справедливо ли оно? И может ли эмиграция, которая так страшно далека от нас, как будто бы живет на луне, имеет ли право эмиграция так о нас судить? Знаете ли вы, да вы, конечно, знаете, что за исключением князя Долгорукова, добравшегося, впрочем, только до пограничной станции, вы первый из числа тех лиц, которыми руководится общественное мнение русской эмиграции, кто приехал к нам? Вы вот давеча сказали: «не знаю, как вас благодарить».

Не надо благодарить, Эдуард Эмильевич⁴⁷. Ваша благодарность состоит в том, что вы решились к нам пробраться... У нас тяжело, очень тяжело. И вот за то, что мы переживаем, за те действительно трудные условия, в которых нам приходится действовать, нас же у вас обвиняют... Обвиняют и оскорбляют тех, кто не может защищаться... Не может подать голоса. Ведь положение таково. Допустим, кто-нибудь из нас перешел бы тайно границу и появился бы там у вас, в Берлине, Париже, Белграде, и рассказал бы все, что у нас делается, рассказал бы, так сказать, как мы живем и работаем. Ведь ему не поверят. Ведь установился такой странный взгляд: если кому-нибудь из заявляющих себя против большевиков что-нибудь удастся, то значит — это провокатор. Если бы, мол, не был провокатором, то давно бы его большевики поймали. Ведь, скажете, правда, есть такое предствление?

— Есть. Не отрицаю. Мы ужасно недоверчивы и полагаем, что если кто-нибудь здесь плавает, то, наверное, как-то «приспособляется»... (с. 68—69).

Очевидно, что данный пассаж, как и затрагивание автором темы «провокаторства» чуть ранее, был призван удостоверить полную неуместность таких подозрений. И все же тема полицейской провокации всплывает и в других местах книги, создавая ощущение навязчивого присутствия.

Почувствовав во время прогулок по родному городу слезку и сумев оторваться от филеров и скрыться у себя в гостинице, автор мысленно погружается в «репетицию» своего разоблачения чекистами, ареста и допроса. «Я представлял себе, что бы я сделал, если бы меня действительно открыли и поймали» (с. 227). Он в малейших деталях воображает себя в руках следователей ГПУ. Долго скрывать свое имя он не стал бы: если погибать, то приятней под своим именем. Будет ли кончина безболезненной? Говорят, теперь не пытают. Но, продолжает автор, ведь и знать-то он мало что знает, и если станут его допрашивать о всей цепи «контрабандистов» (о «Тресте»), то он мало что сможет рассказать: только «фальшивые имена и фамилии, которые можно заменить номерами» (с. 228).

Скажу правду. Скажу, что ищу сына. Но не поверят. Будут допытываться всех деталей. <...>

Без конца будут спрашивать. Например: да на кого же вы рассчитывали? Вот так и думали действовать в одиночку? Это невероятно. У вас есть явки. Назовите.

Скажу правду. Я думал действовать в одиночку. К старым друзьям обращаться не хочу. Во-первых, неизвестно, кто остался другом, а кто

⁴⁷ На это имя (Э. Э. Шмидт) «контрабандисты» в книге выдали автору документы при пересечении им границы.

нет. А если кто остался другом, то мое обращение будет для него такая страшная опасность, что это было бы с моей стороны не по-дружески. Ни на кого поэтому я не рассчитываю, кроме одного лица (с. 228—229).

И тут выясняется, что это лицо в Киеве, к которому, направляясь в СССР, намеревался в случае надобности обратиться Шульгин, — А. Г. Москвич, бывший сотрудник газеты *Киевлянин*, один из самых близких тогда к Шульгину. А. Г. Москвич явился закулисным героем так называемого Киевского процесса (апрель 1924), рассматривавшего дело созданной Н. П. Вакаром, А. В. Карташевым и Н. В. Чайковским в 1921 году в Париже антисоветской организации «Центр действия»⁴⁸. О темной роли А. Г. Москвича в этом деле эмигрантская печать сообщила вскоре после суда⁴⁹. Шульгин, собираясь в дорогу, на всякий случай заготовил и зашил в свое пальто письмо к нему с просьбой о помощи; в нем он высказывал уверенность в том, что Москвич перешел «на другой берег» по идейным убеждениям. Возвращаясь сейчас в книге к этому подстраховочному варианту для своей поездки, Шульгин признался, что почему-то был уверен, что его этот предатель не выдал бы. Основанием для этой уверенности был другой, старый эпизод, который Шульгин здесь же сообщает читателям, как некоторое отступление от фабулы книги:

Это было в Одессе в 1920 году. Я скрывался в подполье. Чрезвычайка захватила близкого мне человека. Это до такой степени меня мучило, что я написал «им» письмо: предлагал обмен, то есть чтобы они его выпустили, а взяли бы меня. Разумеется, я знал, что они могут меня обмануть, то есть и меня взять, и его не выпустить. Я так и написал в письме, прибавив: «я знаю, что у нас совершенно разные понятия о чести, но я думаю, что не все человеческое вам чуждо». Если бы они согласились на мое предложение, они должны были напечатать условное объявление в своей газете. Тогда я придю в чрезвычайку. Месяц я ждал этого объявления, но оно не появилось. И я не мог понять, в чем дело.

Позже я узнал: они письмо получили. С этим письмом они пришли к заключенному. Показали ему письмо, дали прочесть. Когда он

⁴⁸ Об этой организации, бывшей своеобразным «кадетским» двойником монархического «Треста» см.: Д. Л. Голиков. *Крушение антисоветского подполья в СССР*. Кн. 2. Изд. 3, доп. (Москва: Издательство политической литературы, 1980), с. 181—182; Г. Ф. Барихновский. *Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921—1924 гг.)* (Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1978), с. 33—35.

⁴⁹ См.: «За кулисами Киевского процесса», *Последние Новости*, 1924, 13 мая, с. 2 (изложение статьи о А. Г. Москвиче из левоэсеровского журнала *Знамя Борьбы*). Ср. о нем также: *Дело Киевского Областного Центра Действия*. (<Киев>: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1927), с. 196, 327, 328, 338, 374; 593—596; 724.

прочел, он не выдержал... Заплакал. Они «имели деликатность отойти к окошку» и дать ему успокоиться. Потом спросили: «Вы согласны на мену?» Он отказался наотрез и в волнении говорил: «Не выйду живым отсюда! Жилы перережу стеклом». Они взяли письмо и ушли.

И не напечатали условного объявления.

Чем они руководились? Эти звери, не знающие жалости?

Вот — дрогнула рука. Таким средством не пожелали против меня воспользоваться. А ведь в то же время они ловили меня всеми другими способами. С большими хлопотами, старанием, напряжением. Они подсылали провокаторов, не останавливались перед расходами, два раза я был у них в руках, два раза выскальзывал, один раз просто бегством по улице. Словом, большая была возня. И вот в разгар этой возни, уже после уличного бегства, которое их весьма раздосадовало, я сам им давался в руки.

Но этой ценой не захотели взять.

Кто? Заправские чекисты.

Вот что такое душа человеческая...

Ее иногда можно угадать, ее никогда нельзя знать наверное (с. 231—232).

Двумя этими друг с другом связанными «половинками» истории, одна из которых — гипотетическая (о подготовленной адресации к провокатору А. Г. Москвичу), а другая — ретроспективная, Шульгин как бы «давал фору» чекистам, допуская в них просветы душевного благородства и тогда, когда он тайком направлялся в родной Киев, и тогда, когда он в своих *Трех столицах* давал отчет об этом посещении. К риску предпринятого путешествия присоединяется и другой риск — изобразить заклятых врагов в более человеческом облике, чем диктовали нормальные политические соображения. Было ли появление таких эпизодов в книге чисто «литературным приемом», сюжетным украшением, призванным усилить ощущение тревоги и занимательность чтения? Н. Н. Чебышев в октябре 1926 года почувствовал недостаточную уверенность Шульгина, отрицавшего, что в ходе своей поездки в СССР он находился под постоянным колпаком ГПУ. Остается догадываться, был ли данный «провокационный и судебно-полицейский» пласт в книге данью мучившим автора сомнениям или, наоборот, выражением облегчения из-за освобождения от таких сомнений, был ли он проявлением «ясновидения», «шестого чувства» или попыткой усыпить тревогу.

Балансирование на лезвии ножа не сводится к этим прямым «филерско-провокационным» эпизодам. Приведем и другой случай «игры с огнем», когда автор как бы дразнит своих потенциальных читателей из чекистской среды. Приводя свои наблюдения о коммерческих предприятиях в Киеве, он говорит:

Надписи ни одной человеческой нет. Все какие-то тяжеловесные, иногда совершенно непонятные заглавия. Но в этой тарабарщине постоянно фигурирует слово трест. Вот, что такое слово трест?

Во всем свете трест это есть сугубо частное предприятие. Соединяются люди одной и той же профессии (ну, скажем, сахарозаводчики) для того, чтобы создать предприятие гораздо более сильное, чем каждое в отдельности. Словом, это осуществление лозунга — в единении сила, или иначе: заводчики всех величин, соединяйтесь.

Так во всем свете. А у большевиков наоборот: если трест, то, значит, нечто казенное, или вроде как казенное, субсидку что ли от казны получающее и всякое покровительство.

Абракадабра какая-то! Во всем свете слово трест есть высшее выражение индивидуальной или личной свободы деятельности. А у большевиков в тресты загоняются сверху, по приказу начальства. Впрочем, о сем темном деле в другой раз (с. 165—166).

За внешне безобидной и простодушной фиксацией языковых новшеств пореволюционных лет⁵⁰, за ворчанием по их поводу скрывается опасное полу-«оповещение» о другом, реальном «тресте», обеспечившем Шульгину безопасность во время его тайного путешествия.

Конечно, в полной мере бесконечная ирония многих высказываний в книге Шульгина или описываемых в ней ситуаций уясняется ретроспективно, когда мы сопоставляем их с действительными событиями того времени. В предисловии к *Трем столицам* автор упомянул неудачную попытку князя Павла Долгорукова совершить нелегальную поездку в Россию:

<...> судьба князя П. Д. Долгорукова, который как раз предпринял попытку проникновения в Россию, но добрался только до первой пограничной станции Кривин, где и был арестован и только благодаря своему мужеству и выдержке не опознан, а выслан обратно в Польшу под видом старого псаломщика, — заставляла быть в особенности осторожным (с. 6—7).

Князь П. Д. Долгоруков, старший из Рюриковичей, перед революцией — один из наиболее уважаемых деятелей кадетской партии, видный участник белого движения в Гражданскую войну, с 1923 года член Русского Национального комитета в Париже, отвергшего и «новую тактику» П. Н. Милюкова, и реставрационные планы правомонархических кругов, — на политической карте эмиграции находился значительно левее Шульгина. В марте 1924 года он отпра-

⁵⁰ Ср. о расплывшихся в советское время аббревиатурах в монографии А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» (Москва, 1926; 1928).

вился в Польшу, где стал готовиться к переходу советской границы. Испытывая накануне встречи с Родиной подъем поэтического вдохновения, он набросал новый государственный гимн России, призванный заместить старый, дореволюционный текст, и послал его П. Н. Врангелю из Ровно. Вот этот текст:

Проект Гимна

Боже, Ты Русь храни,
Русь православу,
Силу и правду
Нам ниспошли!
Силу на страх врагам,
Правду на счастье,
На мир всему миру
Дай, Боже, нам!

(Если для напева удобнее, то четвертую строчку можно изменить так: «Ты нам ниспошли!», а восьмую — «Даруй, Боже, нам!»)⁵¹.

Перешел он границу 6 июля под Острогом и сразу был арестован. Проведя неделю в тюрьме и подвергнувшись трем допросам, он был выслан 12 июля назад в Польшу. Этим и завершился его поход в советскую Россию. 20 августа А. В. Карташев переслал Врангелю письмо Долгорукова от 30 июля 1924 года с подробной информацией о его поездке в СССР. «Из приобретенного мною опыта я убедился, что смычка эмиграции с Россией вполне возможна и необходимо обратить на это серьезное внимание», — писал там Долгоруков⁵². Вскоре он поместил в берлинской газете *Руль* подробный отчет о своих приключениях⁵³, который до какой-то степени отвлек читателей от травмирующих загадок поимки Савинкова в СССР и произошедшей с ним после этого метаморфозы. Прерванный поход Павла Долгорукова упомянул и «Антон Антонович» в *Трех столицах* (с. 68), указывая на полезность более частых поездок эмигрантских политических деятелей во «внутреннюю Россию». Но к моменту, когда *Три столицы* вышли из типографии отдельной книгой, упо-

⁵¹ Hoover Institution Archives, Vrangell Collection, Box 150, file №40, p. 381. Ср.: Н. В. Серебренников. *Гимн России «Боже! Царя храни!» Приложение к серийному изданию «Литературный текст: проблемы и методы исследования»* (Тверь, 2002).

⁵² Hoover Institution Archives, Vrangell Collection, Box 150, file №40, p. 438—442.

⁵³ См.: Кн. Павел Долгорукий, «Неделя во власти ГПУ», *Руль*, 30 сентября 1924, с. 2—3; 2 октября, с. 2; 7 октября, с. 2—3; 10 октября, с. 2—3; 14 октября, с. 2—3; 18 октября, с. 2; 23 октября, с. 2—3; 24 октября, с. 2—3.

минание князя Долгорукова неожиданно приобрело новый, зловещий оттенок. Поездка Шульгина и успех ее, документированный в октябре 1926 года газетными публикациями первых кусков *Трех столиц*, по-видимому, вскружили голову Долгорукову и побудили его предпринять еще одну попытку пробраться на родину. Однако начатая задолго до пересечения границы слежка за ним увенчалась арестом в районе Рыльска, поблизости от бывшего его имения⁵⁴. Новость о том, что он в советской тюрьме, всколыхнула широкие круги эмиграции, с волнением следившей за всеми слухами, поступавшими о Долгорукове из России, и гадавшей о том, что его ожидает. Для современников два эти похода — удачный Шульгина и провалившийся Долгорукова — выступали контрастной параллелью. А. Ксюнин писал:

Если в предприятии В. В. Шульгина была известная доля авантюризма, то П. Д. Долгоруков, с его упорством проникнуть, побывать и посмотреть Россию, — близок к подвижничеству.

Эмиграция как-то закисла, сжалась в себе самой, разделилась по закутам, ушла в книжки, в слова, в повседневишину и забыла о подвиге. Точно она вся в прошлом, точно с крушением Крыма все оборвалось и нет ни способов, ни целей, ни возможностей.

Случай с Долгоруковым должен больно ударить по многим и не столько по лицам, сколько по приемам и тактике.

Старый человек, вместо того, чтобы препираться в эмиграции, ставит себе задачей проникнуть в Россию. Попадает туда в первый раз, краешком видит манящее-родное, принимает страдания, выносит их и, выброшенный обратно за границу, вторично готовится и вторично идет, заранее обрекая себя на самое худшее и ужасное, вплоть до смерти⁵⁵.

Спустя два месяца разошлось известие об отказе чекистов от гласного суда и о расстреле арестованного⁵⁶, сочтенное недостоверным⁵⁷. Понятно, что на этом фоне призыв «Антон Антоновича» чаще навещать родину (по конспиративным каналам), переданный через Шульгина, терял внушительную долю своей заманчивости.

Разговаривая перед отъездом с Врангелем, Шульгин никаких поручений от него не получил, услышав одно: «политики не будет». И в своем «последнем слове» перед воображаемым судом автор повторяет, что приехал на розыски сына, а не для того, чтобы «делать

⁵⁴ «Арест князя Павла Долгорукова в сов. России», *Слово* (Рига), 1926, 9 декабря, с. 4.

⁵⁵ Ал. Ксюнин, «Заметки», *Россия* (Белград), 1926, №15, 19 декабря, с. 2.

⁵⁶ «Судьба князя Долгорукова», *Слово*, 1927, 23 февраля, с. 1.

⁵⁷ Александр Яблоновский, «Слухи», *Возрождение*, 1927, 26 февраля, с. 2.

политику». Однако, когда книга вышла, обнаружилось, как много «политики» и в ее содержании, и в самом факте ее издания. Публикация создавала ситуацию, в которой Шульгин из хорошо информированного свидетеля перемен, происходящих внутри России, мог вырасти в центральную фигуру эмигрантской политики, став своего рода полпредом «Треста» («теневого правительства»). Многое из того, что твердил Якушев при встречах со своими собеседниками во время непродолжительных командировок на Запад, обретало новый смысл на страницах *Трех столиц*, будучи освящено поддержкой и авторитетом Шульгина. В свою очередь, писатель, став пылким адептом МОЦР, мог придать новые масштабы деятельности организации, вызвавшись распространять ее работу на новые, прежде не затронутые области. Это было существенным для московских партнеров потому, что отводило упреки в бездействии и противостояло нажиму, оказываемому на них с целью ускорить проведение боевых актов.

Между тем при остром интересе, который возбудили слухи о путешествии Шульгина в СССР и его книга, по выходе ее ни один орган печати русского Зарубежья принять целиком шульгинскую позицию не решился. Безусловно апологетическим был лишь отзыв *Возрождения*. В своем «Дневнике политика» П. Б. Струве писал: «Не обинуясь, надлежит книгу эту признать крупным явлением, я бы сказал, *литературно-политическим событием*». Значение ее в том, что, ставя на новую основу отношения между «Зарубежьем» и «Подъяремной Россией», она подтверждает правоту программы «активизма»:

Самая поездка в Советскую Россию «белого» Шульгина уже не уменьшается в — литературу. Это было какое-то действие и таковым же является и его книга. <...>

Шульгин своей книгой, широчайшему распространению которой мы все должны содействовать, открывает, освобождает и тем самым прокладывает Зарубежью *душевный путь в Россию и к России*.

Шульгин, представитель белого Зарубежья в *его схождении и слиянии с «приспособившимися» и «контрабандистами»*, — вот в чем главное содержание и значение этой зовущей к действенности и уже действующей книги⁵⁸.

При этом редактор *Возрождения* обошел молчанием наиболее спорные стороны шульгинской политической доктрины — проповедь фашизма и антиеврейские выпады.

⁵⁸ Петр Струве, «Дневник политика. 120. Книга о воскресающей России», *Возрождение*, 1927, 28 января, с. 1.

Более сдержанную характеристику книги давала передовая статья *Руля*. Акцент в ней был поставлен на сдвигах в политических взглядах Шульгина, произошедших в результате погружения в советскую жизнь. В статье говорилось:

Лейтмотив всех наблюдений Шульгина выражается в неоднократно повторяемой фразе: все осталось по-прежнему, но только хуже. Но одновременно автор и сам заявляет, что он смотрел теми же глазами, какие у него были в давно прошедшее время в Гос. Думе, когда ему приходилось бросать взгляды налево. Естественно поэтому, что лейтмотив в той или другой мере является предопределенным, и неудивительно, что он не покрывает, не вмещает некоторых утверждений самого автора. — Поэтому, быть может, ценнее тех выводов, которые сам Шульгин настойчиво или, вернее сказать, назойливо подсказывает (в особенности поскольку речь чуть не на каждой странице идет о доминирующей роли евреев), — ценнее авторских выводов являются отдельные менее яркие штрихи, беспритязательно изложенные факты, которые могут дать читателю незаменимый материал для серьезных размышлений и самостоятельных выводов⁵⁹.

В передовой сделана ссылка на признанную самим Шульгиным быструю утрату «отвращения к тамошней жизни, которое так характерно для эмигрантской психологии», на его переход «в психологию приспособившихся». Упомянув и волнения Шульгина в связи с замеченной им слежкой в Киеве, и письмо к А. Г. Москвичу с просьбой о помощи, зашитое в пальто, автор завершил статью пассажем, допускавшим противоположные суждения о книге:

Приведенные факты несомненно вызовут самые разнообразные ощущения в сердцах зарубежных читателей: бурю возмущения в одних, вплоть до обвинения Шульгина в предательстве, тайное или явное сочувствие других и злорадное торжество в третьих, сменивших или собирающихся сменить вехи. Ну а как отнесется к этим фактам советская власть? Увидит ли она в этих штрихах доказательство своей обреченности? Поймет ли она, как легко она могла бы использовать приведенные настроения для своего укрепления, если бы не была обречена каждым жестом всех и все против себя вооружая и задыхаясь в пустоте. Сознает ли она, что работает для других, которые, воспользовавшись такими настроениями, в полчаса ликвидируют ее кремлевское пребывание и прочно усядутся на ее месте⁶⁰.

Гораздо определеннее в своей отрицательной оценке была рецензия в том же *Руле*, написанная редактором газеты И. В. Гессе-

⁵⁹ «Поездка в Россию», *Руль*, 1927, 28 января, с. 1.

⁶⁰ Там же.

ном. Указав, что детали советского быта, сообщаемые Шульгиным, ничего нового не содержат, будучи известными по беллетристическим советским произведениям, уже знакомым читателям *Руля*, и что контакты в СССР автора книги практически были сведены к группе «контрабандистов», Гессен обращает внимание на антиеврейские пассажи в *Трех столицах*, свидетельствующие о «какой-то одержимости» автора, и на его апологетические высказывания о фашизме. Он даже высказывал предположение, что посылаемое коммунистам «низкое, русское спасибо» может встретить горячую взаимность⁶¹.

Рижская газета *Сегодня* свой отзыв предложила в виде пространной преамбулы, предварявшей перепечатку двух кусков из второй части *Трех столиц*. Соединение в Шульгине политика и художника трактовалось здесь иначе, чем в *Возрождении*. По мнению газеты, то обстоятельство, что Шульгин не только политик, но и яркий, талантливый художник, позволяло надеяться, что его наблюдения дали бы многое для объяснения советской действительности. Однако этого не произошло:

Книга интересна, но она во многом не оправдывает ожиданий, которые на нее возлагались. Шульгин, конечно, не попал в ту искусственную обстановку «потемкинских деревень», которая фатально влияет на впечатления всякого рода «знатных иностранцев». Он путешествовал свободно, как советский гражданин, никем не опекаемый и не руководимый, как человек, могущий превосходно сравнивать прошлое с настоящим; но круг его наблюдений, возможность встречаться с людьми были чрезвычайно ограничены той конспирацией, которую ему приходилось соблюдать. Поэтому он мог коснуться только поверхности, внешней стороны жизни, ощутить только запах ее, который, конечно, имеет тоже большое значение.

Зато политические выводы Шульгина в глазах *Сегодня* не заслуживают и малейшего оправдания:

Но есть еще более слабая сторона книги: в отличие от «1920 года», где Шульгин-политик почти незаметен и где Шульгин-художник выступает на первый план, в «Трех столицах» слишком много от шульгинской политики, и притом политики, часто совершенно недостойной талантливого писателя. Книга пропитана антисемитизмом невысокой пробы. Удивляешься, как человек с тонким вкусом и талантом унижается до плоских тривиальных анекдотов, которые стоят на высоте уровня эстрадных рассказчиков и острословов. Тут и пародии под еврейский жаргон, и пресловутый «Липерович», который изрекает истины всякого рода, и взваливание на евреев ответственности за весь

⁶¹ И. Гессен, «Три столицы», *Руль*, 1927, 2 февраля, с. 4.

большевизм, и угроза мести, и «теоретические» рассуждения о погромах и т.п. Много безвкусной политики и в эпилоге книги, где Шульгин произносит произнесенную им защитительную речь. Просто обидно, как Шульгин этой струей портит многие прекрасные страницы своей книги⁶².

Замечательно, что соперница *Сегодня* — рижская газета *Слово* — вообще уклонилась от анализа и оценки книги. Большая статья редактора⁶³ была простым монтажом обширных цитат, причем исключение из него каких бы то ни было пассажей о фашизме и о еврействе ясно указывало, что и эта газета взгляды Шульгина по данным вопросам нашла для себя неприемлемыми.

Для парижских *Последних Новостей* — антипода и постоянного оппонента *Возрождения* — Шульгин был заклятым врагом, рупором самых темных и реакционных кругов эмиграции. Не будучи осведомленной о «Тресте» и его контактах с лагерем вел. кн. Николая Николаевича, газета Милюкова испытывала инстинктивное подозрение и тревогу по адресу любых замыслов белых генералов относительно «внутренней России». Написание рецензии было поручено Н. П. Вакару, в свое время бывшему членом шульгинской «Азбуки»⁶⁴, а в 1921—1923 годах координировавшему деятельность «Центра действия» в Париже и Киеве и в этом качестве упомянутому на киевском процессе весной 1924 года. В его компетенцию внутри редакции входила информация о контрразведывательной деятельности советских органов за рубежом и о деятельности антисоветского подполья в России.

Н. П. Вакар высказал предположение, что поездка Шульгина не сводилась к частному, домашнему поводу и что политические ее цели были так или иначе сопряжены с деятельностью генерала Врангеля. Он подчеркнул также необычный характер «контрабандистов», «которые, оказывается, по словам В. Шульгина, представляют не только стройную организацию, но занимаются политикой гораздо больше, чем обыкновенным контрабандистам полагается». Вторя оценке, данной *Трем столицам в Руле* и в *Сегодня*, Вакар утверждает, что «впечатления В. Шульгина в большинстве случайны и поверхностны». Удивило Вакара то, что «заключительная часть

⁶² «В. В. Шульгин о Москве», *Сегодня*, 1927, 12 февраля, с. 2.

⁶³ И. Зорин <Н. Бережанский>, «Путешествие в Красную Россию. “Три столицы” В. В. Шульгина», *Слово*, 1927, 21—23 февраля.

⁶⁴ См.: «К истории осведомительной организации “Азбука” (Из коллекции П. Н. Врангеля Архива Гуверовского института)». Вводная статья, подготовка текста и комментарии В. Г. Бортневского, с. 181.

(речь на воображаемом суде) и вовсе противоречит всему содержанию книги»: в ней автор превозносит большевиков за то, что те осуществили реформу села, задуманную Столыпиным. Оценивая программу фашизма, набросанную «главным контрабандистом» в главе «Слипдинг-кар», рецензент замечает, что эта программа, равно как и рассуждения о судьбе монархии в России, даже в том «засахаренном виде», какой придан им в книге, вряд ли должны понравиться великому князю Николаю Николаевичу.

Вакар предъявил книге и другую претензию: заявленная в ней политическая позиция, по его словам, никак не связана с впечатлениями от путешествия, в ней излагаемыми. «И сама книга, благодаря этому, возвращается в разряд обычного эмигрантского творчества, отличаясь, впрочем, от “обычного” не в меру удивительным противоречием содержания и сумбурностью идей. Несколько десятков подлинно интересных страниц утоплены в 400-страничных рассуждениях, каковые рассуждения автор прелегополучно мог бы написать, не ездя в Россию и не подвергая себя риску и опасностям», — заключает рецензент⁶⁵. Сходное наблюдение было сделано и в передовой, помещенной в *Последних Новостях* спустя несколько дней. В ней *Три столицы* названы «сентиментальным путешествием», где авторские излияния заслоняют описываемую реальность. Это особенно сильно выражается в приведенных им разговорах: «Wahrheit тут несомненно и неразрывно связана с Dichtung»⁶⁶.

Детальный разбор шульгинской книги поместил и еженедельник *Борьба за Россию*. Журнал этот, начавший выходить незадолго перед тем — в самом конце ноября 1926, был органом новой, неожиданно возникшей коалиции. В редакцию его вошли видные деятели Русского Национального Комитета — В. Л. Бурцев, А. В. Карташев и М. М. Федоров, члены партии народных социалистов С. П. Мельгунов и Т. И. Полнер и член парижской республиканско-демократической группы партии народной свободы П. Я. Рысс (сразу же, однако, из этой милюковской группы исключенный). Журнал устранился от внутриэмигрантской политики, предназначался для нелегального распространения в СССР и выступал под лозунгами непримиримой борьбы с большевиками, укрепления демократических начал и защиты национальных интересов России. Главной задачей издания была, в сущности, та же, что вызвала путешествия Шуль-

⁶⁵ Н. Вакар, «“Три столицы”. Книга В. В. Шульгина о сов. России», *Последние Новости*, 1927, 24 февраля, с. 2—3.

⁶⁶ «Сентиментальное путешествие», *Последние Новости*, 1927, 3 марта, с. 1.

гина и кн. Долгорукова: «смычка с внутренней Россией». По уставке на «непримиримую» борьбу с советским режимом наиболее к нему близким в Париже было *Возрождение* П. Б. Струве, не разделявшее, однако, свойственной новому альянсу ориентации на демократию; наиболее враждебным — милюковские *Последние Новости*, отвергавшие всю политическую философию эмигрантского «активизма».

Но статья о книге Шульгина, написанная главным редактором *Борьбы за Россию* С. П. Мельгуновым, по критическим своим оценкам оказалась более созвучной вышедшей за несколько дней перед тем рецензии Н. П. Вакара, чем передовой статье П. Б. Струве. Мельгунов выразил сомнения в объективной ценности шульгинских наблюдений русской жизни:

О поездке мы знаем, конечно, лишь то, что рассказал автор. И когда он передает свои беседы в России, вы не можете отрешиться от впечатления, что перед вами фигурируют не живые лица, а придуманные персонажи, от имени которых автор излагает свои собственные мысли, свои заранее составленные политические схемы. Три четверти книги — это публицистика, это размышления самого Шульгина по разным поводам, а не рассказ о том, что видел и слышал автор в России. С каждой строки выступает отчетливый политический облик автора, вплоть до слишком назойливого и подчас неуместного выпячивания навязчивой идеи, которая в былые годы определяла собой специфическую позицию редактора «Киевлянина». Этот антиеврейский шовинизм действительно у автора становится навязчивой идеей.

В статье Мельгунова отмечены также такие стороны шульгинской позиции, которые, в сущности, могли бы (хотя бы и вопреки намерениям автора) парализовать «борьбу за Россию», работу «активистов», — а именно одобрение политики большевиков по отношению к деревне. Одновременно он осуждает фашистско-монархическую программу, выдвинутую Шульгиным в книге:

Автор готов принести благодарности коммунистам за то, что они своими «великими потрясениями» подготовили осуществление столыпинской земельной реформы в масштабе, о котором не думал ее инициатор. Побывав в «трех столицах», и довольно кратковременно, автор смело говорит от имени стомиллионного крестьянского населения, мечтающего лишь о получении своего хутора на основе ненарушимого права собственности. В этот великий день восстановится Великая Россия и старая монархия, подправленная в духе современного фашизма. Вся Россия представляется ему и теперь уже монархической; победила «белая мысль», которую автор целиком, без достаточного основания, отождествляет со своим собственным мирозерцанием. Он еще больше раскрывает свои карты: «я — русский фашист». «В отношении

тактики коммунизм и фашизм два родных брата». <...> Нам Шульгин не раскрыл никаких новых перспектив, ибо мы не обольщались «чуждом», которое совершили образумившиеся большевики. Иллюзии грядущего монархического фашизма в борьбе с большевиками нам представляются столь же вредными, как и всякие другие иллюзии.

Но при этом Мельгунов согласился с данной П. Б. Струве характеристикой исторического значения поездки, назвав ее «подвигом»: «В. В. Шульгин пробил брешь», он «создал прочные связи между двумя Россиями»⁶⁷.

В варшавской газете *За Свободу!*, по своей политической ориентации стоявшей левее парижских *Последних Новостей*, но, в отличие от них, исповедовавшей «непримиримость», отзыв о *Трех столицах* был поручен самому популярному из сотрудников редакции — М. П. Арцыбашеву. Арцыбашев до августа 1923 года находился в советской России и после своего отъезда в Польшу воспринимался как наиболее авторитетный судья происходившего в «Совдепии». В статье «Обманутое ожидание», отдав должное героизму Шульгина, пустившегося в опасное путешествие, рецензент, однако, подверг сокрушительной критике книгу. Указав, что и в самих впечатлениях Шульгина, и в особенности в главных ее выводах (о том, что эмиграция жестоко ошибается, воображая, будто Россия умирает, и что все в стране, «как было, только немного хуже»), — нет ничего нового, Арцыбашев добавил:

Мы об этом слыхали!

Об этом твердили нам и сменовеховцы, и пешехоновцы, и «спецы», и мадам Кускова, и даже сам Милоков.

И все это — праздные разговоры, а отчасти и прямая ложь.

Объяснил эти пороки книги Арцыбашев тем, что круг личных контактов Шульгина был в силу конспиративных условий страшно узок и ему пришлось ограничиться поверхностными, внешними наблюдениями. Он также указал причины коренных отличий между собой и Шульгиным в восприятии советской действительности: Шульгин покинул Россию в самый разгар Гражданской войны, когда казалось, что все рухнуло, и нэп поэтому представляется ему форменным чудом; Арцыбашев же убедился, что никакого чуда здесь нет, «а просто люди вытащили из каких-то тайников жалкие остатки былого великолепия». Особенное возмущение поэтому вызвали

⁶⁷ С. Мельгунов, «Книга Шульгина и его подвиг», *Борьба за Россию*, №14, 26 февраля 1927, с. 2—5.

у Арцыбашева те пассажи *Трех столиц*, которые казались прославлением большевиков. Крайне язвительно рецензент отозвался о достоверности изображения «контрабандистов» в книге Шульгина:

Все эти люди фатально оказываются и монархистами, и антисемитами, и николаевцами, и даже врангелевцами!

Они добросовестно, как попугаи, повторяют мысли и слова Шульгина, и иногда это до такой степени очевидно, что достигает высокого комизма⁶⁸.

Что касается реакции в советской печати, то в отличие от первых глав в газетных публикациях, удостоенных по-своему одобрительной оценки, вторая часть книги — с апологией фашизма и изображением предстоящего переворота преимущественно как «святой мести» еврейству — на руку официальной советской пропаганде быть не могла. Неудивительно поэтому, что появление отдельного издания книги Шульгина никак в советской прессе отмечено не было.

Резонанс, вызванный *Тремя столицами*, и переход парижского центра к разработке нового плана действий способствовали тому, что П. Б. Струве добился от К. П. Крамаржа выделения крупной суммы денег для Кутепова на ведение работы в России. С другой стороны, интенсификация подготовки боевых действий и планирование террористических актов, которые послужили бы сигналом к перевороту, все острее ставили вопрос о неспособности «старика» Якушева возглавить эту деятельность и о необходимости передать руководство ею Стауницу. М. В. Захарченко, заручившись согласием Кутепова на рассмотрение в Москве этой идеи, привезла с собой из Парижа его личное письмо к Стауницу. В нем говорилось:

...Много слышал о вас как о большом русском патриоте, который живет только мыслью, чтобы скорее вырвать нашу родину из рук недругов... Задуманный нами план считаю очень трудным. Для его выполнения следует подыскать людей (50-60 человек). Ваш Усов⁶⁹.

Обращение Кутепова ставило Стауница в крайне шекотливое положение. Он оказывался как бы на пересечении двух разнонаправленных линий: доверие к нему лично, впервые столь прямо выраженное, со стороны политических верхов парижской эмиграции, толкавших его на захват лидирующего положения в «Тресте», и от-

⁶⁸ М. Арцыбашев, «Записки писателя. CXII. Обманутое ожидание», *За Свободу!*, 1927, 11 февраля, с. 2—3.

⁶⁹ Лев Никулин, «Мертвая зыбь. Роман», в кн.: Лев Никулин, *Избранные произведения*, том 2 (Москва, Художественная Литература, 1979), с. 302.

теснение Якушева — того самого Якушева, монархиста-антисоветчика, которого он по заданию ГПУ был назначен «контролировать».

На этой стадии Стауниц продолжал добросовестно извещать вышестоящие инстанции, включая и самого Якушева, об идущих из Парижа инициативах. Со своей стороны, Кутепов воздерживался от интриг «за спиной» Якушева и Потапова, допуская возможность улаживания разногласий без доведения единственной, как он полагал, дееспособной антисоветской организации внутри России до раскола. В конце ноября 1926 года М. Захарченко-Шульц вновь выехала за границу, чтобы подготовить почву для свидания Кутепова со Стауницем. Параллельно в Париж срочно был направлен и Якушев, получивший задание воспрепятствовать осуществлению террористических планов, обсуждавшихся М. Захарченко-Шульц совместно с Кутеповым и Гучковым, и предотвратить выезд Стауница за границу. По выработанному сценарию Якушев и М. Захарченко-Шульц должны были, встретившись в Таллинне, поехать вместе дальше в Париж. Кутепов, видимо, надеялся в ходе такой встречи совместно с Захарченко убедить Якушева в правильности отстаиваемой ею линии и разрешить конфликт в «Тресте». Однако в последнюю минуту Захарченко-Шульц была отозвана в Москву телеграммой, подписанной Стауницем. Якушев поехал без нее⁷⁰. В Париже к нему присоединился вызванный из Варшавы Ю. А. Артамонов⁷¹. В программе визита была, между прочим, встреча Якушева с Коковцовым с целью мобилизации значительной денежной суммы для «Треста»; от исхода этих переговоров во многом зависело состояние дел в руководстве организации.

В беседах с Кутеповым и вел. кн. Николаем Николаевичем Якушев продолжал оспаривать своевременность и целесообразность перехода к активным боевым действиям. В противовес настоятельно выраженному Кутеповым желанию увидеться со Стауницем Якушев предложил генералу посетить Россию с тем, чтобы на месте взвесить обоснованность утверждений М. Захарченко-Шульц и впечатлений, вынесенных Шульгиным из своей поездки. В ответ Кутепов выдвинул идею проведения «на нейтральной территории» — в Финляндии — совещания для обсуждения как общего положения в СССР, так и военных аспектов будущего переворота⁷². При этом

⁷⁰ Лев Никулин. *Цит. соч.*, с. 319.

⁷¹ С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы*, с. 96.

⁷² «Операция “Трест”», *Очерки истории российской внешней разведки*. Том 2. 1917—1933 годы (Москва: Международные отношения», 1996), с. 125—126.

в качестве желательных участников названы были, очевидно, и сам Якушев, и Стауниц.

5 декабря Якушев увиделся снова с Шульгиным, заканчивавшим в те дни свою книгу и сдававшим ее в типографию. Шульгин сказал, что после его поездки Врангель подобрел к «Тресту», но Н. Н. Чебышев по-прежнему не питает доверия к организации⁷³. Можно допустить, в этом свете, что одной из целей посещения Шульгина Якушевым было прощупывание возможностей «переориентации» МОЦР на Врангеля, в ситуации, когда Кутепов стал проявлять чрезмерно сильный крен в сторону «боевой» оппозиции в руководстве.

Как виделась во врангелевском окружении расстановка сил в «Тресте», можно узнать из следующего документа, посланного, по видимому, вел.кн. Николаю Николаевичу по его запросу.

1 Февраля 1927 года.

ТРЕСТ

ЧЛЕНЫ ПРАВЛЕНИЯ

1. Александр Александрович Якушев — Федоров, Рабинович.

Русский, 50 лет, уроженец Новгородской или Псковской губернии. В 1911 г. был воспитателем в Московском лицее. Заведывал водным транспортом. Во время гражданской войны был помощником Троцкого, как заведывающий водным транспортом, во время гражданской войны милитаризованным. Служил в Внешторге и был в 1921 году послан в Швецию, в это время он уже был одним из деятелей Треста — М.О.Ц.Р.

2. Николай Михайлович Потапов — Медведев, Волков.

Генерал-лейтенант, около 50 лет. Состоит лектором красной академии. Поддерживает связь с военными в России. Разрабатывает проекты переворотов.

3. Эдуард Оттович Опперпут — Касаткин, Ринг.

Немец из Риги, около 33 лет. Артиллерийский офицер Великой войны. Спекулянтom был и неоднократно сидел в тюрьме. Служит в банке, где и Федоров. Ведает вопросами связи внутренней в России и организационными. Имеет жену и ребенка.

ЗАНИМАЮТ ВЫСОКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ТРЕСТЕ, но неизвестно, состоят ли членами Правления.

1. Дерюжинский или Дорожинский — бывший товарищ прокурора Киевского суда или палаты. Ставленник Щегловитова. Крайне правый. Известен под именем Сергей Владимирович. У Шульгина — Антон Антонович.

⁷³ Лев Никулин. *Цит. соч.*, с. 324.

Ходит в польское посольство за почтой.

2. Федор Сазонтович Серов. Настоящая фамилия неизвестна. 45—50 лет. Бывший жандармский офицер, служил в пограничных пунктах, занимаясь противошпионской деятельностью. Будто бы служил в Вержболово. Заведывает в Тресте связью с церковными кругами, является связью митрополита Евлогия с Патриархом. Возил письма Евлогия к патриарху Тихону и митрополиту Сергию.

3. Николай Андреевич Рабор. Фамилия неизвестна. Играет видную роль, но точно какую неизвестно.

4. Мария Владиславовна Захарченко. 35 лет. Связь ее с А. П. Кутеповым. Ведет в настоящее время интригу в Тресте, старается выдвинуть Касаткина и устранить Федорова от главной роли.

Денисов.

Александр Александрович Ланговой. 33 лет. Артиллерийский офицер Великой войны. Награжден орденом Красного знамени. Член В.К.П. (б). Имеет жену и ребенка. Начальник или служит в разведывательном отделении Генерального штаба РККА. Был помощником Потапова по военной части в Тресте. Был ли членом Правления Треста, неизвестно, но пользовался в Тресте большим положением. Образовал Евразийскую группу и ведал всей Евразийской работой как в пределах Треста, так и вне Треста. На почве этой работы Евразийской отнесения его с Трестом охладели.

Трест имеет пункты в Финляндии, Эстонии, Польше и Румынии. Через первые три государства проникнуть в Россию помимо Треста невозможно.

Агентом в Польше от Треста является Артамонов Юрий Александрович. Состоит евразийцем.

В Эстонии агентом является Бирк Роман Густавович — племянник посла Бирка, который бежал из России.

Весь генеральный штаб Эстонии является агентом Треста⁷⁴.

Этот документ проливает свет на несколько существенных моментов. Он удостоверяет и важное (№ 3) положение Опперпута в руководстве, и попытку М. В. Захарченко-Шульц поставить его во главе организации. Но при этом здесь наличествует одна загадочная деталь: имя Стауница, под которым он появился в МОЦР, опущено, тогда как, наряду с конспиративными кличками Касаткин и

⁷⁴ Hoover Institution Archives. Vrangell Coll., Box 151, file №44, лл. 360—361. «Трест» (Машинопись). На л. 360 — резолюция рукой Н. М. Котляревского: «Сведения эти даны».

Ринг, дано его настоящее имя Опперпут, после выхода брошюры в конце 1921 года, казалось бы, навсегда забытое. Как объяснить эту особенность досье? Можно полагать, что канал, «рассекретивший» имя Опперпута для Врангеля, допускал, что разоблачение прошлого Касаткина-Стауница могло бы, в случае необходимости, торпедировать привлечение лидера «оппозиции» в «Тресте» к проведению боевых вылазок. С другой стороны, однако, источники данного досье раскрывали правду о прошлом не целиком: в нем упомянуты «многократные» аресты Опперпута, но составители объясняют их его финансовыми аферами, не связывая с антисоветской деятельностью. Другими словами, не давая имени Стауница, они не спешат отождествить Опперпута и с Селяниновым савинковского НСЗРС.

Каналы поступления информации о «Тресте» к Врангелю нам неизвестны. С уверенностью назвать можно только двух лиц: это, во-первых, Шульгин⁷⁵, а во-вторых, вышеупомянутый П. С. Арапов, евразиец, впервые по линии «Треста» съездивший в Москву в 1924 году⁷⁶. Семейная связь Арапова позволяла «трестовцам» поставлять генералу Врангелю любого рода информацию и дезинформацию. Через несколько дней после того как было составлено приведенное досье, Арапов в письме от 6 февраля 1927 года извещал Врангеля:

Получил новые интересные сведения. Раскол на верхах Треста растет. Оказывается, недавно опять приезжала (на этот раз совсем тайно) «стервоза» и интриговала у Ал.Пав. <Кутепова> против Федорова <Якушева>. Говорят, интрига имеет успех. Писать об этом подробно не буду, т. к. все еще в развитии⁷⁷.

⁷⁵ Но примечательно при этом, что Шульгин и в ноябре 1927 года не знал, кто скрывается под именем «Антон Антонович», расшифрованным в этом досье.

⁷⁶ Об этой поездке Опперпут писал в мае 1927 г.: «Крупное значение имела поездка в Москву евразийца Арапова, который воочию убедился в существовании Треста. Правда, его приезд вышел немного неожиданным, почему людей для организации широкого с ним совещания пришлось набрать с бору да сосенки; напр., представителя духовенства играл «отец Александр», фактически никогда не бывший священником, секретарь Обновленческого Священного Синода — Новиков; представителя рабочих помощник нач. КРО Вл. Андр. Стырне, под фамилией Козлов; представителя интеллигенции член масонской ложи Розенкрейцеров, инженер из Резинотреста. Особенно рискованно было выступление Новикова в роли священника, потому что его фотография очень часто фигурировала в иллюстрированных журналах. Но Арапова околпачили, и живой свидетель действительного существования Треста впоследствии свидетельствовал это сомневающимся зарубежникам». — «Записки Опперпута», Hoover Institution Archives. Nicolaevsky Coll., Box 300, folder 1, с. 10—11.

⁷⁷ Hoover Institution Archives. Vrangell Coll., Box 151, file №43, л. 112—113.

Речь здесь идет о той поездке М. В. Захарченко-Шульц в паре с молодым «монархистом» (чекистом) Власовым, которая состоялась в конце октября — начале ноября. Цель этой записки Арапова двоякая: не только сообщение новостей (в сущности, Врангелю уже известных и даже включенных в вышеприведенное досье), но и зондирование почвы: если Кутепов настроен против «Федорова» (Якушева), то не взвесит ли Врангель целесообразность сближения с «трестовцами»?

В то время как расширялись функции и возрастало влияние Стауница в «легенде», наметились и симптомы ослабления его веса в организации. Самым ранним проявлением этой второй тенденции можно считать письма Якушева к представителю «Треста» в Варшаве С. Л. Войцеховскому, посланные в июне 1926 года. 9 июня Якушев сообщает об обыске у Касаткина (т. е. Стауница), в ходе которого искали переписку с границей. Спустя неделю он извещает своего корреспондента о том, что Касаткина вызывали в то учреждение, которое произвело обыск, и подробно расспрашивали, с кем и как он ведет переписку из живущих за границей, причем тот ссылался на родственников в Риге. «Неприятно, что Касаткин, благодаря этой истории, находится теперь в поле зрения известного учреждения, и требуется сугубая осторожность, чтобы не влопаться, а он человек весьма смелый, иногда даже чересчур,» — предупреждал автор письма⁷⁸.

Загадочные эти факты требуют объяснения. Конечно, можно считать, что все, что ни писал руководитель политсовета МОЦР, было сплошным блефом, и ни обыска, ни допроса в природе не было. Но тогда встает вопрос, какова была цель этого «блефа». Ответ, очевидно, таков: конституирование начальством ГПУ оппозиции внутри «Треста» сделало необходимой превентивную нейтрализацию оппозиционеров, ослабление веса их идей и инициатив в глазах зарубежных партнеров. Ведь как только Кутепову (а письмо Якушева, несомненно, было послано, чтобы содержание его было доведено до сведения высшего начальства в Париже) стало известно о том, что Стауниц был вызван на Лубянку, обязательства, взятые им на себя, автоматически становились ненадежными.

Более вероятно, однако, то, что Якушев не лгал и Стауниц на самом деле был подвергнут обыску и вызван на беседу. Тогда, если не предполагать полной несогласованности работы разных отделов

⁷⁸ См.: С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы*, с. 82—85.

ОГПУ, это должно было продемонстрировать самому Стауницу немилость вышестоящего начальства и служить грозным предупреждением в момент, когда Кутепов стал проявлять повышенный персональный интерес к нему.

Как бы то ни было, по мере обострения конфликта в МОЦР и усиления требований предоставить Стауницу более широкие привилегии в руководстве организации он не мог не задумываться о том, какими это чревато последствиями. Во многих отношениях ни он сам, ни Якушев, ни курировавшее их начальство ОГПУ уже не могли бы определить, где кончается навязанная «игрой» роль и начинается опасная, неконтролируемая реальность. «Трест» представлял собой цепь «подстраховок»: задача «сдерживать» Кутепова заставляла чекистов пойти на устройство в Москве Красноштановых (М. В. Захарченко-Шульц и Г. Н. Радковича-Шульца); необходимость контролировать Красноштановых вынудила Лубянку приставить к ним Стауница и сделать из него пылкого адепта тактики террора; осуществление контроля над Стауницей было возложено, наряду с другими, на Якушева, в то время как Стауниц должен был следить, с одной стороны, за М. В. Захарченко-Шульц, а с другой, по первоначальному заданию, — за Якушевым. Но при этом становилось невозможным провести демаркационную черту между «подстрекательской» позицией кутеповских эмиссаров и логикой увлеченных «игрой» чекистов, между добросовестным исполнением Стауницей шедших сверху директив и динамикой его собственно отношения к разворачивавшейся борьбе противостоящих сил.

Конец «Треста» — событие столь же «полисемантическое», каким было все существование организации. Общим местом во всех работах, посвященных «Тресту», стало восходящее к *Мертвой зыби* Никулина утверждение, будто к весне 1927 года руководство ГПУ пришло к выводу о необходимости ликвидировать МОЦР как организацию, способную более предотвращать террористические акции эмигрантов-белогвардейцев. Решение это было принято в связи с назначенным на конец марта совещанием Кутепова с лидерами «Треста», которое, по сравнению с договоренностью с Якушевым в декабре, означало существенное сужение повестки дня: оно было посвящено лишь военным аспектам будущего переворота. С. М. Голубев сообщает:

В феврале 1927 года было принято решение о завершении операции «Трест». Но для того, чтобы убедиться в его правильности, была организована еще одна встреча с Кутеповым, на которую в марте 1927 года были направлены Потапов и сотрудник Разведывательного управления

Красной Армии Зиновьев — он должен был играть роль военно-морского представителя МОЦР. Задача этой встречи состояла в том, чтобы выяснить полностью намерения и, самое главное, возможности Кутепова по организации террористических актов в СССР⁷⁹.

С ним переключается и другая работа:

В феврале 1927 года на совещании у председателя ОГПУ В. Р. Менжинского было принято решение о свертывании операции. Это решение оказалось правильным, так как уже в марте Кутепов и другие его соратники стали категорически настаивать на проведении террористических акций. Генерал предложил немедленно направить в СССР группу боевиков в количестве 20—30 человек. В своем письме к А. А. Якушеву он требовал следующее: «Допустить теперь же подготовку к активным действиям, для этого выделить активную группу. Конечно, во главе этой группы поставить Опперпута. Деньги на активную работу мне дадут»⁸⁰.

Со стороны «Треста» в совещании, состоявшемся 26—28 марта, приняла участие вместе с Потаповым и Зиновьевым также М. В. Захарченко-Шульц. Когда, по прибытии в Гельсингфорс, она узнала, что Стауницу не было позволено приехать, она выразила возмущение по этому поводу, на что получила ответ, что не разрешили поехать и Якушеву. Накануне отъезда Потапова глава ГПУ Менжинский дал ему инструкцию, которую часто цитируют историки в доказательство тезиса о твердом намерении верхов распустить «Трест». Приводим его слова по версии, впервые обнаруженной в романе Л. В. Никулина *Мертвая зыбь*:

— Мы посоветовались и решили придать совещанию «Треста» с Кутеповым сугубо военный характер. Таким образом, Якушев не поедет в Хельсинки, поедете вы, как начальник штаба «Треста», и один товарищ, по фамилии Зиновьев, как представитель флота. <...> В последних полученных «Трестом» письмах Кутепов настаивает на том, чтобы приехал Стауниц-Опперпут. Но вы знаете, что это нежелательно. Вам придется дать объяснение, почему Стауниц не поехал: совещание чисто военное, идет, мол, вопрос о сроке военного выступления. Придется встретиться в Хельсинки и с известной вам Марией Захарченко. Она выедет вслед за вами. Зная вас, Николай Михайлович, я уверен, что вы сумеете ее осадить. А ее пожелал видеть Кутепов. <...> Надо сказать, что существование «Треста» несколько затянулось.

⁷⁹ «Операция “Трест”», *Очерки истории российской внешней разведки*, с. 126.

⁸⁰ *Лубянка 2. Из истории отечественной контрразведки*, с. 195. Ср.: Теодор Гладков. *Цит. соч.*, с. 254.

В конце концов, они же не считают ОГПУ слепым учреждением. Оно не может проглядеть такую солидную контрреволюционную организацию. Так долго «Трест» мог сохраняться только благодаря соперничеству между эмигрантскими организациями и разочарованию иностранных разведок в эмигрантах. Иностранцы делают ставку на так называемые внутренние силы. Но и господа иностранцы, которым нужны чисто шпионские сведения, тоже их не получают. Мы бы могли однажды сделать вид, что «Трест» провалился, что мы, так сказать, его поймали. Но вслед за этим последуют попытки усилить террор. Нам будет труднее сдерживать Кутепова и кутеповцев. <...> Вернетесь, мы обсудим, как быть дальше с «Трестом», — сказал на прощание Менжинский⁸¹.

Однако речь Менжинского вовсе не означает распоряжения о прекращении работы «Треста». Она сигнализирует скорее о готовности закрыть «Трест», как только это будет сочтено целесообразным, чем является окончательным приговором ему. Это скорее «запасной вариант» на случай нежелательного развития событий, чем бесповоротно принятое постановление. Менжинский явно приглашал к разработке и расширению альтернативных путей инфильтрации в военные и политические верхи эмиграции, подобно тому как Кутепов пытался наладить внутри России каналы в обход «Треста» и в дополнение ему. Поэтому не следует преувеличивать степень «финальности» мер, обсуждавшихся чекистами весной 1927 года. Хотя закрытие предвиделось и допускалось Менжинским, никакого срока установлено не было, и никакой спешки в осуществлении этого ни он, ни другие руководители ГПУ не усматривали. Наоборот, возникает ощущение, что они никак не решались операцию «Трест» завершить. И это не удивительно: слишком эффективным во многих отношениях оказывался механизм его функционирования, чтобы с легкостью отказаться от выгод, которые он приносил. В известной степени «Трест» весной 1927 года переживал подъем, выразившийся в публикации шульгинской книги.

Кроме того, нельзя с уверенностью судить о том, какая именно часть организации должна была бы отпасть при «мягкой посадке». Ведь, в сущности, «Трест» к 1927 году состоял из трех в разной степени автономных составных частей: наряду с умеренными (Якушев и Потапов) и «оппозицией» в лице Стауница и Захарченко-Шульц существовала и евразийская секция, возглавленная А. А. Ланговым (Денисовым). И вполне вероятно, что если в тогдашних условиях

⁸¹ Лев Никулин, *цит. соч.*, с. 332–333.

центр внимания переключался на боевые вылазки, то у Стауница могли быть лучшие возможности выжить, сумеет он продолжить игру по правилам ГПУ. Допустить это мы вправе потому, что «сдерживание террористической деятельности» не было единственной функцией МОЦР. Она была инструментом завлечения противников советского строя на территорию СССР и продемонстрировала свои возможности успехом ловушки, подстроенной для Рейли, с одной стороны, и поездки Шульгина, с другой. Но именно к весне 1927 года, когда полностью определились тактические установки Кутепова и его эмиссаров, поимка его становилась насущной задачей для органов ГПУ. Недаром Якушев в декабре 1926 выдвинул идею посещения Кутеповым Москвы с целью улаживания разногласий в руководстве «Треста». Это был знакомый сценарий: именно так в 1924 году был завлечен в сети Савинков. Активность «оппозиции», то есть Стауница и Захарченко-Шульц, являлась в таких планах ГПУ сильным козырем.

О том, до какой степени шаткой является общепринятая версия об «исчерпанности» функций «Треста» к февралю 1927 года, опирающаяся на вышеприведенную цитату из Менжинского, можно судить по тому, что в западных работах, вышедших до появления книги Льва Никулина, встречались утверждения о том, будто «Трест» изжил себя даже еще раньше. Так, автор вышедшей в 1960 году монографии о «Тресте» Джеффри Бэйли решение о сворачивании операции «Трест» возводит уже к маю 1926 года, к военному перевороту маршала Пилсудского в Польше. Он ссылается при этом также на заявление «евразийского» крыла об отходе от «Треста» в июне 1926 года⁸². Но аргументация Бэйли неубедительна. Во-первых, «уход» евразийцев — хорошо просчитанная акция, не имевшая никакого отношения к «Тресту» как таковому и к его судьбе. Она просто отражала статус евразийства внутри эмигрантской общественной жизни. Практически все фланги эмигрантского политического спектра подвергли евразийцев остракизму. В частности, евразийцы были резко осуждены Врангелем, обеспокоенным стремительным ростом влияния их идеологии на молодых офицеров Белой армии. Разрыв евразийцев со «старшим поколением» развязывал «Тресту» руки для политического маневрирования в эмигрантской среде. Но если, с другой стороны, Бэйли прав и решение о закрытии «Треста» действительно

⁸² Geoffrey Bailey. *The Conspirators* (New York: Harper & Brothers Publishers, 1960), p. 82.

было принято уже в мае 1926 года, то к чему нужна была вся деятельность организации на протяжении второй половины 1926 года? Для обоснования своей версии Дж. Бэйли ссылается и на иной факт. По возвращении Пилсудского к власти в результате майского переворота 1926 года он выразил неудовольствие по поводу того, что польская военная разведка чересчур доверяла информации, поступавшей по каналам «Треста». По его настоянию Генштаб запросил у руководителя «Треста» новейший мобилизационный план, разработанный на случай новой польско-советской войны. Якушев, наотрез отказавшийся от этого задания ссылкой на отсутствие контактов с соответствующим отделом штаба Красной армии, в конце концов затребовал огромную сумму в 10 000 долларов, которая и была ему обещана. Но мобилизационный план, который он представил спустя несколько месяцев, подтвердил худшие ожидания маршала Пилсудского: по его оценке, документ оказался чистой «уткой». Пилсудский тогда якобы отдал распоряжение о прекращении сношений польской разведки с «Трестом»⁸³.

⁸³ Geoffrey Bailey. *Op. cit.*, p. 57—58. Об этом эпизоде пишет, с иной, впрочем, датой (1925, а не 1926 год) и без всякой адресации к вопросу о причинах ликвидации МОЦР, автор наиболее основательного исследования о «Тресте» С. М. Голубев:

«В деле “Трест”, находящемся в Архиве СВР, не сохранилось сухой статистической отчетности о числе выявленных вражеских агентов, арестованных или перевербованных. А вот “помощь”, которую “Трест” оказывал западным спецслужбам в получении “секретной военно-политической информации об СССР и его вооруженных силах”, документирована в самых разных видах. Дело в том, что в ходе операции “Трест” по предложению ГПУ-ОГПУ и с согласия Реввоенсовета республики было создано специальное бюро по подготовке дезинформации для военных разведок Запада. При этом учитывалось, что нередко информация, переданная “Трестом” полякам, продавалась последними французской или английской разведкам. Так же поступали эстонская и финская разведки.

А запросы были весьма разнообразными. <...> Дальше всех, пожалуй, пошли офицеры разведки из польского генштаба. Связавшись в 1925 году через своего резидента в Москве лично с А. А. Якушевым, они по прямому указанию маршала Пилсудского предложили МОЦР раздобыть за 10 тысяч американских долларов (по тем временам сумма очень большая) советский мобилизационный план. Якушев отнекивался, ссылаясь на то, что их организация не разведывательная, а политическая, однако все-таки “уступил” и передал польскому резиденту специально подготовленный дезинформационным бюро ОГПУ материал». — «Операция “Трест”», *Очерки истории российской внешней разведки*. Том 2. 1917—1933 годы, с. 120; ср.: Wiktor Tomir Drymmer. *W służbie Polsce* (Warszawa: Gryf, 1998), str. 101—102.

В освещении истории «Треста» Дж. Бэйли занимает ярко выраженную «полоноцентристскую» позицию. Она четче всего выявилась в статьях бывшего полковника польской армии, начальника русской секции Второго отдела Генштаба Ежи Незбрыжцко (Jerzy Niezbrzycki), после Второй мировой войны поселившегося в США и выступавшего в польской и русской эмигрантской прессе под псевдонимом Ричард Врага⁸⁴. В богатой литературе о «Тресте» он был первым, кто пролил свет на роль, которую в деятельности «Треста» сыграли дезинформационные контакты с западными разведками. И все же значение для «Треста» контрразведывательной дезинформационной работы оказалось в этих исследованиях сильно преувеличенным за счет провокаторской деятельности, направленной против эмиграции. Преувеличением было в них и утверждение об особой прозорливости польских инстанций по отношению к МОЦР. Говорить о том, что МОЦР была обречена на смерть потому, что польская разведка уже в 1925 году стала испытывать сомнения в достоверности идущих от «Треста» сведений (как это делает Р. Врага), бессмысленно, так как, с одной стороны, в конце 1925 года — уже после загадочной истории с С. Г. Рейли — польский Генштаб высказал высокую оценку заслуг организации, наградив ведущих «трестовиков» (включая Якушева и Стауница) ценным именовым оружием, а с другой, тесное сотрудничество поляков с «Трестом» продолжалось вплоть до разоблачения организации бежавшим на Запад Опперпутом.

Вопреки утверждениям о том, что «Трест» был обречен на смерть весной 1927 года и побег Опперпута лишь «ускорил»⁸⁵ ее неизбежное — в силу распоряжения главы ОГПУ Менжинского или в силу проницательности польской разведки — наступление, мы полагаем, что конец «Треста» произошел именно из-за предательства Опперпута.

Трудно судить, какое место здесь имели чисто идейные мотивы. Сотрудничество с ОГПУ с самого начала было и вынужденным,

⁸⁴ См. о нем: W. Bączkowski, «Jerzy Niezbrzycki (R. Wraga) 1902—1968», *Niepodległość*, том 23 (1990), str. 99—124. Другими представителями полоноцентристской линии в историографии «Треста» были Наталия Грант (жена Р. Враги) и С. Л. Войцеховский.

⁸⁵ «Операция “Трест”», *Очерки истории российской внешней разведки*. Том 2. 1917—1933 годы, с. 126—127.

и спасительным для Опперпута, и невозможно определить границу между оказанным на него давлением и добровольно избранной, тщательно продуманной тактикой. Собственно, это и составляет наибольший психологический интерес во всей истории «Треста». Наряду с инстинктом самосохранения, Опперпутом двигало с 1921—22 года и признание мощи новой власти, даже восхищение этой мощью. Он готов был оставаться лояльным постольку, поскольку у него не возникало сомнений в том, что чекисты одерживают верх над своими противниками, и поскольку в этой схватке ему была доверена ответственная, эффектная роль. Между тем на протяжении 1925—1926 годов он все более убеждался в том, что руководство предпочло бы видеть в нем простую пешку в многоплановой игре с белогвардейской эмиграцией и только по необходимости мирится с дополнительными прерогативами, выпавшими на его долю. Наделение Стауница новыми функциями в «Тресте» в результате формирования там «оппозиции» и то обстоятельство, что ныне он оказывался в непосредственном диалоге с Кутеповым, приводило его к осознанию неадекватности (не говоря уже об особой рискованности) отводимой ему в операции роли. Чем настоятельнее были просьбы Кутепова о встрече и чем чаще отказы в командировке за границу, тем яснее становился Опперпуту масштаб недоверия к нему со стороны чекистского руководства и тем более устрашающими потенциальные последствия этого. Сближение с М. В. Захарченко-Шульц и другими кутеповцами, прибывшими в СССР и препорученными его опеке, заставило его взглянуть на «белое дело» иначе, чем оно виделось ему во время Гражданской войны или савинковской эпопеи, а обострявшаяся тогда борьба в верхах кремлевского руководства способствовала формированию у него ощущения, что неизбежны крупные перемены во власти⁸⁶.

Мартовское совещание 1927 года с Кутеповым в Гельсингфорсе Менжинский рассматривал как испытание «Треста» на прочность. Нет оснований думать, что в глазах начальства «Трест» его не выдержал. Но для Опперпута события, последовавшие за сове-

⁸⁶ Другой мотив «измены» Стауница («слабость к деньгам») был предложен в романе Л. Никулина «Мертвая зыбь» и в книге Т. Гладкова «Награда за верность — казнь», с. 259.

щением, обнажили всю остроту трагических коллизий, во власти которых он оказывался. М. В. Захарченко привезла ему с совещания письмо:

Я был слишком огорчен,— писал Кутепов,— и странно поражен тем, что среди приехавших не оказалось Вас. Ваши верхи почему-то решили иначе. Я в восторге от Ваших организационных способностей...⁸⁷

⁸⁷ Лев Никулин. *Цит. соч.*, с. 335.

Глава 4

СТАУНИЦ СТАНОВИТСЯ ОПЕРПУТОМ

Стауниц очутился в ситуации, когда «сидение на двух стульях», амплу «двойного агента» становилось далее невозможным. Игра кончалась, и предстояло сделать решающий выбор. До тех пор запрет на выезд за границу и встречи с Кутеповым уберегал Стауница от необходимости принять роковое решение: все оставалось как бы на стадии «разговоров»; сейчас избежать его было бы невозможно. До тех пор никаких боевых вылазок не было; сейчас они должны были начаться. До тех пор Кутепов не добивался, чтобы «оппозиционер» Стауниц действовал втайне от руководства МОЦР; сейчас же это становилось необходимым¹. До тех пор Стауниц выступал козырем, который должен был обеспечить согласие Кутепова на прибытие в Россию; сейчас целью Опперпута было во что бы то ни стало такую поездку предотвратить. И здесь огромным потрясением для Стауница стало внезапно пришедшее к нему озарение, что Якушев, его бывший сокамерник, убежденный монархист и руководитель той самой организации, для слежки за которой Стауниц был рекрутирован, был, как и он сам, секретным сотрудником, орудием ГПУ, агентом-provokatorом² и что МОЦР — оказалась сплошной мистификацией. Вся пятилетняя работа Стауница обобщивалась, с одной стороны, блефом, а с другой — кровавыми драмами, одной из которых было дело Рейли. Опперпуту вдруг уяснилось то, до какой степени «чужим» для чекистов он оставался, все время полагая, что они не сомневались в его лояльности. Томительные предчувствия и сигналы, что вероятно реорганизация в МОЦР, ведущая к ликвидации «оппозиции» с неизвестным исходом лично

¹ Лев Никулин. «Мертвая зыбь. Роман», в кн.: Лев Никулин, *Избранные произведения*, том 2 (Москва: Художественная Литература, 1979), с. 335.

² Лев Никулин. *Цит. соч.*, с. 335—342; Paul W. Blackstock. *The Secret Road to World War Two. Soviet Versus Western Intelligence 1921—1939* (Chicago: Quadrangle Books, 1969), pp. 111—113.

для него и для М. В. Захарченко, побуждали к молниеносным шагам. Бегство за границу предстало единственным выходом из грозящего тупика.

Побег был хорошо продуман и искусно запланирован. Л. В. Никулин³ и С. М. Голубев⁴ приводят не вполне совпадающие версии отъезда Г. Н. Радковича, явившегося прелюдией к побегу Опперпута и Захарченко. В обоих отчетах упоминается его пьяный дебош с последующим приводом в милицию, напугавшим Захарченко и побудившим ее настаивать на немедленном отъезде мужа за границу⁵. Между тем во всей истории отбытия Радковича прослеживается решимость заговорщиков провести чекистов. В то время как последним было объявлено, что «Гога» едет через Ленинград и финское «окно», Радкович на самом деле пересек польскую границу, и сделал это не один, а с двумя кутеповскими агентами, Каринским и Шориным⁶, за несколько месяцев до того, осенью 1926 года, перешедшими вместе с Захарченко в СССР для подготовки вооруженного выступления. Телеграмма Захарченко-Шульц из Ленинграда об исчезновении Радковича, направленная Опперпуту, была таким же обманным маневром с целью усыпить бдительность филеров и получить разрешение на выезд Опперпута в Ленинград для помощи ей в розысках следов якобы исчезнувшего мужа. В ночь на 13 апреля Захарченко и Опперпут перешли финскую границу, перехитрив ответственного за это «окно» Дорожинского («Антон Антоновича» в книге Шульгина).

Это было первое у Опперпута⁷ пересечение советской границы с момента его ареста в мае 1921 года. Перед отъездом в Ленинград

³ Лев Никулин. *Цит. соч.*, с. 328—329.

⁴ «Операция «Трест»», *Очерки истории российской внешней разведки*. Том 2. 1917—1933 годы (Москва: Международные отношения, 1996, с. 126—127). С. М. Голубев исходит из версии ГПУ, запечатленной в письме Потапова к Кутепову.

⁵ Согласно С. Л. Войцеховскому, услышавшему признания Радковича вскоре после прибытия последнего в Варшаву, во время этого ареста Радкович вынужден был подписать обязательство стать советским осведомителем ГПУ и только после этого был освобожден. Радкович считал эту подпись личным позором и был твердо намерен смыть его кровью. См.: Письмо С. Л. Войцеховского к Р. Враге от 22 июля 1961 г., Hoover Institution Archives, S. L. Voitsekhovskii, Box 3 (Переписка с Р. Врагой).

⁶ С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы* (Канада: Заря, 1974), с. 100—101.

⁷ В число обязанностей Опперпута в «Тресте» входило и обеспечение безопасности «окон».

Опперпут оставил дома записку, предупреждавшую жену, что она вскоре может услышать о нем как о международном авантюристе. В Ленинграде на конспиративной квартире чекистов ждало другое его письмо, где он сообщал о том, что навсегда покидает СССР и требовал 125 тысяч рублей за сохранение тайн ГПУ за рубежом⁸. Ознакомившись с этим письмом, Кияковский сказал: «Конец “Тресту”»; точно такую же фразу произнес и А. Х. Артузов, когда письмо показали ему⁹.

Опперпут уводил с собой, спасая от ареста, эмиссаров, перед которыми поставлена была задача собирать сведения для подготовки переворота в стране. Он и уходящие с ним товарищи взаимно прикрывали друг друга, служа гарантией доставки на Запад подлежащих разоблачению тайн, подтверждением их достоверности. Бежавшие с ним спутники сами не смогли бы осветить и малой части той картины, которую содержала его исповедь. Но и он понимал, что, не будь надежного сопровождения, у него не было бы возможности донести свою информацию до Кутепова и других намеченных адресатов.

Увести с собой Опперпуту удалось не всех. В кутеповскую ячейку, заброшенную в СССР осенью 1926 года, помимо Каринского и Шорина, теперь бежавших в Польшу вместе с Радковичем, входил и генерал Суалин. «Трест» в лице Якушева санкционировал их прибытие, несмотря на то что планы подрывных действий, намечавшихся Кутеповым и Захарченко-Шульц, объявлены были руководством организации несвоевременными¹⁰. Три засланных эмиссара должны были, по мысли М. Захарченко, все меньше доверявшей Якушеву, установить канал коммуникации с Кутеповым, параллельный и независимый от линий «Треста»¹¹. Появление новой ячейки сильно бес-

⁸ «Операция “Трест”», *Очерки истории российской внешней разведки*. Том 2. 1917—1933 годы, с. 127. Упомянув в мае 1927 г. в газете *Сегодня* о своих денежных требованиях, предъявленных к ГПУ, Опперпут объяснил, что предполагал направить всю сумму на боевую работу антисоветских групп. Такой шаг явно рисовался ему как символическое восстановление справедливости: если средства, собранные эмиграцией в фонд вел. кн. Николая Николаевича, оказывались на Лубянке в руках сотрудников Контрразведывательного отдела, то советские деньги выглядели законной компенсацией этого.

⁹ Лев Никулин. *Цит. соч.*, с. 345.

¹⁰ Ср.: «Несмотря на старания чекистов, осенью 1926 года Кутепов все же перебросил в СССР трех своих офицеров. Данное обстоятельство свидетельствовало, что МОЦР уже не может сдерживать возрастающей активности боевиков РОВСа в осуществлении подрывных акций на территории СССР». *Лубянка 2. Из истории отечественной контрразведки* (Москва, 1999), с. 195.

¹¹ Geoffrey Bailey. *The Conspirators* (New York: Harper & Brothers Publishers, 1960), p. 58—59. Ср.: Лев Никулин. *Цит. соч.*, с. 303.

покило чекистов, и они поспешили обезвредить группу, арестовав главу ее, генерала И. М. Сусалина¹². Когда М. В. Захарченко, через «Трест», сделала запрос по поводу его внезапного исчезновения, ей было сказано, что Сусалин был опознан на улице каким-то болгарским коммунистом, по доносу которого ГПУ задержало и расстреляло белого генерала столь быстро, что вмешаться и выручить его оказалось невозможно¹³.

Первоначально Опперпут был склонен ограничить свои разоблачения закулисными переговорами и избежать шума в прессе. По переходе границы он позвонил из Финляндии Якушеву, перечислив свои условия «молчания». Приняты они не были. ГПУ решило нанести контрудар, развернув упреждающую кампанию дезинформации. Помимо телеграмм, Кутепову было направлено письмо за подписью Волкова (Н. М. Потапова), с которым за две недели до того они встретились на военном совещании в Гельсингфорсе. Письмо это доставлено было Ю. А. Артамонову — резиденту Кутепова и представителю «Треста» в Варшаве. При поддержке польского Генштаба и на правах дипкурьера помощник Артамонова С. Л. Войцеховский был снаряжен с этим письмом в Париж, где 24 апреля передал его адресату. Позднее он дважды опубликовал письмо Потапова по сохранившейся у него копии. Приводим целиком его текст по книжной публикации:

Письмо Потапова ген. А. П. Кутепову

16.IV.1927

Дорогой Александр Павлович,
сообщаю Тебе подробности наших печальных событий.

3-го апреля один из сослуживцев Александра Оттовича Упелинца по Красной Армии в Гомеле в 1920 г., Махнов, недавно вовлеченный в одно из наших предприятий, опознал в нашем Касаткине известного провокатора Опперпута — правда, указав, что Опперпут в 1920 году не носил бороды. Об Опперпуде нет надобности распространяться — его имя упоминается в известной Красной Книге ВЧК.

Ты должен понять, как нас ошеломила невероятность подобного предположения, и не будешь нас очень ругать за те глупости, которые мы наделали и которым, строго говоря, нет оправдания при всякой другой обстановке.

¹² Ср.: Святослав Рыбас. *Генерал Кутенов* (Москва: Олма-Пресс, 2000), с. 271.

¹³ Geoffrey Bailey. *The Conspirators*, p. 60—61; Paul W. Blackstock. *The Secret Road to World War Two*, p. 59. На самом деле расстрелян Сусалин был, по-видимому, позднее: его имя фигурирует в списке казненных 9 июня 1927, в ответ на покушение Б. С. Коверды на П. Л. Войкова. См. о нем: Н. Львов, «Светлой памяти Ивана Михайловича Сусалина», *Возрождение*, 1928, 9 июня, с. 4.

Вместо того чтобы немедленно лишить Касаткина возможности действовать, мы стали наводить справки и занялись проверками. Между прочим, и он сам был спрошен о некоторых — на наш взгляд, невинных — вещах, выяснению которых, в целях проверки, мы придавали большое значение. Однако, по-видимому, где-то мы совершили ошибку, вследствие которой он понял, что его подозревают. Дальше, мы не придали достаточного значения его нервному состоянию, в котором он находился последнее время. Мы объяснили его тем раздражением, которое получил Касаткин в связи с отклонением Правления Треста (центральным комитетом М.О.Р.)¹⁴ его слишком рискованных коммерческих (террористических) операций. Не ожидая такого страшного удара изнутри самого Правления, мы, очевидно, недостаточно спокойно взялись за дело и дали повод Касаткину почувствовать, что под ним горит почва. Недостаточно быстрое расследование дало возможность этому негодю скрыться, весьма хитро предварительно обдумав план побега, и использовать для его осуществления ни в чем не повинных людей.

К несчастью, дело запуталось, благодаря одной — тоже крайне неприятной для нас — случайности. Именно, 5-го апреля племянник (Г. Н. Радкович) — как теперь выяснилось, по поручению Касаткина и без нашего ведома — вел переговоры о продаже своей сварочной мастерской. Угостив покупателя и напившись сам, он попал в милицию, имея на руках некоторые наши счета (документы). На другой день он был выпущен, получив поручение от высокого учреждения оказать содействие по розыску. Вернувшись к этому моменту племянница (М. В. Радкович, она же Захарченко-Шульц), возмущенная поступком племянника, предложила ему немедленно покончить с собой. В результате обсуждения этого вопроса мы решили, что племянник — вместо того чтобы выполнить требование учреждения — должен немедленно выехать к фермерам (в Финляндию). Ввиду случившегося мы нашли пребывание самой племянницы опасным и предложили ей также временно отправиться к фермерам, назначив для этого специальное окно (перевод за границу) на 12 апреля. 10-го она выехала в Вильну (Петроград), где должна была встретиться с Гогой (Г. Н. Радковичем), но 11-го Касаткин получил от племянницы телеграмму примерно такого содержания: «Зверев не прибыл, волнуюсь, получила очень важное поручение от фермеров, необходимо решение, немедленно приезжайте». Здесь мы совершили главную ошибку. Касаткин, ошеломив нас известием об исчезновении Зверева (Г. Н. Радковича), вызвался ехать в Вильну (Петроград). И мы на это согласились, рассчитывая в его отсутствие проверить подозрение.

13-го жена Касаткина получила от него письмо, в котором он называет себя «международным авантюристом» и сообщает, что через месяц будет в Америке. Одновременно мы получили от Касаткина письмо с сообщением о его бегстве и с наглым шантажным предложе-

¹⁴ Здесь и далее в скобках — разъяснения к тексту письма публикатора, С. Л. Войцеховского. Аббревиатуру МОЦР он в своих статьях давал как М.О.Р.

нием: выслать в трехдневный срок деньги за молчание — из чего видно, что есть некоторая надежда, что он еще не все предал.

Этот тактический промах Касаткина дал нам возможность предпринять кое-какие шаги прежде, чем начались протесты (аресты). Хладнокровию и распорядительности Рабиновича (А. А. Якушева) мы обязаны тем, что кое-как овладели положением. В настоящий момент Рабинович находится, по-видимому, в относительной безопасности — связь с ним имеем. Готовясь скрыться, еще на своей квартире получил звонок по телефону из Гельсингфорса от Касаткина. Касаткин ультимативно требовал денег и грозил раскрытием всего. На другой день он прислал телеграмму с требованием перевести деньги по адресу: Анна Упельнец, Рига, ул. Барона Кришьяна¹⁵.

Уже 13-го и 14-го начались массовые протесты векселей (аресты), как рассказывал бежавший из Вильно (Петрограда) Серов (А. А. Дорожнинский). Участь Денисова (А. А. Лангового) неизвестна. Серов рассказал подробности бегства Касаткина. Сам Серов, привыкший с давних пор исполнять беспрекословно приказания Касаткина и ничего не зная о наших подозрениях, крайне растерялся, видя, как Касаткин — вместо того чтобы только помочь, как он заявил Серову, племяннице (М. В. Радкович) нести ее чемодан, сам ушел к фермерам (в Финляндию). Демидов¹⁶, который вместе с Серовым провожал племянницу, тоже был поражен и только потом сообщил о странной фразе, которую ему, уходя, сказала племянница: «Это делается по категорическому приказанию Бородина (А. П. Кутепова); втайне даже от Серова; что бы ни случилось, не удивляйтесь; приходите, мы примем Вас...»

Неужели Ты дал такое приказание? Что может значить эта странная фраза? В голове не укладывалось первое невероятное предположение, что и она его сообщница. И как иначе объяснить ее вызов по телеграфу Касаткина?¹⁷ Однако, проанализировав все события, мы пришли к единственно возможному выводу, что она является только его жертвой. Очевидно, он сумел уверить племянницу в том, что после разгрома активной оппозиции в Тресте сторонникам ее стала невозможна дальнейшая работа и он решил конспиративно от Правления (центрального

¹⁵ В журнальной публикации здесь многозначие. Полный адрес сестры Опперлута в Риге был: Kr. Barona iela, 76 — 24. См.: *Rīgas adresu-izziņas grāmata. 1929 g. Adresno-spravochnā kņiga g. Rīga.*

¹⁶ В журнальной публикации дано другое имя этого агента Врангеля в «Тресте», находившегося в СССР, — Орсини. Ср. о его аресте в январе 1925 г. и чудодейственном освобождении по ходатайству П. С. Арапова в книге Л. Никулина «Мертвая зыбь», с. 209. См. также: Б. Прянишников. *Незримая паутина* (New York, 1979), с. 70. Согласно справке С. Л. Войцеховского, вскоре после побега М. В. Захарченко-Шульц и Опперлута П. П. Демидов (Орсини) в 1927 г. пропал без вести в СССР. См.: С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы*, с. 54—55.

¹⁷ Речь идет о телеграмме, посланной из Ленинграда, где Захарченко жаловалась на исчезновение Радковича и просила Стауница прибыть ей на помощь.

комитета М.О.Р.) уехать к тете Саше (А. П. Кутепову) и ей рассказать о линии оппозиции (сторонников немедленного террора). Только при этом предположении становится понятным великодушие Касаткина по отношению к некоторым своим сторонникам (находившимся в Москве кутеповцам), которых он благородно предупредил о «провале» и помог благополучно уехать — хоть на том спасибо! Ясно, что это сделано для того, чтобы сохранить благородный вид перед племянницей, на помощь которой он, очевидно, рассчитывает у фермеров.

Нашу первую телеграмму, которую Ты, вероятно, уже получил, мы послали также через огородников (эстонский генеральный штаб) к фермерам (финляндскому генеральному штабу). Крайне опасаемся, как поступят фермеры и, в особенности, сама племянница с этим сообщением, не имея необходимых доказательств. Ей-то, вероятно, фермеры покажут телеграмму. Находясь под сильным влиянием Касаткина, она — мы боимся — не поверит сообщению и, возможно, предупредит его о наших шагах. Было бы крайне необходимо поскорее повлиять на племянницу, чтобы она прекратила с Опперпутом всякие сношения, если нельзя рассчитывать на ее активное участие в борьбе против него. Из нашей телеграммы Тебе уже известно постановление: Правления о нем — необходимо его выполнить.

В настоящий момент еще совершенно невозможно учесть размеров убытков. Однако уже сейчас есть основание полагать, что Опперпут вел очень сложную игру и с конкурентами (коммунистами), и в своих собственных интересах. Он давал конкурентам, видимо, не все, что знал, ибо иначе нельзя объяснить сравнительно ограниченные размеры протестов (арестов). Пока нужно сказать, что окончательно скомпрометированы Главное Правление Треста (центральный комитет М.О.Р.) и привлечена к делу почти вся связь, непосредственно обслуживающая Главное Правление. Все линии торговцев (членов М.О.Р.), к которым Касаткин почти не имел отношения, пока не подверглись никаким ревизиям (репрессиям). Провинциальные отделения почти все предупреждены. Кроме здешних, сведения о протестах (арестах) только в Вильне (Петрограде).

Конечно, нам пришлось поработать по приведению в порядок всех дел наших предприятий. К счастью, кажется, никаких архивов Правления никогда у Касаткина не было. Он мог только записывать. Трудно сейчас говорить о выводах, но, вспоминая и взвешивая всю роль Касаткина в Тресте, совершенно немислимо объяснить наше существование без предположения, что провокатором применялась в нашем случае какая-то сверх-азефовская тактика. Но не будем себя утешать и подготовимся к возможным дальнейшим событиям. Ближайшее будущее должно все разъяснить.

Горячо обнимаю Тебя.

Твой Волков¹⁸.

¹⁸ С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы*, с. 103—107; ср.: С. Войцеховский, «Советские «сверх-Азефы». Из истории «Треста»», *Возрождение*, тетрадь 8 (март—апрель 1950), с. 156—158.

Письмо это разрушает теорию, что «Трест» настолько исчерпал себя, что ГПУ еще до побега Опперпута решило с этой организацией разделаться¹⁹. Наоборот, оно служит неоспоримым доказательством того, что ГПУ пыталось сохранить контакты московских «трестовцев» с границей и самим фактом отправки письма, равно как и его содержанием, показывало, что каналы связи не затронуты произошедшим провалом. Целью письма было не только нейтрализовать вред от возможных разоблачений беглеца, но и оградить Якушева и Потапова от подозрений и убедить Кутепова, что они (в отличие от «сверх-Азефа» Опперпута) остаются на своих местах, не выведены из строя и готовы к продолжению деятельности. Обращение к Кутепову было приглашением поддерживать контакты и тем самым избежать нанесения ущерба долгосрочным планам переворота.

Письмо Потапова к Кутепову, несомненно, должно было сохраниться среди бумаг «Треста» в архивах КГБ. Но ни один из авторов, пользовавшихся этим источником, ни словом не обмолвился об этом документе. И можно понять почему: ведь он противоречит легенде о «контролируемом» чекистами конце операции.

Этот документ отражает особенности ситуации в тот момент. Обнаружив, что беглецы его обыграли, ГПУ ввело в действие козырь, которым запаслось с самого начала операции в 1921 года: разоблачение Стауница как Опперпута — при выдвигании обвинения, что провокаторская его деятельность восходит чуть ли не к 1918 году. В соответствии с этой попыткой приурочить «чекистский стаж» Опперпута к возможно более давней дате и в то же время запутать следы и назван заведомо ложный источник — *Красная книга ВЧК* (1920, 1922) вместо брошюры Селянинова-Опперпута, такому приурочению противоречившей. Тень брошена и на Захарченко-Шульц.

При благоприятном, с точки зрения авторов письма, исходе, когда удалось бы склонить Кутепова к принятию их версии происходящего и отвержению позиции провокатора-отщепенца, одним выстрелом были бы достигнуты две цели: 1) дискредитация любых заявлений Опперпута и 2) обезвреживание всего «оппозиционного» («активистского») крыла МОЦР при том, что сам по себе механизм «Треста» продолжал функционировать. Заботой о сохранении «Треста» продиктовано и то, что написание письма было поручено По-

¹⁹ Ср. сообщение Т. Гладкова, что о побеге Опперпута Менжинский доложил самому И. В. Сталину. См.: Теодор Гладков. *Награда за верность — казнь* (Москва: Центрполиграф, 2000), с. 261.

тапову, специалисту в военных вопросах, подвергшихся обсуждению на недавнем совещании в Гельсингфорсе, а не Якушеву, «пассивность» которого стала вызывать нарекания парижан.

Усеченная версия событий была параллельно передана по официальным советским каналам. 20 апреля агентство ТАСС обнародовало сообщение, которое в четверг, 21 апреля, было напечатано в московских *Известиях* и *Правде*. Официальный текст гласил:

ОГПУ в Москве раскрыта и ликвидирована монархическая группа, называвшая себя сторонниками б. в. к. Николая Николаевича. Группа, как видно из захваченных документов, не имела связи ни с какими слоями населения и занималась, главным образом, военным шпионажем в пользу некоторых наиболее активных иностранных разведок.

Следствием установлено, что эта контр-революционная группа получала денежные средства из иностранных источников.

Руководителем группы являлся находящийся в Париже б. генерал белых армий монархист-«николаевец» Кутепов.

Документы, попавшие в руки следствия, и показания арестованных лиц указывают на большую заинтересованность иностранных разведок не только в отношении получения источников для ведения военного шпионажа, но и в отношении поддержки попыток создания антисоветской организации внутри СССР.

Однако из материалов следствия видно, что эти попытки никакого успеха не имели.

Следствие обещает дать новый материал в смысле разоблачения финансовых махинаций и заграничных связей провалившейся монархической группки б. генерала Кутепова²⁰.

В этой заметке деятельность разгромленной монархической кутеповской организации целиком сведена к поставке шпионских сведений иностранным разведкам. В ней ничего не говорится о подготовке диверсий и террористических актов. Слова о «финансовых махинациях» обнажают сфокусированность сообщения на фигуре Опперпута, который, как известно, был «министром финансов» в «теневом правительстве», и как бы содержат намек на то, что в разгромленной организации свили себе гнездо нечистые на руку жулики²¹. В последующие недели никакого развития эта официальная версия в советской печати не получила, и обещание, данное в последнем

²⁰ «Ликвидация контрреволюционной шпионской группы», *Известия*, 1927, 21 апреля, с. 2; *Правда*, 1927, 21 апреля, с. 4.

²¹ Это указание вторит замечанию в досье, подготовленном окружением Врангеля, о том, что Опперпут занимался спекуляциями и несколько раз сидел из-за этого в тюрьме.

абзаце, выполнено не было. События, вопреки расчетам составителей сообщения, пошли в ином, непредсказуемом направлении.

Между тем краткое загадочное извещение об обнаружении монархической группы в СССР взбудоражило эмигрантскую прессу. В тот же день, что и в московских газетах, 21 апреля, официальный текст ТАСС был, в обратном переводе с французского, изложен и в милюковских *Последних Новостях*²², и в *Возрождении* П. Б. Струве²³. Заметка подводила к мысли, что деятельность сторонников вел. кн. Николая Николаевича внутри России оказывалась более внушительной, а контакты с иностранными разведками — более тесными, чем ранее подозревалось. *Последние Новости* сразу поспешили выразить свою обеспокоенность, вставив в передовую статью об украинских сепаратистах и отклик на только что поступившее известие:

В этой связи, быть может, нелишне коснуться вопроса, вновь поставленного перед эмиграцией арестом монархической организации сторонников в. кн. Николая Николаевича в Москве. Если верить советскому сообщению, цели этой организации иные, чем цели петлюровцев. Лишь глухо упоминается о подготовке антибольшевистского движения в России; да это и естественно, если верно другое указание советской телеграммы, что у арестованной организации нет никаких связей с населением. Ближайшая задача московской организации — военный шпионаж в пользу иностранцев, причем, по тому же сообщению, работа эта велась на деньги иностранцев. Мы, конечно, должны воздержаться от какого бы то ни было суждения до тех пор, пока все эти сообщения остаются недоказанными. Но читатель знает наше мнение о подобном направлении антисоветской деятельности, ибо мы высказывали его не раз: еще недавно по поводу перехваченных большевиками документов Е. В. Саблина²⁴.

П. Б. Струве парировал этот выпад возражением, что советским заявлениям нельзя в принципе верить, и поставил под сомнение утверждение об аресте монархической организации сторонников великого князя Николая Николаевича. Он напомнил, что большевики обвинения в шпионаже строят на песке и прибегают к ним на каждом шагу, к месту и не к месту, что Милюкова они уличали в скрытом монархизме, а Керенского нарекли «белогвардейцем»²⁵.

²² «Аресты монархистов в Москве», *Последние Новости*, 1927, 21 апреля, с. 1.

²³ «Последние известия. Монархический заговор в СССР», *Возрождение*, 1927, 21 апреля, с. 1.

²⁴ «Заграничная работа петлюровцев», *Последние Новости*, 1927, 22 апреля, с. 1.

²⁵ Петр Струве, «Дневник политика. 154. "Если верить «крапленным картам» и «если верно» сдают политические шулера"», *Возрождение*, 1927, 23 апреля, с. 1.

Но для милюковской газеты советское сообщение продолжало выглядеть убедительнее, чем доводы П. Б. Струве, которого она обвинила в увиливании от прямых ответов на поставленные вопросы:

В действительности наше «легковерие» оправдывается прежде всего информацией, которую мы не раз читали в самом «Возрождении» о проницании пропаганды в.к. Николая Николаевича в Россию. Это «легковерие», правда, не доходит до признания, что пропаганда Н. Н. имеет там успех. В этом отношении мы скорее склонны «верить» сообщению большевиков, что их московское раскрытие документально показывает отсутствие связи организации Н. Н. с населением. В остальном же вместо всякой полемики следовало бы только подождать, подтвердится или не подтвердится сообщение, внутренняя вероятность которого, повторяем, подтверждается сведениями самого «Возрождения»²⁶.

Берлинский *Руль* предположил, что под ликвидацией монархической организации подразумевается просто подготовка к крупному политическому процессу, во главе которого будет кн. Павел Долгоруков; аресты же, о которых сообщило советское агентство, состоялись еще два месяца назад²⁷. Никакой новой монархической организации, согласно этому объяснению, раскрыто не было²⁸. Но уже на следующий день стала ясна неоправданность такой увязки, когда *Руль* перепечатал беседу с председателем Украинского ГПУ Балицким²⁹, появившуюся 19 апреля в московской *Правде*³⁰.

Иной голос раздался тем временем из Финляндии. Комментируя московскую новость о раскрытии антисоветского монархического подполья, гельсингфорсская газета на шведском языке *Hufvudstadsbladet* напечатала 24 апреля заметку о появлении на Западе чекиста-перебежчика Эдуарда Александра Опперпуда-Упелинца, который сообщил о созданной ГПУ в 1922 году монархической организации, основанной чекистом Кияковским³¹. Возглавили эту орга-

²⁶ «Разучивание», *Последние Новости*, 1927, 25 апреля, с. 1.

²⁷ «Заговор в России», *Руль*, 1927, 22 апреля, с. 1.

²⁸ Л. Никулин сообщает, что сразу после побега Опперпуда в Москве и на периферии были арестованы все члены МОЦР, бывшие «подлинными контрреволюционерами». См.: Лев Никулин. *Цит. соч.*, с. 345.

²⁹ «Процесс кн. Долгорукова», *Руль*, 1927, 23 апреля, с. 1. См. также передовую: «Князь Павел Долгоруков», *Руль*, 1927, 24 апреля, с. 1.

³⁰ Это было первое в советской прессе подтверждение ареста Долгорукова, слухи о котором циркулировали на Западе с декабря.

³¹ Поскольку его имя указано в заметке как Knjakovski, есть основания полагать, что заметка основана была на письменном тексте, предоставленном в газету Опперпудом.

низацию В. А. Стырне, А. А. Лонгов <т. е. Ланговой> (брат чекистки Рославцевой) и М. И. Кокушкина³². Заметка перечисляла также различные конспиративные клички этих чекистов и утверждала, что в «ликвидированной» организации работало не менее 40 других сотрудников ГПУ. Так — относительно сдержанно и скупое — Опперпут отреагировал на сообщение ТАСС и на закулисные маневры, предпринятые «Трестом».

Перед возвращением из Парижа в Варшаву Войцеховский, по его воспоминаниям, получил от Кутепова инструкции для передачи своему шефу:

Данные Артамонову указания сводились к его оставлению резидентом боевой организации в Варшаве. Ему было предписано сделать все возможное для сохранения добрых отношений с польским штабом ради продолжения борьбы и нанесения большевикам ударов, которым помешал Трест. Радковичу и его спутникам было приказано немедленно выехать в Париж³³.

Спустя несколько дней, в самом начале мая, Кутепов в сопровождении двух лиц³⁴ выехал в Гельсингфорс для встречи с Опперпуттом и Захарченко. Письмо Потапова от 16 апреля, являвшееся попыткой расстроить такую встречу, своей цели не достигло. В лавине обрушившихся на Кутепова, противоречивших друг другу разоблачений он поверил не руководителям «Треста», а беглецам. Сформулированные в письме Потапова обвинения против Опперпута в том, что он едва ли не с первых месяцев советской власти служил в органах ЧК и что его предательство стало причиной волны арестов в «Тресте», перевешивались в глазах Кутепова предъявляемыми из Гельсингфорса доказательствами провокации беспрецедентных масштабов, охватившей целиком деятельность «Треста», и тем фактом, что Опперпут позаботился о безопасном уходе находившихся в СССР членов кутеповской группы. В то же время все происходящее укрепляло Кутепова в убеждении, что в борьбе с большевистской властью нет никакой альтернативы боевой, террористической деятельности; значение ее, в его глазах, было аналогично значению револю-

³² «Ett skickligt konspirativt tjekaarbete. Den senaste "antisovjetgruppen" tjekans verk? Avslöjanden av en f. d. tjekist», *Hufvudstadsbladet*, 24.4. 1927. 26 апреля та же заметка была напечатана в газете *Uusi Suomi*, выходящей на финском языке. Ср.: Geoffrey Bailey. *The Conspirators*, p. 60.

³³ С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы*, с. 111.

³⁴ Это были, по-видимому Радкович и Каринский, только что вызванные Кутеповым из Варшавы в Париж.

ционного террора в ниспровержении царской власти в России³⁵. Свой визит в Финляндию поэтому Кутепов использовал не только для детального обсуждения ситуации с Опперпутом и Захарченко, но и для интенсификации подготовки находившихся там добровольцев к боевым действиям в советской России. Конкретные рекомендации Опперпута, осведомленного о потенциально уязвимых сторонах в системе охраны партийных и советских учреждений в Москве и Ленинграде, легли в основу выработанного плана предстоящих операций.

У Кутепова были веские основания поверить в искренность перехода Опперпута в лагерь антисоветской борьбы. Главным, может быть, среди них, было то, что побег Опперпута снял с повестки дня вопрос, всерьез рассматривавшийся генералом после путешествия Шульгина: вопрос о поездке в советскую Россию. Раскол, к которому, казалось, неотвратимо двигался МОЦР с осени 1926 года, делал такую поездку срочной необходимостью: она выглядела последним, единственным шансом его преодолеть. Только «конец “Треста”», как его осуществил Опперпут, предоставивший доказательства тотального контроля органов ГПУ над деятельностью «теневого правительтва», сделал такое путешествие бессмысленным. Доверие Кутепову внушали и обстоятельства побега Опперпута вместе с кутеповскими эмиссарами, и его детальный отчет обо всей истории «легенды», с момента ее возникновения в 1921 году, и исповедь о «савинковском» эпизоде, поскольку свидетельства Опперпута находили подтверждение в иных источниках.

Не все на Западе это доверие разделяли. В целом прием, оказанный Опперпуту, был прохладным и даже прямо враждебным. Финская разведка, первой допрашивавшая его, остерегалась делать выводы относительно достоверности или недостоверности его показаний, предоставив оценку их Кутепову, британской резидентуре и коллегам из Польши. Но офицеры польского Генштаба отнеслись к появлению Опперпута и к его разоблачениям как к очередной и вдвойне хитроумной советской провокации. В отличие от Кутепова (и Врангеля), для них оказалось полным сюрпризом, что Касаткин (Стауниц) и Опперпут — одно и то же лицо. В свою очередь, с Селяниновым-Опперпутом, автором обличительной брошюры 1921 го-

³⁵ В разговоре с Войцеховским он предсказал: «Террор вызовет в России детонацию». — С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы*, с. 115. Ср.: Петр Рысс, «Революционное дело А. П. Кутепова», *Генерал Кутепов. Сборник статей* (Париж: Издание Комигета имени генерала Кутепова, 1934), с. 357—363.

да, у них были старые счеты, и то обстоятельство, что на протяжении пяти лет Касаткин-Стауниц, один из руководителей «Треста», награждавшийся ими ценными подарками за особые услуги, был в числе тех, кто водил их за нос, никак не усиливало их симпатии к перебежчику. К старым грехам прибавились и отрицательные эмоции текущего момента. Сразу обозначился резкий конфликт между Опперпутом и майором М. М. Таликовским и другими представителями польского Генштаба. Из показаний Опперпута становилось ясным, до какой степени советские чекисты контролируют иностранные разведки, в первую очередь эстонскую и польскую. Но в то время как эстонская сторона, поглощенная следствием по делу бывшего посланника в Москве Адо Бирка, извлекала полезные для себя сведения из опперпутовских признаний, польская разведка отнеслась к заявлению, что их служба контролируется советскими агентами, как к оскорбительной лжи³⁶.

Отправляясь в побег, Опперпут не должен был питать надежд на особенное дружелюбие западных кругов. И все же, столкнувшись с реальностью, он не мог не поразиться реакции на сообщенные им сведения³⁷. Р. Врага в своей неопубликованной книге о «Тресте» передает обмен репликами, вспыхнувший между его предшественником на посту начальника русского сектора польской разведки майором Таликовским и генералом Кутеповым во время совещания в Гельсингфорсе с представителями финской разведки. Кутепов доложил о намерении его организации начать серию террористических атак против советских вождей; по поступившей к нему информации, текущий момент обещал быть благоприятным, поскольку такая кампания усилила бы хаос, царящий в ослабленном борьбой с троцкистской оппозицией партийном руководстве. На это Таликовский отреагировал язвительным замечанием: он надеется, что

³⁶ Между тем мнение это глубоко укоренилось в чекистской среде. В своем ноябрьском докладе 1924 г. руководству ОГПУ А. Х. Артузов писал: «Целый ряд иностранных разведок, как польской, эстонской и отчасти финской, находятся всецело в наших руках и действуют по нашим указаниям». См.: *Лубянка 2. Из истории отечественной контрразведки*, с. 181.

³⁷ С. М. Голубев замечает: «После перехода границы Опперпут сообщил финской и английской разведкам, что МОЦР является специально созданной органами госбезопасности организацией. Но финская и другие разведки не до конца поверили в это и даже заподозрили Опперпута в принадлежности к советской агентуре. Высказывалось мнение, что и Захарченко может быть советским агентом, специально заброшенным за границу для компрометации МОЦР». — «Операция “Трест”», *Очерки истории российской внешней разведки*. Том 2. 1917—1933 годы, с. 126.

эти сообщения исходят не от Опперпута. «Ему нельзя доверять. Он был, остается и всегда будет провокатором. Мы никогда не простим себе, что позволили ему ускользнуть в Россию, вместо того чтобы арестовать, как опасного советского агента крупного калибра. Остерегайтесь его».

Вспыльчивый нрав генерала Кутепова был всем известен, продолжает Врага. Эти наставления, сделанные сразу после его встречи с Опперпутом, сильно его задели. Не успев остынуть, он произнес: «Нам надо проявлять осторожность и с другими. По нашей информации, налицо существенная советская инфильтрация в польском Генштабе и разведке».

— Удивительно, — воскликнул майор Таликовский. — На каком основании вы делаете такие заявления?

— Насколько мне известно, до последнего времени важный пост в вашей разведке занимал некто Фитовский?³⁸

На сей раз взорвался Таликовский:

— Вы повторяете за Опперпутом советские выдумки. Раз вы сотрудничаете с такими темными личностями, как Опперпут, мы в Польше должны будем пересмотреть наше отношение к вашей боевой организации и приостановить нашу помощь тем, кого вы направляет в Россию. Придется запретить им переход через нашу границу, так же как мы запретили это членам МОЦР.

— Мы тоже пересмотрели наше отношение к Польше, — ответил Кутепов. — Мы намерены отказаться от использования польской границы для проникновения на советскую территорию, потому что в польских правительственных кругах слишком сильна советская агентура. Центром нашей деятельности станет Финляндия.

Инсинуации Опперпута достигли цели. Два заклятых врага Советов, которым надо было бы действовать совместно против большевиков, оказались на ножах друг с другом. Миссия Опперпута принесла плоды. ГПУ работой Опперпута могло быть удовлетворено³⁹.

³⁸ В марте 1927 г. в Варшаве была раскрыта советская агентурная сеть. См.: А. А. Папчинский, М. А. Тумшис. *Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК* (Москва: Современник, 2001), с. 259.

³⁹ Richard Wraga. *The Trust* (Paris-London, 1955). Typescript, p. 142—143. — Hoover Institution Archives, Wladyslaw Michniewicz Papers, Box 2. Ср.: «<...> Опперпут сказал, что успеху советской провокации в значительной степени помогли агенты большевиков, скрыто действующие в разных штабах, в частности и в польском штабе. Опперпут намекал на то, что сам начальник польского генерального штаба — советский агент». — Р. Врага, «“Трест”», *Возрождение*, тетрадь 7 (январь—февраль 1950), с. 134.

В одной из своих статей вдова Враги Наталия Грант поведала, что польское правительство потребовало экстрадиции Опперпута по уголовным обвинениям, но финская сторона это требование отклонила⁴⁰. Статья Н. Грант о «Тресте» кишит ложными утверждениями⁴¹, но это показание восходит к рассказу Таликовского, записанному Ричардом Врагой, и оно живо иллюстрирует атмосферу, в которой оказался Опперпут. В письме к С. Л. Войцеховскому от 5 января 1963 года Р. Врага сообщал⁴², что было предъявлено требование об экстрадиции и выдаче в Варшаву не только Опперпута, но и М. В. Захарченко-Шульц и что отказ финской полиции в экстрадиции был вызван отрицательным к этому отношению со стороны офицера английской разведки Росса⁴³.

С поездкой Кутепова в Финляндию совпало и начало кампании в прессе. Поднята она была следующей заметкой в *Последних Новостях*, как бы продолжавшей недавний обмен колкостями между этой газетой и *Возрождением* относительно работы сторонников вел. кн. Николая Николаевича в СССР:

КТО ПРЕДАЛ МОСКОВСКИХ МОНАРХИСТОВ?

Рига, 2 мая (соб. кор.).

Вашему корреспонденту сообщают: Провал монархической организации (никлаевцев) вызван предательством и провокацией некоего Эдуарда Штауница, вступившего около 4-х лет тому назад в организацию монархистов под фамилией Касаткина.

Названные две фамилии являются вымышленными, как и ряд других. Так, в провалившейся в 1921 году организации покойного Савинкова он значился под фамилией Оперпута и под этим именем вместе с Гнилорыбовым выступал, как главный свидетель, во время слушания дела «Союза защиты родины и свободы».

Позже Штауниц-Касаткин-Оперпут, кажется под фамилией Савельева, состоял в организации Таганцева, которую также предал.

⁴⁰ Natalie Grant, «Deception on a Grand Scale», *International Journal of Intelligence and Counterintelligence*, vol. 1, №4 (1986), p. 72. Резкая критика действий польского Генштаба в деле «Треста» весной и летом 1927 г. содержится в книге: Władysław Michniewicz. *Wielki bluff sowiecki* (Chicago: Publishing WICI, 1991).

⁴¹ Так, например, она заявляет, что М. В. Захарченко-Шульц была в течение ряда лет сотрудником советских органов или что Шульгин с 1920 г. вплоть до конца 1930-х гг. был связан с ЧК-НКВД, будучи завербованным С. Ф. Реденсом, и т. п.

⁴² Hoover Institution Archives. Nicolaevsky Coll., Box 3.

⁴³ Конфликт Кутепова с польской разведкой длился недолго, и уже через несколько недель сотрудничество было возобновлено.

После разгрома таганцевской организации предатель был переведен в Москву, где и установил связь с николаевцами. В монархической, ее еще называют кутеповской, организации Касаткин-Штауниц постепенно пролез в центральный орган, где играл крупную роль. От имени организации Штауниц вел переговоры с антисоветскими правыми группировками за границей. Передают, что был вхож в парижские салоны николаевцев. Держал тесную связь с представителями генеральных штабов ряда государств, снабжая их материалами о красной армии. Как курьез сообщают, что совсем недавно он вел переговоры со штабом одной страны о доставке в Россию оружия для готовящегося восстания.

Предательство Штауница-Касаткина привело к многочисленным арестам в Москве, Петрограде, Киеве, Харькове, Нижнем Новгороде и других городах. В Петрограде расстреляно 16 человек без суда, отклавшихся от дачи каких-либо показаний. Среди расстрелянных — четыре моряка и несколько красных командиров.

По некоторым данным, Касаткин-Штауниц-Оперпупт-Савельев в действительности латыш, Упелинц, чекист, занимавшийся в 1918 году расстрелами офицеров в Петрограде и Кронштадте.

По слухам, Касаткин-Штауниц опознан и арестован в Финляндии, куда он явился сразу после провала монархистов в двадцатых числах апреля и пытался получить визу в Англию⁴⁴.

Заметка сразу разошлась по эмигрантской прессе. Изложение ее тотчас поместили берлинский *Рул* (7 мая) и белградское *Новое Время* (10 мая), а в варшавской *За Свободу!* перепечатываемому тексту было присоединено (частично дублирующее его содержание) и редакционное примечание, по-видимому, составленное Д. В. Философовым:

К этому следует добавить, что Оперпупт-Штауниц, в 1921 году отправившись по поручению Савинкова в сов. Россию для борьбы с большевиками, предал там одну из савинковских организаций. Оперпупт оказался большевизским агентом, втершимся в доверие к Савинкову. История предательства б. полковника Гнилорыбова, вероятно, еще всем памятна как происшедшая сравнительно недавно⁴⁵.

Новым компонентом — указывающим на специфически «польский» аспект — в этом примечании была фраза «Оперпупт оказался большевизским агентом, втершимся в доверие к Савинкову».

⁴⁴ *Последние Новости*, 1927, 5 мая, с. 1.

⁴⁵ «Провал организации монархистов в Москве», *За Свободу!*, 1927, 11 мая, с. 2.

Кто именно выступил в роли «рижского корреспондента», переслав приведенное сообщение в *Последние Новости*, неизвестно, так как своего постоянного, регулярного представителя в Риге газета в тот момент не имела. Однако весной 1927 года наметилось резкое потепление отношений *Последних Новостей* и газеты *Сегодня*, выступившей с инициативой приглашения П. Н. Милюкова с турне по Латвии и Эстонии. 9 мая 1927 года Милюков прибыл в Ригу, а 10 мая состоялась его первая лекция там⁴⁶. В день его приезда, в понедельник, 9 мая, заметка об Опперпуте появилась и в *Сегодня*. Приводим ее ниже:

СОВЕТСКИЙ АЗЕФ

Провокатор Э. Штауниц предал московских монархистов

Уже давно ходили слухи, что ГПУ при раскрытии противобольшевицких организаций пользовалось услугами провокатора, имевшего прочные связи с эмиграцией и в особенности с окружением великого князя Николая Николаевича. Слухи эти в последнее время получили подтверждение из различных источников.

В московскую противобольшевицкую организацию вошел около 4-х лет тому назад под фамилией Касаткин некий Эдуард Штауниц. Он выдал всю организацию, а затем сам бежал из Москвы в Финляндию. По слухам, он теперь задержан в Гельсингфорсе, где пытается получить визу в Англию.

Тот же Штауниц выдал в 1921 г. Савинковскую организацию. Его показания имели решающее значение в деле Савинкова. Тогда он выступал под фамилией Оперпут и вместе с Гнилорыбовым выступал как главный свидетель во время слушания дела «Союза защиты родины».

Ранее Штауниц входил в так называемую таганцевскую группу. В ней он был известен под фамилией Савельев. Штауниц был виновником провала группы.

В монархической организации, которая была раскрыта в минувшем апреле, Штауниц играл видную роль. Он входил в ее центральный орган и вел от ее имени переговоры с зарубежными организациями. Передают, что он был вхож в парижские салоны николаевцев. В то же время он поддерживал тесную связь с представителями генерального штаба ряда государств. Совсем недавно он вел переговоры с штабом одной страны о доставке в Россию оружия для готовящегося восстания.

По доносам Штауниц в последнее время были произведены аресты в Москве, Петербурге, Киеве, Харькове и других городах. В Петербурге расстреляно без суда 16 человек, отказавшихся дать показания. Среди расстрелянных — 4 моряка и несколько красных командиров.

⁴⁶ См.: Бор. Ор<ечкин>, «Грозит ли Европе новая война? (На первой лекции П. Н. Милюкова)», *Сегодня*, 1927, 11 мая, с. 5. См. здесь (с. 2) также большую статью А. Рудина «П. Н. Милюков, как историк и социолог».

Есть указания на то, что фамилия Штауниц фиктивная и что его настоящее имя Упелиньш. В 1918 году Упелиньш — латыш по происхождению — работал в Чека и расстреливал офицеров в Петербурге и Кронштадте.

Почему Штауниц бежал из СССР, остается загадкой. Возможно, что он сделал это не для того, чтобы скрыться от советских преследований, а с целью какой-нибудь новой провокации⁴⁷.

Нетрудно заметить, что рижская заметка имеет много общего с парижской, включая куски, дословно повторяющие друг друга. Однако, в отличие от перепечаток в других газетах русского Зарубежья, здесь никакой ссылки на газету Милюкова не сделано. Это заставляет полагать, что оба текста, и парижский (присланный из Риги), и тот, что помещен в *Сегодня*, восходят на равных, так сказать, правах к одному и тому же информатору. Тем интереснее отличия между ними. В *Сегодня* герой заметки предстает в еще более inferнальном виде, чем в *Последних Новостях*. Там он — преимущественно «предатель», своими показаниями на следствии и суде очернивший близких соратников по борьбе. Здесь он — «Азеф», «провокатор». В обоих случаях речь идет об участии протагониста в савинковском и таганцевском процессах, но в *Сегодня* акцентирована его поистине роковая роль: в савинковском деле «его показания имели решающее значение», в таганцевском он «виновник провала группы». И там, и здесь волна арестов и расстрелов, прокатившаяся после его бегства в Финляндию, приписана его дьявольской деятельности. И там, и здесь — как бы подхватывая намек, вкравшийся в письмо Потапова к Кутепову, — введено указание на работу Опперпута в Чека и участие в расстрелах в Петрограде и Кронштадте. Употребляемая в обоих случаях форма имени Штауниц носит, по-видимому, «маскировочный» характер, заставляя думать, что информация восходит к какому-то иностранному источнику, откуда написание Staunitz получило «гиперкорректную» огласовку Штауниц вместо действительного «Стауниц». Но «германизированный» вариант предположительно настоящего имени в *Последних Новостях* (Упелинц)⁴⁸ исправлен в *Сегодня* на нечто более близкое к «латышизированному» — Упелиньш. И, конечно, самое важное и поразительное новшество в заметке в рижской газете — намек, что побег Оп-

⁴⁷ *Сегодня*, 1927, 9 мая, с. 3.

⁴⁸ Ср. такую же форму в письме Потапова к Кутепову от 16 апреля, как она приведена по копии в архиве Войцеховского в позднейших его публикациях.

перпуга совершен вовсе не с целью избежания преследований или обнародования разоблачений, а предвещает новую большую провокацию.

Оба варианта этой заметки — и рижский, и парижский — уже привлекли интерес первых исследователей «Треста». Но брали их до сих пор порознь, не сличая друг с другом. Н. Н. Чебышев перепечатал полностью рижский вариант⁴⁹. С. Л. Войцеховский же сосредоточил все внимание на парижском тексте⁵⁰. Сообщение в *Последних Новостях* 5 мая 1927 года он назвал «странным», объяснив эту характеристику следующим образом:

При всей своей осведомленности о подробностях «провала» монархической организации («многочисленные аресты... 16 человек без суда... 4 моряка и несколько красных командиров...») рижский корреспондент «Последних Новостей» оказался странно не осведомленным о других обстоятельствах дела. Опперпугу он приписал связь с эмиграцией, которая, как известно, поддерживалась А. А. Якушевым и т. п.⁵¹.

В его сообщении существенно то, что оно — из несоветского источника — подтверждало московскую версию удара Г.П.У. по монархической тайной организации, многочисленных арестов и т. д. Дальнейшее развитие дела дает право предположить, что автор заметки в парижской газете был введен в заблуждение сознательной советской дезинформацией⁵².

Признание Войцеховским статьи как в основе своей сфабрикованной в ГПУ согласуется с показаниями новейших историков:

Для компрометации перебежчика в зарубежной печати через возможность ОГПУ удалось опубликовать ряд статей, в которых ставилась под сомнение искренность поступка Опперпуга. В них, в частности, высказывались предположения, что его бегство специально организовано советской контрразведкой для дискредитации монархического

⁴⁹ Н. Чебышев, «Трест. История одной “легенды”», *Возрождение*, 1935, 13 августа, с. 2.

⁵⁰ С. Войцеховский, «Советские “сверх-Азефы”. Из истории “Треста”», *Возрождение*, тетрадь 8 (март—апрель 1950), с. 154—155; С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы*, с. 102—103. Термин «сверх-Азефы», употребленный Войцеховским в заглавии своей статьи, восходит к определению Опперпуга в письме Потапова к Кутепову, и с осени 1927 года его использовал В. Л. Бурцев в своих разоблачениях «Треста».

⁵¹ Замечательно, что прямо участвовавший в сношениях с «Трестом» капитан польской разведки В. Дриммер в своих мемуарах упорно отождествлял Федорова (т. е. Якушева) с Опперпугом. См.: Wiktor Tomir Drimmer. *W służbie Polsce* (Warszawa: Gryf, 1998), str. 98—100, 102.

⁵² С. Войцеховский, «Советские “сверх-Азефы”. Из истории “Треста”», с. 155.

подполья в СССР. Это очень запутало и без того сложную и противоречивую ситуацию⁵³.

Если принять, что оба варианта были действительно общего, «рижского» происхождения, то чем объяснить, что рижское *Сегодня* уступило *Последним Новостям* «первенство» в публикации? Заметка была для газеты Милюкова сильным оружием в борьбе с «монархическим лагерем» в целом, как теперь оказывалось, насквозь изъеденным язвой провокации, и с П. Б. Струве в частности, уклонявшимся в *Возрождении* от обсуждения тайной деятельности этого лагеря в СССР. Но как объяснить индивидуальные различия двух вариантов заметки? Был ли «прототекст» ближе к публикации в *Сегодня* и по каким-то причинам смягчен в Париже — или (что кажется более вероятным), наоборот, подвергся усилению «демонических» нот при помещении в рижской газете? Почему именно в *Сегодня* проявилась тенденция к сгущению «инфернальных» черт в Опперпуте и кому именно это было так необходимо? Нам кажется, что пусть неполный и гипотетический, но ответ на эти вопросы нащупать можно.

В редакции *Сегодня* действительно был человек, который к сенсационному сообщению о внезапном появлении Опперпута бесстрастно отнестись не мог. Это молодой журналист А. К. Рудин, бывший адъютант В. В. Савинкова, высланный вместе со всей группой близких к Борису Савинкову лиц в октябре 1921 года. В Праге, став студентом, он отошел от савинковского кружка и (по-видимому, через группу «Крестьянская Россия») вошел в другую политическую организацию — милюковское Республиканско-демократическое объединение, сохранив при этом большую личную привязанность и уважение к основателю Народного Союза Защиты Родины и Свободы. В 1924 году он переехал в Ригу и стал работать в местной русской печати. К первой годовщине гибели Савинкова А. К. Рудин написал и под псевдонимом А. Карин опубликовал в газете *Сегодня* необычайно теплую мемуарную статью о нем, в которой преобладала восторженная оценка человеческих качеств вождя. Вот как, например, описывался период расцвета антисоветской деятельности Савинкова:

Маленькая комната на 4-ом этаже Брюлевского Отеля в Варшаве. В ней с трудом помещаются четыре человека. Половину комнаты занимает кровать, другую диван со столом. Над ним портрет Пилсуд-

⁵³ Лубянка 2. Из истории отечественной контрразведки, с. 195.

ского — подарок «Начальника Панства» давнишнему другу и соратнику в революционной борьбе. Здесь «жил и работал» в 1920—21 году Б. В. Савинков, здесь с 9 часов утра до позднего вечера принимал он посетителей от сановных представителей иностранных государств, высших государственных деятелей до рядового добровольца и только что перешедшего границу беженца включительно. Здесь происходили совещания по важнейшим вопросам, касавшимся тысяч людей, решались секретнейшие вопросы военно-революционной деятельности, задумывались рискованнейшие планы.

Б. В. Савинков — в центре кипучей политической деятельности. Его штаб связан с Россией, он получает самую свежую информацию, в курсе всех событий. Отсюда громит он эмигрантский Париж, погрязший в «словесной жвачке», отсюда сносятся с начальниками «партизанских» отрядов, разбросанных в болотах и лесах Западной России, связывается с контр-революционной организацией.

Эмиграция его ненавидит — он это знает. Но знает он также, что в сидящих за проволокой интернированных частях сотни людей, храбрых, до самопожертвования, готовых по одному его зову отправиться на верную смерть, выполнить опаснейшее поручение. Они шлют ему десятки писем, толпятся в его приемной, нелегально уходят в Россию. За редким исключением погибают, «проваливаются».

Какой-то несчастный рок тяготел над всеми его начинаниями⁵⁴.

Наряду с рассказом о драматических обстоятельствах выдворения савинковцев из Польши в конце октября 1921 года и, в частности, о неожиданном прибытии вождя на аэроплане в Варшаву в момент тягостного политического тупика автор давал краткий обзор самого последнего периода жизни Савинкова, воздержавшись от какого бы то ни было осуждения поведения его на московском процессе и подчеркивая, вместо этого, общий трагизм ситуации, в которой тот оказался. После злополучной поездки Савинкова в СССР летом 1924 года столь сочувственный разговор об «изменнике» дела антисоветской борьбы был немыслим в эмигрантской прессе и выглядел вызовом всей эмигрантской общественности. Единственный упрек, предъявленный Савинкову в статье, сводился к неумению его разбираться в людях. И тут промелькнул, без прямого названия имени, прочно, казалось бы, всеми забытый Селянинов-Опперпут:

Несмотря на свой громадный революционный опыт, Савинков в людях не разбирался... Целый ряд неудач его революционных предприятий вызван был слишком большим доверием, которое оказывалось либо абсолютно неспособным начальникам, либо лицам, оказавшимся впоследствии провокаторами.

⁵⁴ А. Карин <А. Рудин>, «Мои встречи с Б. Савинковым (К годовщине его трагической смерти)», *Сегодня*, 1926, 7 мая, с. 2.

Наиболее тяжелый случай произошел летом 1921 года, когда вошедшее в Центральный Комитет Савинковской Организации лицо, неоднократно переходившее польско-русскую границу, оказалось предателем и выдало около 200 членов Тайной Организации Союза, которые все были расстреляны большевиками. Предательство другого члена Ц. К., казачьего полковника Гнилорыбова, Фомищева и др. известно по прошлогоднему процессу Савинкова.

Характерно, что, доверяя людям тайны организации, имена сотен людей, подвергавшихся колоссальному риску, — Савинков очень берег своих ближайших сотрудников. Так, желавшему уйти в Сов. Россию одному из близких к нему людей он категорически запретил это рискованное путешествие⁵⁵.

Поступившая в редакцию *Сегодня* новость о внезапно обнаружившемся в Финляндии Опперпуте, наряду с информацией о его ответственности за провал монархической организации в России, должна была разбередить незажившие раны и вызвать ярость в А. К. Рудине. Ведь из всех предательств, обрушившихся на Савинкова в варшавский период, он имел возможность ближе всего наблюдать самое первое в этом ряду — совершенное Селяниновым-Опперпутом, при том что все несчастья, выпавшие на долю самого Рудина в результате изгнания савинковцев из Польши, он мог считать прямым результатом разоблачений, сделанных Опперпутом после ареста в мае 1921 года. В его брошюре, вышедшей вскоре после высылки савинковцев в Прагу, поручик Рудин фигурирует в далеко не лестном контексте. В частности, он был упомянут в одном из самых колоритных эпизодов книжки — в рассказе о пьяной оргии, устроенной отрядом полковника Павловского накануне похода в советскую Россию, когда были попораны основные правила конспирации и важнейшие секреты не могли не попасть в руки большевистских агентов⁵⁶. Изображая этот эпизод, Селянинов-Опперпут возлагал вину за провал всей своей гомельской организации на савинковский центр в Варшаве⁵⁷.

⁵⁵ Там же. Не подлежит сомнению, что в последнем процитированном здесь абзаце речь идет о самом А. К. Рудине и что этот эпизод служит как бы недоуменной, «обратной» параллелью походу самого Савинкова в СССР в 1924 году. Как будет видно ниже, можно полагать, что инициатива «рискованного путешествия» шла от Селянинова.

⁵⁶ П. Селянинов-Опперпут, бывший член Всероссийского Комитета Н.С.З.Р. и С. Народный Союз Защиты Родины и Свободы (Берлин, 1922), с. 53—57.

⁵⁷ Ср. сведения, данные полковником С. Э. Павловским после его ареста: «Штаб В. Савинкова состоял в то время из Рудина — адъютанта; у Рудина на руках были все явки работников на территории России». — «Из показаний полковника С. Павловского» (осень 1923 г.), *Борис Савинков на Лубянке. Документы*. Научный редактор А. Л. Литвин (Москва: Росспэн, 2001), с. 291.

Тогда, весной 1921 года, у Рудина на глазах разворачивалась головокружительная карьера Селянинова, появившегося в Варшаве никому не ведомым посланцем-чужаком, но вскоре, в свой последний приезд, кооптированного в состав Всероссийского комитета, высшего органа савинковской организации. Сейчас, задним числом, вкупе со вновь обнаруживавшимися обстоятельствами, это стремительное возвышение только подтверждало в глазах Рудина исконно провокаторскую миссию Опперпуга.

Было бы, конечно, ошибкой настаивать, что Рудин был автором «рижской» протостатьи об Опперпуге. Она, скорее всего, была контаминацией нескольких текстов, включая, как основу, известие в финляндских газетах, персланное в редакцию *Сегодня* ее гельсингфорским корреспондентом, молодым поэтом, участником белого движения Иваном Савиным. Савин принадлежал к тем кругам русской молодежи в Финляндии, из которых Кутепов и Захарченко-Шульц рекрутировали добровольцев для боевой работы в СССР⁵⁸. Его взгляд на Опперпуга должен был складываться под воздействием отношения к нему со стороны Кутепова, то есть мог быть окрашен скорее сочувствием, чем подозрительностью. Но переправленный им в Ригу материал столкнулся в редакции *Сегодня* с враждебной по отношению к Опперпугу тенденцией, шедшей из Варшавы. Нужно сказать, что незадолго перед тем у газеты там появился новый корреспондент — С. Л. Войцеховский, печатавшийся в *Сегодня* под псевдонимом В. Сергеев. Как видно из предыдущего, он был прямо вовлечен в деятельность «Треста» и явился гонцом, доставившим в Париж письмо о провале МОЦР и о роли в этом Опперпуга. Под влиянием контактов, которые у него и Ю. А. Артамонова были с польским Генштабом, его интерпретация поведения Опперпуга не могла не быть безапелляционно-негативной. «Финско-польский» субстрат заметки в версии, появившейся в *Сегодня*, был, по-видимому, дополнен штрихами, восходившими к консультациям А. К. Рудина, человека, лично знавшего Опперпуга в период, о котором в ней шла речь. Ныне, спустя шесть лет, Рудин смог взять реванш за унижения, пережитые в 1921 году.

⁵⁸ И. Савин, женатый на сестре одного из членов кутеповской дружины, Сергея Соловьева, скончался 12 июля, спустя несколько недель после описываемых событий. См. о нем: Петр Пильский, «Иван Савин», *Сегодня*, 1927, №155, 16 июля, с. 2; Л. <Л. И. Львов(?)>, «Ив. Савин <некролог>», *Возрождение*, 1927, 19 июля, с. 3; Виктор Ларионов, «Памяти поэта-воина. Некролог», *Возрождение*, 1927, 28 июля, с. 3; Ив. Бунин, «Наш поэт», *Возрождение*, 1927, 4 августа, с. 3.

Не ограничиваясь первоначальной заметкой о появлении Опперпута, *Сегодня* решила поместить дополнительные сведения о бежавшем чекисте. Так, в газете 12 и 13 мая появились без подписи статьи, подробно освещавшие «савинковский» период карьеры Опперпута. Они принадлежали перу Рудина, и в них он выдвигал свою, «альтернативную» версию событий, острием своим повернутую против брошюры Селянинова. Автор так объяснял написание этих статей:

На днях снова всплыло на поверхность имя советского Азефа — крупного провокатора Э. Штауница-Опперпута. Говорим «снова» — ибо если недавно раскрытый Штауниц и Опперпут — одно и то же лицо, то провокационная деятельность его была уже известна и в свое время нашла документальное подтверждение в изданной советским правительством книге под заглавием «Советская Россия и Польша» (изд. 1920 г.)⁵⁹ и берлинской брошюре самого Опперпута «Народный Союз Защиты Родины и Свободы», изданной, кажется, в 1922 году⁶⁰.

Указанные брошюры, однако, носят характер свидетельства лишь одной стороны — советского правительства и самого Опперпута, вынужденного для обрисовки антисоветской деятельности Савинкова разоблачить самого себя. Многие из изложенных в них фактов — искажены, и оба документа полны самых лживых выпадов и утверждений. Вполне своевременно поэтому будет привести несколько данных, которые помогут вскрыть истинное лицо Опперпута-Штауница.

Статья рассказывала о четырех визитах Опперпута в Польшу.

Зимой 1921 г. в момент возобновления революционной деятельности Савинкова на территории Польши, откуда он путем связи с повстанческими, т.н. «зелеными» организациями надеялся поднять восстание в Советской России, в одно из официальных учреждений Варшавы был доставлен с советской границы человек, упорно добивавшийся свидания с Савинковым. Человек, назвав себя Павлом Ивановичем Спекторским, заявлял, что он имеет поручения от антисоветских организаций России лично к Б. В. Савинкову, никому другому их не передаст, и в доказательство правдивости своих утверждений предъявлял какие-то письма и полномочия.

Ему удалось завоевать доверие близких к Савинкову лиц, и свидание с Савинковым он получил. Настойчивое желание Спекторского вернуться в Россию обратно с полномочиями Русского Политического Комитета наводило на подозрение, поэтому он должен был явиться через некоторое время с подтверждениями известных Савинкову лиц. Вернувшись в точно назначенный срок, Спектор-

⁵⁹ На самом деле она вышла в сентябре 1921 г.

⁶⁰ Вышла в ноябре 1921 г.

ский привез с собой ряд проектов развития политической антисоветской организации. Один из этих проектов был принят Савинковым и положен в основу НСЗРС. Третий визит в Польшу Спекторский совершил в апреле под именем Селянинова-Оперпуга, привезя с собой акт образования Западного областного комитета НСЗРС. Поскольку он создал целую сеть подпольных организаций, Савинков включил его в Центральный Комитет. Статья также касалась большого вопроса о продаже секретных сведений иностранным разведкам, получившего заметное место в советской пропаганде против Савинкова:

Для развития деятельности нужны были средства. У Савинкова их не было. Тут-то Селяниновым и был поставлен вопрос о продаже советских военных тайн одной великой державе. Посредником между последним и Селяниновым и явился Савинков. Достоверно известно, что все вырученные этим путем средства были переданы Селянинову, и последний снова уехал в Россию, увезя с собою большое количество литературы. Был налажен целый аппарат регулярного получения информационных материалов, и в течение целого месяца, вплоть до четвертого приезда Селянинова, таковые точно доставлялись в назначенное место⁶¹.

В рассказе Рудина о последнем визите Селянинова в Варшаву бросается в глаза намерение дезавуировать выдвинутые последним в его брошюре обвинения савинковского руководства в провале организации Западной области:

По соглашению с Савинковым Оперпуг-Селянинов должен был приехать в Варшаву в мае 1921 г. В этот четвертый по счету приезд он явился несколько ранее намеченного дня, пренебрегши теми обычными мерами предосторожности, которые принимались им раньше для обеспечения тайны перехода границы. В Варшаве он держал себя совершенно свободно, открыто делал визиты официальным лицам и, по-видимому, считал себя здесь в полной безопасности. А между тем советское полпредство помещалось в двух шагах от штаба Савинкова, и было известно, что все действия последнего наблюдаются большевиками. Это пренебрежение конспирацией доходило до того, что Селянинов, имея при себе советскую «буденновку», надевал ее несколько раз в помещениях Савинковского штаба.

В этот свой приезд он обратился с просьбой переправить через одного из офицеров, направлявшегося в Эстонию, несколько писем и кое-какие сувениры своим родственникам в Латвии. Офицер этот вещи

⁶¹ <А. Рудин>, «Из прошлого сов. провокатора Штауниц-Оперпуга (сообщение “Сегодня”», *Сегодня*, 1927, 12 мая, с. 2.

взял, но дошли ли они по назначению, осталось неизвестным, так как, попавши на советскую территорию, он на обратном пути был захвачен большевиками и расстрелян.

В дальнейшем удалось установить настоящую фамилию Селянинова. Он оказался Александром Отговичем Уппенинс, латышом из окрестностей Режицы.

В опровержение свидетельств Опперпута в брошюре 1921 года о причастности польского Генштаба к диверсионно-террористической деятельности против советской власти Рудин выдвинул свою версию случившегося. Он сообщил, что Уппенинс носился с какими-то проектами организации террористических актов и для обеспечения необходимых средств получил в одном учреждении⁶² разрешение на приобретение наркотиков. Этот документ он использовал впоследствии для доказательства того, что русские антисоветские организации в своих планах имели намерение заняться массовым отравлением красноармейцев.

В рассказе Рудина снова промелькнул эпизод, упомянутый им год назад в статье о Савинкове, а именно попытка Опперпута подговорить его отправиться с ним на советскую территорию:

Одному из офицеров Савинковской организации Уппенинс предлагал поехать с ним, причем гарантировал полную безопасность на территории России. Только по случайным причинам эта поездка не состоялась⁶³.

Статья заканчивалась отчетом о решении созвать в Варшаве к 15 июня 1921 года съезд представителей всех отделений Народного Союза в России. Но в день открытия съезда пришло сообщение об аресте Селянинова по дороге на съезд и его заключении в минском ЧК. После этого никаких сведений об Уппенинсе к Савинкову не поступало. И лишь в августе 1921 года, когда в советской прессе появились извещения о массовых арестах и казнях савинковцев в Смоленске, Гомеле, Минске, стало ясно, что имело место предательство Уппенинса. Полным подтверждением этого стала его брошюра 1922 года. Конец второй статьи гласил:

Ныне этот герой снова оказался впутанным в аналогичную историю и совершил очередное предательство ряда монархических организаций⁶⁴.

⁶² Это был польский Генштаб.

⁶³ «Сов. провокатор Штауниц-Опперпут — это в действительности Уппенинс. (сообщение “Сегодня”», *Сегодня*, 1927, 13 мая, с. 4.

⁶⁴ Там же.

В свое время, осенью 1921 года, брошюра Селянинова-Опперпута прошла без рецензий и критического разбора в прессе. Статьи, напечатанные в *Сегодня* 12—13 мая 1927 года, как бы восполняли этот пробел. Они не сообщали каких бы то ни было новых фактов, просто противопоставив данной в брошюре интерпретации событий другую, альтернативную, направленную на констатацию провокаторской пододелки всей деятельности Опперпута.

В освещение бегства Опперпута *Сегодня* вступило на несколько дней позже *Последних Новостей*, но оказалось поглощенным им глубже, чем любая другая газета русского Зарубежья. Нигде не было отведено ему так много места, как в этой рижской газете. 17 мая она отдала целый подвал письму Опперпута в редакцию, отвечавшему на первоначальную заметку, появившуюся в Париже и Риге 5 и 9 мая. Приводим целиком редакционную преамбулу и текст этого письма:

Недавно в «Сегодня» опубликованы были данные о крупном советском провокаторе Эдуарде Опперпуте.

Вчера нами из Гельсингфорса получено было письмо от Эдуарда Опперпута, текст которого приводим ниже.

В общем Опперпут не опровергает появившихся в «Сегодня» разоблачений. Значительная часть письма Опперпута вызывает явное недоумение. Все же считаем нужным опубликовать полностью это письмо как материал для характеристики разрушительной работы ГПУ за границей. Что же касается оценки деятельности советского провокатора Опперпута-Селянинова-Упенинса, то мы к ней еще вернемся, когда в печати появятся обещанные им разоблачения.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

М. Г. г. редактор!

Ввиду появления в вашей газете от 9 мая с. г. статьи «Советский Азеф» прошу не отказать предоставить место на стран. «Сегодня» нижеследующим разъяснениям:

Ночью 13 апреля я, Эдуард Опперпут, проживающий в Москве с марта 1922 года под фамилией Стаунитц и состоявший с того же времени секретным сотрудником Контр-разведывательного отдела ОГПУ (КРООГПУ), бежал из России, чтобы своими разоблачениями раскрыть всю систему работы ГПУ и тем принести посильную пользу Русскому Делу.

Чтобы доказать, что мой побег и выступление против моих вчерашних хозяев явились логическим выводом из цепи предшествовавших событий, потребовалось бы слишком много места и времени. На этом вопросе я остановлюсь когда-нибудь в будущем. Мы все видали случаи, когда без видимых внешних причин выздоравливали безнадежно больные. Допустите, что и сейчас имел место такой случай. Это будет проще, понятнее и легче.

Немедленно по прибытии на иностранную территорию я не только открыл свое прошлое, но в тот же день установил связь с соответствующими представителями ряда иностранных государств, чтобы раскрыть им работу ГПУ и заручиться их поддержкой для разгрома его агентуры. ГПУ тотчас изъявило согласие на уплату мне единовременно 125,000 рублей золотом и пенсии 1000 руб. в месяц при условии, что я к разоблачениям не приступлю. Я дал на это мнимое согласие, дав гарантии и соответствующим лицам, что все переведенные суммы будут мною передаваться организациям, ведущим активную борьбу с советским правительством. Двумя телеграммами ГПУ подтвердило высылку денег нарочным, однако они мне доставлены не были, и полагаю, что причиной этому были поступившие в ГПУ сообщения, что главные разоблачения мною уже сделаны.

Возвращаясь к статье «Советский Азеф», ввожу в нее некоторые коррективы.

1) После побега из СССР я нигде задержан не был, ибо сам явился к соответствующим властям.

2) Никогда получить визу в Англию я не пытался и на предложение разных лиц устроить мне возможность проезда в Западную Европу пока отвечал отказом.

3) К моменту слушания дела Бориса Савинкова полк. Гнилорыбов уже был расстрелян ГПУ, а я на процессе не присутствовал вовсе, что могут подтвердить допущенные на процесс иностранные корреспонденты и в чем можно убедиться, просмотрев опубликованный стенографический отчет о процессе Бориса Савинкова. Да и какие вообще нужны были показания против Б. Савинкова, когда он сам «каялся» во всех своих прегрешениях против советской власти. К поимке Савинкова я также никакого отношения не имел и об ней узнал в день суда над Савинковым⁶⁵. Но этот вопрос уже достаточно ясно освещался в прессе, и все детали этого дела известны близким к Борису Савинкову лицам, у коих остался его архив.

4) Выдавать в 1921 году савинковскую организацию я не мог уже по одному тому, что до моего ареста уже были арестованы все ответственные работники Западной Областной Организации и сам я попал в засаду на явочной квартире областного комитета. Мне фактически только пришлось подтвердить те данные, которые об организации уже имелись у ВЧК. Я не отрицаю, что тоже каялся в своих прегрешениях перед советской властью, но разве это не участь всех попавших в ГПУ, разве по этому пути не были вынуждены пойти: старый террорист Борис Савинков, ген. Тютюник, проф. Таганцев, профессора Киевского Центра Действия, вождь партизанов Юга России Крук, вожди нацио-

⁶⁵ Показания Оперпуга, Гнилорыбова, Сергея Павловского и Росселевича мимоходом упомянуты в Обвинительном заключении по делу Бориса Савинкова. См.: *Процесс Бориса Савинкова* (Берлин: издание журнала «Русское Эхо», 1924), с. 15; *Дело Бориса Савинкова*. Со статьей Б. Савинкова «Почему я признал советскую власть» (Москва: Гос. издательство, 1924), с. 16.

нального центра и т. д. Не было еще человека, котор. ВЧК и ГПУ не заставили бы «исповедываться и каяться», если они этого хотели. Для этого средств у них более чем достаточно. Поэтому не бросайте камнями в нас, а обратите их против тех, кто вынудили нас к этому. Спокойным и более чутким отношением к бежавшим из советского рая вы только поможете вскрыть все язвы советского строя.

5) Под фамилией или кличкой Савельева я никогда не выступал и в состав Таганцевской группы не мог входить уже по одному тому, что, начиная с 1917 года по июль месяц 1923 года, я ни разу в Петербурге не был. Будучи в 1921 г. переведен из Внутренней тюрьмы в ВЧК в Петербург, я неизменно пребывал в заключении в доме предварительного заключения (ДПЗ) на Гороховой.

6) По той же самой причине я не мог быть в 1918 году в Кронштадте, служить там в ВЧК и расстреливать офицеров.

7) «В парижских салонах николаевцев» я не мог быть вхож, поскольку ни разу в жизни в Париже не был и начиная с 1922 года пределы СССР не покидал.

8) По этой же причине я не мог вести переговоры «со штабом одной страны о доставке в Россию оружия для готовящегося восстания».

По всем вышеперечисленным пунктам, лицам, которые это потребуют, будут указаны пути проверки моих разъяснений у лиц или учреждений достаточно авторитетных.

В свое время мною было передано разъяснение местным газетам, что сообщения ГПУ о раскрытии в Москве крупной монархической организации гнусная ложь (напечатано в гельсингфорских газетах за 24—26 апреля) и имеет целью опорочить должностные появиться мои разоблачения. В данном сообщении я указывал, что «раскрытая» организация является характерной легендой (мнимой антисоветской организацией) контрразведывательного отдела ОГПУ (КРООГПУ). Была создана она в январе 1922 года ответственным, штатным сотрудником КРООГПУ Кияковским и возглавлялась:

1) Помощником начальника КРО ГПУ Владимиром Андреевичем Стырем, под фамилиями Васильев, Владимиров и Козлов.

2) Начальником англо-саксонского отделения КРООГПУ Виктором Станиславовичем Кияковским. Настоящая его фамилия Стецкевич, и в прошлом он польский офицер. В рижском и гельсингфорском полпредствах, руководя работой ГПУ на Прибалтийские страны, он же служил под фамилией Косинского. При похищении и аресте эстонского посланника, Адо Бирка, Кияковский фигурировал под видом сотрудника НКВД Петровского.

В «раскрытой» организации действовал под фамилиями Колесников, Смирнов и др.

3) Секретным сотрудником КРООГПУ, заведывающим отделом Главлита (начальник военной цензуры), братом известной чекистки Рославцевой, Александром Алексеевичем Ланговым. В легенде фигурировал в роли евразийца Денисова.

4) Секретным сотрудником КРООГПУ бывшим секретарем Обовленческого Священного Синода Новиковым. В легенде фигурировал как протоиерей, «отец Александр».

5) Секретной сотрудницей КРООГПУ сестрой жены упомянутого выше Стырне, Марией Ивановной Кокушкиной и т. д.

Количество секретных сотрудников данной легенды превышает 50 человек. Среди них несколько бывших генералов, полковников, видных политических и общественных деятелей. Их фамилии, адреса, клички по ГПУ и легенде будут своевременно опубликованы. Основное назначение данной легенды было ввести в заблуждение иностранные штабы, вести борьбу с иностранным шпионажем и направлять деятельность зарубежных антисоветских организаций в желательное для ГПУ русло. *Подобные легенды существуют по всем оттенкам политической мысли.* На такие легенды в свое время были заманены в Россию ген. Тютюник, Борис Савинков и десятки других лиц.

Благодаря легендам настолько значительные суммы из ассигнованных штабами на разведку попадали в ГПУ, что таковые не только дали возможность существовать КРООГПУ на хозяйственных началах, но и уделять некоторые суммы дезинформационному бюро Разведупра, которое фабриковало передаваемые иностранным штабам военные, политические и экономические осведомительного характера материалы.

Помимо этого, в некоторых иностранных штабах и дипломатических миссиях, среди ответственных работников, оказались секретные сотрудники ГПУ, а другие, еще более ответственные лица, оказались сильно скомпрометированными работой, помимо своего ведома, на ГПУ, что крайне затруднило ход следствия, чем и объясняется, что я по сие время не приступил к широкому оглашению в прессе своих разоблачений, ибо преждевременное их оглашение могло бы дать результаты совершенно противоположные тем, к которым я стремлюсь.

В настоящее время свыше 40 линий КРООГПУ находятся под угрозой провала, и мною будет освещена вся система провокации ГПУ, коей опутаны все слои населения России и зарубежные антисоветские центры.

Неудивительно, что при таком положении вещей ГПУ беснуется и идет на любые меры, чтобы опорочить или уничтожить меня. ГПУ не хочет допустить возникновения прецедента, что изменивший ему сотрудник может уцелеть. Поэтому призываю прессу, особенно русскую, к величайшему спокойствию и хладнокровию. Пуская различными путями в зарубежную прессу порочащие меня сведения, из которых часть верных, часть выдуманных, ГПУ пытается затравить меня и вывести в расход чужими руками и создать вокруг меня условия, которые сделали бы мое существование немислимым. Избегайте несвоевременно поднятой против меня травлей творить дело ГПУ. Я прошу терпения только на весьма короткий срок. Часть разоблачений уже мною передана в надежные руки и, лишь только это позволит обстановка, они появятся и в русской прессе. Туда же мною будут отсылаться и последующие разоблачения.

Все журналисты, поместившие сведения о раскрытии в Москве монархической организации и разоблачения моей деятельности, прошу не отказать в любезности перепечатать настоящее письмо.

Примите уверения и пр.

Эдуард Опперпут.

Гельсингфорс, 13 мая 1927 г.⁶⁶

Письмо значительно не только тем, что его автор оглашает, но и тем, о чём он избегает упоминать. Так, например, ни слова не говорится о Якушеве (Федорове) и Потапове (Волкове), лицах, известных верхам эмиграции на Западе. Не спешит Опперпут выдать и то, что ему известно о гибели Рейли. Вообще же содержание письма сводится к разоблачениям Контрразведывательного отдела ОГПУ и «Трест» как таковой не затрагивает.

Из всех органов русского Зарубежья Опперпут выбрал для ответа *Сегодня* по соображениям географической близости при необходимости в срочном опровержении и потому, что имел прямой контакт с представителем газеты в Гельсингфорсе И. И. Савиным, а также, в особенности, потому, что в *Сегодня* заметка появилась в наиболее резком варианте. Письмо его в очень осторожной форме было резюмировано в *Возрождении*:

В рижской газете «Сегодня» от 17 мая напечатаны помеченные «Гельсингфорс 13-го мая» разъяснения Эдуарда Опперпута-Стауница по поводу появившихся в этой газете разоблачений о раскрытой якобы в Москве «монархической организации». Опперпут-Стауниц, которого обвиняли в предательстве и провокации, выступает с контр-разоблачением против контр-разведывательного отдела ОГПУ (КРО ОГПУ), которое путем сложной системы провокации вводило систематически в заблуждение иностранные штабы, вело борьбу с иностранным шпионажем и направляло деятельность зарубежных антисоветских организаций в желательное для ГПУ русло. Опперпут обещает разоблачения относительно 40 линий КРО ОГПУ, которые будто бы им поставлены «под угрозу провала». «Мною, — пишет он, — будет освещена вся система провокации ГПУ, коей опутаны все слои населения России и зарубежные антисоветские центры».

Мы регистрируем письмо Опперпута-Стауница как документ и выражаем надежду, что на темные и запутанные дела, которых касаются

⁶⁶ Эдуард Опперпут, «Агент ГПУ Опперпут-Стауниц приступает к разоблачениям», *Сегодня*, 1927, №109, 17 мая, с. 2. См. также: Н. Чебышев, «Трест. История одной “легенды”», *Возрождение*, 1935, 16 августа, с. 2; Святослав Рыбас. *Генерал Кутепов* (Москва: Олма-Пресс, 2000), с. 275—276.

эти не поддающиеся сейчас оценке сенсационные разоблачения, будет так или иначе вскоре пролит свет⁶⁷.

Более подробное изложение поместила варшавская газета *За Свободу!* И здесь внимание переключалось со старых грехов Опперпута на содержание новых его разоблачений⁶⁸.

Берлинский *Руль* пространное изложение письма Опперпута в *Сегодня* сопроводил следующим «беспощадным» заключением:

Сам по себе Опертут-Стауниц⁶⁹ не представляет, однако, большого интереса, но его письмо может послужить отличным комментарием к высказанным вчера соображениям о провокации, которую советская власть усматривает в лондонском инциденте с Аркосом. Несомненно, конечно, что Опертут-Стауниц не представляет случайного исключения, что такими Опертутами переполнено и кишит ОГПУ. Очевидно, такие субъекты на все способны и ко всему готовы, а с другой стороны, ясно, что при той склоке, которая раздирает верхушку партии, найдется немало охотников, которые и способны, и готовы заплатить 125.000 одновременно и 1.000 рубл. пенсии. Поскольку же это так, постолько остальное само собою понятно, постолько вообще ничего удивлять нас не должно⁷⁰.

Посылая свое первое открытое письмо, Опперпут еще не знал о помещении в *Сегодня* двух анонимных статей, подробно освещавших его савинковское прошлое 1921 года. По прочтении первой из них он сразу направил новое, более пространное, письмо в газету:

Милостивый г.г. редактор!

Ввиду появления в вашей газете от 12 мая нового сообщения о моей прошлой деятельности я вынужден еще раз беспокоить вас просьбой поместить на страницах «Сегодня» мои разъяснения.

1. Во время моего пребывания в Польше мне, по всем понятным соображениям, были выданы документы не на мою настоящую фамилию, а на имя Павла Ивановича Спекторского, хотя моя настоящая фамилия, Опперпут, и точная биография были известны не только Борису Савинкову, но и соответствующим польским властям.

2. Антисоветская организация, которую я в то время возглавлял и которая именовалась «Союзом Возрождения России», была переиме-

⁶⁷ «Агент ГПУ разоблачает его провокацию», *Возрождение*, 1927, 20 мая, с. 1; ср.: «Агент Опперпут-Стауниц приступает к разоблачениям», *Русское Время* (Париж), 1927, 25 мая, с. 3.

⁶⁸ «Разоблачения Оперпуга-Селянинова-Стауница», *За Свободу*, 1927, 20 мая, с. 1.

⁶⁹ В такой искаженной форме имя приводится в данной заметке.

⁷⁰ Скептик <И. В. Гессен (?)>, «Советский Азесф», *Руль*, 1927, 19 мая, с. 2.

нована в «Народный Союз Защиты Родины и Свободы» во время *первого* моего пребывания в Варшаве, и тогда же мне была присвоена кличка по организации «Селянинов». Связь с одной великой державой также была установлена во время моего первого приезда в Польшу, и тогда же были напечатаны прокламации.

3. Во время моего второго приезда я дальше нейтральной зоны не выезжал и в Варшаве не был вовсе. Никаких дополнительных доказательств моего участия в антисоветской работе Б. Савинков от меня не требовал, и я не представлял.

4. Литература мною была доставлена в Гомель и по случайным, совершенно от меня не зависящим обстоятельствам, распространена не так, как это было намечено, т. е. слишком много литературы получило распространение в самом Гомеле, что повлекло за собой объявление Гомеля на осадном положении. Через три дня в связи с этим был созван съезд органов ВЧК гомельского и могилевского районов при особом отделе 16 армии в Могилеве. В ответ на это нами в день съезда было распространено в г. Могилеве и районе 15—20.000 экз. прокламаций.

Обращаясь к брошюре «Народный Союз Защиты Родины и Свободы», я отмечаю сейчас, что внешний ход событий в основном в ней изложен правильно. Но в то же время на проводимые в книге политические тенденции прошу смотреть через решетку Внутренней тюрьмы ВЧК, где писалась брошюра.

В 1922 году, когда после моего провала и ареста стало известно, что я «каюсь» в своих выступлениях против Советской власти, Борис Савинков вкуче с г. Философовым и ген. Эльвенгреном заклеили меня провокатором и предателем, действовавшим по предварительному сговору с советским правительством.

Прошел очень короткий срок. Борис Савинков оказался в моем положении, то есть в когтях ГПУ, и аналогично мне «каялся» в своих грехах перед советской властью и призывал к прекращению борьбы против нее... И оставшиеся за рубежом опять же г. Философов, ген. Эльвенгрэн и даже брат Б. В. Савинкова отказывались от него и бросали обвинения в предварительном сговоре с ГПУ.

Бориса Савинкова уже нет в живых. Нервы не выдержали, и он покончил самоубийством. На это силы воли хватило, а чтобы удержаться от «покаяний», ее оказалось мало.

А ген. Эльвенгрэн? Уже больше полгода он тайно содержится во Внутренней тюрьме ГПУ. Он тоже во всем покаялся. Но его «показаний» публиковать боятся, ибо он сейчас финляндский подданный. А вдруг Финляндия потребует его обмена или выдачи, и тогда обнаружится, что он уже сумасшедший. После этого советскому правительству смогут задать нескромный вопрос, почему он сошел с ума.

Я не уклоняюсь от общественного суда, но пусть меня судят те, кто побывает в ВЧК на положении подследственных контр-революционеров. Я подчеркиваю, контр-революционеров, ибо большая разница между тем, как обращаются в ГПУ с социалистами и контр-революционерами.

Кто был в Москве во время эсеровского процесса, тот видел столичные толпы советских служащих, состоящих из инженеров, профессоров, офицеров, чиновников, которые «приходили» к Дому Союзов, где слушался процесс, и «единогласно» требовали смертной казни для подсудимых. Вдумайтесь в ужас этого и не судите строго тех, кто каялся во Внутренней тюрьме ГПУ и даже стал секретным сотрудником советской контр-разведки.

Примите уверения и проч.

Эдуард Опперпут.

Гельсингфорс.

К письму редакция сделала следующую приписку:

От редакции.

Новое письмо агента ГПУ Э. Опперпута мы печатаем без всяких сокращений, как ценный материал, относящийся к печально закончившейся деятельности савинковских организаций, но все же считаем необходимым отметить, что новые факты, сообщаемые Опперпуттом, оставляют целый ряд недоуменных вопросов. Основной факт, сообщенный в «Сегодня», что вся деятельность Народного Союза Защиты Родины и Свободы была раскрыта после ареста Опперпута и на основании его показаний, остается непровергнутым. Десятки расстрелянных в советских тюрьмах и подвалах ВЧК не могут служить оправданием предательства и хотя бы искупаемого раскаяния.

К подробной оценке заявлений Опперпута мы вернемся, когда он даст в печати обещанные полные и исчерпывающие разоблачения деятельности ГПУ и его многочисленных агентов⁷¹.

Учитывая, что данное письмо Опперпута было послано в ответ на первую из двух анонимных статей, помещенную 12 мая, до того как он ознакомился со второй статьей, упрек редакции был, разумеется, неоправданным. Но здесь важно указание на «обещанные полные и исчерпывающие разоблачения деятельности ГПУ» — *Сегодня* явно рассчитывало на получение и публикацию этих сенсационных материалов. Степень их сенсационности была ясна хотя бы из того, что в опперпутовском письме впервые оглашалось то, что до тех пор было совершенно никому не известным, — факт нахождения Эльвенгрена в советской тюрьме и его сумасшествие, вызванное, как намекнул автор, пытками. Отдавая себе отчет в скандальном международном политическом значении своего сообщения, он не только видел в нем путь к облегчению участи заключенного, но и

⁷¹ «Новое заявление агента ГПУ Э. Опперпута. (Письмо в редакцию)», *Сегодня*, 1927, 20 мая, с. 4.

стремился, по-видимому, загладить собственную вину — отзывы об Эльвенгене в брошюре 1921 года.

Между тем и самому Опперпуту, и жадным до сенсации газетам пришлось столкнуться с тем, что плотная завеса секретности не только не рассеивалась, но и, наоборот, сгущалась с каждым новым публичным разоблачением. Каковы бы ни были толкования происшедшего, эта атмосфера парализовала полемику, вынуждая все стороны тщательно дозировать оглашение тех или иных сведений. В особенно трудном положении находился Опперпут, поставленный в оборонительную позицию под перекрестным огнем дезинформации ГПУ, противников, поминавших ему савинковскую историю, и скептиков, видевших в каждом его шаге тщательно прочитанную провокацию большевиков.

В первую очередь ему приходилось освободить от гипертрофированных наслоений савинковский эпизод. В своей мемуарной книге вдова С. Г. Рейли Пепита Бобадиля приводит письмо М. В. Захарченко-Шульц, написанное в те дни из Гельсингфорса⁷². Рассказав подруге о драматических событиях последних недель и поведав ей правду о гибели Рейли, только что впервые услышанную от Опперпута, М. В. Захарченко вставила в письмо и просьбу: «Прошу только об одном: сообщите мне о человеке, которого зовут Александром Опперпутом. Какую роль он играл в савинковской истории?» — надеясь получить новые детали, которые адресат мог узнать от Сиднея Рейли. Но, очевидно, Пепита не была посвящена в ту историю и ей нечего было сообщить, кроме разве что повторения вслед за газетами общих обвинений Опперпута в провокаторстве. Интересен поэтому ответ М. Захарченко, посланный 25 мая:

Дорогая Пепита!

Только что получила Ваше письмо, в котором Вы сообщаете о всех прошлых мерзостях человека, присоединившегося к нам. Я знаю все это из его собственных уст — он ничего не скрыл. Он подтверждает многое. Он говорит, что был вынужден под пыткой выдать все, что знал, когда его арестовали в 1921 году, но уверяет, что прежде никогда не был провокатором. Правду ли он говорит, я не знаю. Но теперь он как будто ведет себя искренно, полностью все разоблачает, помогает

⁷² См.: *Britain's Master Spy: The Adventures of Sidney Reilly. A Narrative Written by Himself. Edited and Completed by His Wife* (New York and London: Harper & Brothers, 1933, p. 260—261; П. Бобадиля, «Приключения Сиднея Рейли», в кн.: Робин Брюс Локкарт. *Сидней Рейли. Шпион-легенда XX века* (Москва: Центрполиграф, 2001), с. 319—320.

иностранным представителям разбираться в провокационной работе и спасать своих агентов, одним словом, деятельно разрушает всю работу, которую ГПУ вело в течение пяти лет.

Конечно, все прошлое говорит против него. Вся моя душа возмущается против него. Но когда я подумаю о том, что один из многих тысяч посмел восстать против всемогущества ЧК, нашел в себе силы сбросить величайшее бремя, я чувствую, что подло отворачиваться от него и отказывать ему в помощи в такую минуту. Борьбаться с врагом можно тогда, когда он крепок и силен, а не тогда, когда он сам отдается вам в руки.

Оправдывать его, конечно, я не собираюсь, об отвратительном прошлом также не хочу говорить, но твердо считаю, что мы должны ему помочь реабилитироваться и искупить прошлое своей собственной кровью или кровью своих недавних хозяев. Он говорит, что такова его собственная цель, и я собираюсь его испытать. Если я снова ошибусь, тем хуже для меня. Но если я права, то мы в нашем деле получили неопценимого помощника, знающего наших врагов лучше всех нас.

Можно ли с уверенностью сказать, что он продолжает вести двойную игру? Если же он искренен, то он такая же жертва, как мы все.

Не спрашивайте меня пока о моих планах. Забудьте все, что я писала раньше по этому поводу, и никому ничего не говорите. Я надеюсь, что мы скоро увидимся и тогда поговорим.

Прошлое Отперпуга не должно мешать нам пользоваться его информацией, как мы считаем нужным. Я считаю, что мы должны широко разоблачить подлые приемы, которыми большевики провоцируют честных людей...⁷³

За неделю до этого на новости и слухи об Отперпуге откликнулся находившийся в Англии евразиец П. С. Арапов. Он писал П. Н. Врангелю:

Дорогой дядя Петр,

Только что получил письмо от Николая Михайловича <Котляревского> с просьбой написать тебе по поводу последних событий. Я думаю в конце будущей недели ехать на континент и, узнавши, что ты вернулся в Брюссель, решил свернуть дня на два к тебе, чтоб подробно тебе о всем рассказать и поговорить еще об одном деле. Все это предпочитаю делать устно, а не по почте *по ряду соображений*. Пока что ограничиваюсь самыми общими данными. Причины, вызвавшие события, до сих пор еще очень таинственны. Но, во всяком случае, они окончательно и *всцело* подтвердили все наши и, в частности, твои предположения относительно характера всей организации «треста». Касаткин, фамилия которого упоминается в газетах, не один. Ожидаем с напряжением и интересом дальнейшего развертывания событий. По нашему мнению, «провал» отчасти — инсценирован, что называется, «une fausé

⁷³ Цит. по кн.: Робин Брюс Локкарт. *Сидней Рейли. Шпион-легенда XX века*, с. 321—322; ср.: *Britain's Master Spy: The Adventures of Sidney Reilly*, p. 263—264.

sortie». Во всяком случае, удар нанесен главным образом по «Моллюкс» <Кутепову> и его работе. У нас есть все данные, что мы от этого только выиграем. О всем этом подробно с тобой переговорю. Прости, что так задержался с деньгами — привезу их с собой, чтобы не пересылать⁷⁴.

Не совсем ясно, кто это «мы», от имени которых говорит Арапов. Скорее всего, речь идет о реакции «евразийцев» и их попытке укрепить свои позиции (в том числе и в глазах Врангеля) за счет провала «монархического» «Треста»⁷⁵. Не очень понятен и намек на то, что Касаткин (Опперпут) «не один». Можно думать, что это значит: он — не единственный, кто оказался в «Тресте» провокатором. К этому времени Арапов, конечно, еще не получил номер *Сегодня* за 17 мая со статьей Опперпута, где доказывалось, что «Трест» целиком опутан сетью провокаторов, и где приведен был длинный список чекистов, состоящих в организации, включая лидера евразийцев А. А. Лангового. Остается поэтому гадать, не относится ли «не один» к спутнице Опперпута, М. В. Захарченко-Шульц, и не содержится ли здесь, таким образом, намек на то, что и она, совершив побег с Опперпутом, выполняет задание ГПУ.

В. В. Шульгин узнал о провале «Треста» — в версии Потапова — в один день с получением письма Кутеповым, 24 апреля⁷⁶. Кутепов, который к тому времени получил от беглецов и другую, отличную от потаповской, картину происшедшего, посоветовал Шульгину пока не высказываться публично о необходимости пересмотра писателем своей оценки путешествия в СССР и выводов из него, изложенных в *Трех столицах*. Ведь одно допущение, что поездка была сплошной инсценировкой ГПУ, придавала восторженному заключению автора о том, что Россия воскресает, гротескный оттенок. Совершенным конфузом оборачивались и монологи «контрабандистов», поскольку сейчас становилось невозможным отделить подлинную политическую программу руководства «Треста», столь рья-

⁷⁴ Письмо П. С. Арапова к Врангелю от 18 мая 1927. Chessington Hall, Chessington, Surrey. Hoover Institution Archives. Vrangell Coll., Box 151, file № 44, л. 366—367 об.

⁷⁵ В записках, которые в те дни писал Опперпут, он, говоря о евразийцах, поездке П. С. Арапова в Москву и А. А. Ланговом, заметил: «Евразийцы тоже не сумели сохранить свою самостоятельность и под давлением Лангового стали сдавать свои ультра-активистические тенденции на положения, продиктованные ГПУ». — Hoover Institution Archives. Nicolaevsky Coll., Box 300, folder 1, л. 11.

⁷⁶ Лев Никулин. *Цит. соч.*, с. 346—347; С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы*, с. 110—111.

но отстаиваемую в книге, от чекистского блефа. Дело усугублялось тем, что Шульгин был более склонен к тому, чтобы принять версию Потапова, позволявшую придерживаться мнения о Якушеве как о светлой личности, чем версию Опперпута, согласно которой организация была не чем другим, как «легендой» ГПУ.

Выжидательно-молчаливым вынужден был быть и главный редактор *Возрождения*. В своем «Дневнике политика» он буквально несколькими скупыми фразами откликнулся на новости, вызвавшие оцепенение в эмигрантской общественной жизни:

Советская печать сообщила об арестах в Москве и других местах каких-то «монархистов», которые якобы лишены всяких связей с какими-либо слоями населения. За этим сообщением вскоре, однако, последовало тоже отмеченное у нас, появившееся в рижском «Сегодня» сенсационное разоблачение бывшего агента ГПУ Стауница-Опперпута о системе и сети провокации внутри России и за границей, созданной ГПУ. Не имея возможности и не желая сейчас судить об этом разоблачении по существу, мы не можем, однако, не оценивать и его как симптом внутреннего разложения полицейской организации советчины⁷⁷.

Принципиальное отличие этого беглого высказывания от большинства тогдашних упоминаний Опперпута другими лицами состоит в эпитете «*бывший* (агент ГПУ)». Оно указывает на несогласие Струве с трактовкой, данной побегу Опперпута в польском Генштабе.

К этому времени Опперпут уже больше месяца провел в работе над письменными показаниями, часть из которых предполагалась им для обнародования, а другая адресовалась Кутепову и членам его боевой организации. По копиям, хранящимся в собрании Гуверовского института⁷⁸, и выдержкам, опубликованным в газете *Сегодня*⁷⁹, мы можем теперь оценить их содержание. В записках подробно освещаются возникновение «Треста» и роль в нем Артузова, Лангового, Стырне, Романа Бирка и др., упоминаются видные чекисты Агранов, Сосновский, Кияковский, рассказывается о попытках

⁷⁷ Петр Струве, «Дневник политика. №170. Советчина крошится», *Возрождение*, 1927, 24 мая, с. 1.

⁷⁸ Hoover Institution Archives. Nicolaevsky Coll., Box 300, folder 1; S.Melgunov Coll., Box 7, folder 41; ср. также: Boris Prianishnikov Coll., Box 5; Wladislaw Michniewicz Coll., Box 2.

⁷⁹ «Опперпут о себе самом (Показания чекиста-провокатора, данные им в Гельсингфорсе после бегства из СССР)», *Сегодня*, 1927, 30 октября, с. 3; 1 ноября, с. 3; 2 ноября, с. 3; 3 ноября, с. 3; Эдуард Опперпут, «Провокация ГПУ в деле Бирка (Показания чекиста-провокатора Опперпута, данные им в Гельсингфорсе после бегства из СССР)», 4 ноября, с. 3, 5 ноября, с. 3.

завербовать эстонского посланника Адо Бирка в сексоты и о расстреле Сиднея Рейли. Общий вывод Опперпута полон пессимизма и содержит аллюзию на Польшу: «Трест свое назначение выполнил блестяще и к настоящему моменту его реноме настолько высоко, что мои выступления с неопровержимыми данными в руках не в состоянии поколебать веру в него целого ряда иностранных штабов, и выйди я в другую страну, я бы сейчас сидел в тюрьме, а процветание Треста продолжалось по-прежнему». Анализ записок приводит к выводу о достоверности и точности Опперпута, в свою очередь свидетельствующих об искренности его перехода на сторону эмиграции. Упрек, что в них содержится мало действительно нового⁸⁰, несостоятелен, если мы сравним их, с одной стороны, с тогдашним уровнем осведомленности на Западе о советских органах безопасности и — с другой — с кругом сведений, который был доступен Опперпуту в его ампула секретного сотрудника в «Тресте»⁸¹.

⁸⁰ Дж. Бэйли обвинил Опперпута, что «за исключением сообщений о конце Сиднея Рейли и разоблачения Якушева и “Треста”, организации, и так к тому времени внушавшей подозрение, — он не назвал ни одного секретного агента за границей и не идентифицировал ни одной из 40 или 50 “линий”, которые, по его словам, контролировали эмиграцию в момент его побега». См.: Geoffrey Bailey. *The Conspirators*, p. 73. (Если верить предположениям читателя — современников Бэйли — Г. П. Струве и С. Л. Войцеховскому, — то под этим именем скрылся потомок русских эмигрантов — выходец из Вильнюса молодой князь Васильчиков.) Н. И. Виноградов возразил, что все писавшие о «Тресте» позднее опирались, по существу, на информацию, обнародованную Опперпутом: «В основе всех рассказов о “Тресте” лежали показания Опперпута, без его свидетельства никто ничего не мог бы написать, что было вполне понятно; откуда бы мы могли получить сведения о чекистской стороне этой провокации, как не от бывшего чекиста-перебежчика? Здесь, естественно, для всех вставал вопрос: рассказывал ли все Опперпуп правдиво или лгал?.. Был ли он тогда провокатором или честно бежавшим из ОГПУ?.. Во всех случаях показания Опперпута требовали строжайшей проверки. И вот у г.г. журналистов, описывающих “Трест” по Опперпуту, происходит полнейший произвол: его показания не подвергались ни малейшей проверке, а из них выбирались те сведения, которые наиболее подходили к детективному рассказу. Одни свидетельства Опперпута произвольно отбрасывались как заведомо ложные, а другие принимались с восторгом за истинные. Причем источник никогда не указывался, а все выдавалось за персональную осведомленность писавшего, как это резко бросалось в глаза в “истории” Р. Враги». — Н. Виноградов, «Из прошлого: о так называемом “Тресте” (по поводу первой части английской книги Д. Бэйли “Заговорщики”», *Переключ-ка*, №126—127, май—июнь 1962, с. 15.

⁸¹ Не менее странен и совершенно иной довод, выдвинутый против опперпутовских разоблачений и состоящий в том, что они, будучи частью провокации ГПУ, имели едва ли не единственной целью дискредитировать эмигрантских вождей в глазах Запада. Такую экстравагантную версию предложила Н. Грант. См.: Natalie Grant, «Deception on a Grand Scale», p. 74.

В показаниях идет речь об организационной структуре ОГПУ, его отделах и их руководителях, его местных отделениях; об охране советских сановников; о секретной агентуре и системе допросов (упоминаются пытки водой и электричеством, допросы Рейли и брата Опперпута, входившего в НКЗРС); приводится список секретных сотрудников ГПУ, известных автору. При общей трезвой оценке перспектив антибольшевистского сопротивления и при понимании, что ни на какую помощь внутри СССР, вследствие отсутствия активности населения, надеяться не приходится, Опперпут указывает пути наиболее эффективного использования диверсионных средств в борьбе, предложив конкретные практические рекомендации. В некоторых исследованиях эти рекомендации (в частности, по применению бактериологического оружия) были истолкованы как маниакальная кровожадность, имеющая чисто провокационную природу и подтверждающая подозрение, что Опперпут и после побега вел двойную игру, исполняя задания ОГПУ. На самом деле у Опперпута не было необходимости цинически подстрекать своих собеседников к террору — ведь еще до его побега они вынашивали террористический акт в Большом театре, употребление ядов и газов и т.п. Рекомендации его составлялись в ответ на «наводящие» вопросы и предположения кутеповского центра. Можно, однако, утверждать, что в этих рекомендациях присутствуют те же черты, которые проявлялись и на более ранних этапах его биографии: склонность к прожектерству, гигантомания, чрезмерная амбициозность. При этом в отличие от лучезарной картины близкого переворота, нарисованной в *Трех столицах* Шульгина, и даже в противоречие с ожиданиями Кутепова, что «террор произведет детонацию», Опперпут не пытался мотивировать борьбу никакими соблазнительными перспективами. Это позднее дало повод некоторым историкам выдвинуть обвинение, что данная Опперпутом пессимистическая в целом оценка шансов на успех в борьбе с ГПУ была на руку советским органам, в чем также выразилась провокаторская цель, с которой он был якобы заброшен на Запад⁸². Этот довод, конечно, никакой критики не выдерживает; он опровергается тем фактом, что, не питая никаких иллюзий относительно шансов на успех, Опперпут не только принял участие в инструктаже членов двух боевых групп, намеченных к отправке в СССР в июне, но и сам вошел в одну из

⁸² Natalie Grant, «Deception on a Grand Scale», p. 69; Christopher Andrew and Oleg Gordievsky. *KGB: The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev* (New York: Harper Collins Publishers, 1990), p. 105.

них. Он составил план диверсионных действий со списком объектов в Москве и Ленинграде, которые были признаны наиболее целесообразными мишенями с точки зрения их уязвимости и политического эффекта нападения на них.

Разоблачения Опперпута, анонсированные им самим в письме в газете *Сегодня*, — в печати тогда, однако, так и не появились. Две газеты — рижское *Сегодня* и парижское *Возрождение* — выразили в них заинтересованность. Но непредвиденные факторы стали препятствием для публикации. Внутренняя цензура заставляла газеты воздерживаться от всего, что в той неустойчивой ситуации могло быть превратно истолковано или воспринято как сознательная клевета. Обличения Опперпута затрагивали не только лиц «по ту сторону» границы, но и учреждения и граждан западных стран; при этом не всегда у него в руках были достаточно сильные доказательства. Так, например, разоблачение им курьера эстонской миссии в Москве Романа Бирка как советского агента не смогло по иску последнего в эстонском суде получить документального подтверждения; газетам, повторившим за Опперпуттом это обвинение, было предписано поместить опровержение. Ныне, однако, окончательно установлено, что он был одной из ключевых фигур советской разведки⁸³. В результате шансы увидеть свои разоблачения в печати были у Опперпута не велики. Но рукопись, посланная им Кутепову в Париж, циркулировала в узком кругу посвященных лиц, и некоторые факты, содержащиеся в ней, стали в течение лета предметом расплывчатых намеков и слухов.

Решение вернуться в СССР для совершения террористических актов, конечно, не могло быть ни первоначальным импульсом, ни исподволь выношенным намерением Опперпута, когда он вместе с М. В. Захарченко и другими кутеповцами бежал из Москвы. Слишком велики были риск и труд, сопряженные с побегом, чтобы допускать возможность обратной «прогулки» спустя несколько недель. Но прием, оказанный беглецам на Западе как тайными службами, так и эмигрантской прессой, практически не оставлял для них никакой альтернативы. Правда о «легенде» ГПУ оказалась никому, за исключением Кутепова, не нужна; хуже того — она навлекала подозрения в том, что является фабрикацией того самого учреждения, которое Опперпут решил разоблачить. На Западе Опперпут оказался «не у дел».

⁸³ Из-за разоблачений Опперпута Бирк был вынужден свою агентурную деятельность в 1927—1930 гг. приостановить. См.: «Роман Бирк», *Очерки истории российской внешней разведки*. Том 2. 1917—1933 годы, с. 131.

Поход в СССР выглядел единственной возможностью и для М. В. Захарченко-Шульц, потрясенной открывшейся ей истиной, что в течение четырех лет она была слепой марионеткой и инструментом дьявольской игры тех самых сил, борьбе с которыми была готова пожертвовать своей жизнью. Жажда мести сделала ее почти невменяемой, и никто не силах был удержать ее от возвращения в Россию. Так в те дни сообщал Кутепов вдове Рейли Пепите Бобадилья.

Но активизация боевых планов, обсуждавшихся на протяжении долгих месяцев и предполагавших засылку добровольцев на советскую территорию, являлась крайней необходимостью и для самого Кутепова, вынужденного оправдывать свою работу, проводившуюся с 1923 года без сколько-нибудь заметных результатов. Атаки на взятый им курс шли не только со стороны органов левой, демократической печати — *Последних Новостей* или *Дней*, представлявших сравнительно узкий сектор эмигрантской общественности, но и — за кулисами — со стороны генерала Врангеля и его окружения. Кутепову угрожало полное прекращение финансирования его военной деятельности, и он стал уже подыскивать для себя место в столярной мастерской⁸⁴, подобно тому как за год до этого пришлось переключиться на гражданскую профессию генералу Врангелю. Вместе с тем международная политическая атмосфера резко накалялась в связи с конфликтом между английским и советским правительствами, выразившемся, в частности, в обыске в помещении Аркоса, в аннулировании в мае 1927 года торгового договора и разрыве дипломатических отношений между Англией и советской Россией. Складывалась ситуация, когда вероятность военного похода против СССР, с таким нетерпением ожидавшегося эмигрантскими массами, казалась очень большой, а падение советской власти — совсем близким. В своих воспоминаниях С. Л. Войцеховский передает содержание своей беседы с Кутеповым в Париже 24—25 апреля 1927 года:

Кутепов рассказал мне в Париже, что во время финляндского свидания представители Треста усиленно расспрашивали его об Англии и об ее отношении к советской власти в России. Возникшее тогда в Великобритании антисоветское настроение их, очевидно, беспокоило. Они прямо спросили Кутепова, считает ли он англо-советскую войну неизбежной. Он ответил утвердительно.

Значительно позже один из первых невозвращенцев — бывший сотрудник центрального комитета советской коммунистической партии Бажанов — сообщил, что в марте 1927 года политбюро получило «по линии О.Г.П.У.» предупреждение о неизбежности войны с Англией⁸⁵.

⁸⁴ Святослав Рыбас. *Цит. соч.*, с. 280.

⁸⁵ С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы*, с. 100.

В свете этих ожиданий уточненные с учетом экспертизы Опперпу-та проекты боевой работы открывали перед Кутеповым новые перспективы.

Согласно материалам судебного процесса, прошедшего в Ленинграде осенью, к концу марта 1927 года, когда М. В. Захарченко-Шульц прибыла на военно-техническое совещание в Финляндию, там организовалась группа молодых лиц, в большинстве своем бывших офицеров, образовавших ядро боевой организации. В эту группу, готовившуюся к переброске на советскую территорию, вошли С. В. Соловьев, В. А. Ларионов, Д. С. Мономахов, Вл. Бастамов, М. Н. Коренев, А. Б. Болмасов (Балмасов), А. А. Сольский и Ю. Петерс (Н. Н. Вознесенский). Оружие для группы добыла М. В. Захарченко-Шульц, пользуясь своими связями с финляндской разведкой. Непосредственное содействие оказывал капитан Розенстрем, начальник разведывательного отдела II финской дивизии. В брошюре, составленной по материалам суда, сообщались детали мартовской встречи в Териоках:

«Совещание» это принимает ряд важных решений, намечает «линию».

Из показаний подсудимых устанавливаются следующие три момента в тактике николаевцев, установленные этим совещанием: 1) так как в ближайшее время предстоит военное выступление держав против СССР (имелся в виду англо-советский разрыв и следующая за ним война антисоветского блока), все монархисты должны принять участие в нем, для чего немедленно организовать активные группы, которые могли бы влиться в армии противников СССР и создать там, может быть, самостоятельные единицы; 2) к моменту выступления держав должно быть приурочено восстание во всех крупных городах Союза, в котором активные монархисты должны принять участие, для чего необходимо перебираться на территорию советских республик с целью организации таких восстаний, и 3) необходимо приступить к активному террору против представителей советской власти, создавая боевые группы для переброски их внутрь страны.

Таким образом, дело ставится на «широкие рельсы», строятся радужные планы, намечаются перспективы, создаются организации — все в надежде на скорую войну и на могучую поддержку Англии.

А по окончании совещания М. В. Захарченко-Шульц организует «смотры» боевых сил⁸⁶.

⁸⁶ Н. Кичасов. *Белогвардейский террор против СССР. По материалам процесса пяти монархистов-террористов* (Москва: Издание Народного Комиссариата по Иностранным Дела, 1928), с. 37—38.

По всей видимости, это было то самое совещание, на которое, наряду с М. В. Захарченко, были делегированы со стороны «Треста» Потапов и Зиновьев вместо Касаткина-Стауница. Во время того визита в Финляндию Кутепов произнес перед боевиками слова: «Как только иностранцы увидят наши успехи, то, несомненно, предложения о помощи посыплются со всех сторон». Кичкасов по этому поводу замечает:

Идея о том, что террористические акты нужны для того, чтобы показать, что что-то делается, чтобы «сыпались деньги», не была новой; она проходит красной нитью через всю работу белогвардейских организаций — как шпионскую, так и террористическую. Она показывает, с одной стороны, что «что-то» делать нужно было для того, чтобы получить средства к существованию, к поддержанию организаций; она показывает, с другой стороны, как толкала международная буржуазия русскую эмиграцию на подобного рода деятельность, как она поддерживала всякое антисоветское движение, как она стимулировала это движение денежными подачками, целиком подчиняя своим целям⁸⁷.

В первую партию агентов Кутепова, намеченную в мае для отправки через границу, должны были войти, наряду с Опперпутом и Захарченко, Ларионов, Соловьев, Мономахов, Петерс, Сольский и Болмасов. Однако «в последний момент Сольский и Болмасов от экспедиции были отставлены по чисто техническим причинам, так как проводники капитана Розенстрема указывали на рискованность переброски большой партии»⁸⁸. В неопубликованных «Записках» Опперпута, предназначенных для Кутепова и содержащих план диверсионной работы и адреса советских учреждений, которые следовало бы подвергнуть нападению, содержится и список ушедших или готовящихся к отправке людей (включая М. В. Захарченко и Г. Н. Радковича) с их конспиративными кличками:

Ринг <Опперпут> — Грачев Петр — Валин Карл
 Шульц М. — Диков Андрей — Becker Olga
 Сольский — Сомов Александр
 Ларионов — Виктор Федор — Вреде Федор
 Мономахов — Лихачев Димитрий — Линбек
 Соловьев — Ломов Сергей — Левашев
 Готовящиеся к отправке (проверьте с Жуковым <Г. Шульцем>)
 Каринский — Тарасов Антон — Тверин

⁸⁷ Там же, с. 38—39.

⁸⁸ Там же, с. 40.

Андреев — Алексеев Кирилл — Асеев
Шульц Г. — Жуков Иван — Беккер Иван⁸⁹.

После перехода границы группа разделилась на две тройки: Опперпут, Захарченко и Петерс отправились в Москву, а Ларионов, Мономахов и Соловьев в Ленинград.

Опперпут был единственным из шести, кто хорошо знал избранные в качестве возможных целей объекты и, будучи в течение ряда лет вхож в эти здания, был знаком с их внутренним распорядком, системой проверки безопасности при входе, расположением комнат и т.д. Но если даже пересечение границы 13 апреля представляло собой неимоверный риск и заставило Захарченко-Шульц и Опперпута прибегнуть к многоэтажным хитростям, чтобы обмануть бдительность Лубянки, то сейчас опасности перехода выглядели неизмеримо большими. По иронии судьбы Опперпут был поставлен в ситуацию, когда он возвращался туда, откуда недавно, казалось бы, спасся; к делу, от которого пытался с помощью побега уклониться; к роли, которую ему прежде навязывало ГПУ, а сейчас предписывали обстоятельства. Отдавая себе отчет в том, что это мог быть его последний контакт с родными в Риге, Опперпут писал им из Гельсингфорса перед самой экспедицией:

Через несколько дней я уйду обратно в Россию. Возможно, что я уже буду убит при переходе границы. Этого я бы не хотел. Дойти до места, сблансировать свои счета с ГПУ, бросить первый камень в усохшее болото, сделать первый удар в набатный колокол, а потом, что Бог даст⁹⁰.

Ощущение обреченности и сознание жертвы, стоявшие за этим решением, создают соответствующий психологический фон, на котором был составлен посланный Опперпутом Кутепову перед самым походом план широкого применения крайних методов — бактериологических средств — в войне против советской власти⁹¹. Этот гран-

⁸⁹ Hoover Institution Archives. Nicolaevsky Coll., Box 300, folder 1; опубли.: Б. Прянишников. *Незримая паутина* (New York, 1979), с. 109—110. Напомним, что Каринский (Коринский) и Шарин (Шорин) были резидентами Кутепова в СССР, по предупреждению Опперпута бежавшими вместе с Г. Н. Радковичем (Шульцем) в апреле в Польшу.

⁹⁰ «Родной брат Опперпута о брате-провокаторе», *Слово* (Рига), 1927, 4 ноября, с. 3.

⁹¹ Hoover Institution Archives, Nicolaevsky Coll., Box 300, №1; Б. Прянишников. *Цит. соч.*, с. 104—108; Святослав Рыбас. *Цит. соч.*, с. 283—284; А. И. Колпакиди, Д. П. Прохоров. *КГБ: Спецоперации советской разведки* (Москва: АСТ, 2000), с. 15—18; Ю. П. Свириденко, В. Ф. Ершов. *Белый террор? Политический экстр-*

диозный план — своеобразное предсмертное «завещание» Опперпу-та. Он показывает, что смысл рокового решения Опперпу-та — принять участие в боевой вылазке — не сводился лишь к тому, чтобы предъявить «доказательство искренности»⁹². Следует отметить также, что этот план бактериологической диверсии, составленный Опперпу-том, был включен в записку М. В. Захарченко, направленную Кутепову с предложениями о действиях, которые следовало предпринять после ухода первой группы боевиков в советскую Россию⁹³.

Боевики выступили в поход 31 мая. В дни, когда дружина проби-ралась через леса и болота пограничной зоны, судьба всего дела Кутепова решалась на секретном заседании, состоявшемся 2 июня в Шуаньи у великого князя Николая Николаевича, на котором при-сутствовали только несколько особо доверенных лиц. О вызвавшей совещание ситуации и царившей на нем атмосфере дает впечатле-ние конфиденциальный меморандум генерала Врангеля, в котором, указывая на растущее осознание западными кругами мировой опас-ности советского коммунизма и на возросший в связи с этим инте-рес к эмиграции, он писал:

К сожалению, за последнее время особенно ярко обнаружилось от-сутствие в Зарубежье национального Центра, способного объединить достаточно широкие национальные круги, представлять в глазах ино-странцев национальную Россию. Надежды на Великого Князя <не> оправдались. Он оказался всецело в руках нескольких лиц, отделивших Его непроницаемой стеной от широких кругов. За последние месяцы совершенно прекратилось Его общение даже с теми немногими лица-ми, которые имели возможность с ним беседовать. Кроме Н. Л. Обо-ленского, А. С. Лукомского и А. П. Кутепова, Великий Князь не при-нимает никого. Отсутствие видимой работы доселе объяснялось тем, что самый характер работы исключает возможность внешнего ее про-явления, что главная работа ведется внутри России. Несостоятельность этих объяснений сейчас очевидна. Разгром ряда организаций в России и появившиеся на страницах зарубежной русской печати разоблачения

ремизм российской эмиграции в 1920—1945 гг. (Москва: МГУ сервиса, 2000), с. 118—120; Теодор Гладков. *Награда за верность — казнь*, с. 264—266; Борис Беленкин, «Опперпупелинц (Э. О. Опперпут-Стауниц и М. В. Захарченко-Шульц)», в его кн.: *Авантюристы великой смуты. Россия XX век: революция, гражданская война, 20-е годы* (Москва: Олма-Пресс, 2001), с. 137—138.

⁹² «Операция “Трест”», *Очерки истории российской внешней разведки. Том 2. 1917—1933 годы*, с. 126; ср.: *Лубянка 2. Из истории отечественной контрразведки*, с. 196.

⁹³ «Начало. После нашего отъезда необходимо направить две, три группы по 4 чел. для взрыва мостов <...>» — Hoover Institution Archives, Nicolaevsky Coll., Box 300, folder 1.

известного провокатора Оперпута-Стауница-Касаткина вскрыли в полной мере весь крах трехлетней работы А. П. Кутепова. То, о чем я неоднократно за эти три года говорил и Великому Князю и самому Александру Павловичу, оказалось, к сожалению, правдой. А <Александр> П <Авлович> попал всецело в руки советских Азевов, явившись невольным пособником излавливания именем Великого Князя внутри России врагов советской власти. Мало того, как ныне разоблачает сам провокатор Касаткин, иностранный отдел Г.П.У. оплачивался в значительной мере средствами, передававшимися советским Азевам самим генералом Кутеповым. Таким образом, те жалкие гроши, которые несли русские беженцы на национальную работу, шли, по существу, на содержание этого органа наших врагов, который эту работу разрушал. <...> За несколько дней до моего отъезда Великий Князь пригласил несколько лиц, желая выяснить их мнение по текущему вопросу. Во время совещания с Ним случился удар. Он захрипел и свалился со стула. Заседание было прервано⁹⁴.

Но как обстояло дело с тем, что составило главную задачу Оперпута, когда он бежал в Финляндию в апреле, — разоблачением «Треста» и всей системы провокации ГПУ? Этому была подчинена работа над записками, которую он вел в Гельсингфорсе. Казалось бы, сам по себе сенсационный характер вскрываемых фактов мог обеспечить их широкое обнародование. Письмо Оперпута в редакцию *Сегодня*, напечатанное 17 мая, обошло ряд эмигрантских газет. Но его более пространные письменные показания, анонсированные в том открытом письме, огласить не удалось. О причинах этого дают некоторое представление позднейшие разъяснения редакции *Сегодня*. Помещая поздней осенью 1927 года выдержки из записок Оперпута, редакция писала:

Несколько месяцев тому назад мы получили от нашего корреспондента из Гельсингфорса, покойного И. И. Савина, сообщение, что в Финляндию прибыл некий Эдуард Оперпут, бежавший из Сов. России.

Наш корреспондент сообщал, что Оперпут делает необычайно важные разоблачения о деятельности и подвигах Чека, что он прекрас-

⁹⁴ Письмо Врангеля к Ф. Ф. Абрамову и И. Г. Барбовичу; копия П. Н. Шатилову. 9 июня 1927, Брюссель. Hoover Institution Archives, Vrangell Coll., Box 147, file №33, л. 199—200. Опубл.: В. Г. Бортневский, ««Ставя Родину выше лиц...» (из архива генерала И. Г. Барбовича)», в его кн.: *Избранные труды* (С.-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 1999), с. 102—104; впервые опубл. в кн.: *Русское Прошлое. Историко-документальный альманах*. Кн. 5 (С.-Петербург: Logos, 1994), с. 127—129. Ср.: Святослав Рыбас. *Цит. соч.*, с. 280. Сообщение об обмороке вел. кн. Николая Николаевича проникло и в прессу. См.: М. Василенко, «Здоровье Николая Николаевича (Письмо из Парижа)», *Сегодня*, 1927, 27 июля, с. 3.

но осведомлен, так как сам был связан с ГПУ. Вместе с тем И. И. Савин передавал, что Опперпут, который попался в сети ГПУ, теперь совершенно искренно кается в своем прошлом и поставил задачей своей жизни борьбу с большевицкой провокацией.

Мы напечатали с комментариями несколько писем в редакцию этого Опперпута, представлявших общий интерес в смысле разоблачений гнусности большевизма. Однако уже после этого из весьма осведомленных источников нам сообщили, что к личности Опперпута надлежит отнестись с чрезвычайной осторожностью, что его покаяние не является первым и что на этот раз тоже нельзя быть уверенным в искренности отхода Опперпута от ГПУ. Ввиду этого, когда нам при посредстве того же И. И. Савина были доставлены подробнейшие показания Опперпута, заключающие в себе и автобиографию, и начало чрезвычайно важных разоблачений, мы не сочли возможным печатать этот материал, особенно ввиду того, что в показаниях Опперпута мелькал ряд имен лиц, оставшихся в России. Считая, что было бы в высокой степени неосторожно опубликовывать данные о лицах, с которыми Опперпут, может быть, желал свести свои личные счеты, мы отказались тогда от печатания показаний Опперпута.

Зная также, что Опперпут предполагал поместить свои показания не только в «Сегодня», но и в других органах зарубежной русской печати, мы считали своим долгом поделиться с руководителями этих органов теми сведениями, которыми мы обладали о личности Опперпута. Результат был тот, что записки Опперпута до сих пор опубликованы не были⁹⁵.

Итак, причиной отказа от публикации опперпутовских свидетельств послужило вмешательство со стороны «весьма осведомленных источников». При этом *Сегодня*, больше других органов печати уделившее места перебежчику, предприняло в конце мая 1927 года усилия по предотвращению обнародования его разоблачений и в других местах. О закулисной борьбе вокруг публикации дает живое представление обращение А. К. Рудина, посланное 1 июня редактору *Возрождения* П. Б. Струве:

г. Рига, 1 июня 1927 г.

Глубокоуважаемый Петр Бернгардович!

Редактор газеты «Сегодня» телеграммой и письмом на имя А. А. Яблоновского уже просил задержать опубликование присланных как в редакцию «Возрождения», так и в редакцию «Сегодня» «разоблачений» советского провокатора Опперпута.

⁹⁵ «Опперпут о себе самом (Показания чекиста-провокатора Опперпута, данные им в Гельсингфорсе после бегства из СССР)», *Сегодня*, 1927, 30 октября, с. 3.

С своей стороны позволяю себе обратиться к Вам с покорной просьбой о том же, ввиду того что в этих «разоблачениях» содержатся лживые сведения, порочащие мое до сих пор ничем не запятнанное имя. По существу показаний Опперпуга считаю своим долгом поставить Вас в известность, что аналогичными данными он в свое время уже пользовался в своей брошюре «Народный Союз Защиты Родины и Свободы», изданной им в Берлине в 1922 г., — с той только разницей, что тогда он выступал как агент большевиков. В изданной Нар. Ком. Ин. Дел в 1921 г. брошюре под заглавием «Советская Россия и Польша» официальными актами установлена его роль в выдаче действовавших на территории Сов. России организаций. Находящиеся и поныне в эмиграции, вероятно, лично Вам известные деятели Нар.С.З.Р. и Св. — В. В. Савинков (Прага-Збраслав), А. Г. Мягков, Д. В. Философов, отчасти Д. М. Одинец могут засвидетельствовать то же.

В отношении показаний Опперпуга, касающихся лично меня, могу сослаться на постановление Центрального (т.н. «Всероссийского») комитета Н.С.З.Р. и Св., коим — после выхода в свет упомянутой выше брошюры Опперпуга, все приведенные в ней клеветнические утверждения были решительно отвергнуты. Постановление это было вынесено в Праге, кажется, в 1922 г. и утверждено главою организации Бор. Викт. Савинковым. Справками у указанных мною лиц, а также и у находящихся в настоящее время в Париже моих друзей по Варшаве и Праге — как-то А. А. Туринцева, К. Б. Родзевича, С. Я. Эфрона, В. А. Шингарева и других, знающих меня по моей работе в Пражских студенческих и политических организациях, Вы можете удостовериться, насколько могут заслуживать доверия показания Опперпуга в отношении меня.

В случае если Вы все же найдете допустимым опубликовать Записки Опперпуга в части, касающейся Н.С.З.Р. и Св. и лично меня, прошу не отказать известить о том меня по адресу редакции газ. «Сегодня» и предоставить мне возможность сопроводить «разоблачения» Опперпуга своими замечаниями, могущими быть документально доказанными.

Выпады Опперпуга против меня объясняю тем, что ему стало известным, что автором появившихся на стран<ицах> «Сегодня» разоблачений его роли предателя и провокатора был я.

Позволяю себе выразить надежду, что Вы примете во внимание мою просьбу и тем дадите мне возможность оградить свое доброе имя от грязных и клеветнических обвинений.

Прошу принять уверения в моем совершенном к Вам уважении и таковой же преданности

Андрей Карлович Рудин.

Адрес мой:

Рига, редакция газеты «Сегодня»⁹⁶.

⁹⁶ Hoover Institution Archives, Petr Struve Papers, Box 31, folder 26. На письме помета: «Дан ответ К. И. Зайцевым. 7. VI. 927». Для полноты картины следует

Ответ заместителя Струве К. И. Зайцева, посланный А. К. Рудину 7 июня, нам неизвестен. Но две небольшие выдержки из записок Опперпута, помещенные в *Возрождении* 4 и 6 июня, производят довольно странное впечатление по сравнению с материалами, содержащимися в архивах, или фрагментами, опубликованными позже, в октябре—ноябре 1927 года. *Возрождение* как бы нарочно выбирало наиболее бесцветные высказывания, хотя и удобно укладывавшиеся в общую пропагандистскую программу газеты, но никак не касавшиеся самого большого вопроса — о «Тресте». Таким образом, наиболее сенсационные стороны писаний Опперпута оставались вне поля зрения. Обе заметки в *Возрождении* были помещены на первой полосе, при этом показания Опперпута давались в них не в прямой форме, а в конспективном изложении редакции. Первая заметка начиналась преамбулой:

Мы уже сообщали, что не так давно один из видных деятелей ОГПУ, Стауниц-Опперпут, бежал из России за границу и здесь заявил о своем уходе от большевиков. В распоряжении нашего сотрудника были некоторые данные из сообщений, сделанных Опперпутом, и на основании этих данных составлены те несколько заметок, которые мы начинаем с сегодняшнего дня. — РЕД.⁹⁷

Заметка была посвящена ложным, преувеличенным слухам о размахе антибольшевистского движения на Украине и юге России и указывала на то, что антисоветские организации, якобы руководящие этим движением, представляют собой мистификацию ГПУ. От участника «Треста», бежавшего на Запад со специальным намерением разоблачить полностью эту организацию, тогдашние читатели должны были, конечно, ждать более оглушительных откровений. Еще более странное впечатление производила вторая заметка, конспективно излагавшая сведения о подрывной деятельности Красной армии в Китае⁹⁸. Ничего специфически «опперпутов-

принять во внимание, что Рудин был в тот момент вовлечен в крупную газетную баталию, поднятую против правых кругов русской эмиграции вслед за визитом П. Н. Милокова в Латвию. 1 июня в парижских *Последних Новостях* появилась большая статья Рудина на эту тему. См.: А. К. Р., «П. Н. Милоков в Латвии», *Последние Новости*, 1927, 1 июня, с. 2; ср.: Ник. Бережанский, «Чувствительность с опозданием», *Слово* (Рига), 1927, 29 июня, с. 2. Параллельно он взвешивал планы переезда в Париж и зондировал возможности устройства на постоянную работу в газету Милокова.

⁹⁷ *Возрождение*, 1927, 4 июня, с. 1.

⁹⁸ «Что сообщил Опперпут. Большевики и Китай», *Возрождение*, 1927, 6 июня, с. 1.

ского», что обуславливало бы ее обнародование в газете, в ней не было. Можно даже заподозрить, что публикации эти были предприняты не столько в силу важности их содержания самого по себе, сколько из-за стремления легитимизировать статус Опперпута в качестве разоблачителя советской системы и оправдать ориентацию Кутепова на него, избегнув, однако, спорных или рискованных заявлений. Непонятно при этом, знала ли редакция о возвращении Опперпута в Россию с террористическими целями и не были ли данные публикации сделаны, так сказать, «для отвода глаз».

Никаких других выдержек из показаний Опперпута больше в *Возрождении* не появлялось. Пропагандистская контратака Опперпута захлебнулась.

Глава 5

ГИБЕЛЬ И ВОСКРЕШЕНИЕ ОППЕРПУТА

3 июня 1927 года московская тройка — Опперпут, Захарченко-Шульц и Петерс — совершила попытку взорвать здание по ул. Малая Лубянка 3/6, в котором размещалось общежитие сотрудников ОГПУ¹. Так как взрыв был в последнюю минуту предотвращен, о покушении поначалу, в течение нескольких дней, никаких сообщений не было. Между тем в разных местах произошли одновременно события, которые, вкупе с неудавшимся покушением, создавали апокалиптическое впечатление волны террора, захлестнувшей советскую страну и ее представителей.

7 июня девятнадцатилетний Борис Коверда застрелил советского полпреда в Варшаве П. Л. Войкова, одного из виновников расправы над царской семьей в 1918 году. Со времени убийства Воровского в 1923 это было самым значительным нападением на советских дипломатов за рубежом.

В тот же день, 7 июня, в Ленинграде вторая тройка членов кутеповского отряда во главе с Виктором Ларионовым², перешедшая границу вместе с Опперпутом и Захарченко-Шульц, бросила гранату в помещении партийного клуба в центре Ленинграда, на набережной Мойки. Объект этот фигурировал вторым номером в ленинградском списке, составленном Опперпутом. В отличие от диверсии на Лубянке, на сей раз боевики оказались более удачливыми. Предполагалось, что ленинградская тройка должна действовать по получению информации о взрыве в Москве, но так как ни по радио, ни в газетах ничего об этом покушении не появлялось, ждать они

¹ По справке В. А. Ларионова, в этом доме находился КРО ОГПУ. См.: Н. Чебышев, «Трест. История одной “легенды”», *Возрождение*, 1935, 19 сентября, с. 2.

² О поэте и литераторе В. Ларионове, друге Ивана Савина, см.: Эдуард Хямляйнен, «Умереть за Россию...» О поэте Иване Савине и капитане Викторе Ларионове, живших в Финляндии в 20-е годы», *Русская Мысль* (Париж), 10—16 мая 2001, с. 17.

не стали. 6 июня в здании клуба было слишком мало людей, и террористы решили перенести диверсию на следующий день, когда, согласно объявлению в *Красной Газете*, намечено было заседание философской секции под председательством лектора Ленинградского университета Ширвиндта. В заседании участвовали 35 человек. Первая граната, которую метнул Мономахов, не взорвалась; от взрыва второй, брошенной Соловьевым, было ранено 26 человек, из них 14 получили тяжелые ранения. Покушавшимся удалось с места происшествия бежать. Вечером они сошлись вместе в Левашево, были на границе обстреляны пограничной охраной, но вернулись домой целыми и невредимыми³.

И еще одно покушение произошло в тот же день, 7 июня: под Минском устроена была железнодорожная катастрофа, в которой погиб заместитель полномочного представителя ОГПУ по Белорусскому военному округу И. К. Опанский (весной 1921 года ведший следствие по делу Западной организации НСЗРС и допрос Опперпута).

Беспрецедентная концентрация диверсионных акций, произошедших одна за другой, заставила даже тот лагерь эмигрантской общественности, который осуждал тактику антибольшевистского террора, заговорить с волнением о последних событиях. Газета П. Н. Милюкова, отрицая как причастность к ним иностранных государств, так и какую бы то ни было заслугу правых монархистов-эмигрантов, усмотрела в этих акциях симптом крутых перемен в советской России и выражение растущего стихийного протеста широких слоев народа, вставшего на путь решительной борьбы с узурпаторами власти в России:

Логический и неизбежный вывод из сопоставления всех новейших проявлений внутрирусского активизма — может быть только один. Очевидно, не какая-нибудь одна партия или котерия, а вся масса населения прониклась, наконец, этим активистским настроением. Немного рано было бы констатировать наступление в России нового террористического периода. Но если бы такой период действительно начался, это знаменовало бы факт несравненно более грозный для

³ Н. Кичкасов. *Белогвардейский террор против СССР. По материалам процесса пяти монархистов-террористов* (Москва: Издание Народного Комиссариата по Иностранным Делах, 1928), с. 40—42; с дополнительными деталями эта экспедиция описана в брошюре ее руководителя В. А. Ларионова *Боевая вылазка в СССР. Записки организатора взрыва Ленинградского Центрального Партаклуба (июль 1927)* (Париж: Борьба за Россию, 1931). Ср. также письмо Ларионова, приведенное в названной статье Н. Н. Чебышева.

большевиков, чем английские деньги и роялистские заговоры. Это показало бы, что русский народ устал ждать, что он достаточно организован к настоящему времени и владеет достаточными техническими средствами, чтобы вступить в немедленную и окончательную борьбу за ликвидацию советской власти. Одна возможность такого предположения достаточно объясняет ту высшую степень растерянности, которую проявляют перед вездесущей опасностью диктаторы над пролетариатом, осажденные внутри собственной страны⁴.

То, что происходит в России, — выражение недовольства масс, — заявляла газета. Борются не одни монархисты, а вся демократическая Россия⁵.

Звеньями одной цепи объявила происшедшие события и советская печать. Но истолковала она их как симптомы наступления английского империализма на молодое пролетарское государство. 8 июня массовые демонстрации прошли на улицах Москвы и Ленинграда. 9 июня московская *Правда* вышла под таким аншлагом на первой полосе:

Вслед за англо-советским разрывом — убийство тов. Войкова.

Вслед за варшавским убийством — вспышки белогвардейского террора под Минском и в Ленинграде.

Товарищи! Будьте начеку! Плотней ряды вокруг ВКП(б)!

С ним перекликалась передовая в том же номере:

Видна единая воля, видна одна направляющая рука. И мы ничуть не удивимся, если она окажется в тайных кабинетах лондонского «Форрейн Оффиса», если в карманах белошпионов позвякивает золото английских банкиров. Под трескучую и лживую болтовню о «советских шпионах»⁶ организован против Страны Советов доподлинный и гнусный английский шпионаж с убийствами, поджогами и взрывами⁷.

В «Правительственном сообщении», датированном 8 июня, акты террора последних дней были поставлены в более широкий контекст и впервые в советской печати было упомянуто о поимке на советской территории британского агента С. Г. Рейли:

Еще летом 1925 года при нелегальном переходе финляндской границы СССР был пограничной охраной ранен и арестован некий «купец»

⁴ «Советский реванш», *Последние Новости*, 1927, 11 июня, с. 1.

⁵ «Эмиграция и террор», *Последние Новости*, 1927, 15 июня, с. 1.

⁶ Речь идет об обвинениях, выдвинутых британским правительством против глужащих советской компании «Аркос» в Лондоне.

⁷ «Жалкий расчет», *Правда*, 1927, 9 июня, с. 1.

с советским паспортом на имя Штейнберга. Будучи допрошен, он показал, что на самом деле он вовсе не Штейнберг, а известный английский разведчик, капитан королевской авиации Сидней Георг Рэйли, один из главных организаторов заговора Локарта, трибуналом от 3 декабря 1918 года объявленный вне закона. Рэйли показал далее, что он приехал в СССР со специальной целью организации террористических покушений, поджогов, восстаний и т. д. Более того, Рэйли показал, что он, проездом из Америки, был у канцлера казначейства и одного из ответственных министров британского короля, Черчилля, который лично давал ему инструкции по организации террористических покушений и других диверсионных актов. Его письменные показания имеются в распоряжении правительства. Материалом, взятым при дальнейших арестах, показания Рэйли были целиком подтверждены⁸.

Туманные формулировки этого абзаца были на Западе восприняты как косвенное подтверждение того, что Рейли все еще жив и находится в советском заключении. Вот почему жена его Пепита Бобадилья отнеслась к версии об обстоятельствах его поимки и расстреле, ранее выдвинутой Опперпутом, как к провокационной советской дезинформации⁹. Версия эта была изложена Опперпутом в неизданной части его записок в апреле — мае 1927 года, но Бобадилья стала известна из письма к ней М. В. Захарченко-Шульц.

В «Правительственном сообщении» перечислялся ряд других попыток покушений: на руководителей партии Чубаря, Петровского и Бухарина, на видного чекиста Мессинга, замыслы убийств Рыкова и Сталина. В этой связи было сделано и первое в печати упоминание о неудавшемся взрыве на М. Лубянке:

В ночь на 3-е июня ОГПУ был предотвращен взрыв дома поблизости ОГПУ на площади имени тов. Дзержинского. Здесь была обнаружена мелинитовая бомба в 4 кггр. весом; мелинит оказался французского происхождения, оболочка бомбы — английского происхождения. Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что составные части бомбы ввезены из-за границы. О том же говорят и вещи, оставленные покушавшимися¹⁰.

Далее было сделано указание на убийство Войкова, взрыв в Ленинграде и покушение на Опанского, вследствие чего правительство

⁸ «Правительственное сообщение», *там же*.

⁹ См. ее письмо в редакцию, опубликованное в статье: «Исповедь Сидней Рэйли», *Последние Новости*, 1927, 17 июня, с. 1.

¹⁰ «Правительственное сообщение», *Правда*, 1927, 9 июня, с. 1; ср.: «Большевики отвечают “разоблачениями”». Советские сообщения о контрреволюционной работе», *Возрождение*, 1927, 10 июня, с. 1.

«вменяло в обязанность Объединенному Государственно-Политическому Управлению принять решительные меры к охране страны от иностранных шпионов, поджигателей и убийц вместе с их монархическими и белогвардейскими союзниками».

Как бы в ответ на это распоряжение в тот же день было издано постановление коллегии ОГПУ о расстреле 20 контрреволюционеров, находившихся в заключении. Перечисленные люди не составляли никакой единой группы или организации; список открывался именами князя П. Д. Долгорукова и Г. Е. Эльвенгрена, а к «Тресту» в нем некоторое касательство имел разве что генерал И. М. Сусалин¹¹. «Правительственному сообщению» и распоряжению коллегии ГПУ была посвящена передовая *Правды*. В ней говорилось:

Вот кто послухи английской охранки, и вот, что они замышляли:

Это — «купец Штейнберг», он же «сэр» Сидней Рэйли, шпион-разведчик, соучастник негодяя Локкарта, подосланный пиратами Форрейн-Оффиса.

Это — дворяне-офицеры колчаковской армии, снюхавшиеся с работником английской миссии Уайтом и подготавливавшие по ее поручению взрыв Кремля и пролетарско-крестьянских собраний в Большом театре.

Это — субъекты, подкладывающие мелинитовые бомбы заграничного образца под здания ОГПУ.

Это — негодяй и буржуазный выродок г. Гуревич, подготавливавший убийство вождей пролетариата.

Это — помещичье-дворянские сынки, отродье полковника Трубы, презлешие в ленинский комсомол для облегчения подлой работы.

Это — деникинские вольноперы типа Бирюкова.

Это — г. Усилды, эстонские и финские шпионы, поджигатели огнескладов, разрушители пролетарских фабрик и заводов¹².

Общественное мнение на Западе, включая и русскую эмигрантскую прессу, было возмущено возобновлением бессудных массовых казней и произвольным, случайным списком обреченных на казнь, приведенным в постановлении ОГПУ. «Замечательны даты этого постановления. Приговор был вынесен на заседании коллегии ОГПУ 9 июня. Постановление об его опубликовании тоже было вынесено 9 июня. Приговор был приведен в исполнение того же 9 июня. Опубликован он был в газетах на следующий день, 10 июня», — от-

¹¹ См.: «От коллегии Объединенного Государственного Политического Управления», *Правда*, 1927, 10 июня, с. 2.

¹² «Фурия шпионажа», *Правда*, 1927, 10 июня, с. 1.

мечали парижские *Последние Новости*¹³. Особое внимание обращали на себя в этом списке имена Долгорукова и Эльвентрена. Сколько раз — начиная с зимы — ни предвещали эмигрантские газеты расстрел Долгорукова и сколько раз ни опровергали они слухи о якобы уже состоявшейся расправе над ним¹⁴, появление его в списке казненных ГПУ явилось полной неожиданностью. Успокоительные прогнозы, поступавшие из Советского Союза, оказались ложными¹⁵, тогда как наихудшие предчувствия оправдались.

¹³ «Расстрел 20-ти», *Последние Новости*, 1927, 14 июня, с. 2. Ср.: «Под знаком красного террора. Большевики потеряли голову и говорят о возвращении к временам Дзержинского», *Возрождение*, 1927, 12 июня, с. 1.

¹⁴ «Опровергаются известия о расстреле кн. Павла Долгорукова», *Возрождение*, 1927, 5 марта, с. 1.

¹⁵ Заместитель Е. П. Пешковой по Московскому Политическому Красному Кресту М. Л. Винавер в конфиденциальных своих письмах к Е. Д. Кусковой, написанных во время визитов за границу, не раз возвращался к судьбе П. Д. Долгорукова. 27 апреля 1927 г. он писал:

«Т<а>к к<а>к недавно писала Вам Ек. Павл. <Пешкова>, то я буду краток и напишу только о П. Долгоруковом. Дело его закончится в течение ближайшего времени. Фельетон и телегр<амму> Тасс'а Вы, наверно, читали (были в Изв<естиях> и Правде).

Мы с ним в постоянной переписке. Посылаем что надо. Недавно послали белье, шарф, пальто, денег. Думаю, что скоро он будет освобожден и получит небольшую высылку — какой-нибудь университетский город в центр<альной> России, а в ноябре — очевидно, и это будет снято по амнистии. Но это мое предположение. Во всяком случае, отношение к нему стало хорошим.

Все это для Вас, его семьи, но не для печати и без указания источника, а то это не официально полученное решение, а частные разговоры».

Спустя несколько дней, 6 мая, реагируя на заметку в *Руле* от 22 апреля, которая истолковала апрельское извещение о разгроме монархической организации в России как подготовку процесса над Долгоруковым, Винавер заявлял:

«Прежде всего о Долгор<укове>. Думаю, что слухи Руля абсолютно вздорны. Я много раз о нем говорил — и вынес убеждение, что спор может идти только о том, освободят ли его совсем, дадут ли в<ысылку> или ссылку в какой-нибудь город Урала — или другой ссылки. Говорю — Урала, потому что об этом шла речь. Корреспонденция Руля, очевидно, своеобразная переделка телеграммы Известий и Правды — интервью с нач<альником> Харьковского ГПУ. Действительно, Долг<орукова> обвиняли в связи с национ<альным> центром (или покоее название), но видят изменение его эмигрантских настроений — и первоначальный взгляд на него, к<а>к на опасный, специально и со специальными целями приехавший элемент, изменился. Разочарование его в право-эмигрантских настроениях, очевидно, хотя политически учесть и использовать — и поэтому я убежден лично и имею полное основание быть так убежденным на основании разговоров о нем с соответств<ующими> властями, что ссылка — это максимум». — Письма М. Л. Винавера к Е. Д. Кусковой. ГАРФ, ф. 5865 (Е. Д. Кускова), оп. 1, № 101. Прошло несколько недель — и Долгоруков оказался во главе списка расстрелянных.

Но об Эльвенгрене, в отличие от Долгорукова, до 9 июня никаких предварительных официальных сообщений не было, и лишь упоминание в письме Опперпута в *Сегодня* от 20 мая о том, что Эльвенгрэн арестован, подвергся пыткам в советской тюрьме и сошел с ума, было первым указанием на его задержание в Советском Союзе. Извещение о его казни сопровождалось вновь просочившимися в печать сведениями о пытках, которым он и другие казненные подвергались перед расстрелом, — сведениями, подтверждавшими ранее появившуюся справку Опперпута¹⁶. В советской печати, с другой стороны, была помещена статья, целиком основанная на добытых следствием признания Эльвенгрена и предназначенная доказать законность совершенной расправы¹⁷. Одновременно были оглашены выдержки из показаний на следствии и С. Рейли¹⁸. По поводу этих материалов главный редактор рижского *Сегодня* отметил странный характер советского правосудия: «ЧК сначала убивает, а потом выступает с публичными обвинениями. Под давлением мирового возмущения сейчас публикуют сведения, призванные задним числом оправдать казни»¹⁹.

В разворачивающейся по обе стороны границы политической кампании В. В. Шульгин ощутил необходимость выступить с разъяснениями о своей книге *Три столицы* и о поездке в советскую Россию, описанной в ней. В конце мая А. П. Кутепов предоставил в его распоряжение рукопись записок Опперпута. После ознакомления с нею у Шульгина больше не оставалось ни малейших сомнений в том, что московские чекисты его перехитрили и контролировали каждый его шаг в течение всего путешествия. Под перекрестным воздействием этого чтения и появившегося на страницах советской прессы первого сообщения о поимке Сиднея Рейли он написал две статьи, послав их для публикации в газету *Возрождение*. Первая была посвящена размышлениям об Опперпуте:

Сначала на его разоблачения мало обратилось внимания: предыдущие перебежчики «посадили» последующих. Думалось: Опперпут «бадьнит»²⁰.

¹⁶ «Пытки в Москве», *Сегодня*, 1927, 17 июня, с. 1.

¹⁷ Номад, «Уличающие документы (Показания террориста Эльвенгрена)», *Известия*, 1927, 16 июня, с. 2; 17 июня, с. 2.

¹⁸ «Английская контрразведка за работой (Показания Сиднея Рэйли)», *Известия*, 1927, 17 июня, с. 2.

¹⁹ М. Ганфман, «Мертвые молчат...», *Сегодня*, 1927, 22 июня, с. 1.

²⁰ Речь идет о Я. И. Бадьяне — невозвращенце, «раскаившемся коммунисте», представителе «рабочей оппозиции», очутившемся за границей летом 1926 г. и вызвавшем подозрения у эмигрантов в том, что заслан на Запад как провокатор.

Но через некоторое время Оперпут вырос в нечто серьезное, а для меня, лично, — даже не знаю, как это выразить — в нечто «мурашечное». Дело в том, что мне теперь стало ясно: Оперпут был в среде «контрабандистов». В моей книжке «Три столицы» он не выведен, оставлен в тени, но тем не менее это тот человек, с которым я однажды «дружественно» обедал в обществе других, будучи в России. И этот человек, по его телерешшим заявлениям, служил тогда в Г.П.У.!

Если это правда, то Гепеу, значит, знало о том, что я странствую по России. Оперпут утверждает теперь, что *знало все*. Почему же меня не схватили? Оперпут утверждает, что план был таков: если Шульгин благополучно вернется в эмиграцию, то самые скептики поверят, что те, кому он доверился, действительно вполне надежные люди. Тогда можно будет залучить в Россию кого-нибудь, кто для Гепеу поважнее. А кроме того (это я уже добавляю от себя) хотели, видно, через меня «заинтересовать» генерала Врангеля. Действительно, вернувшись в эмиграцию, я был в совершенном восторге от моих «контрабандистов» и одновременно был крайне огорчен тем, что П. Н. Врангель моими чувствами не воспламенился и контрабандистами «заинтересоваться» не захотел.

Таким образом, выходит, что я попал в чудовищный просак, из которого если вышел живым, то только благодаря тому, что совершенно не ощущал «запаха предательства». Коли бы я «засомневался» на минуту, то меня не выпустили. «Святая простота» спасла меня. Сознание не весьма приятное для моего самолюбия, но не в этом дело. Дело сейчас в том, чтобы понять: остальные «контрабандисты» — что же они, жертвы или предатели?

По словам Оперпута, они такие же, как он сам. Его же история, опять же, по его же словам, — такова.

Далее Шульгин излагает рассказ Оперпута об аресте 1921 года и о пережитой им «пытке страхом», которая заставила его принять предложение об участии в «Легенде» (т. е. «Тресте»):

По словам Оперпута, некоторые из вовлеченных в легенду людей откровенно заявляли Гепеу, что их взгляды совершенно не коммунистические, а, наоборот, националистические, что в социализм они не верят, что социализм рухнет, но Гепеу этим совершенно не стеснялось — наоборот, это его даже устраивало. Действительно, только люди по существу, по натуре своей, близкие к тем, кого они должны были предавать, могли свободно проникать в родственные по духу круги. При помощи этих «сохранивших свою психологию» людей Гепеу держало, так сказать, «на цепочке» активную часть эмиграции, зная о ее планах и имея во всякую минуту возможность таковые остановить, если бы они развернулись в нечто угрожающее. Опасным же для себя Гепеу почитает, главным образом, террор.

В последнее время, то есть во второй половине 1926 года, Оперпут получил от Гепеу приказание «заняться» террористическими актами. <...> По его словам, он почувствовал, что его не сегодня-завтра арес-

туют. Арест же при таких обстоятельствах он рассматривал как смерть. Он решил бежать из России, что и выполнил 10 апреля сего года. Убедившись, он, по его словам, решил стать целиком на Белую сторону и разоблачить все, что ему известно о деятельности Гепеу.

* * *

Таковы вкратце заявления Оперпута. Насколько можно ему верить?

Позвоительно сделать несколько предположений:

1) Оперпут все просто врет: никогда он в Гепеу не был. Предположение это маловероятно, ибо какой смысл человеку бесцельно возводить на себя такое обвинение.

2) Оперпут не только был в Гепеу, но и пребывает в его лоне и сейчас. Предположение — тоже малодопустимое. Ибо если бы Оперпут сейчас действовал по указаниям Гепеу, то какой смысл был бы ему разоблачать «легенду», которая, по-видимому, очень хорошо исполняла свое назначение — обманывать эмиграцию.

3) Оперпут был и есть в Гепеу, но «Легенды», о которой он рассказывает, никогда никакой не было. Была, наоборот, честная организация «контрабандистов», такая, как я ее описал в своей книжке. Предположение возможное, но не меняет сути дела. Как бы ни были персонально честны и безупречны те или иные контрабандисты, но и *вся организация* не могла быть тем, чем она мне представилась, раз в ней сидел Оперпут. А что он в ней принимал деятельное участие, в этом не может быть сомнения, ибо его я видел в среде «контрабандистов» в качестве одного из руководителей. Если даже предположить, что из среды «контрабандистов» в Гепеу служил один только Оперпут, то этого было достаточно, чтобы Гепеу сей организацией руководило согласно своим планам. Конечно, Геписты — только люди, хотя и ловкие, и «легенда» могла бы при известных обстоятельствах их сбросить, как сбрасывается коварный конь зазевавшегося всадника, но это вопрос другого порядка. Во всяком случае, пока что этого не случилось.

4) Оперпут был и продолжает быть в Гепеу. «Контрабандисты», наоборот, были и есть честные, настоящие. Но, скажем, в Апреле сего года Гепеу приказало Оперпуту: симулировать побег за границу, там объявить, что он служил в Гепеу с 1921 года, *равно как и другие «контрабандисты»*, и таким образом скомпрометировать последних в глазах эмиграции, а также скомпрометировать тех, кто с ними, контрабандистами, имел дело. Скомпрометировать хотя бы с точки зрения «проницательности», если не больше.

План коварный, что и говорить. Но все же поверить в это предположение трудно, ибо, «разоблачая» контрабандистов, Гепеу собственными руками закрывает те капканы, в которые оно имело возможность ловить нашего брата. Только очень серьезные причины могли его к такому рискованному шагу побудить.

* * *

Разобрав, насколько хватает моего слабого «разумения», все возможности, я прихожу к заключению: Оперпут давно служит Гепеу; по приказанию Гепеу он находился в числе руководителей «контрабандистов»; следовательно, «контрабандисты» в какой-то степени были орудием Гепеу; Гепеу знало о моем путешествии; Гепеу выпустило меня обратно в Россию по каким-то коварным, но пока недостаточно ясным соображениям.

Я считал своим моральным долгом печатно изложить вышеприведенное потому, что читатели моей книги «Три Столицы» в отношении «контрабандистов», *в какой-то мере*, введены мною же в заблуждение. А в какой именно мере, мне самому неясно: при создавшейся обстановке, кто из нас является жертвой, кто героем, а кто предателем, я по совести еще судить не могу²¹.

Эта статья представляет большой интерес как отражение промежуточной стадии «опперпутловской» легенды — стадии, когда поход Опперпута назад в советскую Россию еще не был предан огласке. Писатель мог полагать, что автор цитируемых им записок продолжает находиться в Гельсингфорсе. Перебрав возможные интерпретации поступка Опперпута, Шульгин не решился публично высказать мнение о том, продолжает ли он, оказавшись на Западе, свою чекистскую работу²². Но Шульгину срочно пришлось признать то, что ему совершенно признавать не хотелось, а именно, что организация «контрабандистов» действовала под контролем ГПУ.

Обнаружив, в какой мистической связи предпринятое им путешествие оказалось с судьбой Сиднея Рейли, Шульгин во второй статье изложил опперпутловскую версию задержания и казни британского разведчика, еще нигде не обнародованную:

Когда осенью 1925 года я готовился перейти русскую границу, для чего вошел в связь и «дружество» с теми, кого я впоследствии обозна-

²¹ В. В. Шульгин, «Оперпут». Машинопись, с рукописными поправками автора. Hoover Institution Archives, Gleb Struve Papers, Box 136, folder 19.

²² Ср. запись Н. Н. Чебышева в дневнике от 6 июня 1927 г.: «Один из общественных деятелей стал утверждать, что “Опперпут может играть комедию и теперь”. Шульгин справедливо заметил, что непонятно тогда, зачем ему надо было бежать и прикидываться перебежчиком. Он мог продолжать прежнюю игру, ведь его же “белые” считали своим! Какая надобность была ликвидировать целую организацию?..»

Шульгин сидел около большой лампы с громадным белым абажуром. На нем была кофта жены, с каким-то бело-серебряным каббалистическим узором, у него было хорошее, молодое, взволнованное лицо...» — Дмитрий Жуков, «Ключи к “Трем столицам”», в кн.: В. В. Шульгин. *Три столицы* (Москва: Современник, 1991), с. 477—478.

чал именем «контрабандистов», последние предупредили меня, что хотя они почти ручаются за безопасность перехода, но... но бывают несчастья. Так, недавно произошла трагическая история с одним англичанином, которого переводили те же «контрабандисты». Они наткнулись на пограничную стражу, которая залпами из засады убила англичанина и сопровождавших его лиц в числе пяти человек. <...> В России мне подтвердили гибель англичанина и его спутников, но пояснили, что их убила не пограничная стража, а специальный отряд Гепеу, прибывший на Финляндскую границу из Петербурга. Произошло, мол, какое-то частичное предательство, Гепеу узнало о готовящемся переходе англичанина, устроило засаду и убило всех на месте.

Тогда же, находясь в России, Шульгин узнал имя погибшего англичанина: Сидней Ройли.

На этих днях я прочел, что в официальном сообщении от 9-го июня по поводу убийства Войкова советское правительство рассказало историю Ройли в следующих словах:

«Летом 1925 года какой-то коммерсант с советским паспортом на имя Штейнберга был арестован и ранен пограничной стражей в момент, когда он пытался перейти Финляндскую границу. На допросе арестованный сознался, что он агент английской контр-разведки, капитан королевской авиации. Он был одним из главных организаторов заговора Локхарта и был объявлен вне закона 3 декабря 1918 года. Ройли заявил, что он прибыл в СССР с специальной целью организовывать террористические акты, поджоги, бунты. Все инструкции он получил лично от Черчилля. Его письменное показание находится в руках правительства. Документы, обнаруженные во время последующих арестов, полностью подтверждают показания Ройли».

Так рассказывает дело советское правительство.

Этой официальной версии Шульгин противопоставил показания Опперпута:

Опперпут утверждает, что антисоветская организация, услугами которой воспользовался несчастный Ройли, та самая организация, которая и меня перевела через границу, словом, те, кого я в своей книжке называю «контрабандистами», на самом деле была «легендой», то есть *симулированной* организацией. <...> Но этому «контрабандисту», по словам Опперпута, было со стороны Гепеу формально обещано, что самого Ройли не тронут и что он будет целым и невредимым переправлен обратно через русскую границу. Судя по тому, что со мною поступили именно так, то есть по каким-то расчетам меня не схватили и дали мне уйти, такое обещание не представляется невероятным: очевидно, у Гепеу могли быть те же приблизительные расчеты, то есть что благополучно вернувшийся Ройли внушит англичанам полное доверие к импровизировавшей его организации.

Ройли, по словам Оперпута, благополучно перешел границу и прожил какое-то время на даче под Москвой. После ареста он был сломлен, а впоследствии расстрелян. После его задержания инсценировка перестрелки была устроена на границе для того только, чтобы не нести ответственности перед Англией: якобы убит при попытке тайно перейти границу. Похоже на то, пишет Шульгин, что в этой истории Оперпут говорит правду:

Советское правительство ныне утверждает, что Ройли был «ранен». Было бы гораздо проще утверждать, что он был убит, как это распространялось среди «контрабандистов» полтора года тому назад, когда я переходил границу. Но ведь теперь — другое время. Теперь после разрыва с Англией надо доказывать, что последняя всегда вела тайную антисоветскую работу в России. Теперь очень удобно вспомнить Ройли и выставить его агентом «самого Черчилля». Ведь «в руках» советского правительства находятся «письменные показания» Ройли. Но «убитый» Ройли не мог дать ни письменных, ни устных показаний, а потому советскому правительству ныне необходимо, чтобы Ройли перешел границу «живым». Но на всякий случай оно его «ранит» при переходе: раненый человек, дав все необходимые показания «насчет Черчилля» (какими приемами добываются «письменные показания», видно из рассказа того же Оперпута), может в случае надобности и «умереть от ран». Если он это сделает, не придется сознаваться перед всем миром, что Ройли застрелил на Воробьевых Горах «лучший стрелок Гепеу» товарищ Ибрагим²³.

Ясно, почему Шульгин не ограничился первой статьёй и счел необходимым присовокупить к ней историю Рейли. Дело не только в том, что она частично «реабилитировала» писателя или, вернее, выдвигала объяснение тому, почему он сам не был задержан чекистами. Вторая статья служила своеобразным «контрапунктом» первой в том отношении, что изображала «трестовцев» в более независимом от ГПУ виде, чем можно было бы предположить на основании статьи об Опперпуге.

На фоне позднейших публикаций, включая публикации фрагментов записок самого Опперпуга, эти статьи Шульгина содержат не так уж много нового. Значение их в другом: в плане развертывающейся динамики различных интерпретаций мотивов и действий Опперпуга. Разбирая его показания, Шульгин приходит к выводу о том, что Опперпут говорит правду. Во второй статье правда эта прямо противопоставлена лживым утверждениям официального советского сооб-

²³ В. В. Шульгин, «Сидней Ройли». Машинопись, с рукописными поправками автора. Hoover Institution Archives, Gleb Struve Papers, Box 136, folder 22.

щения, только что оглашенного в Москве. Шульгинские статьи могли бы привести к публичному разговору о «Тресте», обещанному Опперпутом, но так, по существу, к тому моменту и не начавшемуся.

Написав обе свои статьи 14 июня, Шульгин отправил их из Ниццы Кутепову и в редакцию *Возрождения*, где за неделю до того в изложении появились два фрагмента опперпутовских показаний. По сравнению с теми публикациями, шульгинские фельетоны были гораздо более сенсационными, острыми и яркими. Автор мог полагать, что они должны были быть на руку Кутепову, поскольку он в числе очень немногих с самого начала отнесся к Касаткину-Станицу с доверием, и экспертиза «врангелиста» Шульгина в этом смысле была бы ему на руку. Копию автор послал и Н. Н. Чебышеву, с которым вместе присутствовал на встрече с Якушевым в Берлине в августе 1923 и который весной 1925 года предостерегал его от поездки в советскую Россию. Чебышев сейчас состоял сотрудником редакции *Возрождение*, будучи в ней наиболее близким к Врангелю человеком, и Шульгину важна была его поддержка. Отправляя Чебышеву свои статьи, он писал:

Простите, что пишу на машинке. При сем посылаю Вам копию двух статей, кои мною вчера отосланы А. П. <Кутепову.> Без его согласия я никоим образом их не могу поместить по той причине, что изложенное в них есть перифраз письменных показаний Опперпута, а сии последние показаны мне доверительно. Этот барьер я переступить не могу, как Вы сами понимаете, и по той же причине, если статьи не появятся, очень прошу Вас посылаемыми копиями пользоваться тоже только доверительно. Буду надеяться, что А. П. поймет положение и согласится. Положение же еще более стало «горячим» после ссылки советского правительства на Ройли. Вряд ли следует умалчивать то, что мы знаем по этому делу. Если А. П. согласится, то останется Петр Бернгардович. Но я не думаю, чтобы он стал сопротивляться. Какое основание? Подымется, конечно, улюлюкание со стороны Последних Новостей и тутти кванти. Но оно будет направлено против меня персонально, ибо о других лицах ничего не говорится. Я же готов выдержать бурю насмешек и издевательств. Мое благополучное возвращение при этих условиях представляет такой же акт милости Божией, что как-то это должно быть компенсировано, что делать, *везет-то* только Иванушкам-Дурачкам, это надо понимать, прочувствовать и нести со смирением. Что же касается Возрождения, то оно держалось осторожно и хотя твердило о «внутренних силах», но мало какие такие внутренние силы бывают, почему же их отождествлять с «контрабандистами». Впрочем, о сих последних последнее слово вообще еще не сказано²⁴.

²⁴ Письмо В. В. Шульгина к Чебышеву от 15 июня 1927. ГАРФ, ф. 5955 (Н. Чебышев), оп. 1, № 22 (Письма Чебышеву), л. 45.

Концовка приведенной цитаты указывает на то, что разоблачения Опперпута, сколь бы ни были они точны, автор еще не считал достаточным основанием для полного перечеркивания работы «трестовцев». Более того, апокалиптическая картина, складывавшаяся из поступавших из России сведений, создавала ощущение справедливости предсказаний о близости переворота, запечатленных в разговорах «контрабандистов» с автором на страницах *Трех столиц*.

Между тем до дебатов по поводу шульгинских фельетонов дело в редакции не дошло, так как публикацию их Кутепов не позволил. Автору казалось, что этот запрет был наложен из-за конфуза с разоблачением организации, с которой на протяжении долгих лет велись тайные, ныне оказавшиеся компрометирующими сношения. На самом же деле отказ вызывался более сложными причинами: писатель и не догадывался, что Опперпут за две недели до того отправился в СССР, встав во главе террористической экспедиции. При этом Кутепову, уже, несомненно, проинформированному о благополучном возвращении в Финляндию группы Ларионова, не было известно, что случилось с московской тройкой, о которой на Запад не поступало ни слова вплоть до самого начала июля.

Но противником публикации оказался не один Кутепов. *Возрождение* после 7 июня приостановило начатую было публикацию изложения записок Опперпута и прекратило все упоминания о нем²⁵. Свое решение прервать всякие разговоры вокруг Опперпута и «Треста» Струве объяснил в «личном и доверительном письме» к Кутепову от 23 июня:

Я очень жалею, что не могу быть сегодня у Вас. Об очень многом следует переговорить. Меня удручают множасьшие глупейшие интриги, для которых люди пользуются малейшими поводами. Я совершенно против каких-либо объяснений в печати эпизода с «контрабандистами», даже если статья на самую пессимистическую точку зрения. Всякие публичные объяснения будут только плодить смуту в умах и питать интриги. И в других вопросах на каждом шагу наталкиваешься на эту зловредную страсть к интригам, часто исключительно карьерного и даже корыстного свойства. Тем не менее я уверен, что почва для реальной работы, без крика, рекламы и интриг за последнее время только расширилась, и возможности ее увеличились. Нужна только энергия и строжайший отбор людей.

Очень прошу Вас в ближайшие дни устроить наше свидание, всего лучше завтра утром²⁶.

²⁵ Это совпало с поступлением письма А. К. Рудина в редакцию.

²⁶ Hoover Institution Archives, Petr Struve Papers, Box 8, folder 17.

«Интриги», о которых пишет Струве, состояли в расхождении в оценке ущерба, нанесенного разоблачением «Треста». Они были осложнены резким обострением соперничества Кутепова и Врангеля. Обнаружение факта провокации в «Тресте» поколебало влияние Кутепова на вел. кн. Николая Николаевича. Однако совещание 2 июня завершилось без вынесения какого бы то ни было решения относительно целесообразности или нецелесообразности продолжения боевых действий в советской России кутеповскими отрядами. После этого совещания Кутепов встретился с глазу на глаз с Врангелем и просил его поддержки в трудную минуту. Ближайший друг Врангеля в Париже генерал П. Н. Шатилов сообщал ему о своих дальнейших переговорах:

Другой вопрос — это твое поручение в отношении Кутепова. Ты просил поддержать его теперь, когда он сам идет к нам с повинной. С ним я говорил 2 раза, но очень коротко. Только завтра мы сговорились встретиться у него, чтобы поговорить вволю.

Однако и за два коротких разговора я ясно увидел, что ни о какой повинной не может быть и речи. Мне кажется, что и теперь он занимается в отношении тебя боевую позицию. Он говорит о какой-то борьбе, которую мы с тобой ведем против него, и о том, что ничто и никто не может его заставить сойти с того пути работы, на котором он теперь стоит. Все события в России (взрыв в Петрограде, убийство на дрезине и адск<ую> машину в Московском Г.П.У.) он приписывает себе. Он мне сообщил, что он командировал специально для этого определенных лиц, что адск<ая> маш<ина> подложена Захарченко, что убийство на дрезине совершено Касаткиным, которому он поручил совершить этот террор<истический> акт, чтобы подтвердить свою к нам искренность. Заговорил он опять о том, что, собственно говоря, провала не было, что он не доверял Тресту и что у него всегда были и др<угие> пути работы. Лишь немного он смутился тем, что я ему сказал, что вижу, что он продолжает стоять на опаснейшем пути работы с провокаторами.

Завтра поговорю с ним детально. Думаю, что наш разговор лишь подтвердит мое заключение, что в оценке настроения Ал. Пав. ты ошибся²⁷.

Спустя два дня он послал уточненную оценку положения:

Дорогой Петруша, я несколько обеспокоен тем, что письмо мое от 14/VI я послал не с оказией, а по почте. Если бы оно пропало, то это могло бы повредить Ал<ександру> Павловичу. Напиши мне, пожалуйста, о получении указанного выше письма.

²⁷ Письмо П. Н. Шатилова от 14 июня 1927. Hoover Institution Archives, Vran-gel Coll., Box 147, file №33, л. 226—226 об.

Вчера я был у Кутепова. Говорил с ним долго. В общем я вынес впечатление, что мы с тобой были оба не правы в определении его настроения.

Конечно, не может быть и речи о какой-либо повинной, с которой, как тебе казалось, он к тебе пришел. Нет также и сознания полноты провала его работы. Но того боевого в отношении тебя тона, какой у него был при бывших у меня с ним до того коротких встречах, уже я не встретил. Объясняю это тем, что бывший в то время у него подъем от удачи в России уже остыл, причем он уже не уверен, что история с дрезиной дело рук О. Ст. Кас. <Опперпуга-Стауница-Касаткина.> Следовательно, себе на кредит он может вписать лишь историю в Петербурге. В отношении этого акта он уже имеет донесение.

Итак, он решил работу продолжать, причем я не верю, что он будет со мной достаточно откровенен. Впрочем, на его месте я бы сам не делился бы ни с кем. Его излишняя болтливость ему сильно повредила, <тем> более что откровенен он бывал именно с теми, с кем нужно было бы быть скрытным.

Расстались мы по-хорошему, но я все же мало верю в то, что он сумеет побороть в себе то чувство ревности, которое испытывал всегда в отношении тебя²⁸.

Врангель отвечал ему:

В искренность А. П. Кутепова я также не верю. Кто раз предал, всегда готов предать и второй. Мне казалось в то же время, что его приход ко мне, добрые слова, просьба поддержать его морально показывали, что он ищет сближения. Независимо от характера его побуждений, я в интересах общего дела не видел оснований его отталкивать. Если этих побуждений у него нет и нет оснований ожидать от него изменения его поведения, то остается лишь по-прежнему, игнорируя его проiski, пресекать лишь попытки его вносить смуту в умы чинов его бывшего корпуса.

Много сложнее вопрос с работой его в порученной ему Великим Князем области. Как показал опыт, работа эта губельна для пользы общего дела, губельна для тех, кто там в России творит то же дело, что и мы, губельна и для тех лучших, которые идут за нами и падают жертвой. Могли ли я, зная все это, молчать, допуская их гибель, молчанием моим как бы одобряя действия А. П. ? Говорить с Великим Князем, как показал опыт, бесполезно. Остается, б.м., одно — потребовать от А. П. или представить неопровержимые доказательства его утверждений, что работа его не потерпела краха, или потребовать от него от этой работы отойти, предупредив, что в противном случае я вынужден буду предостеречь тех, кто идет за мной, о гибели, которая им грозит. Но удар по А. П. был бы ударом по В. К. Мы стоим перед заколдованным кругом...²⁹

²⁸ Письмо Шатилова Врангелю от 16 июня 1927. Там же, л. 241—241 об.

²⁹ Письмо Врангеля Шатилову, Брюссель, 17 июня 1927. Там же, л. 228—229. Позже, уже после похищения Кутепова, Амфитеатров писал: «Врангель, высоко

По этому обмену письмами видно, до какой степени вопрос о «провокаторстве» и чекистском шпионаже являлся определяющим в том, что П. Б. Струве называл «интригами». В этой ситуации не было сюрпризом то обстоятельство, что официальное советское объявление о раскрытии неудавшегося покушения на М. Лубянке и о гибели всех преступников в перестрелке противники Кутепова в эмигрантских верхах восприняли с недоверием, как еще одно проявление «грязной игры» чекистов, как продолжавшуюся советскую провокацию, составную часть общего дьявольского плана.

Извещение ТАСС было обнародовано рано утром 5 июля:

В ночь со 2 на 3 июня с. г. имела место (как это известно из официального сообщения от 10 июня с. г.) предупрежденная сотрудниками ОГПУ попытка взорвать жилой дом №3/6 по М. Лубянке. В результате розысков ОГПУ установило, что злоумышленниками, совершившими попытку взрыва, являются трое террористов: Захарченко-Шульц, Оперпут и Вознесенский, нелегально перешедшие границу в СССР из Финляндии 31 мая с. г.

Во главе этой группы была известная монархистка, близкая родственница и правая рука английского агента генерала Кутепова, М. В. Захарченко, она же Шульц. Последние месяцы она, вместе с б. савинковцем Оперпутом, руководила из Финляндии террористическо-шпионской работой.

После неудачи покушения на взрыв террористы направились в Смоленскую губернию, где в 10 верстах от Смоленска Оперпут был застигнут крестьянской облавой, организованной ОГПУ 19 июня с. г. При задержании Оперпут оказал вооруженное сопротивление и был убит в перестрелке. Захарченко-Шульц с ее спутником Вознесенским 23 июня наткнулись на красноармейскую засаду в районе Дретуни, высланную белорусским особым отделом ОГПУ, в перестрелке с которой оба они были убиты. Оперпут был опознан как лично, так и по принадлежащим ему вещам своею женой, брошенной им в России, и следователями, допрашивавшими его ранее по делу савинковской организации. Захарченко-Шульц была опознана целым рядом сидящих в ОГПУ Кутеповских агентов, прибывших из-за границы. Найденный

ценный достоинство Кутепова как военачальника, считал его совершенно неспособным к роли руководителя политическим заговором. После Треста он говорил, что такая парижская работа внутри России должна быть совершенно прекращена на три года, только тогда может уничтожиться систематическая провокация и за это время найдены новые пути. Потому что, — собственные слова Врангеля, — «Кутепов так же, как и остальные парижские организации, ведущие борьбу, или всецело бессознательно находятся в руках большевиков, или, в лучшем случае, работают в этой области на пустой ход». — Александр Амфитеатров. *Стена Плача и Стена Нерушимая*. Изд. 2 (Брюссель: Издание Союза Русских Патриотов, 1931), с. 172.

среди других материалов дневник Оперпута с описанием приготовления взрыва и всего маршрута террористов от границы полностью подтвердил имевшиеся данные ОГПУ по этому делу.

Нельзя не отметить самоотверженного участия крестьян и других местных жителей, активно помогавших поимке шпионов-террористов. В перестрелке с террористами тяжело ранены: рабочий Яновского спиртного завода Николай Кравцов, крестьянин дер. Белоручье тов. Якушенко и милиционер Лукин Алексей, а также легко ранена жена краскома N-ского полка Ровнова.

Кроме того, террористами убит шофер машины штаба Белорусского военного округа Сергей Гребенюк и тяжело ранен его помощник Борис Голенков — оба за отказ везти террористов.

Председатель ОГПУ В. Менжинский.

4 июля 1927 г.
Москва³⁰.

Дополнительные детали были сообщены в появившемся на другой день интервью с заместителем Менжинского Г. Г. Ягодой:

В беседе с сотрудниками московских газет зам. пред. Объединенного Государственного Политического Управления тов. Г. Г. Ягода сообщил чрезвычайно интересные подробности последней «операции» белогвардейцев на советской территории, одновременно пресеченной в корне и стоившей террористам жизни.

— В какой мере серьезным следует считать покушение на взрыв дома по М. Лубянке?

— Взрыв готовился довольно умело. Организаторы взрыва сделали все, от них зависящее, чтобы придать взрыву максимальную разрушительную силу. Ими был установлен чрезвычайно мощный мелинитовый заряд. От него на некотором расстоянии были расставлены в большом количестве зажигательные бомбы. Наконец, пол в доме по М. Лубянке был обильно полит керосином. Если вся эта система пришла бы в действие, можно почти не сомневаться в том, что здание дома по Лубянке №3/6 было бы разрушено. Взрыв был предотвращен в самый последний момент сотрудниками ОГПУ.

— Вероятно, заготовка таких снарядов требовала большого времени?

— Снаряды и вообще вся террористическая аппаратура погибших белогвардейцев были изготовлены не в СССР, а привезены из-за границы. Это нами установлено совершенно точно. И конструкция снарядов, и состав наполнявших их взрывчатых веществ определенно иностранного происхождения. В частности, научная экспертиза в лице известных специалистов-химиков установила с полной категоричностью английское происхождение мелинита.

³⁰ «От коллегии Объединенного Государственного Политического Управления», *Известия*, 1927, 5 июля, с. 2; *Правда*, 1927, 5 июля, с. 3.

По вполне понятным причинам, я не стану указывать всех тех нитей, которые привели нас от Лубянской площади в Москве к белорусским лесам, где мы настигли скрывавшихся преступников. Могут лишь указать, что некоторые вещи, найденные в доме, где подготавливался взрыв, а также встречные сведения, полученные нами из Финляндии, раскрыли перед нами самую личность организаторов очередного белогвардейского покушения. Это оказались наши «старые знакомые». Известная террористка Захарченко-Шульц, в течение ряда лет борющаяся всеми способами с Советской властью. Являясь племянницей известного белого генерала Кутепова, прославившегося даже в эмиграции своей исключительной бесчеловечной жестокостью в отношении подчиненных ему белых солдат и казаков, заслужившего в эмиграции прозвище «Кутеп-паши», она вместе со своим дядей и шефом являлась доверенным лицом и постоянным агентом английской разведки. Можно сказать, что в лице Кутепова и Шульц зарубежные монархисты имели своих едва ли не наиболее ярых «активистов». В последнее время соответственные английские «сферы», изверившись в наличии каких-либо корней у монархистов в СССР, усомнившись даже в их связи с Россией, предложили своим агентам предьявить реальные доказательства того, что монархисты могут не только разговаривать и проклинать большевиков, но и действовать. Последние неудавшиеся террористические акты и следует, очевидно, считать тем доказательством, которое Кутепов и «кутеповцы» пытались предьявить англичанам. Другой участник покушения, Опперпут, тоже не новое лицо на белогвардейско-шпионском горизонте. Опперпут, не раз перекочевывавший из одной антисоветской группировки в другую, был и организатором савинковских военных групп в Белоруссии (БССР), и доверенным лицом у правомонархистов-николаевцев. Проживая последние месяцы в Финляндии, он помещал свои заметки в гельсингфорских газетах «Уси Суоми», «Хувустадтبلادт» и др. газетах, ведших наиболее яростную агитацию против СССР. Третий участник покушения на Лубянке, именовавшийся по подложному паспорту Вознесенским, являлся своего рода «выдвиженцем» из среды белых офицеров, посланных генералом Кутеповым в Финляндию для участия в террористической работе.

Перед самой экспедицией тройки в Россию ген. Кутепов приехал «проинспектировать» ее из Парижа в Финляндию. Здесь в Гельсингфорсе состоялись последние совещания всей группы, причем в теплой компании принял большое участие специально прибывший из Ревеля капитан Росс — сотрудник британской миссии в Ревеле, специально ведающий разведкой в СССР. Как видите, операции на Лубянке придавалось большое значение — она была крупной ставкой. И эта ставка оказалась битой.

После провала покушения террористы немедленно двинулись из Москвы к западной границе, в район Смоленской губернии. Вызывалось это тем, что у группы не оставалось никакой базы, никакого приютища в Москве. В Смоленском же районе Опперпут рассчитывал

использовать свои старые связи, знакомства среди бывших савинковцев. Кроме того, здесь ему и Шульц была хорошо знакома самая местность. Но намерениям шпионов-террористов не суждено было осуществиться.

Крестьянское население пограничных районов, широко оповещенное местными органами ОГПУ о личностях беглецов, показало поучительный пример понимания задач советской власти и истинного отношения к ее врагам. Необходимо иметь в виду, что именно Смоленская и Витебская губернии в свое время кишмя кишели бандитскими шайками, из которых и вербовались кадры савинковских банд. И именно теперь в этих губерниях крестьяне самым активным образом помогли нашим органам обнаружить террористов.

Белогвардейцы пошли в двух разных направлениях. В селах они выдавали себя за членов каких-то комиссий и даже за агентов уголовного розыска. Опперпут, бежавший отдельно, едва не был задержан уже 18 VI на Яновском спирто-водочном заводе, где он показался подозрительным. При бегстве он отстреливался, ранил милиционера — тов. Лукина, рабочего — тов. Кравцова, и крестьянина — тов. Якушенко. Ему удалось бежать.

Руководивший розыском в этом районе зам. нач. особого отдела Белорусского округа тов. Зирнис созвал к себе на помощь крестьян деревень — Алтуховка, Черниково и Брюлевка, Смоленской губернии. Тщательное и методически произведенное оцепление дало возможность обнаружить Опперпута, скрывшегося в густом кустарнике. Он отстреливался из двух «маузеров» и был убит в перестрелке.

Остальные террористы двинулись в направлении на Витебск.

Пробираясь по направлению к границе, Захарченко-Шульц и «Вознесенский» встретили по пути автомобиль, направлявшийся из Витебска в Смоленск. Беглецы остановили машину и, угрожая револьверами, приказали шоферам ехать в указанном ими направлении. Шофер тов. Гребенюк отказался вести машину и был сейчас же застрелен. Пом. шофера тов. Голенков, ими тут же раненный, нашел в себе силы и испортил машину. Тогда Захарченко-Шульц и ее спутник бросили автомобиль и опять скрылись в лес. Снова удалось обнаружить их следы в районе станции Дретунь. Опять-таки при активном содействии крестьян удалось организовать облаву. Пытаясь пробираться через оцепление, шпионы-террористы вышли лесом на хлебопекарню N. полка. Здесь их увидела жена краскома того же полка тов. Ровнова. Ознакомившись в них по приметам преследуемых шпионов, она стала призывать криком кр-скую заставу. Захарченко-Шульц выстрелом ранила ее в ногу. Но рейс английских агентов был закончен. В перестрелке с нашим кавал. разъемом оба белогвардейца покончили счеты с жизнью. «Вознесенский» был убит на месте. Шульц умерла от ран через несколько часов.

Найденные при убитых террористах вещи подвели итог всему. При них, кроме оружия и запаса патронов, оказались английские гранаты системы «Лемана» (на подводе, которую террористы бросили во время

преследования за Дорогобужем, найдены тоже в большом количестве взрывчатые вещества, тождественные с обнаруженными на М. Лубянке), подложные паспорта, в которых мы с первого же взгляда узнали продукцию финской разведки, финские деньги и, наконец, царские золотые деньги, на которые видимо, весьма рассчитывали беглецы, но которые отказались принимать советские крестьяне.

У убитого Опперпута был обнаружен дневник с его собственноручным описанием подготовки покушения на М. Лубянке и ряд друг. записей, ценных для дальнейшего расследования ОГПУ³¹.

Во врангелевском лагере реакция на версию, обнародованную в официальном советском коммюнике, была молниеносной. Уже 5 июля Шатилов писал Врангелю:

Ты, вероятно, читал об убийстве Захарченко, Стауница и Лангового. Сведение это лишь подтверждает предположения о том, что большевики решили еще раз использовать этих же лиц, но под другими же именами. Кроме того выясняется, что Захарченко была также в составе шайки предателей.

Есть лица, которые верят заметке, но мне что-то кажется обратное³².

Корреспондент с готовностью с ним согласился:

Для меня также несомненно, что заметка, помещенная в Советской прессе, касательно убийства Захарченко, Опперпута и Вознесенского, имеет определенной целью законспирирование этих лиц³³.

Характерно, что обвинение в провокации предъявлено здесь не только одному Опперпуту, этому патентованному, в глазах наблюдателей-современников, «советскому сверх-Азефу», но распространяется на всех трех участников операции. И если можно не удивляться тому, что оно приложено и к М. В. Захарченко, учитывая всегдашнее отрицательное отношение врангелевского круга к ней, то замечательна ошибка Шатилова, отождествившего незнакомую

³¹ «Подробности ликвидации группы белогвардейцев-террористов (Беседа с зампред. ОГПУ тов. Г. Г. Ягодой)», *Известия*, 1927, 6 июля, с. 2; *Правда*, 1927, 6 июля, с. 2; ср.: Лев Никулин. «Мертвая зыбь. Роман», в кн.: Лев Никулин, *Избранные произведения*, том 2 (Москва: Художественная Литература, 1979), с. 347—351. «Дневником» в интервью Ягоды названа, очевидно, записная книжка, упомянутая в протоколе, составленном 19 июня 1927 на месте происшествия. Он опубликован в кн.: Теодор Гладков. *Награда за верность — казнь* (Москва: Центрполиграф, 2000), с. 268.

³² Hoover Institution Archives. Vrangeli Coll., Box 147, file №33, л. 251 об.

³³ Там же, л. 252.

ему кличку Вознесенский с Ланговым — с фигурой, известной ему через Арапова, а с другой стороны, упомянутой и в разоблачениях Опперпута в гельсингфорских газетах и в *Сегодня*. Врангель, со свойственной ему осторожностью и взвешенностью суждений, не принял шатиловскую расшифровку этого имени, но нисколько не поколебался солидаризироваться с его общей трактовкой события: все три московских эмиссара Кутепова — чекисты-провокаторы; попытка взрыва — чистая выдумка, розыгрыш, блеф; «убийство» участников покушения — мистификация.

Более сфокусированной оказалась позиция рижской газеты *Сегодня*. Сообщение о причастности Опперпута к неудачной диверсии заставило ее вернуться к наиболее «демоническому» варианту портрета «сверх-Азефа». Вечером 5 июля она передала новость о судьбе организаторов взрыва со следующей справкой:

КТО ТАКОЙ ОПЕРПУТ?

Оперпут — это в действительности Александр Оттович Уппенинш, латыш из окрестностей Режицы, бывший агент Чека и ГПУ, работавший под различными кличками — Оперпут, Селянинов, Штауниц и др.

В 1921 г. Оперпут появился в Варшаве и вошел в организацию Савинкова. По делам этой организации он несколько раз переходил в СССР, где, как выяснилось впоследствии, сообщил чекистам все данные о деятельности организации. По доносам Оперпута расстреляно было очень много лиц, не только в Москве и Петербурге, но и во многих городах. В своей провокаторской работе Оперпут не остановился перед тем, чтобы предать в руки красных палачей свою невесту и двух ее сестер. Все трое были расстреляны³⁴.

В 1922 г. Оперпут выпустил брошюру, в которой с самой циничной откровенностью сам рассказывал о своей провокационной работе.

После этого в течение долгого времени работа Оперпута на пользу Чека и ГПУ шла в полной тишине, а затем весной этого года он появился в Гельсингфорсе и оттуда стал забрасывать многие зарубежные крупные газеты своими предложениями дать разоблачительный материал о деятельности Чека.

В своих письмах в ред. «Сегодня» Оперпут рассказывает, что ГПУ предлагало ему одновременно 125.000 рублей золотом и ежемесячную пенсию в 1000 рублей под условием, чтобы он не приступал к своим разоблачениям³⁵.

³⁴ Речь идет о княжнах Шербатовых.

³⁵ «Убиты террористы, пытавшиеся взорвать ОГПУ. Среди убитых — известный провокатор Оперпут (срочное сообщение “Сегодня”», *Сегодня Вечером*, 1927, 5 июля, с. 1.

Наутро, снова процитировав заявление, подписанное Менжинским, *Сегодня* сопроводила его следующим комментарием:

Приведенное выше заявление председателя ОГПУ содержит в себе сведения, заставляющие относиться к ним с большой осторожностью.

ОГПУ сообщает, что в числе лиц, перешедших в СССР, находились: Захарченко-Шульц, Оперпут и Вознесенский. Глава этой группы М. В. Захарченко-Шульц вместе с «савинковцем» Оперпутом будто бы руководили террористической работой против большевиков из Финляндии, организовали неудавшийся взрыв здания ОГПУ, а затем будто бы направились в Смоленскую губернию, где и были застигнуты крестьянской облавой и в перестрелке убиты. Группы их опознаны, а среди бумаг, найденных при убитых, будто бы находился дневник Оперпута с описанием подготовки взрыва и всего маршрута террористов в России. Таково содержание советского официального сообщения.

Странно, — говорилось далее в статье, — что террористы несли на себе изобличающие себя документы, да еще такие, как дневник. Странно и то, что все убиты, и не осталось ни одного живого свидетеля. И это — на фоне всеобщего возмущения недавними бессудными казнями!

Нельзя не признать странным, что именно теперь, когда советская власть более чем когда-либо нуждается в документах, свидетельствующих о новом «заговоре», — вновь всплыло на поверхность имя провокатора Оперпута...

Не есть ли это инсценировка, за которой последуют новые расстрелы и казни невинных, на этот раз на основании сомнительных, а может быть, и специально сфабрикованных «документальных» данных?

Участие во всем этом деле Оперпуты³⁶ — советского Азефа, дает нам все основания предполагать это. Последние сообщения о его деятельности дают полное основание считать, что до последнего времени Оперпута продолжал выполнять задания ГПУ. Уже после появления в «Сегодня» его «разоблачений», на крайнюю фантастичность которых мы своевременно указали, к нам поступили сведения, неопровержимо доказавшие предательскую роль Оперпута в выдаче целого ряда организаций в России. Мало того, как раз те эмигрантские круги, по поручению которых, как говорит заявление ОГПУ, будто бы действовал Оперпут, — самым категорическим образом отмежевались от него. Следовательно, Оперпут не мог действовать по поручению «Кутеловской» или иной эмигрантской группы.

Остается предположение, что и в данном случае имеет место очевидная провокация и для сокрытия следов Оперпута был «убит». Но мы знаем случаи, когда, напр., с находящимся ныне в Риге провокатором

³⁶ В этой и других заметках *Сегодня* приводит имя своего персонажа то как Оперпута, то как Оперпут.

Альбертом Пирро, Киевская Чека официально объявила об его расстреле, чтобы дать ему возможность на время исчезнуть и в нужный момент приняться за новую предательскую работу. Возможно поэтому, что и в данном случае убийство Оперпуга фактически не имело места и этот ценный для ГПУ сотрудник оставлен в сохранности.

Мы уже указывали в свое время на предательскую роль Оперпуги в деле «Народного союза защиты Родины и Свободы». После его предательства было расстреляно свыше 100 человек. По-видимому, предательскую роль он сыграл и в деле расстрелянного полк. Эльвенгрена. Установлен и факт выдачи им организации евразийцев. Число его жертв слишком велико, чтобы не считать его одним из самых крупных агентов-провокаторов ГПУ. И вот такого сотрудника «крестьянская облага» убивает. Возможно, что чекистам понадобилось, чтобы Оперпуга на время исчез. Вот и решили «убить» его, а на основании «дневника» получить возможность объявить новую полосу красного «террора». Даже способ инсценировки «поимки» остался старым. В свое время, когда впервые поступило в зарубежную прессу сообщение об аресте Оперпуги в 1921 г. — до провала Савинковской организации, — большевики тоже сообщали, что при аресте Оперпуга оказал сопротивление. Тогда он не был еще изобличен — необходимо было заставить «думать», что он «случайно» попал в засаду и «принужден» был выдать. И что ж — оказавшего сопротивление члена Всероссийского народного союза защиты Родины и Свободы Оперпуга-Спекторского-Селянинова выпустили на свободу, а рядовых, завербованных им членов Союза расстреляли.

В деле евразийцев — Оперпугу — одному из «активнейших» организаторов благополучно удастся бежать в Финляндию, а всех рядовых членов, имевших несчастье довериться провокатору, расстреливают. В данном случае: Оперпугу «убивают» 19-го июня, находят «дневник» и «маршрут» — все это делают «крестьяне», а 23-го, вероятно, на основании маршрута и дневника, уже красноармейские части и агенты ГПУ настигают Захарченко-Шульц и Вознесенского. Во всех случаях Оперпугу «задерживают» первым, а затем уже, на основании его показаний и найденных при нем документов, остальных. Как будто выработан уже определенный трафарет действий, по которому и поступает ГПУ. Соблюден ли этот трафарет и на этот раз и не придется ли вновь услышать о разоблачениях Оперпуга — покажет будущее³⁷.

В известном смысле эта статья переключается с самой первой заметкой об Опперпуге в *Сегодня*, появившейся 9 мая. Здесь такая же неразборчивость в использовании аргументов, голословность утверждений, а то и прямое искажение фактов. В частности, нет оснований полагать, что к моменту появления статьи «как раз те

³⁷ «Покушение на взрыв ГПУ или новая провокация?», *Сегодня*, 1927, 6 июля, с. 2.

эмигрантские круги, по поручению которых, как говорит заявление ОГПУ, будто бы действовал Опперпут, — самым категорическим образом отмежевались от него. Следовательно, Опперпут не мог действовать по поручению “Кутеповской” или иной эмигрантской группы». Это заявление *Сегодня* как бы предвосхищало реакцию кутеповского окружения и услужливо приглашало его к такому опровержению. В свою очередь, коль скоро ни одна действующая в эмиграции группа не стояла за Опперпутом, то, по логике газеты, здесь имела место чистая провокация чекистов. Излишне напоминать, что отрицание подлинности покушения на М. Лубянке отвечало позиции, занятой газетой с самого начала, с первой майской заметки об Опперпуде, в составлении которой, как мы видели, большую роль сыграли сфабрикованные ГПУ материалы. Замечательно, как сходятся друг с другом задача тотального опровержения всех до одного пунктов официального советского заявления и информационный подлог, изготовленный в недрах ГПУ.

При написании статьи в *Сегодня* о покушении на Лубянке неназванный ее автор воспользовался данными, по-видимому, присланными в газету ранее, но до тех пор не оглашенными. Таковой именно является новость о провале евразийской организации внутри России. Слух был чистойшей выдумкой, поскольку такой организации внутри России вообще не существовало (в отличие от МОЦР, она с самого начала была наспех слеплена из чекистов как ответвление «легенды»); неудивительно, что никаких других подтверждений такого «разгрома» больше ниоткуда не поступало. Возможно, однако, что этот слух о «провале» находится в каком-то отношении с ошибкой Шатилова, отождествившего Вознесенского с «евразийцем» Ланговым.

Несколько двусмысленно, при общем саркастическом тоне статьи *Сегодня*, звучит ее концовка. Понять ее можно таким образом, что из бесчисленных грехов Опперпуда наиболее тяжким были его «разоблачения». Но остается неясным, идет ли речь о разоблачениях 1921 года, подрывавших репутацию савинковской организации, о разоблачениях мая 1927 года, разрушавших «легенду» о «Тресте», или же о тех и других вместе, как если бы вред, причиненный Опперпутом в обоих случаях, был один и тот же. Как бы то ни было, не приходится сомневаться в том, что при составлении этой статьи были опять широко использованы консультации А. К. Рудина.

Тем временем продолжалась эскалация сенсационных разоблачений. Новые злодейские черты Опперпуда были освещены в заметке, напечатанной в *Сегодня Вечером* на следующий день: выясни-

лось, что он бесчинствовал и в Риге в дни большевистского владычества в 1919 году, будучи «комиссаром особых поручений при политическом отделе, т.е. рижской чека». Заметка, для вящей убедительности сопровождавшаяся фотографией Опперпута, описывала пьяные оргии и расстрелы в самых красочных деталях. Сообщалось, например, как, «увидев при уборке трупов на пальце расстрелянного барона У. золотое кольцо с бриллиантом, Опперпута старался снять это кольцо, но когда его усилия оказались напрасными, он кинжалом отрезал палец вместе с кольцом»³⁸.

Уже на утро газета должна была отказаться от этих гиперболических обвинений, заодно сняв и ряд своих ранее высказанных подозрений:

Во вчерашнем номере «Сегодня» появилось сообщение о том, что во время пребывания большевиков в Риге в 1919 г. в состав руководителей рижского ЧК, прославившегося кошмарными зверствами и массовыми расстрелами, входил также и Упениньш-Опперпута, который на днях, по сведениям советской печати, был убит после неудавшегося покушения на взрыв здания ОГПУ.

В сообщении «Сегодня Вечером» указывалось, что Опперпута в бытность свою в Риге принимал самое деятельное участие в расстрелах и оставил Ригу лишь в тот момент, когда 22 мая 1919 г. ландсвер и войсковая группа Балодиса очистили город от большевицкого владычества. Сведения эти получены были из источника, заслуживающего доверия.

³⁸ «Опперпут — бывший чекист в Риге», *Сегодня Вечером*, 1927, 7 июля, с. 1. В другой «утке», пушенной в ход латышской армейской газетой *Latwijas Sargs*, утверждалось, что покушение 3 июня ставило своей целью взорвать главное здание ГПУ. По этой информации, Опперпут, родом из Резекне, учился в одной из рижских средних школ, свободно говорил по-русски, немецки и французски, а также владел польским языком. Внешне он напоминал не латыша или русского, а скорее англичанина, шведа или немца. Уйдя добровольцем в 1914 г. в армию, он поступил в Ораниенбаумское военное училище, из которого был удален из-за нарушений дисциплины, дезертировал из армии и до Февральской революции кочевал по Кавказу и Туркестану. Со своими будущими друзьями-чекистами Опперпут якобы сошелся в 1917 г., еще до Октябрьского переворота. В большевистской партии он состоял членом под фамилией Греков. Дзержинский и Петерс командировали его в Финляндию и Швецию в 1918 г., а затем он послан был «разрабатывать» грузинских меньшевиков Чавчавадзе и Рамишвили. В 1919 г. Опперпут вел свою провокаторскую работу на Украине, в 1920 — в Бессарабии, а в 1921, под именем von Shtaunitz, — в Варшаве. Статья, полная совершенно фантастических вымыслов, была послана в редакцию 6 июля ее ленинградским корреспондентом А. Блумбергом. От кого Блумберг получил эти сведения, которыми он поспешил поделиться со своими читателями, можно лишь гадать. См.: А. Blumbergs, «Kas ir «nemirstigais» schekists Operputs-Upeninsch», *Latwijas Sargs*, 1927 г., Nr.139, 11 julijā, 2.lpp.

После выхода «Сегодня Вечером» в свет, в редакцию поступили сведения совершенно противоположного характера. Лица, хорошо знающие Оперпуга, категорически утверждают, что, будучи латышом, он с 1914 г. не бывал в Риге. Роль Оперпуга в рижской ЧК и приписанная ему деятельность в ней, по словам хорошо знающих его лиц, совершенно не соответствуют характеру Оперпуга, который, будучи даже агентом ЧК, проявлял себя не в роли палача и насильника, а в роли тонкого и ловкого провокатора, всегда маскировавшего свою близость к ЧК. Тем самым исключается всякая возможность, чтобы Оперпуга лично принимал участие в каких бы то ни было оргиях и зверствах чекистов.

Абсолютно исключающие друг друга сведения о деятельности Оперпуга в Риге, исходившие каждый раз от лиц, ссылавшихся на личное знакомство с Оперпугой, побудили редакцию «Сегодня» проверить их у компетентных лиц.

В результате удалось выяснить, что сведения о деятельности Оперпуга в качестве агента рижской ЧК основаны, по-видимому, на несомненном заблуждении. Оперпуга в Риге не выступал в качестве агента ЧК, и вся его работа после большевицкого переворота протекала все время вне Латвии, главным образом в Польше и Финляндии, а также, разумеется, в крупных центрах СССР, где при участии Оперпуга центральными органами ГПУ создавались монархические организации, при помощи которых в сети чекистов попадали невинные жертвы.

Вместе с тем удалось выяснить правдоподобность сообщения председателя ОГПУ — Менжинского — о том, что Оперпуга совместно с двумя другими лицами (родственницей ген. Кутелова Захарченко-Шульц и офицером Вознесенским) перешли из Финляндии в СССР для совершения антибольшевицких террористических актов, в частности, взрыва помещения ОГПУ в Москве на Лубянке.

Задача взорвать все колоссальное здание ГПУ не представлялась осуществимой, и поэтому, как передают, упомянутые лица задались целью взорвать лишь ту часть помещения ГПУ, в которой находятся кабинеты главного руководителя московского застенка председателя ОГПУ Менжинского и его правой руки чекиста Ягоды.

Утверждения официального сообщения ОГПУ о том, что все три участника покушения на взрыв (Оперпуга, Захарченко-Шульц и Вознесенский) были убиты, представляется вполне вероятным. Ложно лишь, как передают, утверждение ГПУ, будто, отправляясь в СССР на совершение террористических актов, Оперпуга захватил с собой свои дневники, с подробным описанием подготовки взрыва и всего маршрута террористов от границы. По сведениям из осведомленного источника, Оперпуга действительно обладал исключительно богатым материалом о деятельности ГПУ как в СССР, так и за границей и, кроме того, в бытность свою в Финляндии, успел составить подробные записи и дневники о своей работе в ЧК и ГПУ.

С этими сенсационными материалами Оперпуга удалось ознакомиться в Гельсингфорсе довольно значительному кругу лиц и, как сообщают, наиболее ценные материалы и дневники находятся в сохран-

ности в надежном месте, во всяком случае, вне пределов большевизмской досягаемости. И даже теперь, после смерти Оперпута, материалы его не будут потеряны для истории и, вероятно, в скором времени станут предметом широкой гласности. И тогда лишь роль Оперпута предстанет в истинном свете³⁹.

Таким образом, в результате консультации с «компетентными инстанциями», редакция *Сегодня* быстро пришла к дезавуированию обвинений, высказанных сразу после ознакомления с официальным извещением ОГПУ 5 июля. В этом свете наивной выглядит позднейшая ссылка С. Л. Войцеховского на первоначальную реакцию рижской газеты как на самое авторитетное подтверждение правоты его теории о том, что гибель Опперпута в июне 1927 была просто чекистским вымыслом⁴⁰.

Скептическое отношение к официальной версии, столь распространенное в эмигрантской литературе, заставляет в первую очередь задаться вопросом о причинах установления определенной очередности намеченных террористических акций, как она была согласована перед походом кутеповского отряда. И тут ясно, почему взрыву на Лубянке было отдано первенство перед покушением в Ленинграде. Выбор того или иного учреждения должен был быть сделан тройкой Ларионова на месте исходя из наличествующих условий, тогда как диверсия против одного из зданий ГПУ на Лубянке могла априори иметь большую огласку и больший эффект. Из всей группы в шесть человек, перешедших границу 31 мая, Опперпут располагал наиболее основательным знанием этого объекта операции. По расчетам Опперпута, как замечает Т. Гладков, «чудовищной силы взрыв вот-вот должен был до основания разрушить все здание и похоронить под обломками спящих жильцов». Но в реальности все обернулось иначе: «Первая взорвавшаяся шашка разбудила нескольких сотрудников, спавших в ближайшей комнате. Они выбежали в коридор, все мгновенно поняли и, рискуя жизнью, оборвали тлеющие шнуры и обезвредили адскую машину. Опперпут перехитрил сам себя: ни к чему было окружать заряд мелинитовыми шашками, вместо того чтобы помешать обезвреживанию, они смогли его обнаружить»⁴¹.

³⁹ «Был ли Оперпута чекистом в Риге», *Сегодня*, 1927, 8 июля, с. 3.

⁴⁰ С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы* (Канада: Заря, 1974), с. 165.

⁴¹ Теодор Гладков. *Цит. соч.*, с. 267. Ср.: «Он <Опперпут> хорошо знал особенности охраны общежития ОГПУ, вплотную примыкавшего к стене здания штаб-квартиры советских органов госбезопасности. В случае взрыва «адской

Можно понять также, почему находившимся в Ленинграде членам группы было рекомендовано дожидаться официального оповещения о взрыве на Лубянке или связанного с операцией сигнала. Это должно было не связать руки членам ленинградской тройки, а наоборот, придать их действиям большую эффективность. Отметим это следует потому, что в позднейших писаниях об Опперпуге (заметка в *Революционной России* в октябре 1927 г., Р. Врага, С. Войцеховский) высказано было убеждение, что такая отсрочка, вкуче с симуляцией диверсии на Лубянке, представляли собой попытку сорвать акцию или обезвредить группу Ларионова. Успех операции, уверяют авторы этих работ, вытекал именно из того факта, что Ларионов пренебрег первоначальной рекомендацией Опперпуга или первоначально согласованным решением.

Истолкование провала диверсии на Лубянке как непреложного свидетельства «двойной игры» или фальшивых намерений исполнителя необоснованно. От неудач не застрахован никто. В конце концов, и одна из гранат, брошенных тройкой Ларионова, не взорвалась. И все же с тем, что неудача Опперпуга была неслучайной, согласиться можно: бдительность чекистов помогла предотвратить взрыв большой разрушительной силы. Охрана помещения могла быть усилена по сравнению с уровнем, к которому Опперпуг привык до своего бегства в Финляндию, и это как раз и могло оказаться для него неожиданностью. Более того — она не могла не быть усилена к тому времени. Вряд ли, конечно, чекисты заподозрили бы, что Опперпугу придет в голову самому вернуться в советскую Россию. Но они наверняка получили сигналы о намерении кутеповской дружины в ближайшее время совершить террористические акты в Советском Союзе и, разумеется, о том, что среди намечаемых объектов были здания ГПУ. Разведывательные данные об этих планах должны были поступить не по одному каналу. Недаром Г. Г. Ягода упомянул в своей беседе «встречные сведения, полученные нами из Финляндии», которые раскрыли «личность организаторов очередного белогвардейского покушения»⁴².

машины” в этом месте значительных разрушений и жертв избежать бы вряд ли удалось». — Владимир Мерзляков, «КРО ОГПУ: люди и судьбы двадцатых (Попытка осмысления спустя десятилетия)», *Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век* (Москва: Гелеос, 2000), с. 246.

⁴² Советские инстанции были хорошо осведомлены обо всем происходившем вокруг резидента английской разведки и вел. кн. Николая Николаевича в Гельсингфорсе Н. Н. Бунакова. Некоторые исследователи даже считают его агентом ГПУ. См.: Paul W. Blackstock. *The Secret Road to World War Two: Soviet Versus Western Intelligence 1921—1939* (Chicago: Quadrangle Books, 1969), p. 369.

Для входа в здание Опперпут мог воспользоваться каким-нибудь из прежних служебных пропусков, и, конечно, документ, им предъявленный, и информация, таким образом оказавшаяся в руках охраны, были столь внятной уликой, что ничего не было неестественного ни в том, что покушавшиеся бросились вон из Москвы, ни в том, что направились они в сторону белорусско-польской границы, на территорию, столь хорошо знакомую, как отметил Ягода, и Опперпуту, и Захарченко, ни, наконец, в том, что они, повинаясь требованиям конспирации, разделились. Было бы неоправданным видеть в последнем обстоятельстве доказательство разрыва Опперпута и Захарченко, якобы мгновенно «прозревшей» относительно истинной, «предательской» роли своего партнера. Ведь в конце концов и члены ларионовской группы уехали после взрыва порознь и встретились в назначенном месте лишь перед пересечением границы. Захарченко же с Вознесенским шли вместе парой потому, что район, в который они направились, юному Вознесенскому вовсе не был известен.

К позднему показанию невозвращенца-чекиста Г. С. Агабекова восходит формулировка, нередко толкуемая как авторитетное подтверждение «двойной игры» Опперпута в качестве организатора диверсии. Порвав со своим советским прошлым в 1930 году, он сообщил в мемуарах о разговоре, услышанном якобы в 1927 году, о том, что в тройке боевиков, совершивших попытку диверсии, был чекист («наш агент») ⁴³. Историки «Треста» отнесли к этому свидетельству как к вескому доказательству того, что неудавшийся взрыв был провокацией ГПУ ⁴⁴. Но, во-первых, сам Агабеков признал, что в апреле 1927 — июне 1928 года его в Москве не было: он провел это время безвыездно в Персии в качестве резидента ОГПУ ⁴⁵. А во-вторых, ничего криминального сама по себе эта фраза, каково бы ни было ее происхождение и дата произнесения, не включает:

⁴³ См.: Н. Чебышев, «Трест. История одной “легенды”», *Возрождение*, 1935, 30 августа, с. 2; ср. Б. Прянишников. *Незримая паутина* (New York, 1979), с. 113—114.

⁴⁴ Святослав Рыбас. *Генерал Кутенов* (Москва: Олма-Пресс, 2000), с. 285—286.

⁴⁵ На это обратил внимание Н. И. Виноградов. См.: Н. Виноградов, «Правда о свидании большевизского агента Якушева-Федорова с великим князем Николаем Николаевичем», *Возрождение*, тетрадь 48 (декабрь 1955), с. 111; Н. Виноградов, «Из прошлого: о так называемом “Тресте” (по поводу первой части английской книги Д. Бэйли “Заговорщики”», *Переключка*, №132—133, ноябрь—декабрь 1962, с. 19—23.

ведь Опперпут и в самом деле был «наш агент» в том смысле, что в 1922—1927 годах он служил секретным сотрудником КРО ОГПУ. Это вовсе не значит, что и взрыв предпринимался им в качестве «нашего агента», по заданию чекистов.

Есть и другие соображения, заставляющие видеть в заявлении ГПУ адекватное отражение уровня сведений, которыми располагали власти в тот момент. К началу июля следствие оставалось в полном неведении относительно третьего участника боевой группы — «Вознесенского», хотя и было уверено, что это подпольная кличка, а не настоящее имя. Еще более симптоматичным был тот факт, что оно ничего не знало и о скрывшихся участниках победоносного покушения на Мойке, и о какой бы то ни было координации и связи между выступлениями обеих «троек» боевиков. Ленинградский взрыв был полностью проигнорирован в официальных июльских отчетах о раскрытии преступления на Лубянке. Будь Опперпут жив и будь он действительно коварным агентом ГПУ, данные о ларионовской группе гораздо раньше были бы преданы огласке, чем это произошло на самом деле. Установить их ГПУ сумело только после поимки 22 августа 1927 года и получения показаний Болмасова и Сольского, опиравшихся на рассказы благополучно вернувшихся из похода Ларионова, Мономахова и Соловьева.

Как мы помним, в июне, откликаясь на волну террористических антисоветских актов, парижские *Последние Новости* истолковали ее как проявление стихийного народного протеста, ширящегося в советской России. Ныне, в своей передовой статье от 7 июля, они (как первоначально и *Сегодня*) поставили под сомнение самый факт покушения 2—3 июня и заподозрили в этом махинацию ГПУ:

Подлинно ли имела место попытка взрыва, о которой говорилось в советском сообщении от 9 июня? Мы в свое время подчеркивали, что сов. правительство оказало себе плохую услугу осведомлением мирового общественного мнения о террористических актах, совершаемых в СССР. Но раз большевики сочли нужным создать в Европе впечатление, что происки «монархистов и белогвардейцев» создают опасность советскому режиму, не исключена, конечно, возможность того, что для усиления этого впечатления они присочинили некоторые покушения — в том числе и то, о котором идет речь. А сочинить виновных ведь не труднее, чем сочинить самое покушение. Но если допустить, что покушение было настоящим, — действительно ли названные в официальном сообщении лица были его организаторами? А если и были, не странно ли, что они — в том числе женщина — убиты в перестрелке где-то около Смоленска, да еще в разное время?

Примечательно при этом, что парижская газета полностью проигнорировала Опперпуга, хотя в свое время именно она начала кампанию против «советского сверх-Азефа», опубликовав поступившую из Риги заметку о его провокаторской карьере и бегстве из СССР на Запад.

Советское сообщение, уверяет автор статьи, — очень странное. На первый взгляд, главный акцент в нем — на обличении иностранного вмешательства, на кознях английской разведки, на разоблачении английского империализма. На самом же деле, как считают *Последние Новости*, вся эта история — провокация с целью оправдать развязывание бессудного террора, возобновить старую советскую практику расправы с заложниками. О кровопролитной диверсии на Мойке газета промолчала, ибо упоминание о ней ослабило бы тезис о полной беспочвенности советских аргументов в защиту расстрелов. Согласно статье, сейчас в стране совершается переход к новой форме бессудных расправ — к инсценировкам «попытки бежать», к имитациям «перестрелки»⁴⁶.

Передовая московских *Известий* в значительной степени служила ответом на появившиеся на Западе статьи. Установка на «заговоры» внутри СССР — говорилось в ней — обречена на провал, так как для такой борьбы антисоветских сил в стране нет почвы. Террористическая вылазка 3 июня — целиком импортного происхождения:

Это явным образом не заговор, корни которого лежат в СССР. Это — выполнение непосредственного задания английской разведки и связанных с нею заграничных монархистов. Это — не корни, а всего лишь *щупальцы*, которые извне протягиваются в Советский Союз. И в связи с этим — мелинит (лиддит) *английского* происхождения, *английские* же гранаты, финские деньги и т. д. Какой же это «заговор», если перед нами просто одна из командировок, в которую английская разведка отправила и снарядила своих агентов?

Никакой поддержки внутри страны эти агенты не имели:

Так случилось, что у группы Опперпуга не оказалось в Москве не только базы, но и слабых опорных пунктов. Ей осталось только одно: скорее бежать и спастись к своей испытанной и единственной базе — к границе, к тем разведчикам, которые прислали ее в Советский Союз. И во время этого бегства участникам группы довелось узнать, на какую самоотверженность способен массовый крестьянин, чтобы в корне раздавить все попытки возрождения бело-бандитизма.

⁴⁶ «Об одном сообщении ГПУ», *Последние Новости*, 1927, 7 июля, с. 1.

Поскольку террористические акты являлись частью агрессивных планов иностранного капитала, расстрелы, к которым прибегло ОГПУ, безусловно оправданны:

Если бы террористические акты зарождались в самом Советском Союзе, если бы наши внутренние отношения вели к превращению террора в массовый террор, расстрелы были бы так же бессильны приостановить его, как все попытки буржуазных правительств жестокими репрессиями задавить революционное рабочее и крестьянское движение в своих собственных странах, в Индии, в Китае, в Египте.

Но двадцать расстрелянных — это не представители и выразители массового движения в нашей стране. Это — шупальцы, протянутые к нашей стране английской разведкой и заграничной белогвардейщиной и вооруженные английским мелинитом и английскими гранатами⁴⁷.

В этой статье *Известий* ликвидированная тройка диверсантов называется то группой Опперпута, то группой Захарченко-Шульц. Кто действительно возглавил ее, так и остается неясным. Но по мере угасания надежд на то, что М. В. Захарченко удалось спастись, близкие к Кутепову круги столкнулись с необходимостью выделить эту героическую фигуру из ее окружения. 13 июля *Возрождение* поместило под рубрикой «Борцы в России» некролог, подтвердив тем самым известие о ее гибели, оспариваемое кругами «врангелистов»:

Несколько лет тому назад она ушла от нас в Россию. Что она делала там, как вела борьбу — мы не знаем. Может быть, когда-нибудь эта героическая страница для нас откроется. Знаем только, что один из главных чекистов, Ягода, заявил, что погибли очень крупные террористы.

Эта маленькая худенькая женщина один на один вела борьбу с большевиками и много лет чека не могла ее захватить. Не захватили и теперь.

Много дали бы чекисты за живую Захарченко, а не за ее труп⁴⁸.

Остается гадать, вызвана ли была публикация самостоятельной ценностью некролога, или же посмертная канонизация героини

⁴⁷ «Откуда они», *Известия*, 1927, 8 июля, с. 1.

⁴⁸ И. И., «Светлой памяти М. В. Захарченко», *Возрождение*, 1927, 13 июля, с. 2. Некролог датирован: «Белград, 8 июля». По поводу версии о ее гибели Войцеховский писал: «Обстоятельства смерти М. В. Захарченко теперь известны не только из советского сообщения об ее гибели, но и из документа, обнаруженного в так называемом Смоленском архиве, ставшем в 1941 году достоянием Германии, а ныне находящемся в Соединенных Штатах, и из показаний свидетеля этой смерти, ставшего эмигрантом в годы германско-советской войны». — С. Л. Войцеховский. *Трест. Воспоминания и документы*, с. 183; ср.: Б. Прияшников. *Незримая паутина*, с. 116.

была частью борьбы Кутепова против своих оппонентов, приписавших всей московской тройке роль исполнителя провокаторских заданий ГПУ.

Тем временем существенные изменения внес в свою трактовку событий П. Н. Шатилов. В письме его к Врангелю от 10 июля атрибут предателя был сохранен лишь за Опперпутом, тогда как за его спутниками на сей раз факт гибели признавался:

Я долго думал и внимательно следил за сообщениями большевиков о ликвидации Оперпута и компании. Последние дни я начинаю больше склоняться в сторону предположения, что Захарченко и Вознесенский действительно убиты по предательству Оперпута. Надо выяснить, кто именно Вознесенский. Это, оказывается, не Ланговой. М. б. это один из офицеров, поехавший вместе с Оперпутом⁴⁹.

Среди источников, из коих Шатилов почерпнул сведения, заставившие его скорректировать трактовку событий, был П. С. Арапов. Об этом мы можем заключить по письму Арапова к Врангелю, посланному в тот же день, 10 июля:

Дорогой Дядя Петр,
поздравляю тебя с днем твоих именин. Собирался заехать в Брюссель, чтобы тебя повидать, но, к несчастью, в ближайшее время не смогу это сделать. Виделся несколько раз с Павл. Ник. <Шатиловым> и сообщал ему некоторые мои соображения по поводу дальнейшего развертывания событий. Последнее известие о смерти К<асаткина> мне кажется мало правдоподобным: вернее, что А. П. <Кутепов> еще раз влип и был обманут, а К<асаткин> просто вернулся к своей прежней деятельности, забросивши старые следы.

Что бы то ни было, я по-прежнему считаю, что опасно «терять связь с противником». Напечатание подробных разоблачений, о кот<орых> мне предположительно говорил Пав. Ник., — никаких положительных результатов не обещает, а зато окончательно лишит возможности связаться и выяснить ряд еще темных пунктов. Я говорил Пав. Ник., что это было бы большой ошибкой.

Уезжаю сегодня в Англию⁵⁰.

Можно догадаться, публикацию каких материалов Арапов счел несвоевременной и нежелательной. Это, несомненно, «опперпутовские» статьи Шульгина, слух о которых распространился в обществе. С появлением советского извещения об обстоятельствах диверсии

⁴⁹ Hoover Institution Archives, Vrangeli Coll., Box 147, file №33, л. 281 об.

⁵⁰ Письмо П. С. Арапова к П. Н. Врангелю от 10 июля 1927. Hoover Institution Archives. Vrangeli Coll., Box 151, file №44, л. 368—368 об.

на М. Лубянке и гибели ее участников усилились попытки снять запрет, наложенный на эти статьи Кутеповым и Струве. Это ясно из письма Шульгина к Н. Н. Чебышеву от 17 июля:

А. И. <Гучков> мне написал, что хорошо было бы, если бы я послал статьи, находящиеся у Вас в копии, — Петру Николаевичу <Врангелю>. Собственно говоря, я был уверен, что Вы их пошлете для ознакомления. Просьба пользоваться доверительно к Петру Николаевичу не могла относиться. Если Вам не трудно, пожалуйста, пошлите, мне сейчас так трудно со всякими «копиями»: Марийка⁵¹ переведена «на кухню» ради экономии, и стукаю я все сам, и очень плохо и медленно нестерпимо.

Другая Мария <Захарченко-Шульц> трагически покончила свою бурную жизнь. Этого нужно было ждать: надо было лично видеть, как верила она в это дело и как была предана персонально некоторым людям. Для нее это было слишком горькое разочарование, после которого не стоило жить. Она пошла на безумье, лишь бы опять как-то воскресить веру. Цельный тип и будет когда<-нибудь> героиней киноромана с героическим концом. Боюсь, что она, бедняжка, приняла истинно мученический венец. Что кроется под этим «умерла от ран»? Она несколько раз мне говорила: «мы-то (с мужем) все равно погибнем»⁵².

В закулисной борьбе политических сил рекомендации по обнаружению шульгинских статей исходили из тех правых кругов, которые были недовольны деятельностью Кутепова и требовали отстранения его от работы в России. Их позицию выразил А. И. Гучков, писавший П. Н. Врангелю 30 июля:

После последних событий в России, после провала «треста», ввиду нервозности власти и запуганности населения приходится, конечно, приостановить всякую активную работу в России. Это, однако, не обознача-

⁵¹ Мария Дмитриевна, жена Шульгина с 1924 г., урожд. Сидельникова (1901—1968).

⁵² ГАРФ, ф. 5955 (Н. Чебышев), оп. 1, №22 (Письма Чебышеву), л. 114. В июле 1927 И. А. Ильин, посетивший Париж и редакцию *Возрождения*, писал Врангелю: «Редакция разлагается: редактора ан шефа медленно, но верно выпирают окопную войною. Он утомлен, сопротивляется пассивно, в лоб не бьет, флангов не обходит; вяло отгрызаясь, теряет позицию за позицией. Я не раз говорил с ним: и об упрямом брютете <Кутепове>, и о статьях Ш<ульгина> (я их читал). Удивительно: в тот момент, когда его аргументы разбиты и он смущенно умолкает, Вы чувствуете с особенной силой, что он все-таки поступит по-своему... К сожалению, сам Ш<ульгин> на юге; и увидеться с ним не удалось». — В. Г. Бортневский, «И. А. Ильин и П. Н. Врангель: 1923—1928 гг.», в его кн.: *Избранные труды* (С.-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 1999), с. 171; первая публикация — *Русское прошлое. Историко-документальный альманах*. Кн. 6 (1998), с. 249—250.

ет, что следует отказаться от поисков. Таковые поиски производятся, кой-какие возможности открываются и завязываются новые связи. <...>

Жаль Захарченко! да и погибла она зря, для реабилитации подмоченной заговорщической репутации К<утепо>ва. По человечеству ее жалко, но я рад, что хоть она доказала свою лояльность. Правда, по видимому, во всей банде она одна оказалась праведницей. Но какой же слепой! Как объяснить, что она ничего вокруг себя не видела?⁵³

А. А. фон Лампе, встретившийся с Врангелем в те летние дни, занес в дневник запись разговора, резюмирующую последние события:

Много подробностей говорил мне ПН <Врангель> о провале всей «разведки» Кутепова в России.

Дело в том, что пресловутый Федоров-Якушев, который когда-то для свидания с Климовичем был у меня в Берлине в присутствии Шульгина и Чебышева, которых я пригласил к неудовольствию Климовича, который валял дурака и делал вид, что он случайно встречался с Федоровым, тогда как я знал, что последнего прислал из Ревеля Щелгачев специально для встречи с Климовичем, — оказался самым настоящим провокатором и агентом ГПУ. В него уперлась вся разведка Кутепова, который вел ее с Федоровым и «Волковым», которые оба приезжали в Париж. Дело доходило до того, что Федоров был у ВКНН⁵⁴, но обоих «гостей» в Париж Кутепов открыто провожал на вокзал. «Волков» — это генерал Потапов, б. военный агент в Черногории... тоже провокатор.

Вся обстановка вызвала протест Климовича и самого ПНВ <Врангеля>. <...> Но все принималось на конкуренцию генералов, и Шуаны и Кутепов продолжали свою плодотворную работу, причем к Кутепову приезжала некая Зверева <М. В. Захарченко-Шульц>, которая была любовницей его агента в России Касаткина-Стауница-Оперпута и т. д.

Последний, стоявший в России во главе дела Кутепова, оказался тоже агентом ГПУ. Потом он рассорился со своими господами, бежал в Финляндию, там не получил условленных денег от большевиков и начал разоблачать все дело в рижской газете «Сегодня» — перед отъездом он все же предупредил агентов Кутепова, и большинство из них бежало из России не через те пути, через которые пришли, и тем спаслись. От двух офицеров, вероятно уже теперь убитых в ЧК, ПН <Врангель> получил просьбу передать ВКНН, что они все сделали для него и России и готовы умереть, но предупреждают, что они были преданы двумя также посланными с ними же Кутеповым. Эти сведения ВКНН, получив от ПН, записал в блокнот и перевел разговор.

Таким образом выяснилось из обстановки и показаний Оперпута, что часть ГПУ осведомляется о деятельности эмиграции и существовала на средства... казны ВКНН. Поездка Шульгина, организованная тоже Федоровым, — сплошной фарс, поставленный самими агентами ГПУ, державшими его все время под угрозой и не пускавшими его туда,

⁵³ Hoover Institution Archives. Vrangell Coll., Box 151, file №44, л. 265.

⁵⁴ У великого князя Николая Николаевича.

куда следовало (там опасно, поедет Антон Антонович), словом, провал невероятно глубокий, и все дело Кутепова (Шульгин говорил о том, что у того еще остались связи в России, Гучков же подтверждает, что нет) рухнуло, как рухнули все деньги, которые на это были добыты! В том числе и очень крупная сумма от Крамаржа, добытая П. Б. Струве...

Сам Кутепов делает вид, что ничего особенного не произошло и что это неизбежно связанное с его работой недоразумение.

ПН, видимо, стремится добиться, чтобы Кутепов свою «работу» прекратил!

А Шуаньи... безмолвствует!

Чебышев говорит, что АПК старается показать, что он заставил Оперпуга вернуться в Россию, где тот и погиб (последнее спорно), а с ним погибли, может, им преданные два офицера и Захарченко... АПК делается разведчиком именно того дурного тона, который мне так не нравится... он начинает хвастать всем. Оперпуга надо было привлекать в Европу, чтобы заставить его открыть то, что нам неизвестно, а не возвращать его в Россию на гибель... или на раскаяние перед большевиками.

По словам ННЧ <Чебышева>, АПК старается даже и убийство Воровского, которое совершилось тогда, когда он совсем был далек от дела разведки, приписать себе. Быть может, это потому, что Конради и Полуин офицеры его корпуса?⁵⁵

Расползавшиеся слухи о резко отрицательной оценке Врангеля деятельности Кутепова заставили генерала А. С. Лукомского, бывшего в тот момент одним из самых близких к великому князю лиц, попытаться оказать воздействие на лагерь недовольных. Он писал Врангелю 2 августа:

Когда я Вам писал письмо от 25/VII, я был далек от мысли, что Вы полностью разделяете циркулирующие слухи о «провале» работы, ведущей Александром Павловичем.

Для меня также является новостью (т.е. я узнаю об этом только из Вашего письма), что Вы предупредили В. Кн. о том, что А. П. попал в лапы провокаторов, и о том, что Вы не раз предостерегали и самого А. П.

То, что мне известно, — сводится к следующему:

1) Еще три года тому назад, при обсуждении некоторых вопросов в Берлине относительно связи с Россией (участвовали Н. Н. Чебышев, ген. Климович, ген. ф. Лампе, В. В. Шульгин*), якобы только один Н. Н. Чебышев указывал на возможность провокации и предупреждал, что опасно доверяться Г-ну, приехавшему из России.

Остальные участники совещания выявили полное доверие.

Вам об этом докладывалось (так я понял со слов Н. Н. Чебышева).

2) К поездке В. В. Шульгина в Россию А. П. *никакого* отношения

⁵⁵ «Из дневника А. А. фон Лампе. Май—август 1927 г.», *Политическая история русской эмиграции. 1920—1940 гг. Документы и материалы*. Под ред. профессора А. Ф. Киселева (Москва: Владос, 1999), с. 34—36.

* Был и господин из России.

не имел, и только уже в бытность В. В. Шульгина в России ему было оказано содействие одной из групп, работавших в связи с А. П.

3) Поездка В. В. Шульгина действительно произошла под наблюдением чекистов, и *одна из линий связи* была открыта и передана.

Но из этого далеко еще до вывода, что провалились *все*.

Ведь идет *война*, были и будут неудачи, были и будут потери...

В действительности, слава Богу, о полном «провале» говорить не приходится.

Положение А. П. трудное. Теперь его травят со всех сторон, а он пока не может всего сказать...

Если же узнают, что и Вы признаете «провал», — это будет для дела серьезный удар⁵⁶.

Примечательна тенденция в этом письме свести всю «трестовскую» историю к обстоятельствам путешествия Шульгина, как если бы оно, а не разведывательно-террористические аспекты, образовывало центральное содержание «легенды». Это в свою очередь показывает, какое значение придавалось закулисно циркулировавшим шульгинским статьям и попыткам их обнародования. Не совсем ясно, действительно ли Лукомский сам так воспринимал происшедшее, как оно изображено в письме, или он такую трактовку пытался навязать из тактических расчетов своему корреспонденту и его окружению. Во всяком случае, последнее ему не удалось. Сообщая П. Н. Шатилову о своем окончательном решении с Кутеповым в сотрудничестве не вступать, Врангель с недоумением упомянул об обращении Лукомского:

Так же, как и ты, я предвижу неизбежность нового провала А. П. Я не сомневаюсь, что ГПУ его не выпустит из своих лап. Надо быть совершенно наивным, чтобы допускать мысль, что ему удастся «оторваться». Мне непонятна позиция Лукомского. Вот уже более года как я прервал с ним всякую переписку. За последние 2—3 недели он вдруг стал писать мне чуть ли не два раза в неделю по всякому вздору. Несколько дней тому назад он разразился жалобами на то, что ходят слухи о каком-то «провале», что поводом к этому явилась поездка Шульгина, попавшего в руки чекистов, и т.п. Не желая поддерживать с ним на этот счет переписку, я ответил кратко, что «провал» для меня не неожиданность, что я в свое время предостерегал и В. К. и самого А. П. и что «конечно, это грустно». И только. Вчера получил вновь длинное письмо, в коем он между прочим пишет: <...>⁵⁷

На это Шатилов отвечал:

⁵⁶ Hoover Institution Archives, Vrangell Coll., Box 147, file №33, л. 346—349.

⁵⁷ Далее Врангель приводит цитированный выше пассаж из письма Лукомского от 2 августа. См.: Письмо Врангеля к Шатилову. Брюссель, 7 августа 1927. Там же, л. 333—334.

Как и ты, я не могу себе ясно объяснить причину, вызвавшую желание Лукомского вступить с тобой вновь в переписку.

Мне кажется, он хочет осторожно остановить твоё внимание на нежелательности осуждения работы Кутепова.

Ведь он (Лук.) является отчасти ответственным за то, что работа эта оставлена в руках А. П. Я тебе уже писал, что после провала было созвано совещание, при участии Лук., решившее работу в России продолжать под руководством Кутепова. С другой стороны, мне кажется, окружение хочет отчасти свалить вину на тебя указанием, что все дело произошло из-за поездки Шульгина, ехавшего по твоему поручению. Эти мысли я уже чувствовал и в более широких кругах, немного знающих о провале. Впрочем, м.б., я и ошибаюсь. Во всяком случае, о провале уже все забыли, а больше говорят теперь об удачах А. П. в Петербурге. Предлагают даже показать в натур<альную> величину офицера, бросившего бомбу в комм<унистический> клуб⁵⁸.

Щекотливость ситуации, в которой очутились Шульгин (как автор, с одной стороны, «Трех столиц», а с другой — двух ненапечатанных статей о своем путешествии) и *Возрождение*, отражает статья К. И. Зайцева, заместителя П. Б. Струве по редакции, представляющая собой рецензию на две новинки — только что вышедший французский перевод шульгинской книги⁵⁹ и выпущенную тем же берлинским издательством «Медный Всадник», где вышли *Три столицы* в оригинале, книгу Николая Громова *Перед рассветом. Путевые очерки современной сов. России*. Статья Зайцева ставит своей целью остановить множасьщиеся темные слухи о причастности ГПУ к поездке Шульгина и предотвратить разгул злорадно-враждебных истолкований его сочинения. Поэтому изображается оно как произведение не документальное, а по преимуществу беллетристическое:

Очерки Громова и очерки Шульгина прекрасно друг друга дополняют, как это правильно отмечено С. А. Кречетовым в предисловии к книге Громова. Трудно было выискать два описания того же объекта, более различные, по стилю, по содержанию, а главное, по всей, так сказать, установке сознания авторов!

Книга Шульгина — прежде всего художественное произведение, яркое, живое, образное. Как все, что пишет этот высокоталантливый писатель, и последняя его книга проникнута тем своеобразным и покоряющим шармом, который делает чтение даже серьезных размышлений и длинных описаний легким и увлекательным удовольствием. Книга Шульгина читается как роман. Эта банальная фраза в данном случае совершенно точна и не заключает в себе лстивого преувеличения.

⁵⁸ Речь идет о В. А. Ларионове. См.: Письмо Шатилова к Врангелю. 8 августа 1927. Там же, л. 360—360 об.

⁵⁹ Vassili Schoulgine. *La Résurrection de la Russie. Mon voyage secret en Russie Soviétique*. Traduit du russe par Ph. Poiget (Paris: Payot, 1927).

Особая прелесть шульгинского описания заключается, конечно, в том, что оно исходит от лица, извне, контрабандным путем, проникшего в советскую Россию и смотревшего на нее, так сказать, *нашими глазами*.

За полгода до того, в январе, П. Б. Струве акцентировал двойной характер книги: это не только литературное, но и политическое явление, причем второй аспект предстал как едва ли не основной. Сейчас К. И. Зайцев оказался перед необходимостью затушевывать политическое звучание шульгинских высказываний в *Трех столицах*. Шульгин, по его характеристике, *визионер*:

Мечтательством явилась и та «теория» советской действительности, которой пропитана вся его блестящая книга. Шульгин ехал в Россию глубоким пессимистом. В своих тогдашних мечтаниях он построил теорию умирания России в обезьяньих лапах коммунизма — умирания безнадежного и беспросветного, поскольку гнет коммунизма не будет свергнут извне в порядке вооруженной интервенции. Проникнув в Россию, Шульгин был поражен и, можно сказать, потрясен тем опровержением, которое дало его поверхностное, сквозь перископ, обозрение советской действительности, и он, в своих мечтаниях, сейчас же создал новую «теорию» — мечту, которую и сумел с обычной выразительностью и убедительностью развить в своей книге. Россия жива, под футляром советского гнета она зреет и наливаются соками для того, чтобы, в какой-то провиденциальный момент, совлечь с себя гнусную личинку и личину большевизма. Этот процесс идет, и ему только не нужно мешать. Нужно ждать того вождя момента, когда на путях эволюции произойдет революция.

Противопоставляя «мечтательство» Шульгина и трезвый отчет в книге Громова, рецензент дает понять, что истина — на стороне второго. Громов — беглец из советской России; он на себе испытал, что значит советская власть. Эта жизнь — не совсем то, во что она преобразилась под пером Шульгина. Ни о каком процессе созревания под советским игом, процессе, способном своими собственными силами свалить советскую власть, — у Громова не может быть и речи. Конфликт у него состоит в ожесточенной борьбе сил жизни, воплощаемых Россией, — и сил смерти, воплощаемых советской властью⁶⁰.

Для сравнения приведем пространный отзыв В. А. Маклакова, посланный им в ответ на давнюю просьбу Б. А. Бахметева о разъяснении некоторых пассажей в *Трех столицах*. Разговор о шульгинской книге переходит здесь в разговор о «Тресте» и судьбе Опперпута (которого автор письма ошибочно именует Оверпутом):

⁶⁰ К. Зайцев, «Две книги о советской России», *Возрождение*, 1927, 4 августа, с. 4.

Начну с Шульгина; тут я действительно виноват перед Вами и в свое время не ответил на Ваши вопросы, а затем о них позабыл. Более всего потому, что «дело Шульгина» никогда не было стационарно, все время изменялось в своем освещении.

Помню, что я тогда же показал Шульгину Ваш отзыв о нем и Ваш запрос; отзыв был, конечно, ему приятен, но на самый запрос он уже ответил с некоторым пожиманием плеч, что, конечно, дескать, Вы правы и он видит в той организации, которая его возила, зародыш будущего фашизма, полезного для России, но...

Дело в том, что Шульгин, как очень эмоциональный человек и при этом очень искренний, сам переживал эволюцию своих собственных наблюдений; переехал он границу в совершенно восторженном настроении; затем это настроение стало понемногу падать; я его увидел много раньше появления книги, и *тогда* уже он признавался мне, что вводит поправки в свои выводы. Все это довольно понятно; ехал он в Россию, полный воспоминаний 20-го года, когда было видно только одно продолжающееся разложение, и материальное и моральное, когда можно было думать, что Россия погибает; к своему изумлению, он столкнулся с обратным и новым процессом, морального и материального восстановления. Все это приятно поражало; и то, что закипало оживление в экономической жизни, и то, что никто не поддерживал большевистских идеалов и мечтаний, и то, что в разговорах на улицах их перестали бояться, и *last but not least* то, что в России уже могла существовать и действовать «контрабандистская» организация. Шульгин воочию наблюдал развитие «быта», по Вашему выражению, и думал, что он находится накануне того дня, когда этот быт скovyрнет власть. Это чувство было в нем настолько живо, как он мне признавался, что когда он переехал границу, то почти каждый день ждал в газетах известия о перевороте. Известие не приходило; он поневоле признавался себе, что процесс все-таки более затяжной, чем ему казалось, и начинал резонерствовать, объясняя по-своему и сущность процесса, и его будущность, и причины, его замедляющие.

Когда я его видел, то он уже несколько сомневался в полной точности своих впечатлений, которые служили для него только поводом осмысливать ту перемену, которая происходила в России; Вы совершенно правы, отмечая, что его разговоры, приведенные в книге, есть только способ излагать свои собственные мысли; это не есть полная ложь и выдумка; это только комбинация; он соединял в одно разговоры с разными лицами и в разное время, придавал им логическую стройность и литературную ясность и вводил в русло собственных представлений. Все, что он вкладывает в уста своих слушателей, все было сказано, только по разным поводам и в разное время, и его собеседники явились как бы сводным политическим портретом того нового типа деятелей в России, в которых он видел Россию будущего, и главных деятелей предстоящего переворота. В его книге очень нетрудно отличить тех персонажей, которые являются реальными людьми, дающими материал для наблюдений, и тех собеседников, с которыми он рассуждает и устанавливает понимание своих наблюдений. Первое — сама

жизнь, а второе — общая теория и политика. К моменту появления книги непосредственные впечатления все более и более забывались и отходили на задний план; под влиянием расспросов и допросов, с которыми на Шульгина нажились все эмигранты, требуя от него не картин, а выводов, при этом непременно выводов в том направлении, в котором им хочется, наименее интересная часть книги, т.е. рассуждения, поневоле вылезали на первое место; если бы он еще замедлил с печатанием своей книги, то она бы вышла еще слабее, так как рассуждения совершенно заслонили бы впечатления, а вернее, и вовсе не вышла бы. Вы сейчас увидите, почему.

Последний удар шульгинскому оптимизму, с которым он приехал из России, нанесло обстоятельство, которого Вы, может быть, не знаете: а именно роль этой самой организации, на которую он возлагал надежды. Вначале он действительно видел в ней громадную силу, что-то вроде большевиков наизусть, т.е. попросту говоря — фашистов; как Вы видите, в самой книге положительной общей программы у них и не было или это была скорее моральная, чем политическая программа; Шульгин это признавал, но считал, что в этом не только их сила, но что это было особенно необходимо в том моральном развале, который овладел Россией. С его точки зрения, такие вопросы, как о роли Николая Николаевича, для него играли третьестепенную роль; возвращаясь к Вашему конкретному вопросу, мне он говорил, что кое-что знает и про Врангеля, и про Ник<олая> Ник<олаевича>; но упоминания о них он слышал только в той организации, с которой <со>прикасался, а не в массах, которые наблюдал; правда, члены организации уверяли, по крайней мере некоторые из них, что обаяние этих людей довольно сильно в деревнях; но это было уверение, им не проверенное и к которому он относился довольно скептически. Дальше тоски по порядку и по хозяину сам он ничего не видел, но признает, что этим хозяином, конечно, мог быть и не монарх, особенно «царского корня», по выражению Струве. Словом, вопрос о монархии, о династии — один из тех вопросов, которые пафоса не возбуждают и на которых страны не поднимаешь; пафос могла захечь только мечта об упорядочении всей коллективной жизни и о личной безопасности в широком смысле этого слова, т.е. о правовой и имущественной. Но все это к слову; возвращаясь к тому, что мечты Шульгина о быстром перевороте, и о способах этого переворота, и о связи того, что совершается в России, с эмиграцией все шли в русле этой контрабандистской организации. Шульгин поддерживал с нею и некоторую связь. Говорят, хотя проверить этого не могу, что некоторые из его друзей приезжали сюда, были приняты и Н<иколаем> Н<иколаевичем>, и большими генералами, уверяли здесь, что для переворота все если не готово, то подготавливается, и звали больших генералов съездить в Россию и посмотреть, а может быть, и возглавить переворот. Говорят опять-таки, что им здесь дали деньги, но что никто не поехал; а лично Врангель будто бы отнесся ко всей этой затее с большим недоверием. Все это происходило помимо меня, но за несколько дней до своего отъезда на юг Шульгин пришел ко мне проститься и, совершенно расстроенный, поведал мне то, о чем раньше не говорил, а именно, что много из его

собеседников по контрабандистской организации, и из самых крупных, оказались, и с несомненностью, агентами ГПУ.

Конечно, многое и по сю пору остается таинственным; не все члены организации гепейсты, и, наконец, и гепейсты не одного сорта; есть среди них лица, игравшие двойную роль, как когда-то Дегаев или даже Азев. Доказательство, что главный собеседник Шульгина — Оверпут — сделался гепейстом тогда, когда ему предложили на выбор быть расстрелянным как контрреволюционер или служить новой власти; этот самый Оверпут не только публично покался в своей роли, но, по-видимому, постарался искупить ее организацией какого-то заговора против самого ГПУ и в этом деле погиб, был убит в перестрелке с настоящими гепейстами, о чем и опубликовано советскими газетами; впрочем, и тут скептики говорят, что это неправда, что Оверпут вернулся на службу к Советам, а известие о его смерти сообщено только для замещения следов. Шульгин недоумевал в разговоре со мной, почему же его выпустили? Самое вероятное объяснение, обидное для его самолюбия, что его не считали опасным, а напротив, хотели им воспользоваться, отчасти для даровой рекламы, а отчасти для привлечения в советскую Россию лиц более опасных. Последнее тем вероятнее, что благодаря шульгинской рекомендации этой организации платили деньги (чуть ли не из казны великого князя), и если большие генералы активной контрреволюции не поехали в советскую Россию, то посылали маленьких, которые, конечно, помогали гепейстам быть в курсе того, что против них затевается, и иметь всегда, а ля Фуше, несколько готовых заговоров в кармане. Обо всех этих разоблачениях много говорят, но мало пишут; заинтересованные лица молчат или даже все это отрицают. Недавно ко мне приходил один из главных деятелей этого рода политики⁶¹, чтобы сообщить мне, что я введен в заблуждение, что все эти слухи раздуты, что они отлично в курсе, кто является гепейстом, и что это они проводят за нос ГПУ, а не обратно. Другие люди, более или менее посвященные, говорят совершенно другое; где тут полная правда, узнать невозможно; у меня давнишнее и органическое недоверие к заговорщической деятельности, потому я и всегда предполагаю самое худшее. Но Вы понимаете, как все эти разоблачения, хотя бы в них и были преувеличения, уменьшили какой бы то ни было авторитет той организации, с которой имел дело Шульгин, и уверенность в том, что именно этим путем придут к избавлению от большевизма; я думаю, что, если бы все это стало известно раньше, шульгинская книга была бы иная, а может быть, и вовсе не вышла бы. Вот почему, между прочим, мне было и трудно в процессе этих разоблачений и сюрпризов более или менее обстоятельно отвечать на Ваши вопросы⁶².

⁶¹ Возможно, это был сам Кутепов.

⁶² Письмо В. А. Маклакова к Б. А. Бахметеву от 16 сентября 1927. — «Десять лет спустя, или переписка 1927 года: В. А. Маклаков и Б. А. Бахметев». Публикация, вступительная статья и комментарии О. В. Будницкого, *Диаспора*. II. *Новые материалы* (С.-Петербург: Феникс, 2001), с. 433—436.

К самому Врангелю продолжали поступать сообщения из «внутренней России» о происходившем вокруг «Треста». П. С. Арапов, после краткой своей поездки в Германию, рапортовал:

Дела с Феодоровым и Ко развиваются в очень интересную сторону — сейчас ничего еще точно сказать не могу, но надеюсь, что в ближайшие дни прояснится масса интересного. Я узнал, между прочим, хотя ручаться за правду этого и не могу, что Оперпут за свои гастроли за границей получил высокую награду от ГПУ (!) и что он сейчас (конечно, не думает быть убитым) послан на Дальний Восток в Китай для новой работы. Слышал также, что Г-жа Захарченко не убита, но сидит до сих пор во Внутренней тюрьме ГПУ⁶³.

Это указание Арапова впервые, насколько нам известно, оглашало версию, впоследствии просочившуюся в эмигрантскую печать и выявившую свое явно чекистское происхождение. Замечательно, что «подпольно-дезинформационная» история не высосана, так сказать, из пальца, а фабрикуется с учетом вкусов потребителя, создается с прицелом на исходную реакцию данного сектора эмигрантской общности, как бы ему в угоду. Но первоначальное озарение, снизошедшее на Шатилова и Врангеля, что Захарченко (вопреки официальному извещению от 5 июля) жива, поскольку она такой же агент-провокатор, как Оперпут, модифицируется: она — томится во Внутренней тюрьме, Оперпут же получает высокую награду и новое назначение⁶⁴. Смысл этой метаморфозы уясняется, если мы примем во внимание «странное» письмо, посланное спустя две недели Г. Зверевым (Г. Н. Шульц-Радковичем) к В. С. Кияковскому (Стецкевичу) — видному чекисту-контрразведчику, первоначальному архитектору «Треста», — с обещанием изменить кутеповскому делу и вступить в сотрудничество с ГПУ в обмен за передачу записки в камеру жене. Расшифровку этого письма к Кияковскому, отправленного за подписью Карпов-Пролетарий, и записку к М. В. Захарченко-Шульц, сохранившиеся в Гуверовском архиве⁶⁵, опубликовал Б. Прянишников в своей книге⁶⁶. После провала московской тройки именно

⁶³ Письмо П. С. Арапова к П. Н. Врангелю от 22 августа 1927. Hoover Institution Archives. Vrangell Coll., Box 151, file №44, л. 369—369 об.

⁶⁴ Эта версия вскоре получила печатную санкцию в статье «Старого друга», помещенной в журнале В. М. Чернова *Революционная Россия*.

⁶⁵ Hoover Institution Archives. Nicolaevsky Coll., Box 300, folder 1; Boris Prianishnikov, Box 5.

⁶⁶ Б. Прянишников. *Цит. соч.*, с. 122—125. Подобные «притворные» обращения практиковались и другими противниками ГПУ. См., например, обмен письмами В. Ф. Клементьева и находившегося во Внутренней тюрьме ГПУ Б. В. Са-

Г. Зверев (Радкович-Шульц) встал во главе кутеповского боевого отряда в Финляндии, и появление «трестовского» слуха о том, что М. В. Захарченко осталась жива, могло облегчить заманивание его внутрь страны.

Значительно осложнила общую картину новая угроза авторитету Кутепова, внезапно обозначившаяся с совершенно непредвиденной стороны. В конце июля громко заявило о своей партизанской деятельности, развернувшейся на обширной территории советской России, Братство Русской Правды⁶⁷ — группа, считавшаяся безнадежно маргинальной и ограничивавшаяся до тех пор изданием низкопробного подпольного агитационного листка, заполнявшегося анонимными заметками и пещерными политическими лозунгами. Сводки о ее бесчисленных боевых действиях и информационные заметки о ней хлынули на страницы эмигрантских газет. Если советская пропаганда утверждала, что нет никакой почвы внутри страны для заговоров и восстаний, то из отчетов Братства вырисовывалась диаметрально противоположная картина: невиданный размах массовой вооруженной борьбы против коммунистов, особенно на западной и южной окраинах СССР и на Дальнем Востоке. На фоне таких победных реляций боевые успехи Кутепова выглядели крайне тускло. Особенным ударом для него должен был быть самый факт публикации агитационных материалов Братства в *Возрождении*⁶⁸, в газете, которая до тех пор была главным для него оплотом. Публикация была предпринята в обход и вопреки распоряжениям главного редактора П. Б. Струве и послужила одним из поводов к его отставке, вскоре объявленной⁶⁹. Выход Братства Русской Правды на публичную арену представлял собой попытку воспользоваться смятением, охватившим эмигрантскую общественность в результате «провалов» Кутепова, и заполнить показавшееся вакантным место в борьбе с большевизмом. П. Н. Врангель сразу резко отрицательно отозвался о военных сводках и других рекламных трюках организации, расценив ее как чекистскую мистификацию:

винкова в октябре—ноябре 1924 г. — *Борис Савинков на Лубянке. Документы*. Научный редактор А. Л. Литвин (Москва; Росспэн, 2001), с. 120, 123—125.

⁶⁷ Ср.: Александр Добкин, «С. А. Соколов-Кречетов: От “Золотого Руна” к “Русской Правде”», *In memoriam. Исторический сборник памяти А. И. Добкина* (С.-Петербург — Париж: Феникс-Atheneum, 2000), с. 91—99.

⁶⁸ Атаман Кречет, «Там, где еще бьются». Из записной книжки повстанческого атамана, *Возрождение*, 1927, 31 июля, с. 3. Записки Кречета печатались в газете начиная с 8 августа.

⁶⁹ Петр Струве, «Дневник политика. 218 (17). По поводу “Записок атамана Кречета” и “Братства Русской Правды”», *Россия*, 1927, № 10, 29 октября, с. 1.

Касательно «Братства русской правды» все более прихожу к выводу, что тут — провокация. Я имею в виду не издательство С. Кречетова, а одноименную «боевую организацию», сводки коей появляются в «Нов<ом> вр<емени>», а описание боевой работы на страницах «Возрождения» в виде записок какого-то атамана Кречета. Все это, думается, такая же ловушка для доверчивых дураков, как в свое время пресловутая «монархическая организация» Федорова. Это необходимо выяснить, дабы пресечь нашу молодежь⁷⁰.

Несмотря на настоятельные требования прекратить работу в России, адресованные различными руководителями эмигрантской политики к Кутепову, он поддаться этому давлению отказался. Вера его в то, что после сделанных Опперпутом разоблачений и исчезновения Опперпута он освободился от опеки ГПУ, побудила его отправиться в середине августа в СССР еще две группы из состава той же финляндской дружины. Одним из участников был Сергей Соловьев, член ларионовской тройки, который 7 июня метнул смертоносную гранату в партийном клубе на Мойке. На сей раз граница, по-видимому, оказалась намного более строго охраняемой, и одна группа (С. В. Соловьев и А. А. Шорин, или Шарин) была выслежена и убита в перестрелке, а вторая (А. Б. Балмасов (Болмасов) и А. А. Сольский) захвачена и вместе с тройкой, арестованной на границе с Латвией в июле (Н. П. Строевой, В. А. Самойлов и А. Э. Адеркас), предстала перед военным судом. Таким образом, предчувствия, томившие Шатилова и Врангеля, что новый провал Кутепова неизбежен и близок, — быстро подтвердились. Уже 1 сентября было опубликовано сообщение ГПУ о монархических группах, перешедших по заданию Кутепова границу из Финляндии и Латвии, и названы имена задержанных, причем впервые было сообщено о получении данных об организаторах взрыва на Мойке и выдвинуты обвинения против финского Генштаба, оказывавшего содействие террористам⁷¹. 11 сентября берлинский *Руль* поместил заметку, уточнявшую проникшие в печать сведения:

Сообщаю Вам некоторые данные о лицах, арестованных в России Г.П.У.

1. Соловьев, Сергей Владимирович — сын полковника, недавно скончавшегося, внук настоятеля Гельсингфорсского прихода прот. Со-

⁷⁰ Письмо П. Н. Врангеля к П. Н. Шатилову от 23 августа 1927. Hoover Institution Archives, Vrangeli Collection, Box 147, file 34, л. 390. В тех же выражениях он высказывался в открытке к Н. Н. Чебышеву, посланной 24 августа. См.: ГАРФ, ф. 5955 (Н. Чебышев), оп.1, №22 (Письма Чебышеву), л. 185.

⁷¹ «От коллегии Объединенного Государственного Политического Управления», *Известия*, 1927, 2 сентября, с. 1.

ловьева, давно умершего. Его сестра, Людмила, была замужем за Вашим сотрудником Иваном Савиным (Саволяйненом). Кстати, ее несчастья у всех на устах в Гельсингфорсе — меньше чем за один год она потеряла всех своих близких — бабушку, отца, мать, мужа (в июле) и теперь единственного брата.

Покойному было всего 19 лет. В России он никогда не жил. Учился в Гельсингфорской Александровской гимназии, но курса не окончил. Офицером или вообще военнотружущим, конечно, никогда не был.

В предыдущее свое посещение Петербурга бомбу на Мойке бросил будто бы в сообществе с Шориным.

2. Сольский — не внук гр. Сольского, как сообщает ОГПУ, но его внучатый племянник. Окончил два года назад русскую гимназию в Перкьярви. В Гельсингфорсе служил шофером.

3. Больмасов, а не Бальмасов в Гельсингфорсе хорошо известен. Принимал деятельное участие в русских общественных (не политических) организациях.

4. Шорин в Гельсингфорсе совершенно неизвестен. <...>

Помещая телеграмму Тасса, газета «Hufvudstadsbladet» замечает, что она — сплошной фантастический роман, которые, очевидно, излюблены в СССР. Указание о причастности к делу финского ген. штаба газета считает нелепым уже по тому одному, что Ген. штаб, подчиненный финскому социалистическому правительству и проводящий его указания, не может работать ни с какими монархическими организациями. Уследить же за переходом границы совершенно невозможно, что знает и правительство СССР. <...>

Кстати, если это еще интересно, могу сообщить, что настоящая фамилия Воскресенского, убитого вместе с Оперпутом и Захарченко-Шульц, — Петерс. Он учился в Перкьярви. Его отец и брат — коммунисты. Он ушел от них к белым⁷².

Выездная сессия Верховного суда, под председательством В. В. Ульриха, открылась в Ленинграде 20 сентября. На ней впервые были оглашены сведения о деятельности кутеповской боевой организации, которые включали удавшийся взрыв на Мойке и неудавшийся на М. Лубянке. Подробно сообщалось также о наездах М. В. Захарченко-Шульц и Кутепова в Финляндию и инструкциях, данных ими членам террористической группы, а также упоминалась руководящая роль Оперпута в подготовке взрывов. Процесс являл собой амальгаму, так как арестованные боевики, входившие в две разные — «латвийскую» и «финляндскую» — группы, на суде встретились впервые и между обоими отрядами никогда никакой координации не было.

Какова была задача этого процесса? Бессудная казнь двадцати в июне, наряду с неопределенными слухами о судьбе Рейли, вызвали

⁷² Ш., «Письмо из Гельсингфорса», *Руль* (Берлин), 1927, 11 сентября, с. 7.

на Западе тревогу и толки о возвращении к практике террора времен Гражданской войны. В отчете о беседе Н. В. Крыленко с иностранными корреспондентами 26 июля эти слухи были дезавуированы:

Никакого террора в настоящее время нет. Не было также издано никакого закона, который бы его вводил и который бы давал новые права ОГПУ, судам и прокуратуре, отличные от существующих и расширяющие полномочия этих учреждений.

В деле с расстрелом 20-ти, этих злейших врагов советской власти, среди которых были такие имена, как Долгоруков и Эльвенгрен, ОГПУ использовало право, предоставленное ему по закону в 1922 г. ЦИК СССР. Оно принуждено было использовать это право жестокой борьбы с контрреволюцией в зависимости от внешней и внутренней обстановки, существовавшей к моменту совершения этого акта. Я еще раз повторяю, что никакого нарушения существующих законов, а также утвержденного еще в 1922 г. положения об ОГПУ не было совершено и поэтому нет никаких оснований утверждать, что мы вводим новые формы борьбы с контрреволюцией «в целях устрашения наших внешних и внутренних врагов».

Нельзя также связывать это дело, как вы это говорите, с убийством Войкова, Опанского и т.д. ОГПУ пользовалось своим правом в исключительных случаях и раньше; например, было расстреляно по постановлению ОГПУ несколько уголовных преступников в связи с известным «делом Чубаровцев».

На вопрос о том, какая разница существует между положением об ОГПУ в настоящее время и положением о ЧК до 1922 г., тов. Крыленко отметил, что в первые годы существования советской власти, в момент обостренной борьбы с контрреволюцией, ЧК было предоставлено право самостоятельно устанавливать меру наказания, вплоть до расстрела, по определенным категориям преступлений: контрреволюции, шпионажу, спекуляции и по некоторой части должностных преступлений.

В настоящее время ОГПУ только расследует подобные преступления, а затем передает их в судебные инстанции. Содержание арестованных в тюрьмах ОГПУ ограничено определенным сроком⁷³.

Несколько громких судебных процессов — по делу изготовителя фальшивых документов Дружиловского (июль), по делу 26 британских шпионов (сентябрь)⁷⁴ и по делу пяти монархистов-террористов — должны были удостоверить возвращение к нормальной

⁷³ «Историческое и политическое значение процесса Дружиловского (Беседа ст. помощника прокурора Республики т. Н. В. Крыленко с иностранными корреспондентами)», *Известия*, 1927, 29 июля, с. 3.

⁷⁴ Л. Николаев, «Английский шпионаж в СССР (К предстоящему судебному процессу)», *Известия*, 1927, 31 августа, с. 5; В. Ульрих, «После приговора. (Статья председателя военной коллегии Верховного суда тов. В. Ульриха)», *Известия*, 16 сентября, с. 2.

судебной процессуальной практике и опровергнуть утверждения эмигрантской прессы о внесудебных расправах.

Дело пяти впервые раскрывало закулисную жизнь кутеповской боевой организации, сформированной в феврале 1927 года. Особое впечатление на эмигрантские газеты произвел факт полного раскаяния подсудимых, в особенности А. Б. Болмасова, самого старшего и опытного (советскую границу он переходил 9 раз) в финляндской группе. На процессе он рассказал о глубококом разочаровании в своих политических идеалах, когда обнаружил, что в СССР, вопреки утверждениям зарубежных русских газет, нет никаких монархических групп и ни малейшего интереса к монархической идеологии⁷⁵. Для создания впечатления процессуальной безупречности работы следствия в зале были оглашены документы, характеризующие террористические планы Сиднея Рейли⁷⁶. В последний день суда ленинградское представительство ГПУ сообщило об уничтожении на советской территории 21 сентября еще одной кутеповской группы, среди членов которой Сольский опознал того, кто переводил его через границу⁷⁷.

На основании вновь обнаружившихся фактов советская печать выдвинула обвинения против финляндских властей в потворстве и пособничестве террористическим акциям белоэмигрантов, ссылаясь в первую очередь на «группу Оперпута». Московские *Известия* писали в передовой:

Последние месяцы ознаменовались рядом явлений в отношениях Финляндии к Советскому Союзу, которые нарушают добрососедские отношения между обеими странами.

Еще в июне этого года в связи с покушением на взрыв дома в Москве выяснилось, что руководившая им группа террористов-монархистов во главе с Оперпутом вела всю предварительную подготовку на территории Финляндии; что Оперпут совместно с специально прибывшим в Финляндию известным генералом Кутеповым создал на финлянд-

⁷⁵ «Процесс монархистов-террористов (По телефону от наших корреспондентов)». «Второй день процесса». «Окончание допроса Балмасова», *Известия*, 1927, 22 сентября, с. 3; Ник. Погодин, «Дело монархистов-террористов. Судороги (По телефону от нашего спец. корреспондента)», *Правда*, 1927, № 216, 22 сентября, с. 4.

⁷⁶ Ник. Погодин, «Дело монархистов-террористов. Учил Рейли (По телефону от наш. спец. корр-та)», *Правда*, 1927, 21 сентября, с. 4. Тогда же В. Бруновский, недавно выбравшийся из советской тюрьмы, передал слух, что Рейли жив и находится в заключении. См.: В. Бруновский, «Заживо погребенный?», *Сегодня*, 1927, 26 сентября, с. 2.

⁷⁷ «Новая попытка переброски террористов из Финляндии», *Известия*, 1927, 25 сентября, с. 4; «Сообщение Ленинградского представительства ОГПУ», *Правда*, 1927, 25 сентября, с. 4.

ской территории террористическую организацию, имеющую задачей подготовку и совершение покушений на ответственных представителей советской власти, на правительственные и партийные учреждения в СССР, редакции газет и прочее. Мало того, оказалось, что не только деятельность Оперпуга в Финляндии протекала свободно, без помехи со стороны соответствующих властей, которые не могли не знать, что из себя представляет савинковец Оперпуг или кто такой генерал Кутепов, — но и *самая переброска Оперпуга к границам СССР была произведена не без ведома, чтобы не сказать больше, военных кругов Финляндии.*

И если до этого времени Финляндия не была известна как страна, потакающая активной деятельности русских монархистов, направленной против СССР, то факт формирования на ее территории группы Оперпуга говорил уже о том, что положение изменилось. Очевидно, Финляндии не давали покоя лавры Польши, которая до последнего времени была известна как гнездо махровой белогвардейщины и которая только недавно приняла ряд мер для обуздания деятельности русских монархистов на своей территории. В напряженной обстановке, созданной разрывом англо-советских отношений, Финляндия не могла придумать ничего более умного, как предоставить убежище русским монархистам и создать благоприятные условия для свободной антисоветской работы ярых врагов независимости Финляндии, продающих себя мировой и в первую очередь английской буржуазии для борьбы против ненавистной им советской страны.

Кроме перечисления всех случаев переброски из Финляндии террористических групп, в статье сообщалась и полученная информация о готовящемся новом переходе В. А. Ларионова через границу и его намерении совершить новые диверсии в СССР⁷⁸.

В ответ на демарш советского правительства финляндские власти приняли решение о высылке из пределов страны трех русских эмигрантов, уличенных в террористической деятельности, — Г. Радковича-Шульца, В. Ларионова и Д. Мономахова⁷⁹. В связи с этим решением В. В. Ульрих, председательствовавший на выездной сессии Верховного суда по делу пяти террористов, опубликовал статью, содержащую обзор террористической активности русских монархических групп на территории Финляндии в течение 1927 года. В ней говорилось:

⁷⁸ «Мы ждем», *Известия*, 1927, 29 сентября, с. 1. Информация о планах Ларионова и других находившихся в Финляндии боевиков была предоставлена А. Б. Болмасовым. Его сотрудничество со следствием оказалось столь тесным, что Менжинский предлагал заменить ему расстрел десятилетним заключением. См.: О. Б. Мозохин, «Из истории борьбы органов ВЧК-ОГПУ с терроризмом», *Военно-исторический архив*. Вып. 5 (29) (Москва, 2002), с. 7.

⁷⁹ «Высылка трех белогвардейцев из Финляндии», *Известия*, 1927, 30 сентября, с. 1; «Высылки из Финляндии по требованию Москвы (от гельсингфорского корреспондента “Сегодня”», *Сегодня*, 1927, 30 сентября, с. 1.

На днях было опубликовано сообщение финляндского мин. ин. дел о высылке трех монархистов-террористов Шульц-Радковича, Ларионова и Мономахова, причем первый выехал в Польшу, а остальные «ждут» визы. Конечно, лучше поздно, чем никогда, но столь слабая, по нашему мнению, репрессия заставляет нас напомнить некоторые обстоятельства из истории недавнего прошлого.

Недавно закончившийся в Ленинграде процесс монархистов-террористов дает нам богатый материал для иллюстрации по меньшей мере странного поведения некоторых финских чиновников и офицеров в связи с пребыванием на территории Финляндии шпионских и террористических организаций, действующих против СССР. Судебным следствием было безусловно установлено, что, начиная с весны 1927 года, на территории Финляндии — в районе Гельсингфорса и Териок — происходило формирование террористической организации, причем на совещание этой организации совершенно легально прибыл из Парижа известный белогвардейский генерал Кутепов. Генерал Кутепов выступал на совещании в Териоках с призывом приступить к террористической деятельности против советских и партийных работников.

Некоторое время спустя приезжал в Финляндию английский офицер — капитан Росс, ведающий английской разведкой в СССР из стран Прибалтики. Капитан Росс инструктировал руководителей террористической организации. В конце мая на территории СССР было переброшено 6 человек, вооруженных бомбами и револьверами, причем все они останавливались перед переходом границы в Териоках на даче Фролова, которая служит явочной квартирой для всех агентов капитана Розенстрема, начальника разведки штаба 2-й финской дивизии. На этой же квартире происходило совещание с участием генерала Кутепова.

Первая группа, в составе Захарченко-Шульц, Опперпута и Петерса, отправилась в Москву и пыталась взорвать дом №3—6 на Мал. Лубянке, в районе, занятом учреждениями ОГПУ. Вследствие постигшей неудачи террористы пытались перебраться через польскую границу, но, будучи обнаружены, оказали вооруженное сопротивление и были убиты, причем с нашей стороны был убит один и ранено 5 человек. Вторая группа в составе Ларионова, Мономахова и Соловьева 7 июня бросила бомбу в Дискуссионный клуб в Ленинграде, причем 26 человек было ранено, из них 14 тяжело.

В середине августа из того же центра было переправлено из Гельсингфорса в СССР 4 террориста. Двое из них, Шорин и Соловьев, были обнаружены 26 августа и после перестрелки убиты, причем из нашей погранохраны было ранено 2 красноармейца, а также убит один крестьянин. Что же касается остальных двух террористов, то они еще 22 августа были арестованы близ Петрозаводска и оказались Болмосовым и Сольским. Каждый из 4-х террористов был вооружен двумя револьверами и снабжен бомбами большой разрушительной силы.

Наконец, 21 сентября этого года во время процесса по делу террористов финляндскую границу перешло трое вооруженных неизвестных, которые оказали вооруженное сопротивление при попытке их арестовать. Двое из неизвестных были убиты, а третьему удалось скрыться

в пределах Финляндии. При убитых была обнаружена монархическая литература и револьверы «маузер» с большим количеством патронов. В одном из убитых подсудимый Сольский опознал проводника, переправлявшего его из Финляндии. Если же мы вспомним, что, согласно показаний подсудимых, Болмосова и других, вышеупомянутого капитан Розенстрем не только неоднократно посылал Болмосова со шпионскими заданиями в Ленинград, снабжая его деньгами и фальшивыми документами, но способствовал первой группе террористов при переправе через границу, а также предоставлял свою явочную квартиру для нескольких групп террористов, то перед нами встает вопрос: действовал ли капитан Розенстрем самостоятельно или с согласия своих непосредственных начальников? Вопрос этот ввиду его важности требует к себе самого серьезного отношения со стороны финляндского правительства.

Но этого мало. По делу 26 англо-финских шпионов было установлено, что сотрудник финляндского консульства в Ленинграде Линстед неоднократно оказывал содействие заведомым шпионам, принимая от них шпионские сводки как в запечатанном, так и в распечатанном виде, и даже уплачивал за них деньги, что имело место, в частности, с Е. Куницыной. По тому же процессу было доказано, что шпионская организация Антона Хлопушина большую часть своих шпионских сведений передавала П. П. Соколову, проживающему в Териоках. Тот же Соколов неоднократно в период времени с 1922 по 1927 год переправлял через границу заведомых шпионов, снабжая их оружием, фальшивыми документами и деньгами. Антон Хлопушин, который совершил не менее 15 переходов через границу, до сих пор проживает на территории Финляндии. Далее, нам известно, что в Гельсингфорсе живет Н. Н. Бунаков, представитель монархической организации, возглавляемой Н. Н. Романовым, он же — агент английской разведки.

Все перечисленные выше факты дают нам полное основание ожидать, что финляндское правительство не ограничится высылкой из пределов Финляндии трех названных выше монархистов-террористов, а произведет серьезное расследование о степени причастности к шпионской и террористической деятельности, направленной против СССР, капитана финляндской армии Розенстрема, бывшего сотрудника консульства Линстед и других.

За Шульц-Радковичем, Ларионовым и Мономаховым должны быть обезврежены их соучастники и руководители: Н. Н. Бунаков, П. П. Соколов и оставшиеся в пределах Финляндии члены террористической организации — Швецов, М. Н. Коренев, В. Бостамов⁸⁰ и другие.

Нельзя допустить, чтобы в нескольких десятках верст от Ленинграда, на территории страны, с которой мы поддерживаем дружеские отношения, существовала организация, которая систематически посылает в Советский Союз шпионов и террористов⁸¹.

⁸⁰ В другом написании — Бастамов.

⁸¹ В. Ульрих, «Необходимо разрушить гнездо террористов в Финляндии», *Известия*, 1927, 4 октября, с. 2.

Глава 6

ВОСКРЕШЕНИЕ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ОППЕРПУТА

Разоблачения, сделанные на процессе пяти, произвели ошеломляющее действие на эмигрантскую общественность. С одной стороны, поступившие из СССР новости усиливали впечатление большого размаха боевых операций, предпринимаемых Кутеповым под эгидой великого князя. С другой — уяснились и масштабы провала, постигшего эту деятельность. Особенно смущали покаянные речи подсудимых на процессе пяти, не вызвавшиеся с героическими идеалами представителей «активизма» в эмиграции и с утверждениями, что народ, отвергая власть Интернационала, сохраняет верность царской России¹.

Бурные дебаты о провокации и Опперпуте, «Тресте» и книге В. В. Шульгина *Три столицы*, разразившиеся в начале октября в эмигрантской прессе, были вызваны как раз стремлением дезавуировать картину, складывавшуюся на основании ленинградского процесса пяти. Начата кампания была статьей В. Л. Бурцева «В сетях Г.П.У.», опубликованной в парижском еженедельнике *Иллюстрированная Россия* и немедленно перепечатанной или отреферированной буквально во всех эмигрантских газетах. Проводя параллели с недавним, дореволюционным прошлым, Бурцев писал о большевиках:

Но вот они сами пришли к власти, и отношение их к провокации резко изменилось.

Они усовершенствовали бывшие охранные отделения и заменили их своими ГПУ. То, что мы знаем о деятельности большевицкого ГПУ и об его провокации и провокаторах, совершенно затемняет все то, что мы знали раньше об охранных отделениях. Теперь мы видим не Азевов, Комиссаровых, Зубатовых, а Сверхазевов, Сверхкомиссаровых, Сверхзубатовых².

¹ Ср. сведения о попытках вербовки в 1927 г. в Латвии русской молодежи в отправлявшиеся в советскую Россию отряды — в статье: Борис Равдин, «И. Н. Заволоко: от биографии к биографии», *Даугава*, 1998, №4, июль—август, с. 130.

² В. Л. Бурцев, «В сетях Г.П.У.», *Иллюстрированная Россия*, 1927, № 41, 8 октября, с. 1.

Статья излагала историю предательства Якушева-Федорова и основания «Треста». В ней впервые оглашались сведения, доказывавшие, что сенсационная поездка Шульгина была устроена ГПУ, что воспетая им в его книге организация «контрабандистов», оказавшаяся чекистской мистификацией, была ответственна за арест и гибель Рейли и что бацилла провокации поразила верхи эмигрантского общества глубже и обширнее, чем в свое время азефовщина партию эсеров. Совершенно оглушительной была и другая новость, сообщенная Бурцевым: книга Шульгина была просмотрена чекистами в рукописи перед тем, как автор сдал ее в типографию. «Сенсационная книжка В. В. Шульгина о его тайной поездке в Россию — “Три Столицы” — ныне стала сенсационнейшей: вся она от первой буквы до последней точки проредактирована агентами ГПУ», — отмечала по этому поводу парижская газета *Дни*³. Бурцев упомянул также, что Шульгин безуспешно пытался обнародовать две свои статьи на эту тему, но что редакция газеты (которую Бурцев не назвал) наотрез отказалась их поместить.

В отличие от истории разоблачения Азефа, сенсация на сей раз досталась Бурцеву «в готовом виде», а не в результате самостоятельного, кропотливого расследования⁴. Обнародованная им информация не была секретом для политических верхов эмиграции. Лидеры правого лагеря знали «все» с момента побега Опперпута из советской России и составления им «записок» в Финляндии. Но разглашение этих тайн было сочтено несвоевременным. Опасения А. П. Кутепова и П. Б. Струве, что оно может стать деморализующим фактором в борьбе против советской власти, усилились в связи с началом боевых вылазок в СССР в июне 1927 года. П. Н. Врангель и его окружение отказывались предать дело огласке, понимая, какой урон престижу великого князя она могла бы нанести. Осложняющим фактором была и двусмысленная атмосфера, царившая вокруг Опперпута, который был действительным и, в сущности, единственным источником разоблачительной информации о провокации ГПУ.

В тогдашней расстановке политических сил Бурцев оказывался наиболее уместным кандидатом для оглашения секретов краха «Треста». Он был одинокой политической фигурой, сохранявшей независимость по отношению к существовавшим политическим лагерям и фракциям. Во многом солидаризируясь с левыми парти-

³ «Цель и средство», *Дни*, 1927, 10 октября, с. 1.

⁴ Как это ни удивительно, но даже письмо Опперпута, напечатанное в *Сегодня* 20 мая, ускользнуло от его внимания.

ями и республиканско-демократическими идеалами, он в то же время был пламенным приверженцем тактики террора (для миллиоковского лагеря неприемлемой), являясь в этом отношении естественным союзником Кутепова и других представителей «активизма». Незадолго до предпринятого им разоблачения «Треста» Бурцев так отозвался в одном из своих интервью на поступавшие сведения о ширившемся антисоветском терроре:

Я был и остаюсь сторонником террора. Он сыграет большое, может быть, решающее значение. Разумеется, все это советские выдумки и враки, что террор, мол, организуется из-за границы. Ничего подобного. Наоборот, мы всячески удерживаем пылкую молодежь от подобных шагов. Террор в России возник не по приказу каких-нибудь организаций. Он родился сам собою — в глубинах той ненависти, которую вызвали в народе и воспитали своим режимом большевики. В этом и весь ужас положения для них, вся тяжесть. Они знают, что никакими мерами, никакими наказаниями его не остановить. В сущности трусливые, все эти жалкие людишки, примостившиеся у жирного коммунистического пирога, испугались. Они стали дрожать за жизнь. Верхи еще пытаются успокоить, утешить. Все это, мол, идет из-за границы. Они знают, что это неправда, сами себя они не должны обманывать, но они пытаются избежать паники. Потому и самые факты покушений и террористических актов скрываются, замалчиваются. Но как ни тщательно охраняют они границы — и из задавленной большевизмом сапогом России проникают к нам за границу голоса — и мы знаем правду...

И террор уже принудил большевиков идти на уступки. Они пытаются сговориться, они ищут выхода, ибо они лучше чем кто-нибудь другой в состоянии оценить и понять, что обозначает для них то, что террористическая волна возникла в стране стихийно, неорганизованно, сама по себе и что она не имеет оснований спадать — а только нарастать...⁵

Прошедший всего через несколько недель после этого в Ленинграде процесс по делу пяти монархистов явился для Бурцева неожиданным ударом, поскольку представленные на нем материалы подтверждали заявления советской пропаганды о том, что «террористическая волна» вовсе не возникла в стране стихийно, а была лишь «импортом» контрреволюции. Ознакомившись с записками Опперпута, которые ранее Кутепов предоставил Шульгину⁶, Бурцев

⁵ М. Неволин <М. Лопшиц>, «В гостях у Бурцева (от корреспондента “Сегодня”», *Сегодня*, 1927, 2 августа, с. 3.

⁶ О том, что эти материалы поступили к Бурцеву от А. И. Гучкова, Шатилов (со слов Кутепова) сообщал Врангелю в письме от 23 декабря 1927 г. Hoover Institution Archives, Vrangeli Collection, Box 147, file 34, л. 590 об.

решил ринуться в бой и в противовес чекистской пропаганде раскрыть беспрецедентную по масштабам провокацию «сверх-Азефов».

О прямой связи между обнародованием истории «Треста» и процессом пяти было сказано в передовой газеты *Сегодня*:

При свете разоблачений Бурцева вскрывается вся подоплека «показательных» политических процессов, которые ставятся в последнее время в Сов. России и которые кончаются смертными приговорами над несчастными людьми, из которых многие являются жертвой в руках беспримерных негодяев. Становятся понятными и те «покаянные речи» обвиняемых, которые преподносятся сов. обывателям и зарубежным читателям как доказательство морального ничтожества антибольшевистских борцов. Какой ценой покупаются эти покаяния! Какими средствами добывается показное признание «правоты» большевиков!

Факты, приводимые Бурцевым, вскрывают только часть этой *беспримерной по своей гнусности системы*.

Теперь можно смело сказать, что каждый политический процесс в Сов. России состряпан агентами-чекистами, и сколько в нем от провокации, сколько от контр-революции, сказать трудно. Во всяком случае, больше от провокации⁷.

Та же связь, но по-иному была отмечена в *Последних Новостях*, которые воспользовались разоблачениями Бурцева для сведения счетов с деятелями и прессой правого лагеря. Резюмируя бурцевскую статью, газета изобразила самую программу террора, принятую в эмиграции «активистами», порождением чекистской провокации:

Представители этого треста, Опперпут и Якушев, специально ездили за границу, причем «говорили о необходимости террористической борьбы с большевиками, о необходимости поддерживать ее из-за границы». Вот откуда исходила сильная поддержка террористической пропаганды! Иначе говоря, в организации посылки «белых» в Россию наряду с вождистскими «руководителями» и с иностранными разведками играл роль еще третий и, вероятно, самый «руководящий» фактор: ГПУ. «Благодаря этим провокаторам ГПУ вело успешную борьбу с белыми, действующими в России. Когда было нужно, оно проваливало их работу и арестовывало кого ему было угодно. Если жертвы дела «пяти», брошенные в России, оказались одинокими, не найдя ни следа сочувствующей среды, то в других случаях «трест» готов был создавать даже и «среду». Если в одних случаях белые «активисты» перевозятся за границу для того, чтобы их убить, устроив «громкий» процесс, иллюстрирующий монархическую опасность, — то в некоторых других случаях завлеченного человека даже возвращают обратно — с целью сохранения связей и доверия. <...> По словам Бурцева, весь рассказан-

⁷ МИГ <М. И. Ганфман>, «Провокация», *Сегодня*, 1927, 11 октября, с. 1.

ный Шульгиным в его книге переход границы в сопровождении «контрабандистов» с подробностями в духе Майн-Рида был организован провокаторами. Вся его поездка в Россию происходила под руководством «треста», устраивавшего «знатному гостю» специальные заседания «антисоветских революционеров», все участники которых, за исключением самого Шульгина, были чекистами. «Друзья» Шульгина даже будто бы «проредактировали» его записки и наконец добились от своего начальства разрешения на его благополучный «контрабандный» отъезд.

Эта поразительная проделка, жертвой которой стал в данном случае опытный политический деятель, — иллюстрирует ту опасность, которой подвергаются люди, пытающиеся из эмиграции «сделать революцию» в России: опасность стать игрушкой в руках врага и погибнуть бесцельной жертвой, не добившись ничего, кроме собственного разочарования⁸.

Во вспыхнувшей полемике одним из самых щекотливых моментов оказалось беглое упоминание Бурцева об отказе некоей газеты вовремя напечатать статьи Шульгина, раскрывавшие роль ГПУ в организации его подпольной поездки в СССР. Шульгин вынужден был послать в *Возрождение* (из которого он, как и другие близкие к П. Б. Струве лица, ушел в конце августа 1927) следующее объяснение:

Милостивый Государь Господин редактор,

В номере «Возрождения» от 8-го октября я прочел нижеследующее: «Между прочим он (В. Л. Бурцев) говорит и о том, что вся поездка в Россию В. В. Шульгина была совершена при помощи агентов ГПУ и что даже книга его была проредактирована этими людьми. В. Бурцев утверждает, что впоследствии все это стало известно В. Шульгину и что он хотел писать об этом в какой-то газете, которая не согласилась поместить его рассказ. О какой газете говорит В. Бурцев — нам неизвестно».

Не затрудняя вас в настоящую минуту рассказом о том, что мне стало известно об организации, которая дала мне возможность совершить поездку по России на предмет розысков моего сына, я хотел бы сказать два слова о той газете, которая будто бы отказалась поместить мои статьи. Эта газета «Возрождение», постоянным сотрудником которой я тогда состоял. Я написал для «Возрождения» 14 июня с. г. две статьи под заглавием «Оперпут» и «Сидней Рейли». В этих статьях я излагал то новое, что я узнал в течение мая месяца о людях, которые в моей книге «Три столицы» выведены под именем «контрабандистов». Однако так как эти сведения были сообщены мне *доверительно*, то я не мог напечатать эти статьи без разрешения лица, мне их сообщившего. Такого разрешения мне получить не удалось. Я думаю, что это

⁸ «Провал “вождизма”», *Последние Новости*, 1927, 8 октября, с. 1.

была ошибка, но понимаю, что могла быть и другая точка зрения. Я заботился о том, чтобы читатели «Трех столиц», получившие освещение «контрабандистов» с одной стороны, знали и обратную сторону медали, когда она стала вырисовываться. Но могли быть интересы, казавшиеся более важными, которые требовали молчания. Во всяком случае, мои уста были запечатаны, и это было причиной, почему тогдашний редактор «Возрождения» не мог напечатать мои статьи, даже если бы он этого хотел.

Напечатанием вышеизложенного весьма меня обяжете.

Прошу вас принять уверение в совершенном моем уважении,

В. Шульгин.

9 октября 1927 г.

Болурис-сюр-Мер⁹.

Письмо это было первой печатной реакцией Шульгина на разветвляющуюся кампанию. В пятницу, 7 октября, как только стало известно о предстоящем появлении разоблачений Бурцева, П. Б. Струве послал телеграмму находившемуся на юге Франции Шульгину, запросив обе ранее отвергнутые статьи для публикации в новой еженедельной газете *Россия*, которую он стал издавать с 28 августа 1927, после ухода из *Возрождения*. В ответ Шульгин писал ему:

<...> если Вы пустите мою статью только через неделю, то я прошу немедленно прислать мне статью Бурцева, которую здесь я достать не могу. Весьма возможно, что придется переделать статьи, что я вполне успею. Бог его знает, что Бурцев там нашкобачил. Александр Павлович <Кутепов>, не поняв то, что было ясно, а именно что секрет не удержится, поставил себя и меня в крайне невыгодное положение. Выбираться будет трудно. Пожалуйста, укажите, что статья была написана давным-давно и не появлялась не по моей вине. Воображаю, что напишет Милуков. Я временно впал в крайнюю бедность и не могу выписать Последних Новостей. Очень прошу Вас, если можете, выпишите их мне начиная с 5-го октября¹⁰.

Шульгин отдавал себе отчет, что каждый день промедления с объяснением случившегося создавал благоприятную обстановку для самых мрачных предположений. Берлинский *Руль*, например, заявлял:

Такое замалчивание, заставляющее строить самые тревожные догадки и уничтожающее, так сказать, все границы для фантазии, прямо преступно. Невозможно понять, чем можно было бы такое замалчива-

⁹ «Письмо В. В. Шульгина», *Возрождение*, 1927, 11 октября, с. 1.

¹⁰ Письмо В. В. Шульгина к П. Струве, 8 октября 1927. Hoover Institution Archives, Petr Struve Papers, Box 11, folder 20; опубли.: Глеб Струве, «Дела давно минувших дней. О «Тресте» и В. В. Шульгине», *Русская Мысль*, 20 декабря 1960, с. 2.

ние объяснить, ради чего гнойник так тщательно ограждается от «посторонних» взоров, откуда берется такое странное согласие с ГПУ, которому так важно, чтобы было шито-крыто.

Не дожидаясь разъяснений автора, обозреватель *Руля* ныне выдвигал безапелляционно-уничижительную оценку *Трех столиц*, с торжеством приписывая все неприемлемые стороны шульгинского сочинения — чекистской диктовке:

Но самым печальным и самым страшным во всей этой сенсации безусловно является злобная книга Шульгина «Три столицы», излагающая его впечатления от провокаторской поездки. Рукопись книги была предварительно отослана в Москву на просмотр ОГПУ, где она и была проредактирована.

В результате этой редакторской работы в книге Шульгина отчетливо определились два лейтмотива: во-первых — в России все осталось по-старому, только немного хуже, но зато советская власть создала много хорошего, за что следует в ножки ей поклониться, а во-вторых — евреи все до одного должны удалиться из России под страхом быть истребленными. Сочетание этих двух лейтмотивов представлялось весьма знаменательным уже и тогда, когда еще не было известно об активном сотрудничестве ОГПУ. Когда же на это было указано Шульгину в печати, он рьяно отстаивал свои взгляды: недаром говорится, что горбатого могила исправит. Но теперь, после того как выяснилось, что за указанным сочетанием стоит сотрудничество провокаторов, что книга «Три столицы» составлена Шульгиным под редакцией ОГПУ, неужели он от своего авторства не отречется, неужели он не расскажет, как в действительности все происходило, как провокаторам удалось заманить его в западню, что они старались внушить ему, в какую сторону устремляли его внимание, какие цели преследовали при устраиваемых ему встречах и тайных собеседованиях? Неужели теперь Шульгин будет держаться той же тактики, что и ОГПУ, и так же молчать, как и этот советский застенек?¹¹

Белградское же *Новое Время*, в противоположность *Рулю*, отрицало, что разоблачения Бурцева сколько-нибудь умаляют достоинства шульгинской книги:

Во всяком случае, если даже беспрекословно допустить провокацию от начала и до конца и самыми убежденными и верными агентами ГПУ, ценность книги В. В. Шульгина от этой провокации ничуть не уменьшается. Он видел своими глазами, слушал своими ушами и прислушивался не к одним агентам ГПУ, а ко всей подъяремной русской жизни, и оценивал все своим собственным мозгом¹².

¹¹ «Поездка Шульгина», *Руль*, 1927, 13 октября, с. 1.

¹² Передовая статья в номере *Нового Времени* от 14 октября 1927, с. 1.

Перед лицом стремительно разрастающейся кампании Бурцев и Мельгунов предприняли — каждый на свой лад — попытку оказать воздействие на ее ход. В интервью газете *Дни* Бурцев поведал, что весь материал был им почерпнут из показаний Опперпута, данных в Финляндии. Тем самым признавалась документальная ценность неопубликованных записок Опперпута, в свое время отвергнутых рижской *Сегодня* и не удостоенных достаточного внимания со стороны *Возрождения* в пору его редактирования Струве. Мельгунов в беседе с корреспондентом той же газеты указал, что случай с Шульгиным — лишь один, и притом сравнительно незначительный, эпизод в истории «Треста». Необходимо исследовать всю совокупность обстоятельств, и первостепенное значение при этом приобретает личность и деятельность Опперпута. Мы, сказал редактор журнала *Борьба за Россию*, заняты сейчас расследованием этого дела и ждем точных сведений из СССР. Мельгунов при этом осудил публикацию статьи Бурцева: «В книге Шульгина есть много “странностей”, делающих правдоподобным факт участия ГПУ в его поездке. Но я заявляю, что выступление Бурцева я считаю не только преждевременным, но и легкомысленным, и с этой точки зрения я вполне оправдываю газету, отказавшуюся напечатать письмо г. Шульгина»¹³.

Это было первым индикатором разногласий, вспыхнувших вокруг статьи Бурцева в кругу его единомышленников по журналу *Борьба за Россию*. Вскоре вся редакция сочла необходимым отмежеваться от его выступления. В ее заявлении говорилось:

По поводу разоблачений, опубликованных В. Л. Бурцевым, о вовлечении некоторых террористических групп в сети ОГПУ, — редакция «Борьбы за Россию» считает необходимым заявить, что выступление В. Л. Бурцева было индивидуальным. Что касается самых разоблачений — то материал, опубликованный В. Л. Бурцевым, получен им от третьих лиц и является неполным и неточным, почему такое опубликование и было преждевременным. Редакция «Борьбы за Россию» надеется в ближайшем будущем опубликовать строго проверенные данные по этому вопросу¹⁴.

В своем примирительном по тону ответе на это заявление, помещенном через неделю, Бурцев повторял, что предпринятый им

¹³ Корин <А. П. Марков>, «Шульгин-Бурцев-Мельгунов. Интервью с В. Л. Бурцевым и С. П. Мельгуновым», *Дни*, 1927, 9 октября, с. 1.

¹⁴ «От редакции», *Борьба за Россию*, 1927, №47, 15 октября, с. 1. Статью Х., помещенную в журнале в следующем номере, следует рассматривать в контексте этого обещания предоставить более авторитетную информацию о «Тресте».

шаг был актом, «разумеется, индивидуальным», и высказывал уверенность, что взгляды журнала *Борьба за Россию* родственны его отношению к провокации¹⁵. Но, несмотря на то что вышел Бурцев из редакции лишь спустя несколько недель (в связи с расхождениями в оценке Братства Русской Правды), ни от кого не могли укрыться острые противоречия между ним и остальными руководителями журнала, возникшие в связи со спорами о целесообразности предпринятых им разоблачений «Треста».

Яростной критике статья Бурцева «В сетях Г.П.У.» была подвергнута в передовой П. Б. Струве, помещенной в газете *Россия* 15 октября. Он присоединился к заявлению Мельгунова о преждевременности появления бурцевских разоблачений и о «партийном» использовании их в политических схватках эмигрантского общества, добавив даже, что эти разоблачения должны быть на руку большевикам, в особенности потому, что, по Бурцеву, получалось, что под контролем ГПУ оказалась решительно вся антисоветская деятельность эмиграции. Он также подчеркнул, что статья Бурцева ничего нового в себе не заключала по сравнению с майской «исповедью» Опперпута, причем ссылка Струве на этот скомпрометированный источник, по-видимому, была призвана заронить дополнительные сомнения относительно качества сообщенных сведений.

Лучше многих осведомленный о внутренней ситуации в «Тресте», П. Б. Струве отметил грубую ошибку Бурцева, который в своей статье утверждал, что деятели «Треста», выезжавшие за границу, выступали с проповедью террора и искали помощи из-за рубежа в осуществлении этой тактики. Струве на это возразил:

Но вот что я достоверно знаю и категорически утверждаю.

Был ли «Трест» просто созданием ГПУ или сложным переплетом большевистской провокации и противобольшевистской борьбы, — организация эта нарочито и подчеркнуто отрицала непосредственно активные, т. н. террористические, действия против большевистской власти, считая таковые действия преждевременными и вредными. Поскольку я получал сведения о «Тресте» — а такие сведения доходили до меня разными путями из заслуживающих полного доверия источников, — известное недоумение и, должен признаться, подозрение вызывал во мне — и притом именно своей особой нарочитостью и подчеркнуто — этот анти-террористический характер данной организации. Поэтому если «Трест» был прямо основан ГПУ или вообще самими большевиками — такое одностороннее объяснение его возникновения

¹⁵ Вл. Бурцев, «По поводу заявления редакции», *Борьба за Россию*, 1927, № 48, 22 октября, с. 1.

я лично считаю маловероятным упрощением гораздо более сложного сплетения мотивов и фактов, — то, очевидно, не с целью провокации террора, а с прямо противоположной целью — практического предотвращения такого.

Словом, «Трэст» практически был — организацией анти-террористической¹⁶.

В связи с этим Струве заявил, что процесс пяти монархистов-террористов в Ленинграде, вопреки Бурцеву, к «Тресту» никакого отношения не имел. Для такого утверждения Струве имелись и в самом деле веские основания: «латвийская» тройка с деятельностью «Треста» никак не соприкоснулась, а финляндский отряд, два члена которого фигурировали на этом процессе, сформирован был, в сущности, одновременно с ликвидацией «Треста».

Но тем самым вся система аргументации Бурцева как бы оказывалась вывернутой наизнанку. Если для него увязывание ленинградского процесса с разоблачением советской провокации было необходимым в целях обоснования тактики террора, то у Струве, напротив, защита линии Кутепова приводила к обособлению истории «Треста» и ленинградского процесса друг от друга.

П. Б. Струве не остановился на общем развенчании «антитеррористического» фланга «Треста». Он пошел дальше и объявил евразийство выражением этого фланга и, соответственно, инструментом большевистской провокации. Идеологическим схваткам с евразийскими теориями П. Б. Струве уделял значительное место и прежде, в годы издания *Русской Мысли* и *Возрождения*, но теперь политические выпады против этого течения приобрели у него особенно резкий характер¹⁷.

Осторожно, избегая однозначных выводов, говорил редактор *России* о роли Опперпута как в разделении «Треста» на адептов и противников террора, так и в ликвидации этой организации:

Указанному характеру «Трэста» вполне соответствует и ход событий, приведших к появлению на сцене агента ОГПУ Опперпута как деятеля «Трэста», разоблачившего последний. Те, как внутри-русские, так, может быть, и зарубежные антибольшевицкие личные силы, которые как-то приходили в соприкосновение с пресловутым «Трэстом»,

¹⁶ Петр Струве, «Дневник политика. 213 (12) “Разоблачения”. В. Л. Бурцева и какая им цена?», *Россия*, 1927, №8, 15 окт., с. 1.

¹⁷ По его словам, главной целью евразийства было «отвращение от антибольшевицкого активизма». См.: Петр Струве, «Дневник политика. 214 (13). Чем обертывается и во что развертывается евразийская идеология?», *Россия*, 1927, №8, 15 октября, с. 2.

раскололи последний именно тогда, когда они ясно и резко поставили вопрос о непосредственно активной борьбе с большевиками. Сыграл ли при этом Опперпут роль провокатора по отношению к активистам, или же он явился в этот момент подлинным врагом большевиков, их предавшим, жив ли он или убит, — этого на основании имеющегося материала пока никто, кроме самого ГПУ, не может с полной достоверностью сказать.

Правда, для каких целей, неясно, но как-то Опперпут извлек время из России и тем спас целый ряд лиц. Это просто — *факт*. Но толковать этот факт можно различно¹⁸.

Ближайший союзник Струве в тогдашнем спектре эмигрантской политической жизни, руководитель *Борьбы за Россию* Мельгунов, в статье, вышедшей в тот же день, 15 октября, вновь повторил, что вопрос о Шульгине является второстепенным, тогда как вопрос о достоверности признаний Опперпута — главным, поскольку идеологические декларации книги *Три столицы*, с самого начала казавшиеся надуманными, теперь выглядят просто инспирированными провокаторской интригой ГПУ. Говоря же об Опперпуте, Мельгунов поднял вопрос: как стало возможным, что этот провокатор, в 1922 году осужденный Савинковым, Эльвенгреном и Философовым, мог вступить в контакт с другими эмигрантскими группировками? Это свидетельствует, говорил автор, о крайней раздробленности эмиграции и о скверной постановке в ней дела осведомления. По поводу судьбы Опперпута Мельгунов высказывался столь же уклончиво, как и Струве:

Разоблачения Опперпута неожиданно прервались, и через некоторое время мы прочли официальное большевистское сообщение о том, что он убит в перестрелке, как и близкая ему Захарченко, после покушения на взрыв здания ОГПУ в Москве. Каким образом после гельсингфорских разоблачений Опперпут оказался вновь в России и участником террористического покушения? Это необходимо разъяснить, ибо в этой таинственной загадке, может быть, и лежит ключ к дальнейшему. Одно из двух: или Опперпут злостный предатель и вся история с разоблачениями ГПУ какая-то адская комбинация коммунистических охранников. Тогда, как уже высказывалось в эмигрантской печати, его убийство должно носить фиктивный характер. Конечно, при цинизме большевиков им не трудно расправиться, чтобы скрыть следы, с тем агентом, который перестал им быть нужен (примеры из их прошлого найти нетрудно). Или это человек, решивший искупить свою вину совершением террористического акта. Опперпута заставили по-

¹⁸ Петр Струве, «Дневник политика. 213 (12). «Разоблачения» В. Л. Бурцева и какая им цена?», *Россия*, 1927, №8, 15 октября, с. 1.

ехать, чтобы ликвидировать создавшиеся в России отношения: нужно было спасти людей, которых могли опутать провокационные сети ГПУ. Трудно в таких вопросах говорить о предположениях¹⁹.

Более отчетливо о действиях Опперпута отозвался Бурцев. У него не было никаких сомнений ни в подлинности перехода Опперпута на сторону белых весной 1927 года, ни в гибели его. В интервью с газетой *Дни* он сказал:

Вас интересует мое мнение об Опперпуте? По-моему, показания, данные им в Финляндии, искренни. Это бывало и раньше, когда раскаявшиеся предатели давали верные показания о своей прошлой деятельности. Если все же есть такие, которые в этом сомневаются, то что же? — лишняя осторожность не мешает и даже необходима для дела. Насчет его судьбы, я думаю, что Опперпут убит. Он был уж выжатым лимоном и мог быть для большевиков даже вредным. Впрочем, определенных данных по этому вопросу у меня нет²⁰.

Высказывание это следует поставить в контекст слухов, из Англии (возможно, через П. С. Арапова) достигших варшавской газеты *За Свободу!*. В заметке, помещенной в номере от 21 сентября, говорилось:

ПРОВОКАТОР ОППЕРПУТ ЖИВ

По сведениям газеты «Морнинг Пост», известный Опперпут, руководивший покушениями в Белоруссии на агентов советской власти и якобы убитый вместе с Захарченко и Вознесенским, на самом деле жив и предназначается руководителями чека к дальнейшей провокаторской деятельности. 27 июля он получил из рук советской власти, по представлению ГПУ, красный орден за свою успешную провокаторскую деятельность. В настоящее время ему поручается специальная миссия на Дальнем Востоке, для какой цели он, конечно, опять под новым именем направится в Китай. «Удачное» покушение, устроенное Опперпутом и повлекшее за собою смерть помощника начальника минского ГПУ Опанского, по словам «Морнинг Пост», было организовано центральным московским ГПУ, с которым у Опанского установились «натянутые отношения»²¹.

¹⁹ С. Мельгунов, «Провокация ГПУ», *Борьба за Россию*, 1927, №47, 15 октября, с. 3.

²⁰ Корин <А. П. Марков>, «Бурцев обвиняет евразийцев. Большевики и «Высший монархический совет»», *Дни*, 1927, 16 октября, с. 1.

²¹ С еще большей определенностью эти сведения прозвучали в статье, вскоре появившейся в эсеровском журнале *Революционная Россия*. Варшавская заметка перепечатана в статье: Н. Чебышев, «Грест. История одной «легенды»», *Возрождение*, 1935, 28 августа, с. 2.

Слухи эти были подхвачены рижским *Сегодня*:

ОПЕРПУТ ЖИВ?

В свое время в «Сегодня» приводилось официальное сообщение ГПУ о том, что бывш. чекист Оперпут, занявшийся разоблачениями большевицкой провокаторской работы, направился в СССР для совершения террористического акта, где и был убит.

В парижских эмигрантских кругах циркулируют упорные слухи, что это сообщение ГПУ ложно. Как это не раз бывало, ГПУ с целью замаскировать дальнейшую работу своих агентов, умышленно сообщило об убийстве Оперпута, который будто бы жив и выполняет какую-то работу по заданиям ГПУ на Дальнем Востоке под новой, конечно, кличкой²².

В высшей степени знаменательным является ответ Бурцева на вопрос того же интервьюера *Дней* о том, какие именно круги эмиграции оказались втянутыми в трестовскую провокацию. Согласившись с теми, кто исключал какую бы то ни было связь Врангеля с «Трестом», Бурцев указал лишь два фланга: евразийцев (получавших, по его сведениям, финансовую помощь из советских инстанций)²³ и Высший Монархический Совет (на самом деле отошедший от контактов с МОЦР в 1924 г.). При этом Бурцев опустил имя, которое напрашивалось само собой: Кутепов. Ясно, что он (как и Струве) пытался оградить Кутепова от разворачивавшейся в прессе кампании. 12 ноября, говоря о мотивах, побудивших его выступить с разоблачениями, он писал редактору белградского *Нового Времени* М. А. Суворину:

ГПУ-ские тайны мы не обязаны хранить, в особенности когда мы знаем, что ГПУ знает, что мы знаем, как это хорошо говорится в одном из еврейских анекдотов. «Тайна» о «Тресте», о Шульгине и т.д. разгадана за границей в апреле месяце. Об этом ГПУ знало *тогда же*. Но за границей знали всё хорошо несколько лиц, до остальных дошли только слухи. ГПУ *приняло все меры*, чтобы парализовать раскрытие *в мае* его тайны, и в связи с этим его прозрением было расстреляно несколько человек (Анненков из числа 20). Я позднее других узнал истину о «Тресте» и в то же самое время узнал, что наши знают, но не хотят

²² «Закулисную сторону поездки Шульгина в СССР разоблачил Опперпут», *Сегодня*, 1927, 14 октября, с. 1.

²³ Тем самым Бурцев солидаризировался со П. Б. Струве, превращавшим разоблачение «трестовской» провокации в поход против евразийства. В своем «Письме в редакцию», напечатанном в *Днях* 23 октября, П. Сувчинский категорически отверг утверждение Бурцева об идеологической близости евразийцев к большевикам и о получении от них каких бы то ни было денег.

об этом писать. Я получил <материалы> с условием немедленно же опубликовать в «Иллюстрированной России». Если бы я не сделал этого тогда, то материалы были бы опубликованы в самой *неприятной* для очень многих обстановке, а Вы видели, что я не затронул ни одного имени. Я бил *только* большевиков. Для Шульгина сделал *блестящую* обстановку, молчал о многом, несмотря на то, что я знал о посещении Якушевым великого князя, знал все о Кутепове, знал, что еще в августе *пользовались проваленными путями «Треста»*²⁴.

Несколько позднее он повторил это и публично:

Сделать разоблачение о «Тресте» я считал необходимым вот почему.

Сведения мной опубликованные, не только знали раньше некоторые из известных деятелей, но они приняли меры, чтобы эти сведения возможно дольше не были оглашены. Их не смущало то, что эти сведения уже несколько месяцев как хорошо были известны в ГПУ и ими ГПУ пользовалось для своих целей все время, но они не были известны тем, кто имел дело с «Трестом» и его агентами и потому по-прежнему находились в сетях ГПУ.

А было ли рассказанное мной о «Тресте» «разоблачением» или только «оглашением» того, что подлежало оглашению, но не оглашалось теми, кто это знал, — это ведь безразлично. Во всяком случае, широкие круги читателей, и русских, и иностранных, только из моей статьи впервые узнали, какая сложная и страшная провокация была вокруг дела Шульгина, имевшая огромное принципиальное и политическое значение. — Этим только, конечно, и объясняется глубокое впечатление, произведенное ею²⁵.

В изменившихся и поминутно меняющихся обстоятельствах Шульгин решил вместо возвращения к июньским статьям, запрошенным у него 7 октября П. Б. Струве, написать «Послесловие» к Трем столицам», которое было автором передано не только в *Россию*, но и в другие газеты. В нем, выразив сожаление по поводу того, что Бурцев «преждевременно» предал гласности имя Федорова-Якушева, Шульгин подробно рассказал о всех своих беседах с руководителем «Треста», начиная с берлинской встречи (август 1923 г.). Поведав читателю, что глава «Слипинг-кар» в «Трех столицах» представляет собой максимально точное изложение мыслей Якушева, Шульгин давал общую оценку политическим взглядам своего собеседника:

Я не могу сказать, чтобы он говорил именно то, что думает правая часть эмиграции, за исключением того, что он признавал необходимость ориентироваться на великого князя Николая Николаевича. Его взгля-

²⁴ РГАЛИ, ф. 459 (Суворины), оп. 3, ед. хр. 40.

²⁵ Вл. Бурцев, «О «Братстве Русской Правды», опперпутковском «тресте» и пр. Ответ С. П. Мельгунову», *Последние Новости*, 1928, 1 февраля, с. 2.

ды, что Россия не умерла и воскресает, несмотря на большевиков, что «продаваться иностранцам за всякую цену» не годится, что еврейский вопрос надо как-то решать полегче и что эмиграция претендует на роль, которая ей не по плечу, были скорее близки более к Милюкову²⁶.

Последнее замечание разрушало злорадные обвинения, которыми левый лагерь осыпал своих противников в монархическом лагере в связи с разоблачением «Треста»: ведь если левые упрекали правых в том, что жертвой провокации они стали в силу анахроничности их политической позиции, то идейная близость руководителя «Треста» к Милюкову превращала это обвинение в нонсенс. В «Послесловии» впервые в печати детально описывался раскол в «Тресте» по пункту о «терроре». Значительное место было отведено изложению разделов записок Опперпута, посвященных биографии Якушева и аресту Рейли. Самым мучительным для Шульгина был вопрос о том, почему ему позволили целым и невредимым покинуть советскую Россию; к объяснению Опперпута, что это было сделано для того, чтобы убедить эмиграцию в подлинности «Треста», автор добавлял еще две причины: принятие им предложения «контрабандистов» написать и опубликовать книгу о своей поездке и надежду Якушева на то, что Шульгин сумеет расположить Врангеля к их организации. При этом Шульгин подтвердил и факт договоренности с «контрабандистами» об отправке в Москву на цензуру рукописи его книги.

Послав новую статью в Париж, Шульгин писал жене П. Б. Струве:

Но, право, я не знаю, буду ли я писать дольше в «России». После такого афронта, я думаю, надо временно помолчать. В моем положении приходится не «упорствовать» (а статьи всегда отдают проповедью), а «учиться». Пусть публика поостынет и разберется. Дело не так просто, как кажется. Якушев потому и имел доступ к «нашим сердцам», что его собственное обуреваемо теми же чувствами. Я убежден, что он чекист *поневоле*, такая же «жертва Глеу», но только с той разницей, что он зажат в железную клетку. Впрочем, поживем увидим, а пока думаю «подать в отставку», что, по-моему, должен был сделать и А. П. <Кутепов> немедленно по получении признаний Опперпута, т.е. еще в мае сего года. То, что он силится что-то делать, ошибка. Позднее, может быть, но не сейчас. Все связанное с Трестом необходимо *безжалостно ликвидировать*. Все, ибо никто не знает, как далеко зашла гангрена. *Канцелярию разогнать*²⁷.

²⁶ «В. В. Шульгин о своей поездке в Советскую Россию. Послесловие к “Трем Столицам”», *Россия*, №8, 1927, 15 октября, с. 1.

²⁷ Письмо В. В. Шульгина к Н. А. Струве, 14 октября 1927. Hoover Institution Archives, Petr Struve Papers, Box 11, folder 20. Опубл.: Глеб Струве, «Дела давно минувших дней. О “Тресте” и В. В. Шульгине», *Русская Мысль*, 20 декабря 1960, с. 2.

Публикация шульгинского «Послесловия» 15 октября в газете П. Б. Струве *Россия* явилась неприятным сюрпризом для Кутепова. Новая версия шульгинских показаний расстроила его едва ли не еще сильнее, чем июньские статьи, и он сразу выразил свое неудовольствие по адресу и редактора газеты, и автора:

Многоуважаемый Петр Бернгардович,

в «послесловии» В. В. Шульгина много написано лишнего, поэтому я очень сожалею, что ни Вы, ни В. В. Шульгин не нашли нужным предварительно эту статью показать мне. Безусловно, «послесловие» в такой редакции нанесло еще больший вред нашему общему делу.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении и преданности.

А. Кутепов²⁸.

Можно думать, что наибольшее беспокойство в нем вызвали отчет Шульгина о расколе в «Тресте» по вопросу о терроре, его рассказ о встречах с М. В. Захарченко-Шульц в ходе поездки в советскую Россию и высказанная им догадка о попытке «контрабандистов» заманить в свою западню Врангеля. На это письмо П. Б. Струве отозвался следующим разъяснением:

В ответ на Ваше письмо от 15 октября с. г. почитаю нужным сказать следующее.

Относительно статьи В. В. Шульгина, полученной мною накануне дня выпуска номера — выпуск этот, в силу позднего получения статьи, был величайшим «тур-де-форсом», — мне было ясно и известно, что она появится во всяком случае, если не в «России», то в другом месте (написана статья как послесловие к одному иностранному переводу «Трех Столиц»). Автор Вашей цензуры не предполагал и не желал, считая, очевидно, ее невозможной и нежелательной, после разоблачений Бурцева. Таким образом, я, который был всегда и против опубликования книги Шульгина (я считаю, что я в этом оказался вполне прав), имел перед собою только такие вопросы:

1) где меньше вреда принесет опубликование: в «России» или в другом месте?

2) можно ли без вреда для дела откладывать объяснение Шульгина и обсуждение на страницах «России» т. н. «разоблачений» Бурцева?

Я должен был, не теряя буквально ни одной минуты, решить эти два вопроса, и считаю, что решил их совершенно правильно и в интересах дела. Как Вы знаете, влиять на Шульгина очень трудно — можно лишь стремиться к тому, чтобы его образ действий приносил возможно мень-

²⁸ Письмо А. П. Кутепова к П. Б. Струве. 15 октября 1927. Hoover Institution Archives, Petr Struve Papers, Box 8, folder 17.

ше вреда. Это и было достигнуто. Поэтому я считаю, что опубликование в «России» было полезно — это и сказалось на том, что враждебная сторона замолкла, ибо ей, в сущности, сказать теперь уже нечего.

В день получения и сдачи в набор статьи В. В. Шульгина я поручил К. И. Зайцеву, который знал все обстоятельства дела, срочно предупредить Вас о появлении в ближайшем же номере «Россия» объяснений Шульгина и моего «Дневника»

Прошу Вас принять уверения в моем истинном уважении и совершенной преданности²⁹.

Если в октябре 1926 года Шульгин выступил с протестом против того, что рижская *Сегодня* самовольно напечатала отрывки из его книги, то сейчас он не только предоставил ей полный текст «Послесловия» (напечатанный в трех номерах газеты от 18—20 октября), но и дал интервью ее корреспонденту, появившееся в номере от 16 октября. Иное, чем ранее, отношение к этому безусловно чуждому для него органу печати возникло как в силу изменившейся общей ситуации, так и из-за того, что *Сегодня* обнаружило большую информированность об Опперпуге и «Тресте», чем любая другая газета. Интервью это вновь свидетельствует о том, с каким недоверием писатель относился к утверждениям о насквозь провокаторской сущности «Треста». Он сказал:

Я не был осведомлен о намерении В. Л. Бурцева выступить с разоблачениями, точно так же, как и о содержании этих разоблачений. Как я уже сообщил представителям парижской печати, я считаю часть сведений, опубликованных Бурцевым, сообщенными преждевременно. В частности, фамилию Федорова-Якушева я не только Бурцеву, с которым я вообще не беседовал и не переписывался, но и никому другому не сообщал... Однако, получив в мае этого года некоторые сведения о «контрабандистах», описанных мною в «Трех столицах», сведения, идущие вразрез с той точкой зрения на эту организацию, которой я руководился, когда писал мою книгу, — я лично считал полезным и нужным осветить моим читателям и другую сторону медали, поскольку, конечно, она была ясна для меня самого. В середине июня мною были написаны две статьи под заглавием «Опперпуг» и «Сидней Рэйли», которые предназначались для «Возрождения». Однако я не мог получить разрешения на печатание этих статей от лица, доверительно сообщившего мне новые сведения о «контрабандистах».

Статья Бурцева вынуждает меня сообщить ряд дополнительных обстоятельств, касающихся моей поездки. Надо сказать, что я впервые встретился с Федоровым-Якушевым еще в 1923 г. В течение моей поездки в Россию я несколько раз беседовал с ним и с Опперпугом.

²⁹ Письмо П. Б. Струве к А. П. Кутепову. 17 октября 1927 (отпуск). Там же.

Подробности этих свиданий я предполагаю рассказать в послесловии к английскому изданию моей книги, которое готовится к печати³⁰.

Шульгин повторил, что в своей книге он описал только те стороны советской жизни и только те факты, которые сам наблюдал, ничего не сочиняя. На вопрос о том, не появилось ли у него во время путешествия малейшего подозрения в причастности «контрабандистов» к ГПУ, он ответил:

Если окончательно выяснится, что «Трест» был всецело создан ГПУ и служил ему верой и правдой,— то будет ясно, что я обязан благополучным окончанием моей поездки именно моему безусловному доверию «контрабандистам». Во всяком случае, я лично и сейчас думаю, что некоторые из «контрабандистов», с которыми мне пришлось иметь дело, ни в какой мере не были причастны к ГПУ; это мне представляется психологически невозможным. Но в ту пору я верил всем контрабандистам вместе, верил в организацию.

Здесь небезынтересно упомянуть об одном эпизоде. Когда осенью 1925 г. я подготовился к моей поездке, мне, несмотря на все усилия, не удалось вполне сохранить ее секрет. Я помню мою прогулку с одним из моих друзей, который познакомился с Федоровым одновременно со мной в 1923 году... Мы гуляли в живописных окрестностях Сремских Карловцев, где я тогда жил. Мой собеседник убеждал меня, что Федоров провокатор, что моя гибель для него несомненна и что меня ждет судьба Савинкова... Но мое решение ехать было непреклонно, я знал, конечно, что поездка моя не может не быть рискованной, и поэтому такие разговоры в такой момент меня, естественно, раздражали. И в порыве раздражения я сказал то, чего совершенно не думал:

— Если «Трест», как вы утверждаете, — отделение ГПУ, то в таком случае я за себя совершенно спокоен. Потому что если Федоров и другие — провокаторы, — то им выгоднее всего благополучно выпроводить меня обратно. Я вряд ли представляю для них особенно лакомую добычу, а они будут думать, что мое благополучное возвращение содзаст в их пользу доверие, которое они могут широко использовать.

Теперь, по-видимому, оказывается, что я был прав в том, во что сам не верил. И не прав в том, во что верил. Если «Трест» не успел восполь-

³⁰ Н. Васильев, «Что же говорил В. В. Шульгин? (Беседа корреспондента «Сегодня» с В. В. Шульгиным о разоблачениях В. Л. Бурцева)», *Сегодня*, 1927, 16 октября, с. 3. Под псевдонимом Н. Васильев, по-видимому, скрылся В. В. Клопотовский (Лери), сотрудник *Возрождения* и по совместительству парижский корреспондент *Сегодня*, в ноябре сопровождавший В. Л. Бурцева в его поездке в Ригу и осевший с тех пор там навсегда. О Клопотовском см.: Борис Равдин, Лазарь Флейшман, Юрий Абызов. *Русская печать в Риге: Из истории газеты Сегодня 1930-х годов*. Книга III. *Конец демократии* (Stanford, 1997) (*Stanford Slavic Studies* Vol. 15), с. 163. Английское издание *Трех столиц* осуществлено не было.

зваться доверием, которое вызвало мое благополучное возвращение, то по обстоятельствам особого порядка, о которых я расскажу позже³¹.

Вступил в развернувшуюся дискуссию и один из участников встречи с Якушевым в Берлине в августе 1923 года Н. Н. Чебышев, без указания имени упомянутый в процитированном интервью Шульгина. Свою статью, помещенную в *Возрождении* 20 октября, он начал с заявления о том, какую пользу имели сенсационные разоблачения Бурцева: они дали возможность Шульгину наконец поведать правду. «Раньше Шульгин не мог этого сделать по причинам, от него не зависевшим. Он не считал себя вправе оглашать сведения без разрешения лица, их ему доверившего. Бурцев своим выступлением избавил его от обязанности молчать»³². В положительной оценке Чебышевым самого факта выступления Бурцева выразилось отношение к этому Врангеля и «врангелистов». Но далее Чебышев затронул более болезненный вопрос — о том, подлинным ли был переход Опперпута на сторону эмиграции. Разобрав первую «рижскую» заметку, появившуюся в начале мая, и оба письма Опперпута, напечатанные в *Сегодня*, Чебышев (как и Бурцев) отверг интерпретацию этого поступка как чекистской провокации. В этом он разошелся с Шульгиным, оставившим в «Послесловии» вопрос открытым: может быть, Опперпут говорил правду, но сказал не всю правду; может быть, он убит, а может быть, вернулся на службу ГПУ. Корни такого расхождения между Шульгиным и Чебышевым, очевидно, восходят к различию в их оценках «Треста»: в то время как для Чебышева с самого начала МОЦР выглядела мистификацией большевиков, Шульгин и теперь отказывался верить, что его главный партнер по «контрабандистским» беседам, Федоров-Якушев, был и в самом деле агентом ГПУ.

В заключение Чебышев заявлял, что у эмиграции нет никаких оснований падать духом и каяться. Напротив, следует только радоваться, что «в 1927 году развалился опаснейший аппарат советского шпионажа и провокации» и что «выдающийся эмигрант, благородный и доблестный Шульгин, подвергаясь неисчислимому риску, проехался по России, т.е. совершил подвиг», написав книгу, «отмеченную печатью его тонкого таланта»³³.

³¹ Н. Васильев, «Что же говорил В. В. Шульгин?», *там же*.

³² Н. Чебышев, «“Трест”». Мысли о сенсации дня», *Возрождение*, 1927, 20 октября, с. 2.

³³ *Там же*.

Шульгинское «Послесловие» дало толчок догадкам, что действительной задачей «Треста» было заманивание и поимка чекистами Врангеля и Кутепова. Задавшись вопросом о том, почему писателю была дана возможность вернуться, заметка в газете *Сегодня* сообщала:

Оказывается, что главная охота шла за Врангелем и Кутеповым.

ГПУ задалось целью завлечь их в СССР и там задержать, чтобы потом инсценировать совершенно исключительный по грандиозности показательный процесс.

Оказывается, что в парижских эмигрантских кругах, в которых ГПУ удалось насадить немало своих провокаторов и агентов, усиленно поддерживалась идея о необходимости поездки в Россию самих «вождей белого движения» — генералов Врангеля и Кутепова. Мысль эта имела многих сторонников, и от имени монархической организации были даже обращения по этому поводу к Николаю Николаевичу. К последнему являлись делегации от монархических организаций, в среде которых, вероятно, тоже были агенты ГПУ, и настоятельно просили великого князя командировать в Россию Врангеля и Кутепова.

Как передают, ген. Врангель отрицательно относился к этой идее, а ген. Кутепов, ослепленный «удачно» закончившейся поездкой Шульгина в СССР, собирался по его примеру отправиться туда, пользуясь при этом услугами все той же якобы монархической, а на самом деле провокаторско-чекистской организации.

И только мелкая случайность удержала ген. Кутепова от выполнения этого плана. Когда в Гельсингфорсе очутился Оперпут и начал было там разоблачать или якобы разоблачать страшную провокационную работу ГПУ, ген. Кутепов прибыл туда, имел ряд свиданий с Оперпутем, после чего сам убедился в том, какой опасности подвергся бы он в случае поездки в СССР³⁴.

Таким образом, *Сегодня* вносило существенный корректив в опус Шульгина. Если шульгинское «Послесловие» выражало допущение, что благополучный исход путешествия писателя обусловлен был намерением ГПУ уловить Врангеля, то данная заметка пошла дальше, указав на планы завлечения в ловушку и Кутепова, а также объяснив срыв этих планов бегством и заявлениями Опперпута.

Сам Кутепов по поводу разоблачений Опперпута, Бурцева и Шульгина публично не проронил ни слова. Зато нарушил свое молчание Врангель, заявив в интервью, данном *Иллюстрированной*

³⁴ А. Б., «ГПУ охотилось за Врангелем и Кутеповым (От парижского корреспондента “Сегодня”», *Сегодня*, 1927, 15 октября, с. 1; см. также сокращенное изложение этой статьи: «Охота на Кутепова и Врангеля», *Дни*, 1927, 18 октября, с. 1.

России, что считает публикацию статьи Вл. Бурцева необходимой и своевременной³⁵. Тем самым Врангель бросил вызов *России* и *Борьбе за Россию*, осудившим Бурцева за его выступление. И хотя при этом он уклонился от каких бы то ни были личных выпадов и призвал к продолжению «работы в России», заявление его дало пищу подозрениям, что именно он, из соперничества с Кутеповым, инспирировал выступление Бурцева. В. Х. Даватц, совершивший в те дни поездку в Чехословакию и встретившийся там со многими галлиполийцами, сообщал Врангелю о резко отрицательном отношении в армейских кругах и к этому конфликту с Кутеповым, и к разоблачениям Бурцева:

Доводы *против* опубликования Бурцевым дела о Тресте следующие: 1. Были тотчас приняты внутренние меры для того, чтобы обезопасить работу от Треста. 2. При таком положении вещей опубликование только подрывает общий пафос борьбы у организаций, может быть, и совсем с Трестом не связанных. 3. Это является попыткой путем общественного мнения сделать то, что, может быть, надлежало сделать, но путем внутреннего влияния и воинской субординации (через В.К.Н.Н.). Должен сказать, что, насколько я мог себе уяснить, такое мнение разделяется лицами, близкими к Крамаржу. С самим Крамаржем я по сему предмету не разговаривал, но все же убедился, что симпатии его к Ал.П. <Кутепову> этой историей ничуть не поколеблены³⁶.

В ответ на эту критику Врангель писал:

Трехлетняя работа генерала Кутепова в области, ему Великим Князем порученная, потерпела крах. Еще в ноябре 1924 года, во время приезда моего в Париж, я уже докладывал Великому Князю о сложившемся у меня убеждении, что «Трест» — организация, поставленная ГПУ. Тогда же дважды говорил о том же генералу Кутепову. Впоследствии неоднократно докладывал Первому, предупреждал второго. Убедившись, что моим предостережениям ни Великий Князь, ни генерал Кутепов не верят, делал все, чтобы вскрыть провокацию, говорил кому мог, предупреждал как только мне становилось известно, что то или иное лицо заманивается в сети провокаторов. Мог ли я молчать, зная, что при невольном посредничестве самого генерала Кутепова разрушается работа внутри России, что лучше, кто идет за нами, гибнут жертвой своей доверчивости? Когда минувшей весной обнаружили первые провалы, я горячо убеждал генерала Кутепова отойти от того дела,

³⁵ М. П. Миронов, «У генерала П. Н. Врангеля», *Иллюстрированная Россия*, 1927, №43, 29 октября, с. 5—6. Ср.: «Врангель против Струве», *Дни*, 1927, 23 октября, с. 2.

³⁶ Письмо В. Х. Даватца к П. Н. Врангелю от 26 ноября 1927. Hoover Institution Archives, Vrangell Collection, Box 147, file 34, л. 552—553.

которое, как показал опыт, ему не по плечу. Указывал ему на необходимость изменить самое построение работы, ее методы. Все оказалось тщетно. Процесс «пяти» это ясно обнаружил. Он ясно показал, что нити, связывающие Парижский центр с ведущими на местах работу организациями, даже непосредственно с Трестом не связанными, ГПУ известны. Разоблачения В. Л. Бурцева и В. В. Шульгина, сделанные вне всякой от меня зависимости, дали мне возможность отмежеваться от вредного дела, предостеречь тех, кто мне доверился³⁷.

Газета Милюкова *Последние Новости* в своем обзоре откликов на бурцевские разоблачения язвительно высмеяла призыв правых «не удушать активистского духа» и попытку их доказать, что ленинградское дело пяти — с «Трестом», Опперпутом и приключениями Шульгина ни в какой связи не находится. Газета настаивала на причастности Кутепова к деятельности провокаторской сети провалившейся «монархической» организации, ссылаясь на показания обвинявшихся на процессе пяти и на судьбу М. В. Захарченко-Шульц, «единственного честного, прямого и убежденного члена» группы. Более того, самый факт запрета публикации июньских статей Шульгина, ныне получивший широкую огласку, она объясняла тем, что «серьезное дело» (как говорил Шульгин) — контакты с «трестовцами» — не прерывалось до похода диверсионных групп в Москву и Ленинград в июне, до гибели Захарченко, а может быть, и до самого суда по делу пяти в сентябре. Сочувственно ссылаясь на шульгинскую характеристику взглядов Якушева, как близких Милюкову, и выражая солидарность с шульгинско-якушевской позицией осуждения террора, статья с негодованием говорила об «активистском» курсе, принятом «генералами»:

<...> можно считать доказанным одно: как бы ни относилось русское население к большевикам — даже и ненавидя их, — оно все же не захочет солидаризироваться с теми, кто придет спасать его путями иностранной разведки, с претензией обучать его мужеству, которое эта народная масса фактически проявляет в гораздо большей мере, чем ее спасители. Наши активисты не понимают того, что дело не в том, нужна ли борьба и нужна ли конспирация, а в том, кто и для чего конспирирует. Стоит поставить этот вопрос, чтобы сам собой обрисовался ответ: конспирировать можно только внутри России, принадлежа к ней, а не являясь для нее чужаком. Генералы, которые продолжают посылать из своих штабов «наивных и неумелых» людей, хладнокровно учитывая, какой процент, по обычным боевым сводкам, должен оказаться пожерт-

³⁷ Письмо П. Н. Врангеля к В. Х. Даватцу от 7 декабря 1927 (отпуск). Там же, л. 557—558.

вованным, — эти генералы — и те, кто их защищает в печати, — просто ничего не поняли, ничему не научились и, очевидно, ничему не способны научиться. Пусть бы они хоть брали пример с Шульгина³⁸.

Крахом «Треста» поспешили воспользоваться для обличения «правых» и другие деятели левого лагеря. Е. Д. Кускова заявляла в *Днях*, что нельзя осуществлять революцию через иностранные разведки, надо искать базы в самой стране, а народ пока к свержению режима не стремится³⁹. В письме к В. А. Маклакову от 22 октября она сообщала из Праги:

Здесь иностранцы буквально хохочут над историей Шульгина. Вместо того чтобы бламировать большевиков она их подняла: вот, дескать, какие ловкачи! «Prager Presse» не постыдилась даже напечатать: «неизвестно, *знал ли сам Шульгин*, с какими людьми он едет в Россию». Слышите? Как далеко заходит их презрение к эмиграции. Им страшно нравится «хитрость» большевиков: деловые люди! Не верят они поэтому и в скорый переворот в России: как-нибудь выкрутятся и из этого кризиса⁴⁰.

В ответном письме Маклаков описал Кусковой атмосферу, сложившуюся в Париже в результате появления разоблачений «Треста»:

<...> происходит какая-то глубокая распря в среде людей одинаково близких в своих политических взглядах и даже в желании активной деятельности в России; какая-то пропасть отделяет Врангеля и <великого князя> Н<иколая> Н<иколаевича>, Струве и Чебышева, Кутепова и Гучкова и т.п. Они еще соблюдают внешнюю благопристойность и не выступают с публичными обвинениями друг друга; но в отдельных отъездах и в частных разговорах не скрывают озлобленного осуждения друг друга. Один из генералов, которого я не хочу называть, потому что он стоит очень близко к этому делу, даже приходил ко мне с претензиями на то, что я не скрываю своего мнения об этой истории и этим им врежу. А ведь своего мнения публично, т.е. печатно, я нигде не высказывал, даже намеками. Конечно, растерянность, которая царит в этом лагере, напоминает ту, которая была у с. р.-ов после разоблачения Азефа; но только теперь все не только несравненно грандиознее, но и глупее, а главное, уже не знаю, под влиянием ли того, что после войны вообще привыкли к смерти и крови, или под влиянием того, что за убийства теперь взялись неопиты, которые почувствовали вдруг, что все позволено, — но весь террор и особенно не сам террор, а подстрекательства к нему из безопасного места, получил тот характер откровенности и сознания своей правоты, которого никогда прежде не бывало; беда, когда анархисты начинают говорить языком государ-

³⁸ «Ничему не научились», *Последние Новости*, 1927, 20 октября, с. 1.

³⁹ Е. Кускова, «По поводу дела Шульгина», *Дни*, 1927, 16 октября, с. 2.

⁴⁰ Hoover Institution Archives, V. A. Maklakov Papers, Box 9, folder 31.

ственников, бывшие государственники и поклонники устоев языком революционеров. Трагедия убийств, в которых страдают и невинные, каким-то причудливым образом сочетается <с> церковным восторгом перед этими убийствами, с ссылками на мораль, на закон, на право и т. п.; и, конечно, как бы строго ни возмущаться тем политическим разворотом, который внесла в души их провокация, то если что-нибудь ее оправдывает или, вернее, не оправдывает, а объясняет, то это вахханалия здешних новых адептов терроризма⁴¹.

Примечательно, что в то время как левые парижские газеты — *Последние Новости и Дни* — уклонялись от нападков на книгу *Три столицы*, сосредоточив огонь на правом лагере в целом и снисходительно приветствуя симптомы «полевения» Шульгина, среди их противников в правых кругах стали раздаваться, наоборот, голоса, отрицавшие какую бы то ни было ценность шульгинского отчета о положении в советской России. Наиболее ярким примером этого явилась критика со стороны А. А. Салтыкова, в конце 1927 года ставшего одним из основных публицистов в *Возрождении*. В статье, целиком посвященной разбору *Трех столиц*, он писал:

Какова бы ни была истинная подкладка поездки Шульгина по России, все, что он написал о ней в своей книге, *чрезвычайно выгодно для большевиков*.

Эти строки ни в малейшей степени не внушены сознанием торжества моего «ясновидения» над ослеплением Шульгина. Но поистине ужасно, что его ослепление, по-видимому, продолжается, несмотря на все сделанные разоблачения. В упомянутом «Послесловии» он продолжает недоумевать, как большевицкая цензура могла пропустить его книгу... А на деле — не только «пропустить», — большевицкая цензура могла бы ему эту книгу даже *продиктовать*... И впрямь: *она ее продиктовала ему от первой до последней строки*. <...>

Подлинная шульгинская правда есть правда не о России, а о большевиках. Мы действительно узнаем от него — чего хотят от нас, эмиграции, большевики. Они прежде всего хотят, чтобы мы поверили тому, что рассказал нам Шульгин: что Россия просыпается, что Россия возрождается, что Россия охвачена могучим творческим процессом — *несмотря на большевиков*.

Но если это действительно так, то в чем, спрашивается, тогда смысл эмиграции? Тогда она не только теряет свое острие, свою правду и силу, но утрачивает, в сущности, всякую *raison d'être*.

Признания Шульгина — конец эмиграции⁴².

⁴¹ Письмо В. А. Маклакова к Е. Д. Кусковой. 28 октября 1927. Париж. Там же.

⁴² Александр Салтыков, «О “Трех столицах”», *Возрождение*, 1927, 22 ноября, с. 4.

В условиях разраставшегося скандала В. В. Шульгин счел целесообразным полностью устраниваться от газетной борьбы. 29 октября он писал П. Б. Струве:

Дорогой Петр Бернгардович.

При всем желании быть Вам полезным спешу уведомить Вас, что я не пришлю Вам требуемой статьи. Я сам себе надоел, а читателям и подавно. Это не кокетство, а «продуманное ощущение».

Существует очень мудрый политический обычай в культурных странах после «провала» выходить в отставку... хотя бы на время. Этот прием я и хочу применить к себе в данном разе. Хотя печать отнеслась ко мне лично весьма прилично, а печать, вероятно, отражает «общественное мнение», но это именно и обязывает. Шварцбарда оправдали, но вряд ли было бы умно с его стороны понять этот приговор так, «что продолжай в том же роде». Для чего-то существует траур даже для тех вдов, которые своих мужей не любили. Я не хочу сказать, что я — «вдова Треста», но я предпочитаю износить сначала башмаки, в которых я опростоволосился, прежде чем возобновлять публицистическую деятельность, которая как-никак сводится к тому, что писатель говорит читателям: «слушайте меня, друзья мои, потому что я умный». Мне необходимо побыть в тени, Вам известно, что некоторые вылинявшие платья (цвет индиго, кажется), если их повесить в шкаф, через некоторое время приобретают прежний цвет. Дайте мне повисеть в шкафу. Это к тому же с моей стороны никакая жертва — наоборот. Я ведь по природе совершенно лесной человек, и заниматься политикой для меня всегда было нечто вроде воинской повинности для дубора. «Як треба, то треба», но когда «не треба», то... я предаюсь своей «лучистой любовнице» — Природе. Закончил сию тираду величественно и поэтично, и потому можно поставить точку.

Ваш В. В.⁴³

Тем временем кутеповскому лагерю пришлось мобилизовать силы по защите «активистского» курса от обвинений и нападков, вызванных разоблачением «Треста». Мощным оружием здесь явилась анонимная статья, напечатанная в журнале *Борьба за Россию* под криптонимом Х.⁴⁴ В преамбуле к ней редакция уведомляла читателей:

Ниже мы печатаем «письмо в редакцию», которому придаем исключительное значение, ибо сведения по вопросу, ныне всех волнующему, дает лицо, непосредственно участвующее в активной борьбе с

⁴³ Hoover Institution Archives, Petr Struve Papers, Box 11, folder 20. Опубл.: Глеб Струве, «Дела давно минувших дней. О “Тресте” и В. В. Шульгине», *Русская Мысль*, 20 декабря 1960, с. 3.

⁴⁴ Х., «“Трест” и ГПУ (Показания непосредственного участника)», *Борьба за Россию*, 1927, №48, 22 октября, с. 2—6.

большевиками и связанное с деятельностью так называемого «Треста». Автор письма известен одному из членов редакции «Борьбы за Россию» — С. П. Мельгунову. Достоверность его сообщения вне всякого сомнения, и оно является описанием событий, как те были в действительности. *Ред.*» (с. 2).

В противовес свидетельствам, восходившим к дискредитированной фигуре Опперпута, и в противовес откровениям Шульгина, одуроченного советскими чекистами, анонимный корреспондент мельгуновского журнала, знавший «Трест» изнутри, провозгласил своей задачей отделение «легендарного» от «действительного» в тайной вооруженной борьбе, развернувшейся внутри советской России. Он сообщал:

Точное время создания «Треста» мне неизвестно, так как я начал работать в нем лишь с 1924. Мне неизвестно, была ли эта организация с самого начала провокаторски создана ГПУ, или агенты его проникли впоследствии. Во всяком случае, как *теперь* достоверно выяснилось, уже в 1924 г. эта организация фактически находилась не только под бдительным наблюдением ГПУ, но почти что им управлялась. Я говорю «почти» потому, что утверждения, которые приходится теперь часто слышать, что «Трест» был «слош чекистским», — конечно, неверны. Да и надобности в этом для ГПУ не было; для него было достаточно иметь в среде «Треста» двух-трех крупных агентов и несколько мелких, принимая во внимание то, что крупные агенты ГПУ входили в самую головку организации. Своим агентам в «Тресте» ГПУ поставило, по показанию Опперпута, задачи в трех направлениях (конечно, они были до того нам неизвестны):

1) Внутри СССР впитать в себя возможно больше «контр-революционного элемента», который тем самым попадал под прямое наблюдение и становился почти безвредным, так как он мог быть ликвидирован в любую минуту. В этой «внутренней» области работы «Тресту» ставилась задача стараться находить другие «контр-революционные» организации и при возможности поглотить их, по крайней мере войти с ними в контакт. Этим тоже крайне облегчалось наблюдение ГПУ над этими организациями.

2) Вторая задача «Треста» была войти в сношение с иностранными контр-разведками в целях обнаружения их агентур и, главное, в целях «дезинформации», т.е. снабжения ее заведомо неверными данными, имеющими, однако, характер правдоподобия.

3) Наконец, третья задача «Треста» была «эмиграционная». Ему предписывалось войти в сношение с эмигрантскими «контр-революционными» организациями; дабы тем самым легче следить за ними и, в случае надобности, канализировать работу в желательное ГПУ русло.

Таким образом «Трест» вошел в контакт с одной организацией, имеющей центр в Юго-Славии, а также с другой организацией, центр которой находился в Париже. Помимо этого «Трест» вошел в контакт

с некоторыми другими мелкими контр-революционными группами среди эмиграции и даже отдельными лицами (с. 2—3).

В перечислении задач, поставленных чекистским руководством перед «Трестом», автор статьи в целом вторил майским письмам Отперпуга в *Сегодня*. Существенным при этом, однако, было замечание о контактах, установленных «Трестом» с двумя эмигрантскими центрами. Хотя они не названы, ясно, что первым из них был штаб Врангеля, а вторым — Кутепов и его группа. Тем самым вносилась важная поправка в утверждения, казавшиеся общепринятыми и бесспорными, — будто Врангель и «врангелисты» никаких сношений с «Трестом», в отличие от Кутепова, не имели⁴⁵. Сообщив, что сам он был послан в Россию парижской (т.е. кутеповской) организацией, автор заявил, что именно существовавшие в ней сомнения относительно «Треста» и заставили ее поручить автору статьи «и еще некоторым лицам», во-первых, проверить, не причастен ли «Трест» к ГПУ, а во-вторых, работая в контакте с «Трестом», но не выдавая ему всех полученных заданий, некоторые работы вести в секрете от кого бы то ни было из трестовиков. Поэтому, когда «Трест» был ликвидирован, «наша работа» раскрыта ГПУ не была; наоборот, сама эта работа и помогла раскрыть провокацию ГПУ (с. 3).

В связи со скандалом в прессе вокруг шульгинского путешествия и книги *Три столицы* автор писал:

Относительно поездки в Сов. Россию В. В. Шульгина, о которой так много говорила эмигрантская пресса, я был вполне осведомлен, хотя Шульгин был направлен к «Тресту» не из парижской организации, с которой я был связан, а из Юго-Славии (что видно даже из его книги «Три столицы»). В свете последующих событий, конечно, ясно, что о поездке В. В. Шульгина ГПУ было прекрасно осведомлено, но поспешные выводы некоторых газет о том, что Шульгин *исключительно* вращался среди чекистов, конечно, столь же неверны, сколько и оскорбительны для тех искренних патриотов, входивших в организацию «Треста», из которых некоторые уже кровью запечатлели верность своим идеалам. Между тем поездка В. В. Шульгина в виду некоторых подробностей еще более усилила наши подозрения, что в среде «Треста» имеются агенты ГПУ. Мы не имели пока точных данных, но некоторые лица вследствие этого, а также вследствие сведений, полученных с другой стороны, стали нам более подозрительны, и мы стали их опасаться и, не показывая виду, еще более законспирировали нашу рабо-

⁴⁵ В своей статье, помещенной в *России* 29 октября, Струве подчеркнул, что контакты Кутепова с «Трестом» достались ему по наследству от Врангеля, еще ранее вступившего в сношения с этой организацией. См.: Петр Струве, «Дневник политика. 217 (16). Еще по поводу “Треста”», *Россия*, 1927, №10, 29 октября, с. 1.

ту от «Треста». Если поездка Шульгина и создала «рекламу», то во всяком случае не для нас и не для нашего парижского центра (с. 4)⁴⁶.

Освещение в статье конфликта внутри «Треста» по поводу вопроса о терроре привносило новые, прежде неизвестные читателям детали:

По отношению к террористической деятельности агенты ГПУ проводили в «Тресте» политику отговаривания эмиграции от этой «нецелесообразной формы борьбы». Однако с начала 1927 года ГПУ почувствовало, что стремление приступить к террористической деятельности среди эмиграции усиливается. Тогда оно решило круто повернуть линию своей политики и приказало своим агентам (показание Опперпута) провоцировать террор, настаивая, однако, на том, чтобы он не принял «анархических форм». Для этого, по мнению агентов ГПУ, надо было стиснуть всю террористическую деятельность эмигрантских организаций к одному центру — «Тресту». Этим простым путем ГПУ получало под свой контроль всех эмигрантских террористов.

Подозрения наши относительно «Треста» усиливались, хотя, по правде сказать, мы тогда еще не воображали, насколько глубоко проникла в «Трест» агентура ГПУ. На удочку вышеупомянутой провокации мы не попались и, наоборот, начали систематически выпутывать своих друзей из сети «Треста» (с. 4).

Статья завершалась рассказом о драматических обстоятельствах бегства Опперпута и нескольких членов кутеповской организации за границу и о привлечении его к боевой деятельности кутеповской группы:

В это время один из видных представителей «Треста», который был нам известен под именем Стауница, сам открыл нам, что его настоящая фамилия Опперпут и что он является агентом и провокатором ГПУ. Опперпут сказал при этом, что причиной его поступка является следующее: ГПУ стало замечать, что в «Тресте» делается какая-то работа, о которой оно не получает осведомления от своих агентов (это была именно та секретная от заправил «Треста» работа, о которой говорилось выше). Так как агенты ГПУ стояли в самом центре «Треста», ГПУ заподозрило, что они — в частности, Опперпут — ему изменяют в пользу «контр-революционеров». От своих доброжелателей в ГПУ Опперпут получил предупреждение, что его собираются «ликвидировать». Это известие понудило Опперпута раскрыть нам карты. Он предложил нам немедленно бежать за границу вместе с ним и при его по-

⁴⁶ Понимать это замечание надо как адресованный Шульгину упрек за его сочувствие линии умеренного, «якушевского» крыла в «Тресте» и как акцентировку полной независимости политической и военной деятельности Кутепова от «Треста».

мощи. Действительно, всем нам, приехавшим из-за границы, за одним исключением, удалось бежать. Один из нас был арестован и впоследствии расстрелян⁴⁷. Мы были предупреждены Опперпутом вовремя: по видимому, ГПУ решило ликвидировать «Трест» — посыпались аресты, многим, впрочем, удалось скрыться...

Во всяком случае, пресловутый «Трест» в апреле 1927 года кончил свое существование.

Мы удачно перешли границу и получили распоряжение абсолютного прекратить всякое сношение с кем бы то ни было из уцелевших членов провалившейся организации. Парижский центр считал, что среди уцелевших (как, впрочем, и среди арестованных) могут быть еще не известные нам агенты ГПУ, а с другой стороны, полное прекращение связи с нами способствовало спасению подлинных «контр-революционеров». *Я могу категорически заявить, что с этого времени никаких сношений с бывшими «трестовиками», оставшимися в Сов. России, наша организация не имела.* Из этого ясно, что эмигрантские «подозрения» или «разоблачения» каких-то новых провалов нашей организации в связи с «Трестом» не имеют никакого основания и являются плодом большого воображения и только полезны для самого ГПУ. Что касается Опперпута, то он раскрыл нашей организации, по его словам, все, что сам знал о деятельности ГПУ и некоторых других советских учреждений. Он назвал также имена известных ему агентов ГПУ, бывших в «Тресте». Относительно его самого могло быть два мнения: либо верить его словам о том, что теперь он действительно изменил ГПУ (навсегда ли? — другой вопрос), после того как столь долго он служил ему и предавал нас; либо, с другой стороны, можно было предположить, что в его лице мы имеем начало новой грандиозной и смелой провокации ГПУ. Я лично держусь об Опперпуге первого мнения и верю его указаниям относительно мотивов, далеко не идейных, заставивших его изменить ГПУ⁴⁸. Как бы то ни было, даже при этом толковании Опперпуг, конечно, не заслуживал к себе никакого доверия. Другие считали его по-прежнему агентом ГПУ.

Из центра мы получили приказание тщательно наблюдать за Опперпутом, не посвящать его ни в какие дальнейшие планы и ко всем его словам относиться с величайшей осторожностью. Остерегаясь тех лиц, на которых Опперпуг указал как на агентов ГПУ, и порвав с ними, как сказано выше, всякие сношения, мы тем не менее не сочли себя вправе только на основании показаний заведомого провокатора — Опперпуга — считать доказанным предательство других лиц. Приходится констатировать, что еще в мае 1927 года «разоблачения» Опперпуга появились в газете «Сегодня» (Рига). Давший нам показания Оппер-

⁴⁷ Речь идет о генерале Сусалине.

⁴⁸ Неясно, намекает ли эта фраза на меркантильные расчеты Опперпуга, акцент на которые сделан позднее в романе Л. Никулина «Мертвая зыбь», или на его личные взаимоотношения с М. В. Захарченко.

пут заявил, что он раньше проповедовал террор по приказу ГПУ, но что он теперь искренно держится этого мнения. Ему было отвечено, что принимать участие в качестве организатора террористических актов ему не будет дозволено, но что, если он хочет, ему будет дана возможность в качестве рядового террориста перейти границу. Опперпут вылезал совершить довольно крупный террористический акт. О каких-либо других действиях и планах нашей организации он, конечно, не был поставлен в известность.

В сопровождении одного доверенного члена нашей организации Опперпут действительно перешел границу СССР и удачно совершил тот террористический акт, о котором говорил. На возвратном пути Опперпут вместе со своим соучастником был застигнут ГПУ. По полученным нами сведениям, как было условлено, оба они, отстреливаясь, побежали в разные стороны. Согласно опубликованному сообщению ГПУ, Опперпут был убит. Конечно, к этой версии надо относиться с величайшей осторожностью. Возможно, что Опперпут убит, но возможно, что он попал живым в руки ГПУ. В этом случае возможно и то, что он снова на его службе. Как бы то ни было, достоверных сведений о судьбе Опперпута у меня не имеется...

Продолжая существовать в активной борьбе против большевиков, я, к сожалению, не могу в печати подписать это письмо моим подлинным именем. Надеюсь, однако, господин Редактор, что Вы не откажете в любезности засвидетельствовать, что источник получения этого письма внушает Вам полное доверие (с. 5—6).

Все эти сведения приобретают особенную остроту, если установить имя автора статьи. Хотя оно никогда и никем названо не было, вычислить его не составляет чрезмерного труда. Это, несомненно, Георгий Николаевич Радкович-Шульц, муж М. В. Захарченко. В июне 1927, после того как его жена и Опперпут ушли в свой последний поход в Россию, он встал во главе подготовки в Финляндии следующих боевых отрядов, в том числе тех двух групп, которые пересекли границу в августе. В сентябре, после процесса пяти, советское правительство потребовало высылки Радковича из Финляндии, наряду с Ларионовым и Мономаховым, участниками покушения в здании на Мойке, и он сразу выехал в Польшу⁴⁹. О его настроении в те месяцы, после оглашения советского коммюнике о ликвидации группы Захарченко и Опперпута, дают яркое представление воспоминания Пепиты Бобадилья. Он, по этому свидетельству, отказывался верить в гибель жены, считая, что она ране-

⁴⁹ «Высылка трех белогвардейцев из Финляндии», *Известия*, 1927, 30 сентября, с. 1; «Бедствия тринадцати русских», *Возрождение*, 1927, 19 октября, с. 3; «Судьба высылаемых из Финляндии», *Руль*, 1927, 3 ноября, с. 3.

на и томится в советской тюрьме⁵⁰. В сентябре он послал письмо чекисту Кияковскому, в котором притворно предлагал переход на сторону ГПУ взамен достоверных сведений о судьбе жены. В высшей степени примечательно, что в цитируемой статье Х. диверсия в здании на Лубянке расценена — вопреки всем другим откликам — как удача. Что касается Опперпута (к которому, если верить Л. Никулину и некоторым другим исследователям, Радкович должен был питать ревность на личной почве), то автор статьи склонялся к тому, чтобы согласиться с Бурцевым в том, что переход «Стауница» на сторону белых был искренним, но, с другой стороны, как и Шулгин, он не исключал здесь чекистской провокации.

Статья Радковича была отреферирована в ряде газет. Самое подробное изложение ее было дано в *России* Струве под назидательным заголовком, явно метившим по адресу Бурцева: «Истина, а не сенсация о “Тресте” и Опперпуте»⁵¹. «Переломное» значение статьи было отмечено обозревателем белградской газеты *Новое Время*:

В самой эмиграции разоблачения Бурцева били на два фронта — убивали энергию на активную борьбу и отбивали охоту снабжать средствами эту борьбу.

На какую мельницу лил воду Бурцев, конечно, совершенно бессознательно, но это станет особенно ясно, если приведем хотя бы несколько слов из показаний того же Опперпута — «“Трест” должен был подмять под себя все зарубежные центры и навязать им тактику, разработанную ГПУ, которая гарантирует им разложение от бездействия на корню».

Только после «Показаний непосредственного участника Треста», г-на Х, приведенных в «Борьбе за Россию», эмиграция стала приходить в себя. Действительно, показания были исчерпывающи. Из них видно, что ГПУ в своей игре с эмиграцией сильно промахнулось. На его провокацию парижский центр не только не поддался, но необычайно искусно ее разоблачил еще полгода тому назад⁵².

Другим шагом, предпринятым с целью противодействия антикутеповской кампании, явилось выдвижение фигуры М. В. Захарченко в апологетическом плане. В газете П. Б. Струве была напечатана большая статья Н. А. Цурикова, прославлявшая ее самоотвер-

⁵⁰ См.: Робин Брюс Локкарт. *Сидней Рейли. Шпион-легенда XX века*. (Москва: Центрполиграф, 2001), с. 324.

⁵¹ См.: *Россия* (Париж), 1927, №9, 22 октября, с. 1, 3. См. также: «Белый товарищ “Треста”», *Дни*, 1927, 22 октября, с. 1; Х., «“Трест” и ГПУ», *Сегодня*, 1927, 26 октября, с. 4.

⁵² «Внешние известия. Парижская неделя о “Тресте” (Корреспонденция “Нового Времени”)», *Новое Время*, 1927, 28 ноября, с. 1—2.

женную, героическую борьбу против большевистского режима. «Трестовский» период ее деятельности изображался не как длительное пребывание в глубоком подполье, а как цепь многократных опасных походов в советскую Россию. Но в целом «фактическая» сторона в этой статье была несколько затушевана, и главное ее содержание составлял разбор героически-патриотических мотивов, воодушевлявших все решения, поступки и действия погибшей. События прошедших лет давались как бы в ее восприятии, с ее точки зрения. Вот как, например, сообщалось о первом ее переходе (вместе с Г. Радковичем) советской границы:

Она решает ехать в Россию.

Зачем? Какова та частная специальная цель этого ее *первого путешествия*, которую она сама себе ставит? Она хочет знать, кто ее противник, в каком он теперь состоянии, с кем теперь должна вестись борьба за Россию. Может быть, после потери населением последней надежды на внешнее освобождение Россия-узница сдалась на волю победителя? Может быть, произошло примирение народа с властью? Может быть, народ принял новую власть, не видя выхода и не дождавшись своих? Это надо было проверить, надо самой увидеть, надо почувствовать живую обстановку. Она идет *на разведку*.

За свой страх, без чьей-либо помощи, почти без денег, не «по проторченным дорожкам», с одним спутником, глубокой осенью М. В. переходит советскую границу⁵³.

Такой установкой на создание психологического портрета героини, на подчеркивание внутренних моральных и идейных стимулов ее самоотверженной борьбы статья Цурикова резко выделялась на фоне всего того, что с весны 1927 года говорилось в печати в связи с разоблачением «Треста»:

Первое путешествие М. В. определило и всю ее дальнейшую работу.

— Когда я попала первый раз в Москву, — рассказывала М. В., вернувшись из своего первого путешествия — мне казалось сперва, что на меня все смотрят. Казалось, что на мне горит печать: «белогвардеец», «врангелевец», «кутеповец», что меня сейчас же узнают и схватят. Страшно было глаза от земли поднять, все было новым. Но скоро я не только применилась и «внедрилась», но и радостно, захватывающе радостно, убедилась в том, что *мы были правы в своей оценке*.

Задача и внешнего, и внутреннего «психологического» внедрения была быстро преодолена. И эта быстрота определилась тем, что, в свою очередь, и дало М. В. силы выдержать свой многолетний, добровольно повторяемый подвиг. *Россия новой власти не приляла*, кое в чем мо-

⁵³ Н. Цуриков, «За Россию. Мария Владиславовна Захарченко-Шульц», *Россия*, №12, 1927, 12 ноября, с. 2.

рально деформированная, она по-прежнему несдавшаяся узница, ненавидящая своего тюремщика, ожидающая своего освобождения и помогающая всем, кто борется со злобной шайкой, держащей добычу в своих кровавых когтях (с. 2).

В этой связи рассматривался и вопрос об изменениях, происшедших во взглядах Захарченко на формы борьбы, — вопрос, затронутый в только что появившемся «Послесловии» Шульгина. В статье излагались «внутренние» причины, побудившие ее в конце концов обратиться к террору:

Прежде чем перейти к тому, чем она кончила, М. В. ищет других, «террористических» методов борьбы. «Надо сперва все испробовать», пропаганду, установление связей... Личный риск этой работы в советской России был не меньший, чем при боевой работе: в том и другом случае, одинаково — расстрел! Значение этой уже проделанной работы огромно. Ни доказывать этого, ни описывать работы мы не будем. Долгая и упорная работа в этом направлении (вопреки все время неоставляемому ее убеждению в неизбежности «террора») приводит М. В. к частичному разочарованию и изменению первоначального диагноза, диагноза человека, ожидавшего увидеть умирающего, и обрадовавшегося, увидав серьезно больного, показавшегося поэтому даже здоровым. Сон действительно кончился. Это так.

Население сочувствует каждому внутрироссийскому антиправительственному акту. Но еще не прошел «волевой столбняк». 10 лет ужасных истязаний сделали свое дело. И потому все же нужен террор, с другой целью, в другом качестве, — но нужен. Уничтожая отдельных злодеев, надо показывать населению, что для человека, решившегося на подвиг, *нет невозможного*, надо разрушить легенду о всеисильности ГПУ и показать запуганному русскому народу, что подвиг сильнее их, что у подвига соперников *нет* (последующее показало, что удача соединима и с безнаказностью). И она, ставши незадолго до своей смерти во главе террористической группы, — это и показала (с. 5).

Далее автор переходил к наиболее сложному вопросу в этом контексте — роли Захарченко в «Тресте», драматическим обстоятельствам его ликвидации и, наконец, ее героической гибели — вступая здесь в полемику с Шульгиным:

В. В. Шульгин в недавно опубликованном им «Послесловии к “Трем Столицам”» («Россия» №8) в очень мягких и теплых тонах рисует облик покойной М. В. Но он неверно изобразил ее роль в «Тресте» и ее отношение к Якушеву и Опперпуту. Ее участие в «Тресте» и по времени и по объему отнюдь не исчерпывало всей ее работы в России. Мало этого, среди тех лиц, искренних антибольшевиков и безукоризненно честных людей, которые не подозревали провокационности «Треста», работали в нем и возлагали на него большие надежды, М. В.

принадлежала как раз к тем, кто *все время держал его под подозрением*. Было ли это результатом чье-либо задания М. В., выполняла ли она чье-либо задание в «Тресте» или это было результатом ее собственной интуиции и расхождения с соглашательской идеологией «Треста» — нам это неизвестно. Может быть, и то, и другое... Во всяком случае, никому влиянию ни Якушева, ни Опперпуга она не подвергалась. Это было ей и несвойственно, и просто *этого не было*. Впечатление же влияния на нее могло получаться вследствие удачно и умело носимой ею маски...

Можно предполагать другое: она была одной из тех, кто самостоятельно (или по указанию), когда сомнения по отношению к «Тресту» перевесили доверие, поставила в упор вопрос о терроре, вынудила как-то признаться Опперпуга и тем самым разоблачила и уничтожила «Трест». Таковы факты и те немногие предположения, которые с несомненностью из них следуют. М. В. была не только честным и горячим энтузиастом, это был твердый и мужественный, бестрепетный боец, и трусливо-радостное признание чекиста Ягоды о том, что смерть этой маленькой и слабой женщины принесла палачам временное успокоение и дает им временную передышку, в высшей степени характерно. Наступают последние дни, «Трест» разоблачен. М. В. за границей. И вот, вопреки категорическим настояниям, она решается вновь идти в Россию.

— Я пойду туда вновь, и я покажу ГПУ, что и без «Трестов» мы можем работать. Они увидят, что для того, кто решился, кто не о себе, а о победе думает, — вся их «техника» бессильна и победа возможна.

Факты подтвердили эту простую и ясную правду: «техника» не смогла преодолеть подвига! Гром активных выступлений, прокатившийся в последующие дни по России, показал, что слова ее — не были брошены на ветер. И есть многие основания думать, что если бы М. В. не решилась, удержалась от своего самого безумно-смелого дела — покушения на взрыв самого центра осинового гнезда — ГПУ на Лубянке, то, может быть, она так же ушла бы из рук ГПУ невредимой, как ушли другие...

Есть данные думать, что последствия, которые этот взрыв мог иметь, были бы очень значительны. М. В. знала об этом и сознательно пошла почти на верную гибель, ибо такова была обстановка этого акта... (с. 5)

Сколь ни малое место отдано освещению фактической стороны, совершенно ясно, что источник сообщаемых сведений находился в кругу лиц, наиболее близких М. В. Захарченко и глубоко осведомленных о строе ее мыслей. Автор статьи Н. А. Цуриков — представитель Кутепова в Чехословакии и ближайший соратник П. Б. Струве по его конспиративной деятельности — заявил, что использованный им материал был получен из Югославии, от некоего неназванного боевого товарища Захарченко. Можно, однако, с большой долей уверенности полагать, что документ этот — как и статья за подписью Х., напечатанная несколько раньше в *Борьбе за Россию*, — был составлен мужем погибшей, Г. Н. Радковичем. Другими словами, дан-

ная статья Цурикова образует своеобразный «диптих» со статьей Х. и имеет поэтому особый исторический вес. Если в той статье имя Захарченко вообще не упоминалось, то теперь она стала главным предметом повествования. «Внутренний мир» погибшей героини впервые был показан с такой полнотой, причем сделано это было в апологетических, даже дидактических целях, для доказательства правильности избранного ею (и ее товарищами) пути⁵⁴. Для понимания специфики «агитационных» функций статьи существенно, что в тексте ни разу, ни прямо, ни обиняком, не было упомянуто имя А. П. Кутепова. С другой стороны, очевидно значение этой статьи как документа, не только проливающего ретроспективный свет на недавние драматические события, но и дающего ключ к истолкованию психологических мотивов, побудивших Г. Н. Радковича спустя несколько месяцев предпринять новое покушение против Лубянки.

Тем временем, однако, полемика по поводу разоблачения чекистской провокации смещалась в несколько иную сторону. В парижских русских газетах продолжался был разговор о Братстве Русской Правды в связи со сводками этой организации о партизанских действиях, якобы совершенных на советской территории. Сводки эти вызвали скепсис у многих наблюдателей. Дополнительную остроту этому вопросу придало сенсационное разоблачение «Треста». Убежденные, что все отчеты об успехах Братства — сплошной блеф,

⁵⁴ О том, что публикация Н. А. Цурикова появилась по просьбе Г. Н. Радковича, впервые сказано было в статье: Н. Виноградов, «Из прошлого: о так называемом “Тресте” (по поводу первой части английской книги Д. Бейли “Заговорщики)”», *Переключка*, № 139—140, июнь—июль 1963, с. 10. Статья Цурикова была предварительно просмотрена и одобрена А. П. Кутеповым, который дал для того же номера газеты и фотографию погибшей. См.: Письмо А. П. Кутепова к П. Б. Струве. Париж, 3 ноября 1927. Hoover Institution Archives, Petr Struve Papers, Box 8, folder 17. Изложение статьи Цурикова см.: «Кто такая Шульц-Захарченко», *Сегодня*, 1927, 15 ноября, с. 5. В передовой, сопровождавшей статью Цурикова, П. Б. Струве писал: «Трудности и опасности борьбы — я буду это неустанно повторять — неизмеримо велики. И для их преодоления необходимо величайшее напряжение духа, — твердой воли, руководимой ясной постановкой непререкаемой и простой цели и разумным ответственным выбором средств для ее достижения. Ошибки и неудачи в такой активной борьбе всегда не только возможны, но и неизбежны. Необходимо сознательно стремиться к сведению их до минимума. И для этого необходимо, прежде всего, ответственный отбор и выбор всех участников борьбы: они должны стоять во всех отношениях на высоте тех труднейших задач, которые ставятся перед жертвенными участниками активной борьбы с большевистским игом и коммунистическим растлением — исключительно сложной исторической обстановкой этой борьбы». — Петр Струве, «Дневник политика. 223 (22). По поводу очерка Н. А. Цурикова памяти М. В. Захарченко-Шульц», *Россия*, 1927, № 12, 12 ноября, с. 1.

П. Б. Струве и С. П. Мельгунов этому блефу противопоставляли реальную боевую деятельность кутеповских добровольцев, со всеми их удачами и провалами. Вновь вспыхнувшие споры по поводу деятельности Братства оказались в сложном переплетении и с закулисной борьбой двух лагерей — Кутепова и Врангеля.

Защищаясь от нападок за публикацию в августе «Записок атамана Кречета», новый редактор *Возрождения* Ю. Семенов заявил, что он не видел никаких оснований к отказу от этого чисто литературного текста, но что военных «сводок» Братства он в газете не помещал. Заканчивалась его передовая статья известием о недавнем переходе раненого «атамана Кречета» через границу и выражением уверенности, что это событие позволит наконец рассеять весь туман, окружавший разговоры об успехах военных действий его отрядов⁵⁵. Прежний редактор *Возрождения* П. Б. Струве, вернувшись к теме конфликтов в редакции накануне его отставки в августе и возложив на Семенова ответственность за появление в газете «литературного произведения» атамана Кречета, опроверг утверждение, будто сводкам Братства Русской Правды никакого места в *Возрождении* дано не было. Он сослался на фельетон А. В. Амфитеатрова⁵⁶, значительную часть которого составляли именно такие сводки, причем одна из них, под датой 24 июля, приписала членам Братства взрыв партийного клуба на Мойке в Ленинграде. Струве сказал: «Это сообщение разоблачает весь характер сводок, ибо достоверно известно и из процесса пяти, и из других источников, что к петроградскому взрыву никакое “Братство Русской Правды” никакого отношения не имело»⁵⁷.

Летом, при появлении в печати первых сведений о партизанской борьбе Братства, генерал Врангель в письмах к своим ближайшим сподвижникам высказал мнение, что эта конспиративная организация — такая же чекистская провокация, как и «Трест». Одни из близких к нему лиц, в частности Н. Н. Чебышев и А. И. Гучков, с этой оценкой соглашались, другие — как, например, А. А. фон Лампе — нет. Сейчас, в ходе развернувшегося в прессе обсуждения масштабов инфильтрации советской агентуры в эмигрантские организации, руководство Братства вынуждено было предпринять шаги по

⁵⁵ Ю. Семенов, «Провокация, действенные организации и наше к ним отношение», *Возрождение*, 1927, 25 октября, с. 1.

⁵⁶ Александр Амфитеатров, «Листки», *Возрождение*, 1927, 9 сентября, с. 2.

⁵⁷ Петр Струве, «Дневник политика. 218 (17). По поводу “Записок атамана Кречета” и “Братства Русской Правды”», *Россия*, 1927, №10, 29 октября, с. 1.

защите своей репутации. Прокламировавшие им отказ от засылки эмиссаров из-за рубежа и опора целиком на партизанские силы внутри страны позволяли видеть в Братстве прямую альтернативу кутеповской организации в развертывании антибольшевистского движения. По настоятельной просьбе герцога Г. Н. Лейхтенбергского генерал Врангель принял в начале ноября в Брюсселе основателя и руководителя Братства С. А. Соколова⁵⁸. А. А. фон Лампе сообщил об этом Н. Н. Чебышеву 10 ноября:

«Брат Номер 1-й» из «Братства РП» — узнав об отрицательном отношении к организации со стороны П. Н-ча, ездил к нему и двое суток говорил с ним, показывая документы и письма, которых лично я не видел. Брат вернулся в восторге от того, что ПН переменял точку зрения; я же получил от ПН указание ознакомиться с делом и... немного все же охладить «Брата Номер 1».

Думаю все же, что такое отношение правильно — я все время настаивал на официальной незаинтересованности, доброжелательном отношении и возможной проверке всего, что касается «Братства», — видимо, так и будет!⁵⁹

Вскоре после свидания с С. А. Соколовым Врангель встретился с Чебышевым и передал ему свой меморандум от 7 ноября, в котором характеристика руководства БРП была дана в гораздо менее категорических, чем прежде, тонах. Врангель рассказал в нем о посещении его «одним из главных руководителей БРП», узнавшим о его, Врангеля, сомнениях в связи с обвинениями в печати в том, что эта организация «дутая». Этот руководитель предложил органам печати (включая *Возрождение*) назначить арбитров, которые могли бы установить истину и убедиться в работе БРП. Далее в меморандуме говорилось:

Я не вхожу в оценку политической программы Братства Русской Правды, она достаточно ярко выражена в органе Братства «Русской Правде». Не могу судить в достаточной мере и о том, насколько эта программа встречает сочувствие в самой России, насколько связи Братства там развиваются. Могу лишь с уверенностью сказать, что имена лиц, явившихся создателями и настоящими руководителями этой организации, исключают совершенно возможность предположения, что Братство Русской Правды есть организация, поставленная ГПУ, подобно пресловутому Тресту. Руководители Братства, несомненно, искренно стремятся быть полезными Родине. Представители Братства в разных странах За-

⁵⁸ Hoover Institution Archives. Vrangell Coll., Box 151, file №44, л. 411—411 об.

⁵⁹ Письмо А. А. фон Лампе (подп.: Спиритисти) к Чебышеву от 10 ноября 1927. ГАРФ, ф. 5955 (Н. Чебышев), оп.1, №23, л. 79.

рубежья также в большинстве, несомненно, люди убежденные, бескорыстные. Некоторые из них мне известны по прежней работе.

Подчеркнув, что деятельность партизанских отрядов носит «местный характер», Врангель указал на неоправданность «шумихи», созданной «сводками», с недавнего времени хлынувшими на страницы печати. Он заявил:

Вместе с тем, играя на воображении горячих молодых голов, это толкает жаждущих действительности юношей на необдуманные шаги, обрекая их на жертвы неудачных «боевиков» вроде Александра Павловича Кутепова и В<ысшего> М<онархического> С<овета> и пр. Я высказал сомнения в возможности вообще в настоящее время вести успешно внутри России работу организации, начертавшей на своем знамени имя Великого Князя, доколе работу эту ведут органы, работающие под тем же знаменем, насквозь пропитанные ядом ГПУ. С этими моими доводами мой собеседник отчасти согласился, признавшись, что в последних «провалах» попались и некоторые из «братьев», принявшие участие в поставленных А. П. Кутеповым делах независимо от работы Братства. Двое из них были в числе других жертв арестованы и расстреляны. Вместе с тем мой собеседник сообщил мне, что руководители Братства Русской Правды считают, что боевая работа должна вестись исключительно местными людьми, что люди Зарубежья, незнакомые с местными условиями, могут лишь эту работу осложнить и что от участия таких лиц в работе внутри России боевая организация решительно отказывается. Он обещал мне оповестить об этом через свой печатный орган представителей Братства в Зарубежье. Со своей стороны я с его согласия уведомляю об этом начальников отделов и войсковых групп, к коим поступают запросы от чинов Армии⁶⁰.

Таким образом, Врангель отступил от прежнего своего утверждения, будто Братство является такой же креатурой ГПУ, какой был «Трест». Новая его позиция оказалась неожиданной для ближайшего Врангелю круга. С недоумением встретил ее П. Н. Шатилов:

Получил Твое письмо о «Братстве Русской Правды». Я, конечно, не располагаю совершенно необходимым материалом для того, чтобы судить о том, насколько жизненна эта организация. Однако уже то, что Братство связалось в своей работе с Россией с агентурой Кутепова, вернее соприкоснулось с нею, заставляет относиться к нему с исключительной осторожностью, так как проникновение в эту организацию агентов ГПУ стало вполне возможным. Кроме того, та шумиха, которую

⁶⁰ Письмо П. Н. Врангеля к Чебышеву от 7 ноября 1927. ГАРФ, ф. 5955 (Н. Чебышев), оп. 1, № 23; Hoover Institution Archives, Vrangell Coll., Box 151, file № 44, л. 417—420. Последнее предложение отчеркнуто Чебышевым красным карандашом на полях.

они, т.е. Братство подняло, свидетельствует о несерьезном отношении к поставленным себе задачам. Записка Атамана Кречета, несомненно, не подлинное описание партизанских действий, а роман, основанный, может быть, на действиях какого-либо небольшого партизанского отряда, давно уже ликвидированного. Ты, наверное, помнишь рассказ Ильина⁶¹ о его разговорах с Соколовым. Достаточно их вспомнить, чтобы себе представить ясную картину того, что из себя представляют возглавители Братства. Будучи вполне благонадежными людьми, они, тем не менее, решились на блефирование своей организации. В таком серьезном деле я считаю, что никакой обман недопустим, даже имеющий благую цель расширения своей деятельности на благо общему делу. Во всяком случае, основывать активную работу на этой организации было бы ошибочным⁶².

Неожиданным моментом в меморандуме было упоминание о двух членах Братства, принявших участие в предпринятых Кутеповым и закончившихся провалом акциях. С одной стороны, это замечание намекало на то, что их провал следует объяснить в корне ошибочным альянсом, в который вступили «братья». С другой, это упоминание выглядело явным противоречием по отношению к провозглашенному Братством отказу от засылки заграничных эмиссаров при опоре исключительно на «внутренние» силы. Эта фраза в меморандуме Врангеля частично перекликалась с упомянутой выше статьей Амфитеатрова, в которой декларировалась причастность «братьев» к взрыву на Мойке.

Некоторый свет на эти странные намеки был пролит в ходе продолжения полемики в прессе. В номере *Возрождения* от 8 ноября Амфитеатров ответил на передовую статью П. Б. Струве:

Обвинения в фактической мифологии, якобы усматриваемой в сводках БРП, П. Б. Струве строит на следующем их эпизоде:

«В сводке названной организации под 24 июля черным по белому напечатано и процитировано *Возрождением*:

“Командированными добровольцами из «братьев» взорвано в Петрограде партийное собрание РКП. Около 100 коммунистов погибло”. Это сообщение разоблачает весь характер сводок, ибо достоверно известно и из процесса 5-ти, и из других источников, что к Петроградскому взрыву никакое Братство Русской Правды никакого отношения не имело».

⁶¹ Умерший в 1923 г. Сергей Николаевич Ильин был предшественником Н. Н. Чебышева на посту начальника гражданской канцелярии Главнокомандующего Русской Армии.

⁶² Письмо П. Н. Шатилова П. Н. Врангелю от 14 ноября 1927. Hoover Institution Archives, Vrangeli Collection, Box 147, file 34, л. 506—507.

Тут приходится возразить П. Б. Струве встречным вопросом:

— А вы, П. Б., откуда знаете, что не имело?

Ссылка на процесс пяти неубедительна. О процессе этом мы имеем сведения лишь советского происхождения и благословения, а им сам же П. Б. Струве веры не дает и резко поправляет их заведомое вранье. <...>

Я же могу сказать только то, на что имею право, без опасения нарушить тайну, и что я знаю наверняка. Марья Владимировна⁶³ Захарченко-Шульц, трагически погибшая от большевицких пуль в побеге, жертвою предательства Опперпуга, была «братом Русской Правды». И знаю это я не от БРП, а от лица ему постороннего (и опять подчеркну: очень авторитетного в эмиграции), которое было ею поставлено в связь с Братством. Имела ли М. В. Захарченко-Шульц отношение к петербургско-московским взрывам — об этом, я полагаю, распространяться излишне⁶⁴.

Таким образом, получалось, что одним из двух лиц, совмещавших, по свидетельству врангелевского меморандума, членство в БРП с участием в кутеповской организации, была «племянница» — М. В. Захарченко, «единственный честный, прямой и убежденный член» группы!

Новость эта для окружения Кутепова была, естественно, неприемлемой. Но в своем «Дневнике политика» в номере *России* за 12 ноября П. Б. Струве решил не ввязываться в новый спор с Амфитеатровым, сочтя достаточным появление в том же номере статьи Цурикова о Захарченко-Шульц:

А. В. Амфитеатров полемизирует со мною в «Возрождении» по поводу моего «Дневника» (218) в № 10 «России». Я не стану продолжать этого спора и скажу только, что, к сожалению, г. Амфитеатров просто плохо осведомлен и введен в заблуждение. Я могу только констатировать это и предоставить читателям самим решить, на чье осведомление им надлежит полагаться и кому в этих вопросах верить. Дальнейшие разъяснения с моей стороны в данный момент я считаю и ненужными, и вредными для дела борьбы и полемизировать на эту тему не намерен⁶⁵.

Тем временем А. П. Кутепов переслал ему 10 ноября письмо Г. Н. Радковича-Шульц⁶⁶, которое и было помещено в очередном номере *России*. Это было первое выступление Радковича под своим

⁶³ Ошибка Амфитеатрова. Ее отчество — Владиславовна.

⁶⁴ Александр Амфитеатров, «Листки», *Возрождение*, 1927, 8 ноября, с. 2.

⁶⁵ Петр Струве, «Дневник политика. 222 (21)». Дальнейшая полемика не нужна и даже вредна», *Россия*, 1927, №12, 12 ноября, с. 1.

⁶⁶ Hoover Institution Archives, Petr Struve Papers, Box 8, folder 17.

именем во всей этой кампании. В письме категорически отвергалась какая бы то ни было связь покойной с Братством Русской Правды:

Мария Владиславовна Захарченко-Шульц никогда не только не стояла в «Братстве Русской Правды», но даже ни с кем из братьев этой организации (по крайней мере, официально причисляющих себя к ней) не была знакома, что мне, непосредственному участнику всей ее работы последних лет, доподлинно известно.

Тем более, конечно, ложно звучит сообщение о постановках ею кого-то в связь с неизвестной ей организацией⁶⁷.

В ответ *Возрождение* опубликовало письмо в редакцию одного из «братьев»:

М. Г. Г. Редактор.

Покорнейше прошу не отказать в любезности поместить настоящее сообщение в вашей уважаемой газете: в газете «Россия» от 19 ноября с. г. г. Радкович сообщил, что ему «доподлинно известно», что покойная Мария Владиславовна Захарченко-Шульц не была даже знакома с кем-либо из братьев организации Русской Правды. Опровергая указанное утверждение г. Радковича и чтя память моего покойного друга, сообщая, что сотрудник Марии Владиславовны, геройски погибший вместе с нею в Смоленской губер., был Юрий Петерс-Воскресенский, ответственный брат и председатель автономного отдела организации Русской Правды.

Г-ну Радковичу не могло быть это известно по вполне понятным ему причинам.

Правдивость моего утверждения г. Радкович может выяснить в официальных бумагах близких к нему известных кругов.

С совершенным почтением

П. Васильев⁶⁸.

Письмо это выглядело дополнительным подтверждением указания в меморандуме Врангеля о *двух* членах кутеповской группы, находившихся в связи с Братством Русской Правды, причем выяснялось, что ими были два — *исключая Оперпута* — участника диверсии на М. Лубянке. Справедливости ради следует отметить, что

⁶⁷ Капитан Радкович-Шульц, «М. В. Захарченко-Шульц никогда не участвовала в т. н. «Братстве Русской Правды». Письмо в редакцию», *Россия*, №13, 1927, 19 ноября, с. 1.

⁶⁸ П. Васильев, «Письмо в редакцию», *Возрождение*, 1927, 9 декабря, с. 4. Для оценки этого сообщения следует принять во внимание слух, пущенный в конце октября, о том, что «Юрий Петерс (Вознесенский), объявленный большевиками убитым в белорусских лесах вместе с Оперпутом и Захарченко-Шульц, на самом деле не убит, как и Оперпут, но за заслуги отца (известного чекиста) оставлен в живых». См. заметку: «Провокация ГПУ», *Руль*, 1927, 23 октября, с. 3.

заявление в сводке БРП (процитированной Амфитеатровым) об участии Братства в организации взрыва в партклубе на Мойке все еще подтверждения не получало. Но спустя несколько дней Амфитеатров огласил свидетельство, что М. В. Захарченко-Шульц уже в 1925 году имела контакты с отрядом Зеленого Дуба, в 1927 году вошедшего в Братство Русской Правды⁶⁹. В глазах такого ревностного адепта БРП, каким в то время стал Амфитеатров, этот факт служил достаточным основанием для того, чтобы все мыслимые заслуги Захарченко безоговорочно приписать деятельности Братства.

Как же складывалась в этой мозаике различных версий репутация третьего участника московского покушения — Опперпуга? В споре вокруг преимуществ кутеповской организации или Братства Русской Правды не был забыт и он. Подстегнуло новый к нему интерес начавшееся слушанием в Ревеле 27 октября судебное разбирательство по делу бывшего эстонского посланника в Москве Адо Бирка. Обозреватели подчеркивали, что это был первый большой судебный политический процесс в истории Эстонской республики⁷⁰. А. Бирк был обвинен в передаче советскому правительству секретных сведений, в публикации в советской прессе враждебных Эстонии статей и в неисполнении распоряжений главы государства и министра иностранных дел. Уже из обвинительного заключения было ясно, что Бирк пал жертвой провокационной деятельности тайных служб советского государства. При этом центральное место в разоблачении их зловещей роли сыграли показания, данные Опперпугом во время пребывания в Финляндии. По инициативе М. В. Захарченко-Шульц адвокат Ф. Д. Рьук приехал в Гельсингфорс 14 мая 1927 года и услышал от Опперпуга рассказ о провокациях ГПУ и «Треста» в отношении А. Бирка и эстонской миссии⁷¹. Эти показания были зачитаны и рассмотрены на судебных заседаниях. В них подробно раскрывалась история «Треста» начиная с 1921 года, когда Колесников (Кияковский) вступил в сношения с представителями Высшего Монархического Совета в Эстонии Артамоновым и Щелгачевым и убедил их в существовании мощной антисоветской организации с центром в Москве. Эта организация приступила к снабжению эстонского Генерального штаба различными сведениями о Красной армии, которые изготов-

⁶⁹ Александр Амфитеатров, «Листки», *Возрождение*, 1927, 12 декабря, с. 2.

⁷⁰ <А. Бакструб>, «В чем обвиняется А. Бирк. А. Бирк во власти ГПУ. (От ревельского корреспондента «Слова»)», *Слово*, 1927, 30 октября, с. 5.

⁷¹ А. Ш<ульц>, «Три встречи с Опперпугом (От ревельского корреспондента «Сегодня»)», *Сегодня*, 1927, 28 октября, с. 3; *Последние Новости*, 1927, 1 ноября, с. 1.

лялись в дезинформационном отделе ГПУ. По словам Опперпуга, неосторожность Бирка привела к тому, что в руках ГПУ оказались документы, изобличающие его и в работе против СССР, и в работе против эстонского правительства. Агенты ГПУ путем шантажа вынудили Бирка согласиться стать секретным сотрудником, и информация, поставлявшаяся по этому каналу в эстонскую разведку, приобрела большую авторитетность. По распоряжению Дзержинского в начале 1924 года органы ГПУ затеяли интригу, направленную на то, чтобы вызвать конфликт Бирка с другими сотрудниками миссии и с эстонским Генштабом. В советской прессе были помещены статьи, намекавшие на чрезмерную близость посланника к Наркоминделу и тайные встречи его с Чичериным. Бирк был похищен агентами ГПУ, и его перевозили из одного места в другое, пока ему не удалось спастись бегством в норвежское представительство в Москве⁷².

Вскрытый в Таллинне механизм провокационной деятельности советских органов привел к вынесению оправдательного приговора А. Бирку, и показания Опперпуга явились едва ли не главным основанием для решения суда. В свою очередь, достоверность свидетельств Опперпуга, подтвержденная ноябрьским судебным процессом, предполагала уточнение вопроса о степени искренности его перехода весной 1927 года на противоположный политический берег⁷³.

Нельзя поэтому, конечно, считать случайностью, что накануне суда над А. Бирком вновь усилилась кампания по дискредитации Опперпуга. Так, в рижской газете *Слово* была помещена заметка о смоленской помещице Щербатовой и ее дочерях, которых Опперпуг в 1920 году поставил в известность о своих контрреволюционных планах; будучи арестованной, одна из княжен наотрез отрицала свою вину, но после очной ставки с Опперпугом девушка была расстреляна⁷⁴. Можно полагать, что эта информация, восходящая к некоей неназванной жительнице Ревеля, была вызвана необходи-

⁷² Ср.: Hoover Institution Archives, Nicolaevsky Coll., Box 300, folder 1; «Показания Опперпуга на процессе Бирка», *Слово*, 1927, 1 ноября, с. 5.

⁷³ Однако тех, кто уверовал в преступный характер игры Опперпуга, решение суда переубедить не могло. См., например: Г. Стуков <Г. П. Струве>, «Г.П.У. в Эстонии. ГПУ, Опперпуг, Бирк и Петровский», *Россия*, 1927, №12, 12 ноября, с. 5.

⁷⁴ «Из прошлого Опперпуга», *Слово*, 1927, 20 октября, с. 4. Мария, Елизавета и Ирина Сергеевны Щербатовы впервые были упомянуты в списке казненных членов Народного Союза Защиты Родины и Свободы в заметке «Положение в Совдепии. Письма наших корреспондентов. За Родину и Свободу (Письмо из Смоленска)», *Свобода*, 1921, 18 октября, с. 3. О судьбе сестер Щербатовых говорилось также в статье: Р. Ил., «Три сестры», *Свобода*, 1921, 30 октября, с. 2 (Опперпуг в ней не упоминался).

мостью ослабить эффект опперпутовских показаний на предстоявшем процессе.

Но гораздо более всеобъемлющий характер имели обвинения против Опперпута в статье, помещенной в октябрьском номере органа левого крыла эсеровской партии *Революционная Россия*⁷⁵ и сразу, в самом начале ноября, обошедшей ряд газет⁷⁶. Автор письма заявлял, что вся террористическая деятельность монархистов в России вдохновлена и осуществлялась органами ЧК, доказательством чему служит история с Опперпутом. Наряду с точными фактами статья содержала едва ли не все ложные, «демонизирующие» сведения о нем, просочившиеся к тому времени в печать и в значительной своей части обнаружившие свою несостоятельность. Так, в статье утверждалось, что Опперпут («видный коммунист, подпоручик военного времени Александр Оттович Упелинс, латыш по происхождению, работавший в ГПУ, а ранее в ЧЕКА, чуть ли не с самого начала его деятельности») уже осенью 1918 года принимал участие в кровавых расправах в Петрограде и Кронштадте. В период советской власти в Латвии он был видным деятелем латвийской ЧК. Фамилию Опперпута он принял в 1920 году, когда пытался войти в доверие к Савинкову и стал одним из организаторов Народного Союза Защиты Родины и Свободы. С провалом савинковской организации в 1921 году был для маскировки арестован и Опперпут, тогда же впервые приговоренный к расстрелу. Он получил новую фамилию Савелова, чтобы проникнуть в организацию Таганцева, ликвидированную в момент, когда она готова была к действию, причем при аресте он якобы оказал сопротивление и был убит. Воскрес он в 1923 году под фамилией фон Стауница для работы в монархической организации.

Значительное место в статье заняло освещение контактов Опперпута с иностранными разведками:

В частности, он завязывает связи с польским, финским и эстонским представительствами, но избегает встреч с латышами, так как последние, ввиду его латышского происхождения и деятельности в

⁷⁵ Старый друг, «Дьявольская игра (Письмо из Москвы)», *Революционная Россия*, №61 (октябрь 1927), с. 32—35.

⁷⁶ «Упелинс», *Руль*, 1927, 1 ноября, с. 3; «Новые данные об Опперпуте», *Слово*, 1927, 2 ноября, с. 1; «Новое об Опперпуте. Опперпут жив и по-прежнему работает в ГПУ?», *Сегодня*, 1927, 3 ноября, с. 3; «Опперпут», *Возрождение*, 1927, 3 ноября, с. 1; «Провокация ОГПУ. Связь генерала Кутепова с «Трестом». Чекисты — руководители николаевцев», *Дни*, 1927, 3 ноября, с. 1; «Кутеповская «конспирация»», *Дни*, 1927, 4 ноября, с. 1.

латвийской Чека в 1919 г., могут легко его опознать. <...> Интересно попутно отметить, что Упелинс является также главным действующим лицом в до сего времени еще надлежаще не разоблаченной истории с бывшим эстонским посланником Бирком, отказавшимся по требованию своего правительства вернуться на родину, скрывшимся из посольства, а затем бежавшим из СССР в Эстонию, предпочитая позор уголовного суда дальнейшему пребыванию в царстве провокации и ГПУ. Оказывается, что Стауниц-Упелинс, выдав себя, конечно, за активного борца с советской властью, стал доверенным лицом Бирка. Пользуясь, одновременно, расположением и доверием военного представителя Эстонии полковника Курска, он стал всячески возбуждать взаимное недоверие между ними, нашептывая Курску, как и многим другим чиновникам, что Бирк сочувствует коммунизму и коммунистам, а Бирку, человеку очень нервному и впечатлительному, внушал, что он окружен врагами и что Курск даже замышляет его убить. Когда на Бирка посыпались доносы в Ревель, и он, приходя все в более и более нервное состояние, наконец, бежал, то фон Стауниц первый сообщил об этом Курску, ругая его за то, что он выпустил из рук изменника и большевизана. Между прочим, за дело Бирка Упелинс получил от ГПУ 10000 р. и благодарность, так как получился изрядный международный скандал и одному из буржуазных правительств, идущих на поводу у Англии, нанесен был чувствительный удар. И еще много подобного рода трюков проделано было Упелинсом (с. 33).

От ГПУ же получил Упелинс и задание перейти к подготовке террористических актов. Осуществлению этих планов способствовало его сближение с М. В. Захарченко-Шульц. Через нее Опперпут вступает в сношения с Кутеповым. Начальником его был Трилиссер, работавший вместе с Менжинским и Сталиным программу, по которой Стауниц должен был бежать в Финляндию, разоблачить себя как провокатора, втереться в доверие николаевских кругов и вести работу так, чтобы втянуть в нее и англичан. Чтобы создать за рубежом благоприятные условия для мнимого перебежчика, «ГПУ соглашается до его возвращения никого из имеющих быть арестованными монархистов не расстреливать» (с. 34). По прибытии в Финляндию Опперпут и Захарченко должны были получить визу в Англию и отправиться туда. Однако тут произошли непредвиденные, согласно автору статьи, происшествия. Приводим целиком соответствующий ее отрывок, посвященный финляндскому этапу операции:

Но чуть ли не в первое же утро после его отъезда в Финляндию ГПУ поторопилось произвести ликвидацию монархической организации. Совпадение его отъезда с арестами, а может быть и другие обстоятельства, возбудили сомнения, и это быстро стало известным польской агентуре. Польский штаб поторопился сообщить об этом в Финляндию

и через несколько дней фон Стауниц был задержан. Тогда фон Стауниц заявил, что имеет сделать важное сообщение. По его требованию к нему вызывают английских агентов капитана Росса и командора Бойса, с которыми приехал и начальник эстонской разведки. Арестованный фон Стауниц дает им «чистосердечное» показание. Но неожиданно из Варшавы приезжают представители польского штаба, в том числе помощник начальника 2 отдела штаба майор Таликовский, опознающий фон Стауница как Оперпуга, с которым ему приходилось встречаться в 1921 г., во время его работы с Савинковым. Упелинс признается, что он действительно Оперпуг, но он отказывается от бесед с поляками и настаивает на вызове Кутепова, который вскоре и прибывает. Начинаются «откровенные» разоблачения Оперпутом тайн ГПУ, каковые разоблачения, по проверке, оказываются соответствующими действительности. Кутепов и иностранцы убеждаются в искренности Оперпуга. Захарченко-Шульц, которая, несмотря на все, верит своему другу, укрепляет и в других веру в искренность его раскаяния, не вызванного как будто никакой внешней необходимостью, так как даже недоверчивые поляки никакими действительными уликами против него до его сознания не располагали. Умудренный всем проделанным им тяжким опытом, горящий ненавистью к тем, кто делал его до сих пор орудием ужасных преступлений, готовый искупить свою вину смертью и уверовавший в спасительность предлагаемых Кутеповым методов борьбы с коммунистической гидрой, Оперпуг зовет продолжать эту борьбу, лишь организовав ее по-новому. Внутри СССР все изъедено провокацией, значит, нужно боевые отряды, незначительные по численности, посылать из-за границы, дав им наиболее совершенное боевое снаряжение. В первую очередь Оперпуг предлагает самого себя. Новоявленный конспиратор и террорист генерал Кутепов, а с ним и несколько опытных специалистов из иностранных разведок идут в расставленные ГПУ сети. При содействии Кутепова боевые дружины, подготовленные к отправке в СССР, согласно предложению Упелинса-Оперпуга, снабжаются под ответственность капитана Росса взрывчатыми снарядами и револьверами иностранных образцов, финскими и английскими деньгами и документами. Как будто нарочно для того, чтобы при аресте пойманные боевики не могли отрицать свою связь с иностранными контр-разведками и работу на иностранные деньги!.. Только поляки пробуют возражать, если не против посылки боевых дружин в Россию, то против включения в их состав Оперпуга. По их мнению, следовало бы отправить его для более тщательной проверки в Варшаву или использовать в качестве эксперта для разведывательной и боевой работы. Но их не послушали (с. 34).

Хотя рассказ о последующих событиях — возвращении Оперпуга в СССР и июльских взрывах — давался в несколько скомканном виде, он интересен не только тем, что перекликался с некоторыми из ранее появлявшихся версий, но и тем, что он привносил в них нового:

Организованы были две боевые группы, в первую из которых вошли: Оперпут, Захарченко, Петерсон. Сам капитан Росс хлопочет об их беспрепятственном пропуске через финляндскую границу. В конце мая обе группы трогаются в путь. Дальнейшее вам, наверное, уже известно из газет. Но, конечно, не все в наших газетах было напечатано. Не сообщено было, понятно, что покушение на взрыв дома ОГПУ по Малой Лубянке, подготовленное группой Оперпута, было своевременно раскрыто им же самим, что взрыв дискуссионного клуба 7 июня в Ленинграде случайно удался лишь потому, что участники его — Ларионов, Мономахов и Соловьев — не сдержали уговора — дожидаться указаний Оперпута из Москвы, — что поимка в Смоленской губ. 18 июня Оперпута, Захарченко и Петерсона была инсценирована, чтобы доказать иностранцам преданность крестьян советской власти, что Захарченко-Шульц, до последнего времени по крайней мере, сидела во внутренней тюрьме на Лубянке, а Упелинс-Оперпут, по докладу Трилиссера, за ловкое выполнение порученных ему заданий, представлен к почетному знаку ГПУ, которым и награжден 27 июля с. г.

Ныне Упелинс, ввиду опасности для него дальнейшей провокационной деятельности, получил командировку на Дальний Восток в распоряжение Мукденского консула. Однако до недавнего времени он находился еще в Москве, работая в качестве эксперта ГПУ по монархическим делам (с. 34—35).

Особый интерес представлял собой конец статьи, подытоживающий деятельность Оперпута:

Но произведенная им работа не исчерпывается рассказанным; имеются основания предполагать, что и последующие провалы монархистов-боевиков, в частности недавно судившихся, тоже, косвенно, дело его рук, хотя главная ответственность за них падает на заграничных руководителей движения, которые до такой степени ничего не понимают в конспиративной работе, что даже после июньских провалов посылают группы по путям, по которым шел Оперпут. Другим следствием его работы и легкомысленной доверчивости монархистов и их иностранных друзей является то обстоятельство, что ряд лиц, оговоренных Оперпутом в Гельсингфорсе в качестве агентов ГПУ или провокаторов, были признаны таковыми до основательной проверки. А между тем относительно некоторых из оговоренных имеются серьезные сомнения, хотя они и оставлены ГПУ на свободе, как говорят, нарочно для того, чтобы подкрепить правильность показаний Оперпута. В числе таких лиц называют прокурора Дорожинского, генерала Потапова и спеца Якушева. Среди невинно оговоренных лиц имеются, по-видимому, и иностранцы, проживающие вне пределов СССР. С другой стороны, среди работников монархических организаций имеются сотрудники ГПУ вполне установленные, как напр., б. кн. Оболенская, проживающая в Ленинграде по Басковой ул., квартира которой долгое время была явочной для заграничных сообщений. Может также считаться установленным, что арест летом 1926 г. ротмистра Эль-

венгрена, расстрелянного в числе «20 монархистов» в июне нынешнего года, дело рук Упелинса: именно он и заманил ротмистра в Москву, даже был вместе с ним арестован на вокзале, но затем, конечно, отпущен. При провале монархистов пострадало, конечно, и много не монархистов. Все пострадавшие — расстрелянные и их семьи — обязаны этим не только ГПУ, но в значительной степени также Кутепову и его «вождю». После всего изложенного здесь едва ли это еще нужно доказывать... (с. 35)

Первая половина статьи просто вторила разоблачительной заметке, в начале мая 1927 года помещенной в *Последних Новостях* и *Сегодня* и опровергнутой тогда Опперпутом, и июльским публикациям в *Сегодня* и *Сегодня Вечером*, призванным еще более утрировать злодейские черты его чекистского прошлого. Зато большую ценность представляет в ней интерпретация новых материалов, сообщенных в сентябре в связи со следствием по делу пяти, — в частности, объяснение успеха взрыва на Мойке тем, что группа Ларионова не дождалась приказа из Москвы. Впервые вводилась ссылка на причастность самого Сталина к решению вопроса о засылке Опперпута в Финляндию. Впервые предавалась огласке и позиция, занятая в Гельсингфорсе польской разведкой; особую вескость получает промелькнувшее здесь указание на то, что поляки не располагали никакими уликами против Опперпута до его признания — другими словами, их отношение к нему было определено «потаповской» версией случившегося.

Для истолкования значения этого «письма» следует принять во внимание вероятный момент его составления. Оно было написано по следам сентябрьского процесса пяти и отправлено в журнал не позднее первой недели октября: согласно редакционному примечанию, статья эта была доставлена в редакцию еще до появления сенсационных разоблачений Бурцева в *Иллюстрированной России*, то есть до 8 октября. Убедительным подтверждением точности этого указания служит то, что в освещении, столь подробном, деятельности «Треста» совершенно не упомянуты два обстоятельства, с легкой руки Бурцева ставшие главным предметом разбора в прессе: поездка Шульгина и поимка Рейли. Если бы составители документа, появившегося в *Революционной России* за подписью «Старый друг», в ходе работы над ним могли предположить, что компрометация «Треста» в русской зарубежной печати будет возобновлена, несмотря на уход Опперпута со сцены, и если бы они могли предвидеть, по какому пути пойдет этот разговор, они, с одной стороны, ни за что не упустили бы возможность включить в статью пассаж о поездке Шульгина, а с другой — не решились бы на «реабилитацию» Якушева и

других «оклеветанных Опперпутотом» руководителей «Треста» (тех самых, которые были столь дороги Шульгину или Арапову), как бы приглашавшую к возобновлению былых контактов Зарубежья с ними⁷⁷. А между тем именно такая «реабилитация», наряду с попыткой предотвращения возможного вреда от предстоявшего в Ревеле процесса Бирка, по-видимому, и была главной задачей публикации в *Революционной России*. Непредвиденное событие — «неосторожное» оглашение Бурцевым опперпутотского отчета о «Тресте» — явно расстраивало планы «Старого друга».

Трудно сказать, что именно явилось главным толчком для редакции *Сегодня* в обращении к отвергнутому прежде тексту — к гельсингфорским запискам Опперпута — и обнародованию их: свидетельство ли Х. (Радковича-Шульца), изображавшего поведение Опперпута в сравнительно мягких тонах, статья ли «Старого друга» в *Революционной России*, возвращавшая, наоборот, к демоническому портрету его, или судебное рассмотрение дела А. Бирка, придавшее показаниям Опперпута новую авторитетность. Но газета приняла это решение после сильных колебаний и как бы извиняясь то ли за то, что прежде пренебрегла этим источником, то ли за то, что сейчас вводила его в оборот. Первый фельетон ограничивался сжатым редакционным изложением подлинной рукописи. Но далее газета осмелела и стала давать пространные, связные фрагменты исповеди перебежчика. Биографические факты, сообщенные им, образовывали разительный контраст с чекистской версией разоблачений, появившейся в начале мая и закрепленной в *Революционной России*. Публикация в *Сегодня* предварялась редакционной преамбулой, раскрывавшей причины, по которым в мае газета не только сама отказалась от помещения присланной рукописи, но и предложила другим

⁷⁷ Ср. замечание С. П. Мельгунова: «Теперь уже ясно, что пресловутый “трест” — во многом подлинное детище ГПУ — давно уже ликвидировано. Тайна своевременно обнаружилась и, как свидетельствует Шульгин, быть может, один только Сидней Рейли явился действительной жертвой мерзкой игры ГПУ. Во всяком случае, это прошлое. И тогда, когда в России началась подлинная революционная борьба, “трест”, как оказывается, с “евразийским” умонастроением, не только уже бездействовал, но был и разоблачен. Все действующие ныне группы в России, по-видимому, не находились и не находятся в связи с деятельностью “треста”. Летние события, так взбудоражившие общественное мнение и показавшие возможность активной борьбы с ГПУ, произошли именно тогда, когда стали известными уже все опперпутотские разоблачения». — С. Мельгунов, «Тернии революционной борьбы», *Борьба за Россию*, 1927, №48, 22 октября, с. 4—5.

органам прессы воздержаться от публикации. Преамбула также объясняла, почему прежняя позиция теперь была пересмотрена:

В настоящее время положение изменилось. Опперпут стоит в центре той сложной эпопеи, которая связана с разоблачениями Бурцева, Шульгина и со всей историей знаменитого «Греста». Вместе с тем многие уже в печати высказали мнение, что Опперпут на этот раз не был, может быть, предателем и, может быть, действительно, как об этом сообщали официальные сов. органы, убит чекистами.

Ввиду этого его показания, зафиксированные в Гельсингфорсе, приобретают особый интерес, и мы считаем возможным использовать их, конечно, в известных рамках. Мы и теперь не находим возможным опубликовать сообщенные Опперпутом имена, а также воздерживаемся от воспроизведения обвинений против отдельных деятелей в эмиграции или в России, которые в своих записках довольно щедро расточает Опперпут.

Показания Опперпута мы приводим не целиком, а в извлечениях ⁷⁸.

В изложении «савинковской» истории гельсингфорсская рукопись Опперпута в основном соответствовала сообщенному в его брошюре 1921 года. Никаких принципиальных расхождений и противоречий в освещении фактической стороны между этими двумя источниками не было. Различие состояло лишь в пропагандистской установке, столь явственно выраженной в книжке, которую Опперпут писал в стенах тюрьмы на Лубянке. Теперь в газете приведен был отчет Опперпута о пережитом в заключении после задержания в Минске. Со сдержанностью и достоинством, без нарочитого нагромождения и сгущения ужасов или чрезмерно пылких попыток оправдать собственное малодушие Опперпут сообщал об обстоятельствах ареста, допросах, способах физического и психологического воздействия на него и на других лиц (в частности, на его брата). Повествование отличалось подчеркнутой обыденностью изображения проявлений жестокости. Вот как, например, описывались первые допросы после ареста, произведенного в Минске в конце мая 1921 года, когда Опперпут отправлялся на съезд Народного Союза Защиты Родины и Свободы в Варшаве:

Скоро меня пригласили на новый допрос. На этот раз в кабинете председателя, кроме него самого, находился и арестовавший меня чекист Опанский.

— Ваше дальнейшее отрицание своей вины совершенно бесполезно, — сказал он. — Нам все известно. И вот доказательство.

⁷⁸ См.: Эдуард Опперпут, «Опперпут о себе самом (Показания чекиста-провокаatora Опперпута, данные им в Гельсингфорсе после бегства из СССР)», *Сегодня*, 1927, 30 октября, с. 3.

Мне протянули ленту тайного разговора по прямому проводу между Минской ЧК и Гомельской Губчека. Последняя сообщала, что арестованы в полном составе все члены Областного, Губернского, районных и уездных комитетов нашего союза.

Были приведены все фамилии.

Из списка фамилий я убедился, что арестованы не только все те, которых знал и мог назвать я, но и ряд лиц, мне совершенно неизвестных. Сомнений не оставалось: организация разгромлена полностью. На столе председателя ЧК красовался выкраденный из шкапа Б. В. Савинкова в Варшаве фотографический снимок схемы союза, на стене — та же схема в крупном масштабе.

Выждав, какой эффект произведет на меня ужасная телеграмма, председатель заявил:

— Предлагаем вам дать исчерпывающие показания, ничего не утаивая. Это не только облегчит вашу участь, но и участь всех арестованных, ибо в таком случае мы не будем вынуждены прибегнуть к допросам «с пристрастием».

Добиваясь откровенных показаний и моего согласия работать в ВЧК в качестве секретного сотрудника, председатель подчеркивал, что по делу Западной организации НСЗРиС не только не будет ни одного расстрела, но все члены союза, ниже членов уездных комитетов, не принимавшие участие в партизанских налетах, даже не будут арестованы.

Слишком хорошо зная всю ложность таких обещаний, я настаивал на непричастности своей к союзу. Председатель и Опанский мягко уговаривали сознаться. Беседа вообще велась в тонах очень миролюбивых (один из приемов ЧК и ГПУ). Узнав, что с утра я ничего не ел, мне предложили закусить, для чего из квартиры председателя была принесена яичница и хлеб.

Я ничего дурного не подозревал, да и голод был сильнее всяких подозрений, хотя я и ощутил несколько странный привкус в принесенной еде. Но не успел я с жадностью проглотить яичницу, как меня стало сильно рвать.

— Вы просто сильно изнервничались, потому вас и рвет. Хотите рюмку водки?

Я подумал, что рвота действительно могла быть только следствием пережитого потрясения и вынужденной голодовки. И только выпив рюмку принесенной водки, весьма противного вкуса, я понял, что добровольно принял одно из советских «химических средств» воздействия и что теперь начинается допрос «с пристрастием».

Меня стало рвать так, что казалось, будто внутри у меня все переворачивается. Через некоторое время пот градом катился с меня. Совершенно обессилов, я лежал на полу. Мои следователи тем временем исчезли.

Описать все перенесенное я не в состоянии. Надо самому испытать эту режущую боль и рвоту. Через час только мне принесли морфий, рвота остановилась. Я был физически настолько разбит, что меня отвели уже под руки в одну из комнат ЧК, где уложили на диван. <...>

Кое-как приходя в себя, я стал давать частичные показания. Свою роль в центральном комитете НСЗРиС я продолжал отрицать (и отри-

цал до конца), но о заграничных, наименее уязвимых для ЧК, делах союза дал довольно полные сведения⁷⁹.

Главным фактором, определяющим поведение Опперпута после ареста, оказались не столько физические пытки, сколько страх перед ними. Нисколько не стремясь дать преувеличенную картину чекистских зверств и вызвать особое сочувствие к себе у читателя, автор рисует, однако, безвыходную ситуацию, вынудившую его подчиниться давлению и взять на себя обязанности секретного сотрудника.

Вскоре я был снова отвезен в Москву и помещен во Внутреннюю тюрьму ВЧК.

Здесь меня познакомили с новыми средствами воздействия на психику и волю заключенных. Так, например, меня «по ошибке» отправили на расстрел, и «ошибка» была обнаружена только тогда, когда все остальные были на моих глазах убиты. Применялись в ВЧК и другие, не менее сильные меры: для побуждения арестованного служить секретным сотрудником ГПУ его бросали в подвал — на разлагающиеся трупы расстрелянных (это, между прочим, было проделано с финским подданным, генералом Эльвенгрен, который сейчас находится в сумасшедшем доме).

К этому времени моя воля была уже сломлена. Все меры воздействия были уже излишни.

Я решил стать секретным сотрудником ГПУ.

Что мне оставалось делать? Организация моя была разгромлена. Пыток выносить я больше не мог, как не вынес бы их каждый из тех, кто с такой неосторожной жестокостью забрасывает меня теперь камнями.

Покончить с собой? Но помимо того, что перейти в иной мир в большевицк. тюрьмах почти невозможно (в камерах более-менее видных контр-революционеров день и ночь дежурит чекист, записывая бред арестованного и проч.), — моя смерть только избавила бы ЧК от лишнего хлопота. Я полагал поступить в секретные сотрудники, войти в доверие к главарям ВЧК, изучить ее тайную работу и потом уже расшифровать всю деятельность ВЧК, принеся этим крупную пользу русскому делу. Это мне и удалось выполнить в значительной степени, хотя и поздно.

Освободили меня не сразу. Только в конце апреля 1923 года⁸⁰ был вынесен приговор по моему делу, согласно коему я приговоривался к расстрелу, с заменой последнего 10-летним заключением.

⁷⁹ Эдуард Опперпут, «Опперпут о себе самом. (Показания чекиста-провокаатора Опперпута, данные им в Гельсингфорсе после бегства в СССР). Как я стал чекистом», *Сегодня*, 1927, 1 ноября, с. 3.

⁸⁰ Это явная опечатка в газетном тексте. Правильная дата: конец февраля 1922 г. — была упомянута в куске записок Опперпута в *Сегодня*, посвященном А. Бирку.

1 марта я был условно освобожден с зачислением в секретные сотрудники «КРООГПУ» (Контр-разведывательного отдела ГПУ).

Условия содержания во Внутренней тюрьме я освещу впоследствии. Скажу только, что пяти месяцев содержания в одиночке в голодный 1921 год, без каких бы то ни было передач, при разнообразных физических пытках, при непередаваемой моральной подавленности, беспрестанных думах о том, как погибло дело, созданное с таким напряжением и жертвами, что меня заставляют стать предателем, — всего этого было достаточно, чтобы я вышел из одиночной камеры еле передвигающимся скелетом, от которого, как от вышедшего с того света, шарахались знакомые и незнакомые⁸¹.

Далее автор излагал дополнительные мотивы, заставившие его поступить на работу в ГПУ. Характеризуя безвыходность ситуации, в которой он оказался, он описывал безграничную мощь организации, осуществляющей тотальную слежку и шпионаж как внутри страны, так и за рубежом:

Каждый, кто в условиях, подобных моим, становился секретным сотрудником ГПУ, вероятно, думал:

— Поработаю немного, войду к ним в доверие, а потом пойду на них же.

Так думал и я.

Но проведение в действительность таких тайных намерений — вещь почти невозможная. Никто не представляет себе достаточно ясно, что аппарат ГПУ устроен так, что секретный сотрудник — в первые годы, во всяком случае, — не может узнать ничего серьезного, что надо пройти ряд малых и больших, очень больших испытаний, надо окончательно загрязнить себя, чтобы ему начали верить.

При первом же знакомстве с аппаратом ГПУ бросается в глаза вся его мощь. Кажется он настолько всемогущим и всезнающим, что всякая борьба против него бесполезна.

Куда ни глянь — всюду шупальца ГПУ.

Внутри страны все более-менее значительные антисоветские организации насыщены осведомителями ГПУ. Каждый, кто когда-либо был руководителем антибольшевицкого движения или таковым может стать в будущем, — или завербован в секретные сотрудники, или попал в места, где никакая контр-революционная работа немыслима.

Все антисоветские организации за рубежом — идут в поводу «голоса из России», то есть т. н. «Легенды» ГПУ, которое, сравнительно мало интересуясь программами и правых и левых зарубежных группировок, главное внимание, прямое насилие, ложь и деньги бросает на разработку соответствующей тактики эмиграции в нужном для него на-

⁸¹ Эдуард Опперпут, «Опперпут о себе самом. (Показания чекиста-провокатора Опперпута, данные им в Гельсингфорсе после бегства в СССР). Как я стал чекистом», *Сегодня*, 1927, 2 ноября, с. 3.

правлении. Во всех заграничных организациях агенты ГПУ, очень часто являющиеся главными руководителями этих организаций, всякими провокационными доводами склоняют эмиграцию прежде всего: надеяться на советскую эволюцию, отказаться от террора, верить в пресловутый «внутренний взрыв».

Все без исключения иностранные штабы одурачены ГПУ до последней возможности. Изумительные, порой просто скандальные примеры такого одурачивания я своевременно приведу.

И все же десятки секретных сотрудников ГПУ пытались работать против него. Такие попытки всегда заканчивались «стенкой». Другие «сексоты» (секретные сотрудники, по терминологии ГПУ), попадая за границу, пытались приступить к разоблачениям и срывам чекистской работы. Рука ГПУ, часто поддерживаемая лицами совершенно неожиданными, неизменно выводит «в расход» таких смельчаков.

Не приходится удивляться поэтому, что все «сексоты» в России живут под тем же гипнозом страха перед ГПУ, как и все остальное население⁸².

Рассуждая в письме к В. Л. Бурцеву о реакции в эмиграции на разоблачения «Треста» и сравнив ее с обстановкой, возникшей после азефовского скандала 1908 года, сестра Б. В. Савинкова С. В. Турчинович аттестовала атмосферу всеобщей слежки и доносительства, созданную ГПУ, в выражениях, перекликавшихся с показаниями Опперпуга:

Относительно «Треста» я Вам уже писала, что я всецело разделяю Ваше мнение. Ведь это форменное повторение истории с Азефом. Тогда на Вас напали с теми же самыми обвинениями: внесение смуты, паники, разложения. Это ложь. Панике поддаются только слабые люди. А ведь нынешние активисты не есть слабые люди, да и не могут ими быть. Если в прежней партии с.-р. могли быть люди слабые, так как количество членов было очень большое, то теперь ведь только лучшие действуют активно, люди зрелые, которые проникнуты жертвенностью и знают, что если провал, то не ссылка, не каторга даже, а смерть. Такие люди не поддаются панике. Панику стараются вызвать мерзавцы Милюковы. Провал Азефа был гораздо более сильным моральным ударом, так как он был ведь одним из основателей партии и самым крупным партийным членом. Теперь же провокаторами, а отчасти и жертвами их явились люди в конспиративной работе все же новички. К тому же, разве давно не было известно, что ГПУ довело провокацию до возможного предела? Больно, что люди *знали* это, но как-то поверхностно к этому относились, до глубины их сознания не доходило это. Иначе не мог бы стать жертвой провокации Борис. Знаете, мне кажется, что

⁸² Эдуард Опперпуг, «Опперпуг о себе самом. (Показания чекиста-провокатора Опперпуга, данные им в Гельсингфорсе после бегства в СССР). Как я стал чекистом», *Сегодня*, 1927, 3 ноября, с. 3.

отчасти это потому, что все эти люди очень давно из России уехали. Я помню, что когда я приехала и говорила о том, что сейчас (конец 1923 г.) в России никто никому не верит, ни брату, ни отцу, ни многолетнему другу, что это одно из самых тяжелых переживаний — невозможность быть откровенным ни с кем, так как всегда есть в самой глубине души сомнение в каждом, то мне не верили и отвечали, что я слишком подозрительна по натуре и что другие лица в России ничего подобного не испытывали. А мы, в сущности, просто друг друга не понимали. Ибо понять такие переживания можно, только испытав их. Эмигранты не испытали их, им и казалось это невероятным⁸³.

Наблюдая мощь аппарата ГПУ, Опперпут приходил к выводу о бессмысленности и бесплодности контрреволюционной работы. В своих гельсингфорских записках он указал причины, удерживавшие его столь долгое время от бегства за границу:

Мне могут задать вопрос: почему я в течение целого ряда лет не решился бежать из СССР и тем помочь вскрыть преступную работу ГПУ.

С одной стороны, я все пытался пробраться в т.н. Секретный отдел ГПУ, чрезвычайно важный, с другой — мне не на кого было положиться. Как и всякий обыватель СССР, я, в свою очередь, был окружен шпионами. Мне приходилось наблюдать неоднократно, как трагически оканчивались такие попытки, какими путями ни шли «сексоты». Помню случай, когда два секретных сотрудника, уличенные в двойной игре, уже после высылки их в далекие края, попытались при помощи жены одного из них довести до сведения польского генерального штаба о том, как его дурачит ГПУ. Разведка этого штаба кишмя кишит провокаторами. И ровно через два часа после посещения этими «сексотами» миссии — они были расстреляны.

<...> Я мог предполагать, что не успею доказать правдивость своих разоблачений до выведения меня «в расход» заграничными агентами ГПУ, которое сумеет доказать, что провокатором был именно я, и работа его по разложению вся и всех нисколько не пострадает. Кроме того, я должен был учитывать то обстоятельство, что Савинков и его друзья заклеили меня после провала НСЗРиС именем предателя, действовавшего в сговоре с советским правительством. Очень легко могло случиться, что я, попав за границу, в результате соответствующей инспирации ГПУ и доверчивости эмигрантов, буду убит кем-либо из белых раньше, чем смогу приступить к разоблачениям⁸⁴.

В заключение Опперпут дал объяснение причин, приведших его к побегу из СССР и к выступлению против ГПУ:

⁸³ Письмо С. Турчинович к В. Л. Бурцеву от 4 ноября 1927. Варшава. Hoover Institution Archives, V.Nicolaevsky Coll., Box 151, folder 30.

⁸⁴ Эдуард Опперпут, «Опперпут о себе самом», *Сегодня*, 1927, 3 ноября, с. 3.

Нужны были особые обстоятельства и сильные побудительные причины, чтобы я мог решиться на открытую борьбу с ГПУ.

Одной из таких причин было близко мне знакомое дело эстонского посланника в Москве Адо Бирка и П. Еги. С последним связывало меня чувство искренней дружбы, и все же, под страхом репрессий, я должен был так долго его провоцировать. Это дело, вопиющее по своим подробностям, переполнило чашу моего терпения.

Второй и очень важной причиной было установление тесных отношений с прибывшими из-за границы для антисоветской деятельности участниками белого движения. Только эту боевую группу галлиполийцев, в конце концов бежавшую одновременно со мной (частично в Финляндию, частично в другую страну, о которой пока умолчу), «КРООГПУ» разложить не могло. Бесстрашие и неподкупность этих людей привели к тому, что схема и методы грандиозной провокации ГПУ были вскрыты и изучены.

В результате изучения советской действительности эта группа пришла к заключению, что единственно возможным, в настоящих условиях, средством борьбы с коммунистическим режимом является террор. К такому же заключению пришел и я, дополнив впечатления группы своим изучением аппарата ГПУ и нынешнего положения антисоветского движения в стране.

В период подготовки террористических актов, когда я, для пользы дела и осведомления, все еще оставался в КРООГПУ, мы были преданы и приговорены к расстрелу, о чем меня предупредил один из крупных сотрудников ГПУ.

Мы бежали из СССР и очутились в Гельсингфорсе⁸⁵.

На этом завершался автобиографический рассказ Опперпута, выбранный *Сегодня* для публикации. В следующих двух номерах газеты приводился другой кусок из его записок, относившийся к делу Бирка и зачитанный на процессе в Таллинне. Стремясь со всей осторожностью соблюсти условия, на которых были получены эти материалы, редакция при этом предупредила:

Приступая теперь к печатанию показаний Опперпута в деле Бирка, мы сохраняем лишь те фамилии, которые были оглашены на процессе Бирка в Ревеле, в открытых заседаниях суда, и стали достоянием печати. В остальных случаях мы вместо фамилий ставим инициалы.

Надо иметь в виду, что показания Опперпута совпадают не только с показаниями самого Бирка, но и с целым рядом показаний других свидетелей⁸⁶.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Эдуард Опперпут, «Провокация ГПУ в деле Бирка (Показания чекиста-провокатора Опперпута, данные им в Гельсингфорсе после бегства в СССР)», *Сегодня*, 1927, 4 ноября, с. 3.

Из защитных соображений редакция решила выпустить из газетного текста приведенные Опперпугом имена чекистов — хотя они и промелькнули раньше в других публикациях о «Тресте»:

Председателем «Легенды» является... известный генерал царской службы, ныне состоящий в красн. армии. Одновременно он и секретный сотрудник «Контр-разведывательного отдела ГПУ» (КРООГПУ) — под кличкой.

Славой особенно «идейного» русского патриота пользуется помощник начальника КРООГПУ, имеющий ряд кличек. Безусловно доверяют и иностранцы, и зарубежные русские многим агентам «Легенд» из бывших военных, ныне очень ловких и решительных провокаторов ГПУ. Все они имеют свои клички и для маскировки служат в разных нейтральных учреждениях. Один из них был первым секретарем советск. посольств, откуда руководил советским шпионажем. Один из видных секретных сотрудников КРООГПУ служит одновременно в советской казенной цензуре, а его сестра — известная чекистка⁸⁷.

Завершение публикации записок Опперпуга совпало по времени с вынесением оправдательного приговора А. Бирку⁸⁸.

Дополнительную достоверность показаниям Опперпуга, опубликованным в *Сегодня*, придала справка, предоставленная его младшим братом Рудольфом Упелинцисом⁸⁹ конкурирующему рижскому изданию — газете *Слово*. В опровержение письма «Старого друга» в *Революционной России* редакционная статья в *Слове* сообщила:

Александр Оперпуг в 1916 г. по окончании Алексеевского военного училища в Москве и пулеметных курсов в Ораниенбауме уехал прапорщиком на Кавказский фронт. В октябрьские дни 1918 г. он из армии уехал в Мстиславский уезд Могилевской губернии, где проживали его родные, и поступил там на службу в Губвсеобуч. В Мстиславе, Могилеве и Гомеле он прожил до осени 1920 г., переезжая все время со своей семьей.

Поэтому совершенно неправильны сведения, помещенные в «Рев. России», что А. Опперпуг будто бы «руководил кровавыми расправами в Петербурге и Кронштадте осенью 1918 года».

⁸⁷ Там же. Речь идет о А. М. Зайончковском (умершем незадолго перед тем, в 1926 г.), Стырне, Кияковском, Ланговом и его сестре Рославцевой. Следует напомнить, что сведения почти обо всех этих лицах, с раскрытием имен, были оглашены в заметке, появившейся в гельсингфорских газетах 24 и 26 апреля, и в письме Опперпуга в редакцию *Сегодня*, напечатанном 17 мая.

⁸⁸ М. Ганфман, «Дело Бирка», *Сегодня*, 1927, 5 ноября, с. 1.

⁸⁹ Его имя приведено в адресной книге Риги за 1928 г. См.: *Rīgas adresu-izziņas grāmatā 1928.g. Adresno-spravochnā kniņa g. Rīgi*. В редакционной преамбуле *Слова* он ошибочно назван Эдуардом.

В 1920 г., когда его семья уехала в Латвию, А. Опперпут остался в Гомеле, т.к. не мог получить разрешения на выезд как военнообязанный. В 1921 г. Опперпут перешел на службу в окружн. Всеобуч в Смоленске. Здесь он вошел в савинковскую организацию. Летом того же года Опперпут был арестован агентами Чeka. Тогда же с ним переписка его родных прервалась, и они не имели сведений о нем около года.

В 1922 году Опперпут начал снова переписываться с рижской родней, но писал только о своих семейных и личных делах. О своей службе в Чeka он ни словом не намекал. Так продолжалось до лета 1927 г., когда он бежал в Финляндию. Оттуда он написал родным обо всех своих приключениях в СССР, потом появившихся в печати.

В мае 1927 г. перед его обратным уходом в СССР, от него было получено с нарочным письмо, где он писал: «Через несколько дней уйду обратно в Россию. Возможно, что я уже буду убит при переходе границы. Этого я бы не хотел. Дойти до места, сбалансировать свои счета с ГПУ, бросить первый камень в усохшее болото, сделать первый удар в набатный колокол, а потом, что Бог даст».

На этом все сведения об Опперпуте прекращаются.

Брат его утверждает, что нет никаких сомнений в его гибели, и появившиеся слухи о том, что Опперпут будто бы жив и служит агентом ГПУ, распространяются, быть может, самими же чекистами, чтобы подорвать разоблачения Опперпута.

По утверждению брата, Опперпут был крайне враждебно до конца своей жизни настроен против сов. режима. Его разоблачения повели к провалу целого ряда заграничных отделов ГПУ и спасли от верной смерти ряд ответственных лиц, в том числе ген. Кутепова.

Фамилия Опперпут не является вымышленной. Это вторая настоящая фамилия убитого, которую он начал носить со времени большевицкого переворота, чтобы скрыть свое звание офицера.

Брат Опперпута просит нас особенно отметить, что он до сих пор не выступал с разьяснениями по этому делу потому, что не хотел даже касаться вопроса о политической деятельности своего брата, будучи сам в стороне от всякой политики.

И только извращенные сведения газет заставили его теперь выступить со своим заявлением, которое редакция и помещает как представляющее интерес, независимо от той или другой оценки его по существу⁹⁰.

Таким образом, материалы, помещенные 4 и 5 ноября в обеих русских газетах, выходящих в Риге, ознаменовали собой, так сказать, полуоправдание Опперпута. На этой неопределенной ноте вообще завершалось обсуждение «опперпутовского» вопроса, да и,

⁹⁰ «Родной брат Опперпута о брате провокаторе», *Слово*, 1927, 4 ноября, с. 3; эти сведения были изложены также в заметках: «Опперпут», *Возрождение*, 1927, 8 ноября, с. 1; «В мире провокации. Брат Опперпута», *Дни*, 1927, 8 ноября, с. 3.

в сущности, всей темы «Треста» в эмигрантской печати. Русские газеты, выходявшие в Париже и Берлине, к публикации в *Сегодня* записок Опперпута отнеслись вяло⁹¹. Интерес к «провокаторской» теме заметно угасал.

Советская печать ни единым словом не отрагировала на бурю в Зарубежье, возникшую вокруг разоблачения «Треста». Тем значительнее был факт издания в Москве книжки Н. Кичкасова, содержащей обзор попыток террористической деятельности против Советского государства, начиная с 1922 года⁹². Брошюра эта опиралась на данные, собранные в ходе расследования диверсионных актов в Москве и Ленинграде в июне 1927 года и следствия и суда по делу пяти. Она представляла собой в основном пересказ материалов, помещенных впервые летом и осенью в центральных газетах, и можно полагать, что Н. Кичкасов не фамилия реального человека, а псевдоним одного или нескольких лиц, освещавших в *Правде* и *Известиях* судебный процесс в Ленинграде.

Одной из непосредственных целей брошюры было опровержение утверждений эмигрантской и западной прессы, что русский народ жаждет свержения власти большевиков и будто это настроение приняло форму стихийных террористических актов. Автор стремился доказать прямое участие иностранных генштабов, в первую очередь генштабов лимитрофов, в организации боевых вылазок «монархистов» внутри Советской страны:

Если и раньше мы не сомневались в той поддержке, которую оказывали белогвардейским организациям некоторые из соседних с нами государств, если и раньше была достаточно известна роль, которую играют их разведывательные аппараты в деле организации шпионажа, диверсионных и террористических актов в СССР, то в этом отношении последний «процесс пяти» дал исключительный по своей характерности материал о том, как *на деле* осуществляются «добрососедские» отношения, как *на деле* соблюдается «лояльность» по отношению к советским республикам.

Финляндия, в которой власть в течение последнего года принадлежала социал-демократам, как раз в течение этого периода стала на путь явной поддержки открытой антисоветской деятельности, причем деятельности самой подлой, самой кровавой, самой реакционной ча-

⁹¹ Только в *Днях* был отреферирован первый кусок публикации. См.: «Опперпут — о себе», *Дни*, 1927, 3 ноября, с. 1.

⁹² Н. Кичкасов. *Белогвардейский террор против СССР. По материалам процесса пяти монархистов-террористов* (Москва: Издание Народного Комиссариата по Иностранным Дела́м, 1928).

сти эмиграции. Она предоставила в распоряжение ее не только свою территорию, но и материальные ресурсы (оружие, снаряжение), но и людей (проводников, инструкторов), но и весь организационный и технический аппарат своих воинских штабов, превратив, таким образом, «социал-демократическую» Финляндию в плацдарм для развертывания контрреволюционных сил против СССР. Этот урок процесса должен быть особенно учтен, и трудящиеся советских республик, конечно, не забудут его⁹³.

Привлекая материалы допросов Савинкова, Эльвенгрена и Рейли, брошюра Кичкасова описывала попытки покушений на советских руководителей в 1922 году, указывала на причастность Торгово-Промышленного Союза в Париже к финансированию и организации этих действий, подчеркивала тесные связи, установленные между белоэмигрантскими группами и британской разведкой после прихода к власти консервативного правительства в 1924 году, приводила письмо Рейли к Н. Н. Бунакову (1925), выдвигавшее программу террора как единственного пути свержения власти большевиков, и констатировала превращение Финляндии с весны 1927 года в очаг антисоветской деятельности. Со ссылкой на показания Болмасова она назвала М. В. Захарченко-Шульц агентом финской разведки.

Замечательно, что при этом в брошюре была опубликована фотография с подписью: «М. В. Захарченко-Шульц — организатор террористических групп в Финляндии и участница покушения на взрыв общежития сотрудников ОГПУ в Москве. Убита 19 июня 1927 г. при перестрелке с красноармейцами в районе ст. Дретунь» (стр. 36), — изображавшая молодую улыбающуюся женщину, не имевшую ничего общего (по словам знавших ее лиц в эмиграции) с реальной представительницей Кутеповской организации в Москве⁹⁴. Другими словами, портрет был помещен в каких-то дезинформационных целях, тем бо-

⁹³ Н. Кичкасов. *Там же*, с. 6.

⁹⁴ Эта же фотография воспроизведена в издании: *Лубянка 2. Из истории отечественной контрразведки* (Москва, 1999), с. 196. Первая ее публикация состоялась, однако, еще до книги Кичкасова — в парижском журнале *Иллюстрированная Россия*, в номере 45 (130) от 5 ноября 1927 года (с. 8). Можно высказать догадку, что попала она в редакцию через В. Л. Бурцева (в этом же номере помещен взятый из его архива мемуарный очерк А. А. Дикгофа-Деренталя «Как убивали Гапона»). По-видимому, появление в парижском журнале портрета из неавторизованного источника побудило Кутепова через неделю опубликовать верный портрет «племянницы» в газете П. Струве *Россия*. Эта «кутеповская» версия снимка Захарченко-Шульц была снова репродуцирована при статье Р. Враги «“Трест”» в *Возрождении*, тетрадь 7 (январь—февраль 1950), с. 134.

лее явных, что подлинная фотография М. В. Захарченко, предоставленная генералом А. П. Кутеповым, была к тому времени уже хорошо известна: она была напечатана при статье Н. А. Дурикова в газете П. Б. Струве *Россия* 12 ноября. Какова цель такого «иконографического» поединка, развернувшегося на страницах эмигрантской и советской печати? Ответ, возможно, состоит в том, что эта борьба была частью закулисной игры вокруг руководителя финляндской боевой группы Кутепова Г. Н. Радковича, в сентябре пославшего письмо в ГПУ, выражавшее веру в то, что жена его жива, и предлагавшее сотрудничество в обмен на информацию о ней. Публикация ложной фотографии могла способствовать созданию впечатления, что в перестрелке убита была другая женщина.

Но еще более затемняющим реальность было в книге Кичкасова описание майского перехода границы Захарченко и ее спутников:

Наконец, когда формирование групп закончено, постановлено было в конце мая месяца перебросить на советскую территорию первую партию. В нее входили: М. В. Захарченко-Шульц, Ларионов, Соловьев, Мономахов, Петерс, Сольский и Болмасов.

В последний момент Сольский и Болмасов от экспедиции были отставлены по чисто техническим причинам, так как проводники капитана Розенстрема указывали на рискованность переброски большой партии. Таким образом, в СССР пошли только первые шесть из перечисленных лиц. Отправились все с дачи Фролова и границу переходили при помощи проводников финляндской разведки. Начальник разведывательного отдела штаба 2-й дивизии, капитан Розенстрем, как сказано, был полностью в курсе дела. <...>

Перейдя границу, группа разделилась на две части: Ларионов, Соловьев и Мономахов направлялись в Ленинград, Захарченко-Шульц и Петерс — в Москву (с. 40).

Приведенный кусок является ключом к истолкованию загадочной особенности брошюры Кичкасова, обратившей на себя внимание современных читателей: ни в этом фрагменте, ни в книге в целом *ни разу не упомянуто* — вопреки предыдущим отчетам советских органов — имя *Опперпута*. Но процитированные строки позволяют обнаружить, как это имя было удалено из повествования. Легко догадаться, что в оригинальном тексте второго предложения должно было быть не семь имен, а восемь. Лишь тогда последняя фраза о том, что после отстранения двух «в СССР пошли только первые шесть из перечисленных лиц», являлась арифметически точной. А фактически точной она была бы, если в списке во втором предложении стояло бы и имя *Опперпута*. Таким образом, *Опперпут*,

явно фигурировавший в первоначальном варианте брошюры, был по каким-то причинам внезапно вычеркнут из окончательного текста редактором или цензурой. Они впопыхах не смогли заметить и залатать все возникшие в результате вычеркивания дыры, поскольку главное их внимание было направлено на переделку всего отчета о гибели участников диверсии на М. Лубянке (хорошо известного по июльским публикациям). Вот как теперь описывались эти события:

Вторая группа — Захарченко, Петерс — оказалась менее удачливой.

Хотя ей удалось подложить в дом №3/6 по Малой Лубянке в Москве, населенный частично сотрудниками ОГПУ, мелинитовую бомбу весом в четыре килограмма, но последняя в ночь на 3 июня была обнаружена, и таким образом бедствие было предотвращено.

В дальнейшем оба в результате организованного преследования были убиты при следующих обстоятельствах.

16 июня в 17 часов по дороге Ельшино-Смоленск через Яновский спиртоводочный завод Переспенской волости проходил неизвестный, который на просьбу милиционера предъявить документ и предупреждение, что проход через завод запрещен, выхватил браунинг и ранил милиционера тов. Лукина. За неизвестным крестьянами, работавшими на заводе, была организована погоня, в процессе которой были тяжело ранены рабочий, тов. Николай Кривцов, и крестьянин, т. Якушенко. Дальнейшим преследованием, организованным уже ОГПУ, неизвестный был застигнут в 10 верстах от Смоленска, успевши тяжело ранить еще одного милиционера, и в перестрелке убит. При нем, кроме огнестрельного оружия — нагана и парабеллума, — были обнаружены еще английская граната, топографические карты и дневник. Убитый оказался Петерсом (он же Вознесенский), одним из двух террористов московской группы.

18 июня автомобиль штаба Белорусского Военного Округа, управляемый шофером тов. Гребенюк и его помощником Голенковым, возвращавшийся из Витебска в Смоленск, около м. Рудня был остановлен неизвестной вооруженной женщиной, предложившей шоферам повернуть машину обратно на Витебск. Последние отказались, в результате чего тов. Гребенюк был убит, а Голенков ранен. Неизвестная бросила автомобиль и скрылась в лесу. Организованным ОГПУ преследованием, при деятельной помощи крестьян, следы преступницы были обнаружены в районе ст. Дретунь, где была устроена облава. При попытке прорваться сквозь цепь красноармейцев и крестьян преследуемая ранила в ногу жену краскома Н-ского полка тов. Ровнову, которая, заметив ее, стала созывать красноармейцев.

Между подоспевшими красноармейцами и неизвестной завязалась перестрелка, в которой последняя была убитая.

Убитая оказалась М. В. Захарченко-Шульц, другим членом московской группы. При ней оказались, кроме револьверов с большим ко-

личеством патронов, английские гранаты, подложные паспорта, финские деньги, царские золотые монеты, карты Карельского перешейка и западной границы СССР (с. 42—43).

Налицо разительное отступление от июльского коммюнике ОГПУ и интервью Г. Г. Ягоды. Тогда указывалось, что тройка, двигавшаяся из Москвы к польской границе, разделилась, причем Опперпут был обнаружен 18 июня в районе Яновского спиртного завода и убит в перестрелке на другой день там, а Захарченко-Шульц вместе с Петерсом — под Дретунью 23 июня. Теперь упорное нежелание помянуть Опперпута привело к перераспределению ролей.

Чем объяснить эти изменения? Мы видели уже, что одним из главных тезисов Кичкасова было выпячивание «импортного» характера террористических вылазок и утверждение о завербованности их исполнителей иностранными разведками. Но Опперпут нарушал стройность этой картины. Если его и можно было назвать чьим-нибудь агентом, то агентом не иностранной разведки — финской⁹⁵ или, тем более, польской, — а агентом («сексотом») советской контрразведки. В ходе только что пронесшейся шумной кампании в эмигрантской прессе это было удостоверено по двум, так сказать, каналам: как самим Опперпутом в его гельсингфорских записках, так и анонимным его разоблачителем, усердно поставлявшим в разные органы печати дополнительные — достоверные или ложные — сведения из его чекистской биографии. Возникла парадоксальная ситуация: если в мае советская дезинформационная контрпропаганда дозарезу нуждалась в таком разоблачении «provokatora», то теперь, после июньского покушения, с одной стороны, и подробного обсуждения «Треста» и подвигов Опперпута вслед за бурцевской статьей в *Иллюстрированной России*, с другой, ей эта истина оказывалась ни к чему. Невозможно было подобрать Опперпуту ампула, которое сочеталось бы с закулисно распространяемой «сатанинской» версией (участие в расстрелах и т.д.) чекистского изготовления или даже с простой констатацией факта обратного перехода Опперпутом границы 31 мая. О том, до какой степени Опперпут оказывался неудобным в повествовании, свидетельствуют полемические выпады в заключительной главе книги Кичкасова против попыток «буржуазной» прессы пристегнуть к делу разговоры о неких советских «сексотах»:

⁹⁵ А брошюра Кичкасова имела в первую очередь антифинляндскую направленность.

Когда впервые появились сообщения ОГПУ об аресте Болмасова и Сольского, о перестрелке с Захарченко-Шульц и проч., финская пресса пыталась отрицать какое-либо отношение своего генштаба к террористам и вообще монархистам.

Газета «Сегодня», издающаяся в Риге, в номере от 12 сентября приводит мнение газеты «Гуфвудст», выходящей в Гельсингфорсе, насчет того, что «сообщения ГПУ — сплошной фантастический роман, которые, очевидно, излюблены в СССР». Указания о причастности к делу финского генштаба газета считает нелепыми уже по одному тому обстоятельству, что «генштаб, подчиненный финскому *социалистическому* (!) правительству и проводящий его указания, не может работать ни с какими монархическими организациями».

Такого же рода огульные отрицания появились и в остальных органах финляндской прессы.

Если «процесс 26-ти» полностью доказал зависимость и подчиненную роль финляндских разведывательных органов в отношении британского «Секрет Интеллидженс Сервис» в области, так сказать, чистого шпионажа, то «процесс пяти», служа как бы продолжением предыдущего дела «26-ти», в смысле выявления того, какими путями и в каком направлении ведет борьбу с Советским Союзом английское консервативное правительство, развернул новую страницу работы этого последнего в деле использования фактически подчиненных ему аппаратов финляндского генерального штаба и монархических организаций для этой борьбы. Он показал, как могут соединиться в тесный союз империалистические акулы, «социалистические» правители и монархические головорезы, если этот союз направлен против рабочих и крестьян Советского Союза. Он показал цену всем крикам и отбрехиваниям «социалистической» прессы насчет «фантастических романов», насчет «провокаций» и «выдумок» ГПУ.

Кто слышал показания подсудимых (не являющихся «сексотами» ОГПУ, как хотели бы их представить эти господа), кто был на процессе (а на нем присутствовали представители также и финляндского правительства), тот знает теперь, кто снаряжал первую партию террористов из Финляндии в СССР⁹⁶, кто снабдил всех их оружием, где происходят монархические совещания в Териоках, кто пользуется поддержкой финских властей, кто состоит на службе в генштабе и проч. На все эти вопросы были получены ясные и недвусмысленные ответы (с. 56—57).

Таинственное исчезновение имени Опперпута из отчетов о диверсии на М. Лубянке было сразу отмечено современными читателями⁹⁷. По странной иронии судьбы, однако, позднейшие исследовате-

⁹⁶ Речь идет о шестерке, руководимой Захарченко-Шульц и Опперпутом.

⁹⁷ См., напр., передовую «Черная книга о белом терроре» в газете *Возрождение* от 14 марта 1928. См. также рецензию В. Л<евицкого> «Белогвардейский террор против СССР. (Н. Кичкасов. Издание Народного Комиссариата по иностранным делам. М., 1928)» в том же номере.

ли истории «Треста», в первую очередь Р. Врага и С. Л. Войцеховский, истолковали такое умолчание как окончательное признание чекистской, «провокаторской» подоплеки участия Опперпута в покушении 3 июля.

Решение о недопущении каких бы то ни было упоминаний имени Опперпута было принято, по-видимому, перед самым выходом брошюры Кичкасова⁹⁸. В середине декабря 1927 года, когда проходили торжества по случаю десятилетия органов ВЧК-ОГПУ, В. В. Ульрих выступил со статьей, посвященной борьбе чекистов с вражеской террористической активностью. В отличие от своей другой статьи, появившейся 4 октября и ранее нами процитированной, автор на сей раз, говоря о «группе Захарченко-Шульц», уклонился от упоминания Опперпута:

Приходится отметить, что благодаря бдительности ГПУ в последние годы удалось предотвратить ряд террористических актов против наших советских и партийных работников, были обнаружены нелегально прибывшие на нашу территорию такие крупные антисоветские деятели, как Борис Савинков, петлюровский атаман Тютюнник, кн. Павел Долгоруков, известный английский разведчик Рейли и др.

Усиление антисоветской кампании в начале 1927 г., разрыв англо-советского договора вызвали, как известно, возобновление террористической деятельности зарубежных контрреволюционных организаций. Убийство т. Войкова, взрыв партийного клуба в Ленинграде — яркие доказательства этого «оживления».

Благодаря энергии ОГПУ удалось своевременно предупредить ряд новых террористических выступлений.

Всем памятно, вероятно, дело пяти монархистов-террористов Болмасова, Сольского и др., прибывших из Финляндии для организации террористических покушений.

Всем памятна ликвидация группы Захарченко-Шульц, которая готовила взрыв дома на М. Лубянке.

Попытки новых террористических выступлений вполне возможны⁹⁹.

Такое опущение имени террориста можно было бы счесть чистой случайностью, если бы не обстановка в ГПУ, сложившаяся в результате предательства Опперпута, и не тот факт, что этот провал на-

⁹⁸ Как свидетельствует объявление в журнале *Международная Жизнь*, 1928, №1, брошюра появилась в конце января 1928 г. Окончательный ее текст был составлен не ранее середины января, что явствует из цитирования в нем (с. 61—62) публикации в *Правде* от 8 января перлюстрированных писем барона Б. Н. Гревеница к М. Н. Гирсу.

⁹⁹ В. Ульрих, «На защите завоеваний Октября», *Известия*, 1927, 18 декабря, с. 1.

нес сильный удар по положению А. Х. Артузова в органах контрразведки. Впервые внятно об этом было сообщено в недавно вышедшей книге:

Провальный финал операции «Трест» отразился на карьере Артузова: в ноябре 1927 года он был отстранен от обязанностей начальника КРО ОГПУ, оставшись, правда, на посту второго помощника начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ (хотя первый помощник начальника СОУ Т. Д. Дерибас продолжал руководить работой Секретного отдела, удачно совмещая чисто канцелярскую работу с оперативной). Некоторые чины из руководства ОГПУ предлагали Менжинскому усилить Артузова на работу в периферию, но тот, учитывая хорошие личные отношения, сжалился над провинившимся «отцом советской контрразведки». <...>

Произошедшее в декабре 1927 года награждение чекистов в очередной раз подчеркнуло крутой излом в карьере бывшего начальника контрразведки и его места в иерархии органов госбезопасности. Десятилетие органов ВЧК-ОГПУ громко отмечалось в стране, 18 декабря 1927 года все центральные газеты опубликовали Постановление Президиума ЦИК СССР о награждении большой группы чекистов. Высшей наградой страны — орденом Красного Знамени были удостоены практически все начальники оперативных отделов ОГПУ: Г. Г. Ягода (Особый отдел), М. А. Трилиссер (ИНО), Т. Д. Дерибас (Секретный отдел), З. Б. Кацнельсон (ГУПО и войск ОГПУ), Г. И. Благодрахов (ТО), Я. Х. Петерс (Восточный отдел), К. В. Паукер (Оперативный отдел). Другие начальники крупных подразделений были награждены знаками Почетного чекиста. И лишь деятельность Артузова на посту начальника КРО в течение последних пяти лет была скромно отмечена Почетной грамотой и почетным оружием «маузер» от Коллегии ОГПУ¹⁰⁰.

В своей юбилейной статье В. Ульрих предсказывал новые попытки террористических актов. Прогноз его и в самом деле вскоре подтвердился. Новое покушение совершил Г. Н. Радкович, муж М. В. Захарченко-Шульц, как бы мстя за ее гибель или подхватив и завершив то, что большинством сочло неудавшейся попыткой. 6 июля 1928 года, Г. Н. Радкович вместе с Д. С. Мономаховым вошли в бюро пропусков ГПУ и бросили бомбу¹⁰¹. Дата была выбрана не случай-

¹⁰⁰ А. А. Папчинский, М. А. Тумшис. *Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК* (Москва: Современник, 2001), с. 259. Ср.: Теодор Гладков. *Награда за верность — казнь* (Москва: Центрполиграф, 2000), с. 270—271.

¹⁰¹ Накануне перед тем Радкович направил письмо вдове Рейли, извещая ее о своем намерении предпринять освобождение «обоих» — то есть Рейли и М. Захарченко. См.: *Britain's Master Spy. The Adventures of Sidney Reilly. A Narrative Written by Himself. Edited and Completed by His Wife* (New York and London: Harper & Brothers, 1933), p. 274; ср.: П. Бобадилья, «Приключения Сиднея Рейли», в кн.: Робин Брюс Локкарт. *Сидней Рейли. Шпион-легенда XX века*, с. 325—326.

но. Это, во-первых, был день вынесения приговора в Шахтинском процессе, привлечшем к себе внимание всего мира. За день до того прокурор потребовал казни для 22 обвиняемых в деле, провокационная подоплека которого бросалась в глаза. А во-вторых, 6 июля было первой годовщиной обнародования официального извещения ГПУ о взрыве на М. Лубянке.

В отличие от предыдущего лета, советские газеты на сей раз были менее словоохотливыми и ограничились самым кратким хроникальным сообщением:

6 июля с. г., в 9 ч. 15 мин. вечера в бюро пропусков ОГПУ была брошена самодельная бомба двумя белогвардейцами, прибывшими неделю назад из Парижа через Болгарию и Румынию при содействии румынской контрразведки.

При взрыве бомбы был убит один красноармеец охраны НКПС т. Иванов, Михаил Владимирович, и серьезно ранен другой красноармеец — т. Волков, Артемий Васильевич, пришедшие за справкой о беспризорных.

Один из преступников, бывший воспитанник пажеского корпуса и врангелевский офицер, Георгий Николаевич Радкевич, 30 лет, убит при погоне, а другой, эмигрант-белогвардеец, его соучастник, арестован в районе селения «Фроловский Яр», недалеко от гор. Подольска, Московской губернии, причем крестьяне деятельно помогали органам ОГПУ при преследовании преступников¹⁰².

По сведениям иностранных корреспондентов, взрыв произвел значительно большие разрушения, чем сообщила советская пресса¹⁰³. Дополнительные сведения были впоследствии сообщены соратниками террористов по Кутеповской организации¹⁰⁴.

Однако и эта акция не избежала подозрений в том, что она построена ГПУ. В передовой статье газеты *Сегодня* высказано было предположение, что участники ее попались в сети большевистской провокации. Утверждалось, что взрыв, произведенный в главной

¹⁰² «Хроника», *Известия*, 10 июля, с. 4; «Хроника», *Правда*, 10 июля, с. 4.

¹⁰³ «Новые подробности взрыва бомбы на Лубянке. Убито и ранено много чекистов и заключенных», *Сегодня*, 1928, 12 июля, с. 1; «Радкевич ездил в СССР вместе с Захарченко-Шульц», *Сегодня*, 1928, 12 июля, с. 4; «Бомба Радкевича. Новые сведения», *Возрождение*, 1928, 18 июля.

¹⁰⁴ См.: Н. Виноградов, М. Критский, «Взрыв в ОГПУ 6-го Июля 1928 г. Памяти двух зарубежных добровольцев — Георгия Радковича и Дмитрия Мономахова», *Возрождение*, тетрадь 71 (ноябрь 1971), с. 100—107; Paul Blackstock. *The Secret Road to World War Two: Soviet Versus Western Intelligence 1921—1939* (Chicago: Quadrangle Books, 1969), pp. 200—204. Ср.: письмо Б. В. Прянишникова к В. В. Бастамову от 1 мая 1979, Hoover Institution Archives, B. Prianishnikov Coll., Box 5.

цитадели большевизма, призван послужить поводом для новой волны бессудных казней. В памяти снова всплыли события 1927 года:

После тех кошмарных разоблачений, которые мы узнали из дела Шульгина, из записок Оперпуга, из процесса Бирка, разве возможно поставить какие-нибудь пределы большевицкой провокации? Теперь при всяком террористическом акте, особенно если он нужен был для чекистов в данный момент, невольно возникает предположение, что *и тут имела место та поистине дьявольская система*, которая раскрыта не совсем, но все же в достаточной мере. Если Шульгин, опытный старый политик, мог попасть в сети чекистской провокации, если он совершал то, что нужно было агентам ГПУ, то разве нельзя допустить, что и молодые неопытные люди, горящие жаждой мести, могли сыграть роль орудия в руках провокаторов. Кое-что говорит в пользу этого предположения. Прежде всего, очень знаменательно, что террористический акт был произведен, когда в сов. кругах выяснился, по существу, провал всего чекистского Шахтинского действия. Далее, очень симптоматично, что сообщение об этом акте было дано, однако, не сейчас после его совершения, только через несколько дней после того как в берлинских газетах появились сведения о покушении. Повидимому, и в большевицких кругах допускают здесь руку ОГПУ. Заслуживают внимания и некоторые другие подробности. Покушение было произведено в таком месте ГПУ, в бюро пропусков, где, по существу, никого из сколько-нибудь ответственных лиц и быть не могло. Радкевич хотел проникнуть к Менжинскому, но туда его не пустили. Если предположить, что о покушении чекисты были осведомлены, то это тоже характерный прием, при помощи которого провокаторы избавляются от неудобных разоблачений своих жертв. Повторяем, все это, конечно, догадки и предположения. Но они невольно возникают у всех, кто знаком с методами чекистского правления. Если все Шахтинский процесс был, по существу, яркой иллюстрацией метода провокации, то очень стильным эпилогом явилось бы провокационное покушение ОГПУ¹⁰⁵.

Со своей стороны, намекнул на причастность ОГПУ к диверсии и таинственный корреспондент С. П. Мельгунова из советской России, подписывавший свои письма именем «Кузьма» и, по всей видимости, являвшийся агентом советской контрразведки¹⁰⁶.

В своей финальной фазе траектория жизни Радковича представляла собой, таким образом, «параллель» тому, что прошел его единомышленник, соратник, соперник и антипод Опперпуг. Компрометирующие слухи, как выяснилось, преследовали мужа М. В. Захарченко

¹⁰⁵ М. Г-нь <М. И. Ганфман>, «Взрыв в ОГПУ», *Сегодня*, 1928, 11 июля, с. 1.

¹⁰⁶ См. его письмо от 24 сентября 1928, приведенное в книге: Б. Прянишников. *Незримая паутина* (New York, 1979), с. 136.

и раньше, задолго до покушения на Лубянке. Гельсингфорский корреспондент *Сегодня*, отец покойного поэта И. Савина, лично знакомый со многими из кутеповских добровольцев в Финляндии, сообщал, что скрытного, неразговорчивого Г. Н. Радковича подозревали в двойной игре, в близости к большевикам:

Ему бросали упреки, почему, мол, хождения в Москву, при его участии, часто оканчивались неудачами.

Надо думать, что смерть Радковича-Шульц опровергает эту клевету¹⁰⁷.

Террористические вылазки внутри России с тех пор сошли на нет, хотя добровольцы Кутеповской организации и позже просачивались через советскую границу¹⁰⁸. Буквально в те самые дни, когда Радкович и Мономахов были в Москве и готовились к диверсии, другой член группы, действовавший под конспиративным именем Бубнов, составил отчет о своем трехнедельном пребывании в июне в советской России, в котором недвусмысленно заявил о бесперспективности боевых акций: «*Мы эту игру не в силах провести в таком масштабе, когда она станет опасной для сов. власти, и результаты не оправдают потерь*», — заявлял он, как бы вторя тому, о чем предупреждал Опперпут в Гельсингфорсе в мае 1927 года¹⁰⁹.

Память об акции Радковича и Мономахова быстро поблекла. И только В. А. Ларионов счел необходимым внести Радковича в анналы антисоветского сопротивления:

¹⁰⁷ И. С<аволайнен>, «Г. Н. Радкевич — муж Захарченко-Шульц (От гельсингфорского корреспондента “Сегодня”)», *Сегодня*, 1928, 21 июля, с. 3. Факт подписи под заявлением о сотрудничестве с ГПУ, поставленной Радковичем под нашим как раз накануне бегства в апреле 1927 г., оставался, по-видимому, неизвестным и не играл никакой роли в этих слухах.

¹⁰⁸ Н. Цуриков, «Патриотическая “детонация” (Страничка из недавнего прошлого)», *Возрождение*, тетрадь 12 (ноябрь—декабрь 1950), с. 133—140. О позднейших попытках террористических актов в Советском Союзе см.: О. Б. Мозохин, «Из истории борьбы органов ВЧК-ОГПУ с терроризмом», *Военно-исторический архив*. Вып. 5(29) (Москва, 2002), с. 8—20.

¹⁰⁹ Экземпляр доклада Бубнова, посланного Кутепову, находится в архиве Б. И. Николаевского. См.: Hoover Institution Archives, Nicolaevsky Coll., Box 300, folder 1. Оубл.: Б. Прянишников. *Цит. соч.*, с. 133. Как установили Б. В. Прянишников и В. В. Бастамов, под псевдонимом Бубнов скрывался Каринский — один из добровольцев Кутепова, засланный в СССР и бежавший оттуда вместе с Г. Н. Радковичем в середине апреля 1927 г. Он был среди тех, кто подвергал сомнению искренность перехода Опперпута на сторону белых и факт гибели его в июне 1927. См. письма Б. В. Прянишникова к В. В. Бастамову от 1 мая и 12 декабря 1979. Hoover Institution Archives, B. Prianishnikov Coll., Box 5.

Русская молодежь, повинная зову долга, умела беззаветно умирать на полях сражений и с улыбкой становиться к стенке под дула чекистских ружей. Кому, как не этой молодежи, должен быть понятен и близок тернистый путь Канегиссера, Коверды и Конради, путь Марии Захарченко, Радковича и Петерса, смерть Соловьева и Шарина в лесах Онеги, скорбный путь Болмасова и Сольского...¹¹⁰

Включить в этот синодик и «чужака» Опперпута он в своей брошюре не решился. Но спустя четыре года, когда Чебышев выступил с первым историческим обзором деятельности «Треста», Ларионов послал ему письмо (выдержку из которого Чебышев привел без имени адресанта) с доводами, решительно опровергающими теорию о провокаторской работе Опперпута после побега в Гельсингфорс:

Он, без сомнения, убит. Ведь он был главным действующим лицом в нашей боевой группе. Мысли и план взрыва дома сотрудников КРО принадлежала ему. Меня именно он инструктировал в походе на Петербург. Это он дал мне список советских учреждений на предмет взрыва. В этой записке под номером первым стоял: «Пленум ленинградского совета». № 2 — Центральный партклуб (Мойка), районные клубы, организации безбожников, школа национальных меньшинств и т.д. и т.д. Взрыв Пленума был бы плохой услугой ГПУ, а ведь мы были в прихожей здания оперы нардома, где собрался пленум. И только малочисленность группы (нас было трое) и слабость бомб (военного образца, а не динамит) заставили меня повернуть. Четверо чекистов проверяли бумаги у входа в зал, и столкновение с ними делало нашу дальнейшую атаку разрозненной и подверженной непредвиденным случайностям, а хотелось действовать наверняка. Поэтому на следующий день нами был взорван центральный партклуб, слабо в то время охраняемый, записанный Опперпутом за № 2. Если бы он был душой с ГПУ — почему он не предупредил о нашем покушении? Ведь мысль о том, что ГПУ *допустило* нашу работу, чтобы доказать необходимость своего существования, — ведь это мысль чисто эмигрантская. <...> А Опперпут знал не только о факте нашего похода, но и месте и времени, ибо мы вместе были на пограничном пункте, и они трое ушли за двенадцать часов до нас¹¹¹.

¹¹⁰ В. А. Ларионов. *Боевая вылазка в СССР. Записки организатора взрыва Ленинградского Центрального Партклуба (июль 1927)* (Париж: Борьба за Россию, 1931), с. 4.

¹¹¹ Н. Чебышев, «Трест. История одной “легенды”», *Возрождение*, 1935, 19 сентября, с. 2.

Заключение

Зигзаги судьбы Опперпута отражают драматические коллизии эпохи, демонстрируя мрачную иронию обращений любых определений и характеристик в свою полярную противоположность. Герой и предатель, провокатор и изобличитель провокации, член высшего руководства полуфиктивной организации («теневое правительство») и виновник ее громкого провала, жертва чекистов и изощренный исполнитель их хитроумных сценариев — все эти ампла оказываются с равным основанием применимы к этому загадочному участнику тайной борьбы вовлеченных в смертельную схватку лагерей. Головокружительные метаморфозы сильнее всего выявились в сфере, сыгравшей, можно сказать, мистически роковую роль в его жизни. Обвиненный в 1921 году в намерении прибегнуть к ядам в вооруженном выступлении против советской власти, Опперпут в своей брошюре, написанной в тюрьме, объявил себя убежденным противником террора, проводя здесь водораздел между собой и Савиновым. Но в 1926 году Стауницу приходится — по поручению ГПУ — взять на себя роль пламенного адепта террористической деятельности в легендарной организации, в которой развернулась борьба между мнимостью и активизмом. Не проходит и года, как условно принятая на себя роль оказывается для Опперпута жизненной реальностью, высшей проверкой адекватности его гражданских и политических позиций при полном осознании им самим обреченности и бесплодности задуманного подвига. Наряду с М. В. Захарченко Опперпут становится ключевой фигурой в момент перехода кутеповской организации от стагнации, длившейся несколько лет, к боевой тактике террора. Не его вина, что новая стадия оказалась эфемерной, а форма борьбы — неэффективной. Но бесспорно свойственное ему бесстрашие было выдано за малодушие, а его отчаянная решимость и самоотречение представлены как предательство и коварный подлог.

Вообще вся доступная нам история жизни Опперпута после революции кажется целью неудач. Но именно поэтому было бы неоправданным видеть в нем «флюгер», лишенный сколь-нибудь определенных политических убеждений и принципов. Внутренней психологической причиной его провалов была черта, им самим определенная как склонность к авантюризму. Беспредельное, гипертрофированное прожектерство проявилось в судьбоносные, роковые моменты — весной 1921 года, когда он вынашивал идею наступления повстанческих сил на Москву, и летом 1927 года, когда взялся осуществить свой собственный план взрыва чекистского здания, — но явно были движущей силой и в повседневной жизни. Можно думать, что даже в тюремной камере подлинными мотивами его поступков были не только инстинкт самосохранения и забота о благополучном исходе в чреватой гибелью ситуации, но и безмерное честолюбие и азарт игрока.

Не «шкурные» интересы и соображения, но стремление «опередить» ход событий диктовали ему, человеку беспредельной отваги, принятие того или иного решения.

Бегство в апреле 1927 года не привело к действительному освобождению Опперпута от навязанной ему роли. Он опять оказался связанным — хоть и новым — ампула, к которому, в сущности, оказался не готов. Инициатива была перехвачена противоположной, враждебной стороной, в неравном поединке выбор того или иного вида оружия принадлежал ей. Самый выход Опперпута «наружу», с публичными заявлениями в печати, был спровоцирован шагами его лубянских врагов, при том что сам он предпочел бы закулисную активность публичным декларациям. В течение всего полуторамесячного пребывания в Гельсингфорсе ему приходилось занимать последовательно оборонительную позицию, оправдываясь — перед лицом дезинформационной атаки, развернутой ГПУ, — за свои прошлые действительные или мнимые грехи и доказывая честность, чистоту и искренность своих помыслов. Содержание разоблачений, сделанных им в прессе, скорее предупреждало о потенциальном вреде, который он мог бы причинить, чем наносило действительный урон противнику. С другой стороны, весь комплекс признаний, которым Опперпут пытался ответить на воздвигнутую против него клевету, оказался бесполезным, будучи подвергнут замалчиванию в результате сложного взаимодействия разнонаправленных векторов политической борьбы.

Что было бы, однако, если ГПУ сбавило бы давление на беглеца и отказалось от травли его в прессе? Предотвратило ли бы это

переход Кутепова к террористической программе действий, удержало ли бы Захарченко-Шульц и Опперпуга от похода в Россию? Бесспорно, нет. Но тогда становится ясным, сколь призрачной была граница между свободой и несвободой выбора действий у Опперпуга в той экстремальной ситуации. Роль апологета террора, первоначально возложенная на него чекистским руководством, не могла не отозваться эхом взрывов на Лубянке и Мойке. Здесь снова подтверждается наблюдение Шульгина, что «провокация заводит самих провокаторов гораздо дальше, чем они этого хотят».

Замечательно и то, что сколь бы неуклюжей — или, наоборот, изобретательной — ни была направленная против Опперпуга клевета, в поле ее резонанса «на равных» сходились противоположные полюса — советский и антисоветский (эмигрантский). Непримиримые противники обнаруживали равную степень заинтересованности в ней и равную степень недоверия к ее опровержению.

Какую роль сыграла в этой истории зарубежная русская пресса? Вынести однозначное заключение здесь невозможно: она прошла через широкий спектр интерпретаций, версий и оценок, от глухого замалчивания до самых фантастических искажений истины. При этом, однако, выдвигаемым версиям свойственен был налет гипотетичности, и они обрести разного рода противоречащими ей «шумами». Существенным «искажающим» фактором — вне зависимости от достоверности или недостоверности сообщаемого — была информация, исходившая из официальных советских источников. Возможности многоканальности были искусно использованы советской пропагандой: по закулисным путям она широко прибегала в своих дезинформационных начинаниях к помощи самых различных общественных флангов в русском Зарубежье. Само по себе разнообразие подключаемых изданий создавало видимость убедительности и авторитетности поставляемых сведений. Но оттого было бы бессмысленным ставить вопрос так, как если бы одна сторона обладала всей суммой правды, монополией на правду, а другая собирала в себе всю мыслимую ложь. Невозможно сказать: ГПУ говорило правду, как невозможно сказать: ГПУ говорило неправду. Истина состоит в том, что ГПУ говорило и правду, и неправду, смешивая их в разных дозах в зависимости от тех или иных целей. Но и в восприятии получаемой информации противоположной стороной слишком значительное место занимала игра политических интересов, чтобы было возможным отделить правду от неправды.

Ни одна другая русская зарубежная газета не отвела столько места и не предложила такого разнообразного, множественного

освещения истории с «Трестом», как *Сегодня*. Находясь в стороне от собственно эмигрантских споров и конфликтов, она, однако, оказалась в эпицентре информационной тайной войны вокруг ликвидации «Треста» и вокруг главного действующего лица этой истории. На страницах рижской газеты сошлись поступавшие с разных сторон версии происходившего. Но эта многоголосность освещения не только чередовалась с моментами осознанного блокирования информации, но и обернулась усилиями по предотвращению обнародования ее в других местах. *Сегодня*, таким образом, выступило инициатором и дебатов о «Тресте», и их приостановки.

Просачивание сведений о «Тресте» на страницы русской зарубежной прессы в 1927 году стало возможным исключительно благодаря бегству Опперпута и предпринятым им разоблачениям. Опперпут — и живой, и мертвый — явился главным катализатором разоблачения «легенды» ГПУ. Но сразу стало очевидным, что оно было обусловлено и регулировалось не одним этим фактором. Процесс оглашения информации о «Тресте» принял «флуктуирующий» характер и состоял из трех «вершин», трех главных этапов. Первый из них совпадает с пребыванием Опперпута в Финляндии и обозначен появлением известия о его бегстве, дезинформационным изображением его биографии в прессе и его опровержениями в *Сегодня*, за которыми последовало составление записок, предназначавшихся для печати, но не сумевших в нее пробиться. Как и лживые измышления об опперпутувском прошлом, эта невозможность публикации оказались результатом взаимодействия ряда причин, одной из которых был начавшийся боевой поход с его непредсказуемыми последствиями, в котором главная роль легла на плечи автора записок. Даже участие Опперпута в диверсии и гибель всех ее участников шлагбаум перед обнародованием опперпутувских показаний не подняли. Потребовались дополнительные стимулы, порожденные столкновением враждующих политических сил, и должен был грянуть политический кризис, выразившийся в поднятии вопросов о целесообразности различных форм вооруженной антисоветской борьбы и о роковой роли провокации в ней, — чтобы история «Треста» проникла на страницы печати, а с нею снова прозвучал голос Опперпута.

Именной указатель

- Абрамов Ф. Ф. 182
Абызов Ю. И. 260
Агабеков Г. С. 218
Агранов Я. С. 23–26, 28, 50, 173
Адеркас А. Э. 234
Азеф Е. Ф. 69, 152–153, 159, 162, 167, 182, 210–211, 220, 231, 243–244, 246, 265, 296
Амфитеатров А. В. 204–205, 278, 281–282, 284
Андреев 180
Анненков Б. В. 255
Антонов В. 50, 58
Арапов П. С. 58, 68–69, 92, 122–124, 140, 171–172, 222, 232, 254, 291
Артамонов Ю. А. 49, 59, 103, 120, 122, 138, 146, 158, 284
Артифесов Л. А. 77
Артузов А. Х. 9, 24, 50–51, 53–56, 60, 67, 72, 137, 148, 173, 308
Арцыбашев М. П. 118–119
- Бадьян Я. И. 195
Бажанов Б. 177
Бакструб А. 284
Балицкий В. А. 145, 194
Балодис Я. 214
Барбович И. Г. 182
Барихновский Г. Ф. 107
Басов 42
Бастамов В. В. 172, 240, 309, 311
Бахметев Б. А. 40, 228–231
Бек Ю. 17, 27, 44
- Беленкин Б. И. 14, 16, 22, 34, 43, 50–52, 55, 181
Белоцветов Н. А. 89
Бем А. Л. 13
Бережанский Н. Г. 115, 185
Бирк А. 122, 148, 164, 174, 284–285, 287, 291, 294, 298–299, 310
Бирк Р. Г. 59, 66, 122, 173, 176
Бирюков 193
Благодравов Г. И. 308
Блюмкин Я. Г. 57
Бобадилья, П. 72, 170–171, 177, 192, 272, 308
Бойс Э. 288
Болмасов (Балмасов, Больмасов) А. Б. 10, 178–179, 234–235, 237–240, 302–303, 306–307, 312
Бородин – см.: Кутепов (140)
Бортневский В. Г. 91, 115, 182, 223
Бруновский В. Х. 237
Бубнов – см.: Каринский (Коринский) (311)
Будницкий О. В. 40, 231
Булак-Балахович С. Н. 13, 17, 32
Бунаков Н. Н. 66, 70, 217, 240, 302
Бунин И. А. 158
Бурхановский 65–66
Бурцев В. Л. 69, 116, 154, 243–256, 258–264, 273, 290–292, 296–297, 302, 305
Бухарин Н. И. 31, 192
Бэйли Дж. – см.: Bailey G.
Вакар Н. П. 85, 107, 115–117
Василенко М. 182

- Васильев Н. — см.:
 Клопотовский В. В.
- Васильев П. 283
- Винавер М. Л. 194
- Виноградов Н. И. 63, 68, 174, 218,
 277, 309
- Власов 124
- Вознесенский И. 28
- Вознесенский Н. Н. — см.:
 Петерс Ю. (178)
- Войков П. Л. 138, 189, 191–192, 199,
 236, 307
- Войцеховский С. Л. 8, 59, 62–63,
 66–70, 80–82, 85, 91, 102–104,
 120, 124, 130, 136, 138–141,
 146–147, 150, 153–154, 158, 172,
 174, 177, 216–217, 221, 307
- Волков — см.: Потапов Н. М. (70)
- Волков А. В. 309
- Вольский А. П. 32
- Воровский В. В. 189, 225
- Врага Р. — см.: Wraga R.
- Врангель П. Н. 13, 41, 58, 60–67,
 69–70, 75–78, 81, 84, 86, 88, 91–
 92, 96, 103, 110–111, 115, 121–
 122, 124, 140, 143, 147, 171–172,
 177, 181, 196, 200, 203–204,
 209–210, 222–227, 230, 232–
 234, 244–245, 255, 257–258,
 261–265, 269, 278–281, 283
- Вяха Т. 66, 70
- Ганфман М. И. 195, 246, 299, 310
- Гессен И. В. 85, 93, 113–114, 167
- Герман Ю. П. 31
- Гирс М. Н. 307
- Гладков Т. К. 16, 49, 50, 52, 54–56,
 60–61, 68, 71–72, 102, 131, 142,
 181, 209, 216
- Гнилорыбов М. Н. 17, 26, 30–31, 37,
 150–152, 157, 163
- Гоголь Н. В. 79
- Голенков Б. 206, 208, 304
- Голишков Д. Л. 107
- Голубев С. М. 55, 65, 125, 129, 136,
 148
- Готлиб Н. 10
- Готлиб Ф. 10
- Гребенюк С. 206, 208, 304
- Гревениц Б. Н. 307
- Гримм И. Д. 80
- Громов 42
- Громов Н. 227–228
- Гукасов А. О. 87
- Гуревич 193
- Гурский (Табартовский) В. И. 56
- Гучков А. И. 85, 92, 120, 223, 225,
 245, 265, 278,
- Даватц В. Х. 263–264
- Данте Алигьери 92
- Дегаев С. П. 231
- Демидов (Орсини) П. П. 140
- Денисов — см.: Ланговой А. А. (68)
- Дераш (Дераж) 44
- Дерибас Т. Д. 308
- Джунковский В. Ф. 50
- Дзержинский Ф. Э. 51, 56, 194, 214,
 285
- Дикгоф-Деренталь А. А. 17, 27, 302
- Добкин А. И. 233
- Долгоруков (Долгорукий) Павел Д.
 75, 105, 109–111, 117, 145, 193–
 195, 236, 307
- Дорожинский (Дерюжинский)
 121, 136, 140, 289
- Дружиловский 236
- Дюррант Д. С. 21
- Евлогий, митрополит 122
- Еги П. 298
- Ежов Н. И. 57
- Ершов В. Ф. 180
- Жуков Д. А. 7, 49, 50–51, 61, 75,
 102, 198
- Заволоко И. Н. 243
- Зайончковский А. М. 63, 299

- Зайцев К. И. 97, 184–185, 227–228, 259
Зайцев Н. Г. 52, 54–55, 60–61, 71–72
Захарченко-Шульц М. В. 14, 22, 50, 52, 63–65, 67–68, 70–72, 103–104, 119–120, 122–128, 131–132, 135, 137–142, 146–148, 150, 158, 170–172, 176–181, 189, 192, 203, 205, 207–209, 211–212, 215, 218, 221–225, 232–233, 235, 239, 253–254, 258, 264, 271, 273–277, 282–284, 287–289, 302–309, 312–313, 315
Зверев – см.: Радкович-Шульц Г. Н. (232)
Зверева – см.: Захарченко-Шульц М. В. (224)
Зданович А. А. 56
Зиновьев 126, 179
Зиновьев Г. Е. 61
Зирнис 208
Зорин 42

Ибрагим-бек 200
Иванов М. В. 309
Ильин И. А. 97, 223
Ильин С. Н. 281
Ильф И. 102
Иоффе Г. З.
Искра, атаман (Лохвицкий И. А.) 32

Каннегисер Л. И. 312
Карин А. – см.: Рудин А. К. (155)
Каринский (Коринский) 10, 136–137, 146, 179–180, 311
Карпов В. 50, 58
Карташев А. В. 107, 110, 116
Касаткин – см.: Опперпут Э. О. (121)
Кацнельсон З. Б. 308
Кельнич С. М. 91
Керенский А. Ф. 41, 83, 144
Киселев А. Ф. 49, 58, 225
Кичкасов Н. 70, 178–179, 190, 301–306, 307

Кияковский (Стецкевич) В. С. 50, 55–56, 137, 145, 164, 173, 232, 273, 284, 286, 290, 299, 300, 302–303, 311
Клементьев В. Ф. 232
Климович Е. К. 61, 224–225
Клопотовский В. В. 260–261
Коверда Б. С. 138, 189, 312
Козлитин В. Д. 60, 63
Козлов – см.: Стырне В. А. (123)
Козловский В. 68
Коковцов В. Н. 120
Кокушкина М. И. 146, 165
Колпакиди А. И. 57, 180
Кольцов М. Е. 93–95
Комиссаров М. С. 243
Кондзеровский П. К. 92
Конради М. М. 225, 312
Коренев М. Н. 178, 240
Коржев 30, 37, 42
Котляревский Н. М. 122, 171
Кравцов Н. 206, 208
Крамарж К. 119, 225, 263
Красноштановы – см. Захарченко-Шульц М. В. и Радкович-Шульц Г. Н. (125)
Кречет, атаман 233–234, 278, 281
Кречетов С. А. 227, 233–234, 279, 280–281
Критский М. А. 309
Крук, атаман 163
Крыленко Н. В. 236
Ксюнин А. И. 111
Куницына Е. 240
Курск 287
Кускова Е. Д. 118, 194, 265–266
Кутепов А. П. 57, 60–62, 64–67, 70, 80, 92–93, 96, 103–104, 119–128, 131–132, 135–150, 153–154, 158, 166, 172–173, 175–179, 181–182, 186, 195, 201–205, 207, 210, 215, 221–227, 231, 233–235, 237–239, 243–245, 248, 252, 255–259, 262–265, 269–270, 276–278, 280–282, 287–288, 315

- Лаго Б. Ф. 58
 Лазаревский В. А. 79, 85–86, 92
 Лампе А. А. фон 61, 76, 82, 85–89, 224–225, 278–279
 Ланговой А. А. 68, 122, 127, 140, 146, 164, 172–173, 209–210, 213, 222, 299
 Ларионов В. А. 158, 178–180, 189–190, 202, 216–217, 219, 227, 238–240, 272, 289–290, 303, 311–312
 Лацис М. И. 13
 Лебедев 28–29
 Левитский В. М. 306
 Лейхтенбергский Г. Н. 88, 279
 Ленин В. И. 24, 61, 89, 93, 103
 Леппо 55
 Ливен А. П. 88
 Линстедт 240
 Литвин А. Л. 38, 157, 233
 Локкарт Р. -Б. 170–172, 192–193, 199, 273, 308
 Лопшиц М. Я. 245
 Лукин А. 206, 208, 304
 Лукомский А. С. 181, 225–227
 Львов Л. И. 158
 Львов Н. Н. 138
- Майн Рид 247
 Маклаков В. А. 40, 228–231, 265–266
 Марино 44
 Марков А. П. 250, 254
 Марков Н. Е. 61–62
 Маргьновский В. 56
 Мархлевский Ю. Ю. 56
 Матвеев Г. 41
 Махнов 138
 Медведев – см.: Потапов Н. М. (121)
 Мельгунов С. П. 116–118, 250–251, 253–254, 268, 278, 291, 310
 Менжинский В. Р. 21–23, 36, 41, 43, 49, 51, 55–56, 78, 126–128, 130–131, 142, 206, 211, 215, 238, 287, 310
 Мерзляков В. 65, 217
 Мессинг С. А. 192
 Микулич И. 16
 Миллер Е. К. 62, 69
 Мильруд А. М. 10
 Мильруд Е. В. 10
 Милюков П. Н. 32, 37, 85, 109, 115, 118, 144, 152–153, 155, 185, 190, 248, 257, 264, 296
 Миронов Г. Е. 27–29
 Мозохин О. Б. 238, 311
 Мономахов Д. С. 178–180, 190, 219, 238–240, 272, 289, 303, 308–309, 311
 Москвич А. Г. 107–108, 113
 Муссолини Б. 97, 103
 Мягков А. Г. 17, 31, 184
- Неволин М. – см.: Лопшиц М. Я.
 Николаев Л. 236
 Николаевский Б. И. 59
 Николай Николаевич, вел. кн. 60, 62–70, 77, 81, 96, 101, 104, 115–116, 120–121, 137, 143, 145, 150, 152, 181–182, 203–204, 217–218, 224–226, 230, 240, 243–244, 256, 258, 263, 265, 280
 Никулин Л. В. 9, 50, 52, 64, 68, 71–72, 119–120, 125–128, 131–132, 135–137, 140, 144–145, 172, 209, 271, 173
 Новиков А., протоиерей 123, 165
 Новиков В. Н. 97
- Оболенская 289
 Оболенский Н. Л. 184
 Одинец Д. М. 17, 184
 Ольшевец М. О. 93
 Опанский И. К. 190, 192, 236, 254, 292–293
 Опперпут Э. (А.) О. 8–31, 33–56, 58, 64–65, 71–72, 91, 103, 119–128, 130–176, 179–189, 192, 195–222, 224, 228, 231–232, 234,

- 237–239, 243–247, 250–255,
257, 259, 261–262, 264, 268–273,
275–276, 282–301, 303, 305–
307, 310–316
- Опперпут Ф. О. 25, 175
- Оречкин Б. С. 152
- Орлов 43–44
- Орлова 44
- Орсини – см.: Демидов П. П. (140)
- Павловский С. Э. 38–39, 157, 163
- Панина А. Л. 50
- Папчинский А. А. 50–51, 56, 60, 149
- Паукер К. В. 308
- Перегудова З. 50
- Перемыкин (Пермикин) Б. С.
- Петерс Ю. (Вознесенский Н. Н.)
178–180, 189, 205, 207–213, 215,
218–219, 222, 235, 239, 254, 283,
289, 303–305, 312
- Петерс Я. Х. 214, 308
- Петров Е. 102
- Петров И. – см.: Вяха Т.
- Петровский Г. И. 192
- Пешкова Е. П. 194
- Пилсудский Ю. 128–129
- Пильский П. М. 158
- Пиотух М. 56
- Пирро А. 212
- Погодин Н. Ф. 237
- Пожарский М. 30
- Поливанов К. М. 69
- Полнер Т. И. 116
- Полунин А. 225
- Полянский А. И. 57
- Потапов Н. М. 63, 65, 70, 120–121,
125–127, 136, 138–143, 146,
153–154, 166, 172–173, 179, 224,
289–290
- Потоцкий 32
- Прохоров Д. П. 57, 180
- Прянишников Б. В. 140, 180, 218,
221, 232, 309–311
- Пузицкий С. В. 55, 57
- Пушкарева И. 50
- Пятаков Г. Л. 61
- Рабинович – см.: Якушев А. А.
(121)
- Рабкор Н. А. 122
- Равдин Б. А. 10, 243, 260
- Радзивилл 44
- Радкович (Радкевич) Г. Н. 10, 52,
63–65, 70–72, 103–104, 125,
136–137, 139–140, 146, 179–
180, 232–233, 238–240, 267–
274, 276–277, 282–283, 291, 303,
308–312
- Рамишвили Н. В. 214
- Реденс С. Ф. 150
- Рейли С. Г. 66, 70–72, 75, 78, 128,
130, 135, 166, 170–171, 174–175,
177, 191–193, 195, 198–201, 235,
237, 244, 247, 257, 259, 273,
290–291, 302, 307–308
- Ремезников А. В. 19–20
- Ринг – см.: Опперпут Э. О. (121)
- Ровнова 206, 208, 304
- Родзевич К. Б. 184
- Розанова-Синяевская М. В. 10
- Розенстрем Г. Е. 178–179, 239–240,
303
- Роллер К. Ф. (Чиллек Л.) 55
- Романский А. 58
- Рославцева 146, 164, 299
- Росс 150, 207, 239, 289–290
- Росселевич М. Я. 163
- Рудин А. К. 31, 36–40, 152, 155–161,
183, 185, 202, 213
- Рыбас С. Ю. 69, 138, 166, 177, 180,
182, 218
- Рыков А. И. 192
- Рысс П. Я. 116, 147
- Рыук Ф. Д. 284
- Саблин Е. В. 144
- Савелов – см.: Опперпут Э. О.
- Савин (Саволяйнен) И. И. 158, 166,
182–183, 189, 235, 311
- Саволяйнен-отец, И. 311

- Савинков Б. В. 13–19, 21–24, 26–27, 29, 31–37, 40–45, 65, 70, 76–77, 110, 128, 150–152, 155–157, 159–161, 163, 165, 167–168, 184, 233, 253, 260, 286, 288, 293, 296–297, 302, 307, 313
- Савинков В. В. 14, 17, 27, 31, 35–38, 40–44, 155, 157, 184
- Савкин И. 68
- Салтыков А. А. 266
- Самойлов В. А. 234
- Свириденко Ю. П. 180
- Секундо Э. 10
- Селищев А. М. 109
- Селянинов – см.: Опперпут Э. О.
- Семенов Ю. Ф. 278
- Сергий, митрополит 122
- Серебренников Н. В. 110
- Серебрянский Я. И. 57
- Серов – см.: Дорожинский (140)
- Серов В. С. 122
- Семенов (Васильев) Г. 46
- Синявский А. Д. 10
- Скалон М. Н. 70
- Скирмунт К. 17
- Смелов 42
- Соколов П. П. 240
- Соколов С. А. – см.: Кречетов С. А.
- Соллогуб-де-Войно (Соллогуб-Довойно) С. 17, 44
- Соловьев Н. Е. 234–235
- Соловьев С. В. 158, 178–180, 190, 219, 234, 239, 289, 303, 312
- Соловьева Л. В. 235
- Сольский А. А. 178–179, 234–235, 237, 239–240, 303, 306, 307, 312
- Сосновский (Добржинский) И. И. 55–56, 173
- Спекторский П. И. – см.: Опперпут Э. О. (159)
- Сталин И. В. 62, 142, 192, 287, 290
- Стауниц (Штауниц) – см.: Опперпут Э. О.
- Столыпин П. А. 101, 103, 116
- Строганов В. 38–39
- Строевой Н. П. 234
- Струве Г. П. 79, 174, 248, 257, 267, 285
- Струве Н. А. 257
- Струве П. Б. 61, 75, 79–82, 85–87, 89–91, 96–97, 112, 117–119, 144–145, 155, 173, 183–185, 201–203, 205, 223, 225, 227–228, 230, 233, 244, 247–248, 250–253, 255–259, 265, 267, 269, 273, 276–278, 281–282, 302–303
- Стырне В. А. 54, 66–67, 69–71, 123, 146, 164–165, 173, 299
- Суворин Б. А. 72
- Суворин М. А. 255
- Сувчинский П. П. 255
- Судоплатов П. А. 57
- Судоходов 42
- Сусалин И. М. 137–138, 193, 271
- Таганцев В. Н. 24–31, 36, 150, 163, 286
- Таликовский М. М. 148–150, 288
- Тихон, патриарх 122
- Толстой А. К. 79
- Трилиссер М. А. 95, 287, 289, 308
- Троцкий Л. Д. 62, 121
- Труба 193
- Гумшис М. А. 50–51, 56, 60, 149, 308
- Турицев А. А. 184
- Турчинович С. В. 296–297
- Тухачевский М. Н. 20
- Тютюник Ю. 163, 165, 307
- Уайт 193
- Ульрих В. В. 234–236, 240, 307–308
- Уляницкий В. В. 31
- Упелинц А.-Э. – см.: Опперпут Э. О. (9)
- Упелинц (Упелинцис) Р. О. 10, 39, 180, 299–300
- Усилд 193
- Устинов А. Б. 69

- Федоров А. — см.: Якушев А. А. (61)
Федоров М. М. 116
Философов Д. В. 18, 21, 27, 150,
168, 184, 253
Фитовский 149
Флейшман Е. А. 10
Флейшман Л. С. 69, 260
Флейшман Э. 10
Флейшман Р. 10
Фомичев И. Т. 157
Фуше Ж. 231
- Хлопушин А. 240
Хольмсен И. А. 62
Хямяляйнен Э. 189
- Цуриков Н. А. 80, 273–277, 282,
303, 311
- Чавчавадзе Д. 214
Чайковский Н. В. 107
Чебышев Н. Н. 61, 63, 70, 76, 78, 82,
91–93, 108, 121, 154, 166, 189–
190, 198, 200, 218, 223–225, 234,
254, 261, 265, 278–280, 312
- Чернов В. М. 232
Черняев В. Ю. 31
Черчилль У. 192, 199–200
Чихачев В. С. 91
Чичерин Г. В. 17, 18, 31, 285
Чубарь В. Я. 192
- Шарин — см.: Шорин
Шатилов П. Н. 182, 203–204, 209,
213, 222, 226–227, 232, 234, 245,
280–281
Шварцбард С. 267
Швецов 240
Шевеленко И. Д. 69
Шенталинский В. А. 21–22, 33
Шингарев В. А. 184
Ширвиндт М. Л. 190
Ширинский Ю. А. 49
Шлегель К. 10
- Шмид В. 10
Шмид И. 10
Шмидт — см.: Арапов П. С. (68)
Шорин 10, 136–137, 180, 234–235,
239, 312
Штемпель В. 10
Штемпель Э. 10
Шульгин В. В. 7–9, 49, 61, 73, 75–
121, 123, 127–128, 136, 147, 150,
172–173, 175, 195–201, 222–
232, 243–245, 247–250, 253,
255–262, 264–270, 273, 275,
290–292, 310, 315
Шульц А. Э. 284
Шульц М. — см.: Захарченко-
Шульц М. В.
- Щегловитов С. В. 121
Щелгачев В. И. 59, 224, 284
Щербатова Е. С. 210, 285
Щербатова И. С. 210, 285
Щербатова М. С. 210, 285
Эльвентрен Г. Е. 17, 27, 29–31, 36,
43–45, 53, 168–170, 193–195,
212, 236, 289–290, 294, 302
- Эммонс Т. 40
Эфрон С. Я. 184
- Яблоновский А. А. 85, 111, 185
Ягода Г. Г. 206–209, 217–218, 221,
276, 305, 308
Якушев А. А. 9, 49–53, 55, 58–59,
61–63, 65, 68–71, 76, 81, 90, 92,
99–101, 103–104, 119–126, 128–
130, 135, 137–138, 140, 142–143,
154, 166, 173, 200, 218, 224, 232,
234, 244, 246, 256–257, 259–261,
264, 275–276, 289–290
Янсен М. 13, 46
- Andrew Chr. 175
Bączkowski W. 130
Bailey G. 128–130, 138, 146, 174,
218, 277, 309

Blackstock P.W. 63, 135, 137–138,
217

Blumbers A. 214

Drymmer W.T. 129, 154

Gordievsky O. 175

Grant N. 49, 59, 130, 150, 174–175

Michniewicz W. 150

Opperput-Upeline A. 10, 39, 140

Pipes R. 61, 81

Poiget Ph. 227

Wraga R. 51, 59, 102, 130, 136, 148–
150, 174, 217, 302, 307

Указатель наименований периодических изданий

- Белое Дело. Летопись белой борьбы (Берлин) 86–88
- Борьба за Россию (Париж) 116–118, 250–251, 253–254, 263, 267–273, 276, 291
- Возрождение (Париж) 72, 75–76, 78–80, 82, 85–91, 93, 95–97, 111–112, 138, 144–145, 154–155, 166–167, 173, 176, 183–186, 189, 192, 194–195, 201–202, 218, 221, 223, 227–228, 233–234, 247–248, 252, 254, 259–261, 266, 272, 278–279, 281–284, 286, 306, 309
- Голос России (Берлин) 32, 37
- Дни (Берлин-Париж) 83–84, 89, 176, 244, 250, 254–255, 262, 263, 265–266, 273, 286, 300–301
- Еженедельник Высшего Монархического Совета 59
- Знамя Борьбы (Берлин) 107
- Известия (Москва) 29, 57, 93, 143, 194–195, 206, 209, 221, 234, 236–240, 272, 301, 307, 309
- Иллюстрированная Россия (Париж) 69, 243, 256, 262–263, 290, 302, 305
- Красная Газета (Ленинград) 190
- Международная Жизнь (Москва) 58, 307
- Новое Время (Белград) 75, 234, 249, 255–256, 273
- Последние Новости (Париж) 32, 37, 85, 87, 107, 115–116, 118, 144–145, 151–155, 162, 176, 185, 190–192, 194, 219–220, 246–248, 256, 264–266, 284, 290
- Правда (Москва) 36, 93–95, 143, 191–194, 206, 237, 301, 307, 309
- Революционная Россия 217, 232, 254, 286–291
- Россия (Белград) 111
- Россия (Париж) 104, 233, 248, 252–253, 256–259, 263, 273–278, 282–283, 285, 302–303
- Руль (Берлин) 19, 87, 93, 110, 113–115, 145, 151, 167, 194, 234–235, 248–249, 272, 283, 286
- Русская Газета (Париж) 75
- Русская Мысль (София-Прага) 86, 252
- Русское Время (Париж) 167
- Русь (София) 75, 95
- Свобода (За Свободу!) (Варшава) 13–15, 19, 26, 31, 80, 118–119, 151, 167, 254, 289
- Сегодня (Рига) 23–25, 53, 84–85, 87–89, 104, 114–115, 152–153, 155–169, 172–173, 176, 182–184, 195, 210–216, 219, 237–238,

- 244–246, 255, 259–262, 271,
273, 277, 284, 286, 290–299, 301,
306, 309–311, 316
- Сегодня Вечером (Рига) 210, 213–
215, 290
- Слово (Рига) 88, 95, 111, 115, 180,
185, 284–286, 299–300
- Hufvudstadsbladet 145–146, 207, 235,
306
- Latwijas Sargs 214
- Morning Post 254
- The Slavic Review 104
- Uusi Suomi 146, 207

Содержание

Вступление	7
Глава 1 ОППЕРПУТ-СЕЛЯНИНОВ В САВИНКОВСКОМ СТАНЕ	11
Глава 2 ОППЕРПУТ СТАНОВИТСЯ СТАУНИЦЕМ	47
Глава 3 ШУЛЬГИН О «ТРЕСТЕ»	73
Глава 4 СТАУНИЦ СТАНОВИТСЯ ОППЕРПУТОМ	133
Глава 5 ГИБЕЛЬ И ВОСКРЕШЕНИЕ ОППЕРПУТА	187
Глава 6 ВОСКРЕШЕНИЕ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ОППЕРПУТА	241
Заключение	313
Именной указатель	317
Указатель наименований периодических изданий	325

ЛАЗАРЬ ФЛЕЙШМАН

Из истории журналистики русского Зарубежья

Том 1

В ТИСКАХ ПРОВОКАЦИИ

Операция «Трест» и русская зарубежная печать

Редактор *Е. Мохова*
Художник *В. Передерий*
Корректор *Э. Корчагина*
Верстка *В. Дзядко*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел. (095) 976-47-88
факс (095) 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
<http://www.nlo.magazine.ru>

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Печ. л. 20,5. Зак. № 1081.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

HISTORIA ROSSICA

ОПЕРАЦИЯ «ТРЕСТ» И РУССКАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПЕЧАТЬ

Книга известного литературоведа, профессора Стэнфордского университета Лазаря Флейшмана освещает историю «Треста» — одной из самых известных контрразведывательных операций ГПУ (1922–1927) — в контексте идейных и политических споров, происходивших в русской эмигрантской среде, и не только в газетах, но и в частной переписке, личном общении и т.п. Впервые подробно показано, насколько масштабным было влияние «чекистов» на прессу русской диаспоры. Результаты анализа позволяют автору дать новое истолкование известных исторических событий, которые стали сенсацией для современников — таких, например, как тайная поездка монархиста В.В. Шульгина в Советскую Россию зимой 1925–1926 гг. или разоблачение советской провокации секретным сотрудником ГПУ Э.О. Опперпутом в 1927 г. Книга помогает по-новому понять общественно-политические процессы, происходившие в среде русской эмиграции, и скрытые взаимосвязи между событиями в Европе и, казалось бы, наглухо отгородившемся от нее Советском Союзе.

ISBN 5-86793-247-8

9 785867 932473 >